

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Институт гуманитарных исследований и проблем
коренных малочисленных народов Севера СО РАН
Университет Арктики

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВ, ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*Сборник научных трудов к 60-летию юбилею
Петрова Александра Александровича, доктора филологических наук,
отличника образования РС(Я), Почетного работника
высшего профессионального образования РФ*

Якутск
2018

УДК 81
ББК 80

Редакционная коллегия:

А.А.Винокурова, к.филол.н., доцент (отв. редактор),
А.А.Петров, д.филол.н., профессор,
С.И.Шарина, к.филол.н., доцент

Современное состояние и перспективы изучения языков, фольклора и литературы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / [Редкол.: Винокурова А.А. и др.]. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2018. – 1 электрон. опт. диск.

ISBN 978-5-7513-2622-7

Статьи сборника посвящены актуальным вопросам североведческой науки – проблемам сохранения и развития языков, фольклора и литературы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В них также отражены исследования, посвященные истории, культуре и творческим связям Санкт-Петербурга и Республики Саха (Якутия).

Материалы сборника адресованы бакалаврам, магистрам, аспирантам, филологам, историкам, фольклористам, этнологам, искусствоведам, культурологам, а также всем, кто интересуется вопросами языка и культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

УДК 81
ББК 80

ISBN 978-5-7513-2622-7

© Северо-Восточный федеральный
университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Винокурова У.А.</i>	
Борец за исчезающие языки.....	8
<i>Белолобская В.Г.</i>	
Когда по жизни рядом – Амга и Нева.....	12
ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	19
<i>Петров А.А.</i>	
Тунгусо-маньчжурские языки в начале XXI века.....	19
<i>Шарина С.И.</i>	
Эвенская лексикология: становление и развитие	29
<i>Курилов Г.Н.</i>	
О некоторых интересных результатах этимологического анализа слов юкагирского языка	35
<i>Бурыкин А.А.</i>	
Интердисциплинарные сюрпризы (Заметки о книге Чайковского Ю.В. «Мысы Ледовитого напоминают. Исторические очерки и повесть». – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2015. – 400 с.).....	40
<i>Габышева Л.Л.</i>	
Полисемия якутских соматизмов в лингвокультурологическом аспекте	57
<i>Куликова И.В.</i>	
“Женские” междометия в чукотском языке	65
<i>Иванищева О.Н.</i>	
Саамский язык: проблемы лексикографического описания.....	68
<i>Мальчуков А.Л.</i>	
К вопросу о критериях разграничения сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в тунгусо-маньчжурских языках (на материале эвенского)	74
<i>Венстен Ш.</i>	
Отглагольные прилагательные на -(ы)кин(э)-/-(ы)кэн(а)- в чукотском языке.....	81

<i>Павлова И.П.</i>	
Репрезентация концепта “огонь” в русских старожильческих говорах Якутии	88
<i>Прокопьева А.Е.</i>	
Образование причастия колымского диалекта юкагирского языка посредством аффикса -л	93
<i>Курилова С.Н.</i>	
Реализация аттенуативности словообразовательными средствами в юкагирском языке	100
<i>Степанов А.П.</i>	
Современное состояние эвенского литературного языка и перспективы развития	106
<i>Лукина М.П.</i>	
Особенности словообразования в тундренном диалекте юкагирского языка	115
<i>Кузьмина Р.П.</i>	
Частицы в нижнеколымском говоре эвенского языка	122
<i>Захарова Н.Е.</i>	
Человек: исследование ассоциативных полей как овнешнений образов языкового сознания носителей эвенкийской и русской лингвокультур	127
<i>Горбунова Я.Я.</i>	
Фразеологизмы с оценкой человека в языковой картине мира русских старожиллов Якутии	132
<i>Никанорова А.В.</i>	
Көрдөрөр-иһитиннэрэр эйгэбэ туттуллар “клише” нууччалыы-сахалыы дьүөрэтэ.....	138
ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	141
<i>Варламова Г.И.</i>	
Изучение фольклора народов Севера: история и современность	141
<i>Павлова О.К.</i>	
Олонхо северо-восточной эпической традиции: особенности и отличия	151
<i>Корякина А.Ф., Борисов Ю.П.</i>	
Современное состояние эпической культуры в Центральной Якутии.....	157

<i>Потапова Е.А.</i>	
Мотив “Девушка и луна” в фольклоре палеоазиатов.....	166
<i>Чжан Фан</i>	
Особенности традиций и обычаев эвенков Якутии и Китая	171
<i>Березницкий С.В.</i>	
Чукотские мифы об островах Северо-Восточной Азии и библейские сюжеты о заселении Америки: изыскания Ф.Плениснера в XVIII веке	175
<i>Иванова В.С.</i>	
Сущность души или душ человека по мировоззрению северных манси ...	181
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ): ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ	189
<i>Ефремов Н.Н.</i>	
Санкт-Петербург и В.Н. Васильев: жизнь и деятельность якутского этнографа	189
<i>Никифорова С.В.</i>	
Санкт-Петербургский государственный институт культуры в исследовании культуры региона	196
<i>Баишева М.И.</i>	
РГПУ (ЛГПИ) им.А.И.Герцена – вуз особого качества по сути научно-педагогической деятельности.....	207
<i>Роговер Е.С.</i>	
А.А. Петров – замечательный ученый, крупный организатор и неутомимый труженик	216
<i>Корякина Т.Н.</i>	
Санкт-Петербург – Якутия: литературные связи.....	221
<i>Мызников С.А.</i>	
Организатор, исследователь, педагог	227
<i>Мацук М.А.</i>	
Профессор А.А. Петров – член редколлегии и автор научного журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий».....	234
<i>Харламьева Н.К.</i>	
Научная дипломатия: граница современных гуманитарных связей на примере профессиональной и общественной деятельности профессора А.А. Петрова.....	239

**КУЛЬТУРА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА,
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ244**

Винокурова Л.И.

К истории исследования языков кочевников Севера:

Хатанго-Анабарский этнографический отряд 1928-1929 гг.244

Чернышова С.Л.

Аспекты изучения музыкально-песенного танцевально-пластического фольклора коренных малочисленных северных этносов (на примере научно-исследовательской деятельности профессора А.А. Петрова)251

Жожиков А.В., Жожикова С.И.

Языки и культура коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ в мировом информационном пространстве259

Варавина Г.Н.

Орнаментальная культура эвенов и эвенков: словарь знаков-символов (Семантика и геоландшафтный образ)265

Петухова А.А.

Использование культурного наследия коренных малочисленных народов Севера в создании туристских маршрутов в Республике Саха (Якутия).....275

Шапошникова Е.Е.

Национальный костюм коренных малочисленных народов Севера в произведениях якутских художников282

Николаева Л.В.

Этнокультурные традиции как основа духовно-нравственного развития личности в народной педагогике этносов Республики Саха (Якутия).....290

Яковлева С.С.

Воспитание патриотизма у детей старшего дошкольного возраста в процессе ознакомления с народным декоративно-прикладным искусством Якутии298

Таксами Н.Ч.

Шелковый путь в Арктику через аборигенные территории303

Булгакова Т.Д.

Звуковая маска как миметическое явление шаманской культуры.....310

Винокурова М.А.

Значение межкультурной коммуникации в системе высшего образования ...316

Николаева Л.В., Портнягина Г.Д.

Традиции старинной северо-русской культуры в арктическом селе
Русское Устье 320

**ЛИТЕРАТУРА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА,
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 327**

Огорокова В.Б.

Найдутся ли пути выживания литератур и народов 327

Винокурова А.А.

Ритмическая структура поэзии В.Д. Лебедева 330

Хазанкович Ю.Г.

Литературы народов Севера до и после революции: проблемы современной
рефлексии 337

Архипова Е.А.

Андрей Кривошапкин «Охотник Тормита» сэхэнин сүрүн
геройун уобараһа 349

Исакова С.А.

Стилевые особенности ранних рассказов Е.Айпина
(на материале сборника «Клятвопреступник») 353

Олесова М.А.

«Чолбон» сурунаалга фольклор айымньытын тылбааһа 362

Габышева Т.Т.

Природные концепты в повести Галины Кэптукэ
«Имеющая свое имя, Джелтула-река» 367

Софронеев П.Л.

Особенности изображений охотничьих традиций в повести
А. Кривошапкина «Охотник Тормита» 374

Кондратьева С.А.

С. Курилов уонна Г. Дьячков айымньыларыгар төрөөбүт дойдуга
таптал 378

ПРЕДИСЛОВИЕ

БОРЕЦ ЗА ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЯЗЫКИ

Отношение к языку является одной из самых чувствительных сторон общения людей. И недавние проверки добровольности изучения языков народов республик вызвали шквал неприятия со стороны крупных наций России. Политологи отметили повышение температуры межнациональной напряженности, так как никто из титульных народов не хочет быть гробовщиком родного языка, чтоб навлечь на себя проклятие предков.

Между тем острее языковой проблемы находится в другой плоскости. Это реально исчезающие языки малочисленных народов. В настоящее время в мире существует более чем 6000 языков, на которых все еще говорят люди. По прогнозам лингвистов, только 10% из них уцелеют к концу следующего столетия. Ежегодно вымирают десятки языков. Это значит, исчезают целые языковые миры, скудеет культурное многообразие человечества, созданное его коллективным разумом. И это в наш век интеллектуального могущества, когда готовы клонировать и оживить животных и растения, погибшие миллионы лет тому назад! Антигуманно безучастно наблюдать, как народы лишаются родных языков. Настоящий Человек, прежде всего, ценит культурное наследие и достояние своих и других народов, готов помочь нуждающимся культурам в их сохранении и развитии. Например, в Японии действует закон, поддерживающий всех, кто помогает народу айны восстановить язык и культуру.

Часто бывает так, что кропотливая работа по спасению языков подавляется сиюминутными мотивами в выборе языка изучения. Особенно когда речь идет о языке малочисленного народа. Мало кто хочет ему помочь, более того, появляется много желающих отвернуться от него. Спешат написать заявление: освободите моего умньего ребенка от изучения родного языка, государственного языка республики, нам он не нужен, он не кормящий язык. Будто это сено в яслях коровника... Забывают, что одной из главных причин распада СССР была языковая

глухота государствообразующей нации. Не получилась двухсторонняя языковая интеграция советских народов, и развалилась наша Вавилонская башня, под фундамент которой были положены миллионы жизней. А теперь, похоже, ретивые служивые опять взялись повторять старые ошибки.

Языки – духовный цемент взаимопонимания народов. И язык национального меньшинства укрепляет фундамент общего дома. А для этого нужны подвижники, духовно щедрые люди с гуманитарной миссией. Одним из таких людей мы признаем Александра Александровича Петрова, доктора филологических наук, профессора Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Наш земляк, родом из Амгинского улуса. Наша гордость. Потому что он сорокалетней неустанной трудовой, научной и организаторской деятельностью доказал приверженность гуманитарным ценностям спасения исчезающих языков и возможность восстановления языковой идентичности.

Талантливый юноша-якут выбрал себе путь изучения тунгусских языков в начале 70-х годов, когда все были устремлены на созидание новой исторической общности – советского народа с единственным русским языком обучения и общения. Он не сворачивал с этого пути, несмотря ни на какие препятствия. И прошел путь от студента до директора Института народов Севера. Это первый успешный опыт деятельного подвижничества представителя народа саха в пользу малочисленного народа Севера. И хочется, чтоб его достойный пример стал достоянием родного народа. А народы Севера хорошо знают Александра Александровича, видят в нем надежный оплот и борца за исчезающие языки.

Такой авторитет дорогого стоит. Это результат рискованных поездок по бездорожью в пургу и полярные ночи к стойбищам оленеводческих народов, чтоб услышать живое звучание исчезающего языка и передать его в аудиториях университета новому поколению северян, разработать учебники и пособия, ввести в научный оборот сокровища интеллекта и культур тунгусо-маньчжурских, тюркских, уральских и палеоазиатских народов. Это результат огромной организаторской работы по подготовке специалистов и ученых из числа самих коренных народов.

В 2001 году, в период модернизации высшей школы, ему удалось, как говорится, «поймать волну» и преобразовать факультет народов Севера, где с 1998 года работал деканом, в Институт народов Севера, тем самым продвинуть на более высокий уровень педагогическое и научное наследие великих предшественников В.Г.Богораза, Л.Я. Штернберга и др. Создание института, где собралась лучшая молодежь народов Севера, открыло новые перспективы для их профессионального и личностного развития. Александр Петров вместе со своими единомышленниками разработал систему подготовки кадров высшей квалификации из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в новых социально-экономических условиях.

Язык и культура могут сохраниться и развиваться лишь при условии формирования интеллектуальной элиты, говорящей и творящей на родных языках. И Александр Александрович добился открытия диссертационного совета в 2000 году и возглавил его. Начался совершенно новый этап в подготовке ученых из числа коренных народов Севера. Кандидатские диссертации защитили: по саамскому языку – ханты С.Н. Терешкин, по нанайскому языку – нанайка Л.Ж.Заксор, по хантыйскому языку – ханты В.Я. Ядобчева-Дресвянина, З.С. Рябчикова, по корякскому языку – корячки В.Р. Дедык, О.Л. Болотаева, по эскимосскому языку – Т.П. Головацкая, по ненецкому языку – ненки Р.И. Лаптандер, Г.И. Вануйто, по юкагирскому языку – С.Н. Курилова, М.П. Лукина, по хантыйской литературе – хантыйка Л.П. Миляхова, по эвенкийской литературе – эвенкийка Э.В. Иванова, по эвенской литературе – эвенка А.А. Винокурова и др.

Александр Александрович Петров остается истинным патриотом родной республики. При его непосредственном участии для Республики Саха (Якутия) подготовлено не одно поколение специалистов высшей квалификации, успешно работающих в различных отраслях народного хозяйства республики. В разные годы он способствовал и помогал становлению таких известных ученых Республики Саха (Якутия), как заслуженные деятели науки РФ, доктора наук этнограф А.И.Гоголев, лингвист В.А.Роббек, искусствовед Ю.И. Шейкин, психолог и социолог У.А.Винокурова, этнохореограф А.Г.Лукина, филолог-юкагировед Г.Н.Курилов, исследователи якутского языка С.А.Иванов, Н.Н.Ефремов

и др. В диссертационном совете, возглавляемом А.А.Петровым, успешно защитили диссертации соискатели из Республики Саха (Якутия): докторскую по языку – долган Н.М.Артемьев, кандидатские по этнографии народов Севера и якутов – В.С.Акимова, С.А.Алексеева, Е.И.Корнилова, по проблемам долгано-русского билингвизма – Т.С.Федорова (Назмутдинова), по эвенскому языку – эвен Г.В.Роббек, эвенки Е.В.Нестерова, Р.П.Кузьмина, С.Н.Саввинова, И.И.Садовникова, по юкагирскому языку – юкагирики С.Н.Курилова, М.П.Лукина, по эвенской литературе – эвенка А.А.Винокурова и др. Целой плеяде молодых ученых-якутян он дал путевку в жизнь, оказав реальную помощь и поддержку в качестве официального оппонента, рецензента или редактора. С благодарностью приняли его поддержку доктора филологических наук И.Н.Новгородов, Ю.Г.Хазанкович, Л.Л.Габышева, доктор педагогических наук Е.П.Никифорова, доктор социологических наук У.С.Борисова, кандидат исторических наук Н.К.Харлампьева, кандидат социологических наук А.В.Кривошапкин, кандидаты искусствоведения В.В.Тимофеева, Т.В.Павлова, кандидаты педагогических наук Р.С.Никитина, М.В.Мучин, М.П.Алексеева, Л.С.Пахомова, Р.П.Софронов, И.Н.Санникова, кандидаты культурологии Н.С.Попов, Л.А.Кузьмина, Л.Е.Сидорова, кандидаты филологических наук В.Г.Белолобская, С.И.Шарина, И.П.Павлова, Е.С.Руфова, Н.В.Малышева, А.М.Баишева, М.П.Дьяконова и др.

А.А.Петров проводит большую общественную работу как член секретариата Санкт-Петербургского отделения Академии Северного форума, Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, культурного общества «Саха-Нева», руководитель Лиги молодых ученых Севера. Он всегда чутко отзывается на проблемы земляков и северян в Санкт-Петербурге. Его дружная семья давно исполняет роль своеобразного якутского постоянного представительства, где царит истинно северное гостеприимство и внимание. Человек устроен так, что когда вспоминает какой-то город, то он проявляется в образе добрых и интересных ему людей. Уверенно можно утверждать, что для многих якутян, кто бывал в городе на Неве, перед глазами возникает открытое внимательное лицо Александра Александровича Петрова, чутко прислушивающегося к заботам земляков.

20 декабря ведущему ученому-исследователю тунгусо-маньчжурских языков, Почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации А.А.Петрову исполнилось 60 лет. И в это замечательное мгновение жизни хочется обратиться сыну народа саха заветный алгыс Алексея Кулаковского:

Зазнавшихся, побеждая, – смири,
Буйно-могучих приостанови,
Коварных, хитрых перехитри, пересиль!
Над маслом
Пусть вода не всплывает,
Над хорошим
Да не поднимается плохое, худое.
Над правдой
Пусть не поднимется ложь!

*Винокурова Ульяна Алексеевна, д.социол.н.,
заслуженный деятель науки РС (Я),
лауреат Государственной премии РС (Я).*

* * *

КОГДА ПО ЖИЗНИ РЯДОМ – АМГА И НЕВА...

Ырыаҕа ылламмыт, хоһоонцо хоһуйуллубут, сүүһүнэн сылла-ры унуордаан, Аллан хайаларын, сис тыаларын сыйан, киэң налыы сыһыылары намыннык кэрийэ таарыйталаан ааһыталыыр Кыыс Амма барахсан сырдык дьэңкир уутун дуоһуя ыймахтаан улааппыт, Амма Эбэ Хотун сардаана сарданаалаах биэрэгэр биэбэйдэнэ оонньообут, өңтөрүт Амма сиригэр күн сирин көрбүт Саха сирин чулуу уола Александр Петров, төрөөбүт күңнүнэн эбэрдэ буолуохтун!

Видный учёный-тунгусо-маньчжуровед, автор многочисленных научных трудов по традиционной национальной культуре народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, доктор филологических наук, профессор Александр Александрович Петров родился 20 декабря 1957 года в Амгинском районе Якутской АССР.

Родина Александра Александровича – Амга – известна под названием «жемчужина якутской природы». Широкие поля, украшенные оранжевыми цветами сарданы, благоухающие спелой земляникой рощи и перелески, белоствольные берёзы и хрустальноводная Амга-река. Здесь родились, жили и живут замечательные люди. Отсюда шагнул в мир науки видный учёный-этнограф Васильев В.Н., работавший в Кунсткамере и в Русском музее Санкт-Петербурга. Широко известны собранные им этнографические коллекции о жизни народов Западной Сибири и Дальнего Востока, Японии. В этом году ему исполнилось 140 лет. Через Амгу проезжал писатель Иван Гончаров, здесь отбывал ссылку В.Г.Короленко. В Амгинском районе родился советский учёный-физик, академик АН СССР Л.В.Киренский. С Амгой связаны имена ярких представителей якутского народа – поэтов, писателей, артистов, художников, журналистов: В.М. Новикова-Кюннюк Урастырова, У.Нохсорова, Е.Захаровой, Е.Ивановой, В.Ноева, О. Ивановой, Н.Чигиревой, Д.Наумова, Матвея и Федора Лобановых, В.Харысхала, О.Сидорова и др. И детство Александра Петрова прошло в местности Лээги Амгинского района, а после школы он соединил свою судьбу с прекрасным городом на Неве – Ленинградом. Для него по жизни всегда рядом были Амга и Нева, словно сёстры родные.

Петров А.А. в 1980 году окончил Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт им. А.И.Герцена (ныне РГПУ им. А.И.Герцена) по специальности «Учитель русского языка и литературы, эвенского языка и литературы народов Севера, Сибири и Дальнего Востока средней школы».

В 2003 году, окончив Северо-Западную Академию государственной службы при Президенте РФ, он получил специальность «Социальная работа». С 1980 по 1982 год служил в рядах Советской Армии в Карелии. А.Петров, отличник боевой и политической подготовки, за достигнутые успехи при выполнении воинских обязанностей был награждён грамотами командования военного округа.

Александр Александрович к тому времени имел опыт практической работы со студентами и молодёжью, которые учились в Ленинградском ордена Трудового Красного Знамени педагогическом институте им. А.И.Герцена. Здесь Александр Александрович Петров под руковод-

ством корифеев отечественного североведения получил бесценные навыки научной и педагогической работы, что стало крепким стержнем его жизни.

Его педагогическая и научная деятельность началась с должности преподавателя-стажёра, затем ассистента кафедры алтайских языков и методики преподавания ФНКС.

В 1984 году в Якутском журнале «Полярная звезда» была напечатана первая научная статья молодого исследователя. Она была написана на основе полевых материалов экспедиционной поездки в Момский район Якутской АССР. Отметим, что здесь определилась и тема будущих его научных исследований. А статья называлась «Момский вариант запева хээдьэ».

С 1982 по 1985 год он учился в аспирантуре кафедры языков, фольклора и литературы народов Крайнего Севера ЛГПИ им. А.И.Герцена. Научным руководителем была известный тунгусовед, кандидат филологических наук, доцент Нина Ивановна Гладкова.

В эти годы на факультете народов Крайнего Севера под руководством известного хореографа Т.Ф.Петровой-Бытовой работал студенческий танцевальный коллектив «Северное сияние», постоянным участником которого был и А.Петров. В составе ансамбля он неоднократно ездил в Норвегию, Францию, Италию, Финляндию. Т.Ф.Петрова-Бытова возложила ответственность художественного руководителя ансамбля на своего ученика. Студенческий ансамбль является активным участником многочисленных международных, российских, региональных смотров, фестивалей, а также научно-практических семинаров и конференций.

В 1988 году А. Петров успешно защитил кандидатскую диссертацию по специальности 10.02.02 – Языки народов СССР на тему «Лексика духовной культуры эвенков (народное искусство и обряды)»

С 1989 по 1995 год он работал доцентом кафедры алтайских языков и методики преподавания.

В 1990 году Александру Александровичу присвоено учёное звание доцента. А в 1998 году Александр Александрович защитил докторскую диссертацию на тему «Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов» по специальности 10.02.02 «Языки народов РФ» и 10.02.06

«Тюркские народы». Защита была осуществлена на основе научного доклада, представляющего совокупность опубликованных трудов исследователя.

Профессор Петров свою многолетнюю научно-исследовательскую деятельность удачно совмещает с педагогической работой.

С 1990 по 1994 год он был заместителем декана, с 1999 по 2001 год работал деканом факультета народов Крайнего Севера (ФНКС), а в 2001 – 2009 гг. стал одним из организаторов, а затем и директором Института народов Севера (ИНС) РГПУ им. А.И.Герцена.

Благодаря его организаторскому таланту и неутомимой энергии в эти годы Институт народов Севера углубил и расширил учебно-методический, научно-исследовательский потенциал, установил сотрудничество со многими научными, учебными заведениями России и зарубежных стран.

Отдельным планом шла работа по установлению тесного взаимодействия с регионами России, где проживают коренные малочисленные народы Севера: это – Бурятия, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Магаданская область, Хабаровский край, Чукотка, Сахалин, Якутия и др. Постоянные переговоры, положительные и отказные отклики, продолжительные организационные мероприятия требовали огромных усилий, выдержки, терпения, сосредоточенности. Многие научные, культурно-образовательные мероприятия, организуемые Якутией и другими регионами в г. Санкт-Петербурге (Ленинграде), проводились при непосредственном участии и организации Александра Петрова. Профессор, несмотря на занятость, всегда находит время, чтобы помочь, встретить, устроить всех, кто обратился к нему. Для него никогда не было второстепенных дел. По-моему, он забывал только себя.

Мы с Александром Александровичем знакомы более 30 лет. Для меня он является примером высокой организованности, человеколюбия, ответственности и надежности. Являясь руководителем уникального научно-образовательного, этнолингвистического, этнокультурного центра России – Института народов Севера – Петров А.А. продолжил научно-исследовательские, педагогические традиции великих ученых-североведов, которые в начале XX века заложили основу исследования языков,

этнографии народов Севера, создали письменность языков народов Севера и открыли дорогу в мир науки и просвещения многим поколениям северян.

Многоплановая разносторонняя деятельность А.А. Петрова всегда имела высокую результативность. Вся его научная, учебно-педагогическая, воспитательная, методическая и общественная работа направлена на сохранение и развитие языков и традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В течение многих лет профессор Петров преподаёт эвенский, долганский языки, а также проводит курсы по этнолингвистике в Институте народов Севера. Он является автором и составителем, редактором различных учебных программ, пособий, научно-популярных и научно-методических работ по традиционной национальной культуре, этнографии и фольклору тунгусо-маньчжурских народов. Со времени открытия северного отделения в Якутском государственном университете им. М.К.Аммосова Александр Александрович ведёт совместную работу по подготовке кадров по эвенскому, эвенкийскому, юкагирскому, долганскому, чукотскому языкам, фольклору и литературе. Читает курс по истории тунгусо-маньчжурских языков, является научным консультантом сотрудников, магистрантов, аспирантов кафедры северной филологии ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К.Аммосова.

А.А. Петров возглавлял работу Санкт-Петербургского филиала Федерального экспертного совета МО РФ по рецензированию учебно-методических комплексов для дошкольных образовательных учреждений, школ, ССУЗов и вузов.

А.А. Петров – автор более 200 научных, научно-методических работ, монографий по тунгусо-маньчжурским языкам. Он – участник многих международных, российских, региональных научно-практических конференций, в том числе Первого Международного коллоквиума «Квебек – Россия» (1988, Квебек), Международной циркумполярной конференции по проблемам грамотности (1990, Йеллоунайф). Выступал на Международной конференции «Языки, культура и будущее народов Арктики» (1993, Якутск), научном симпозиуме по проблемам тюркских и тунгусо-маньчжурских языков (1996, Киото-Саппоро-Токио). В 1999 году был организатором Международного семинара «Образование как

фактор развития языков и культур этнических меньшинств» в г. Санкт-Петербурге. Доклады Петрова А.А. прозвучали на международной конференции «Ребенок в современном мире», международных научно-практических конференциях «Реальность этноса», Международном форуме «Устойчивое развитие стран Арктики и северных регионов Российской Федерации в контексте образования, науки и культуры» (Якутск, 2006), «Проблемы сохранения и развития языков и культур малочисленных народов Севера» в Якутске.

А.А. Петров работал председателем специализированного совета Д 212.199.09 по защитах докторских диссертаций по трем специальностям: «Языки народов РФ» (10.02.02), «Литература народов РФ» (10.02.06), «Этнография, этнология и антропология» (07.00.07), который был лицензирован ВАК РФ с 2000 по 2007 год при РГПУ им. А.И. Герцена. Был членом докторского диссертационного совета Института лингвистических исследований РАН по специальности «Языки народов РФ».

Александр Александрович выступал официальным оппонентом на защите кандидатских и докторских диссертаций, им было написано много отзывов на диссертации и авторефераты. В данное время он является руководителем аспирантов и соискателей, принимает участие в составе экзаменационной комиссии кандидатского минимума. В составе оргкомитета участвовал в подготовке и проведении пяти научно-практических конференций «Молодые ученые Якутии в стратегии устойчивого развития Российской Федерации» (СПб., 2000, 2001, 2002, 2004, 2014).

В диссертационном совете Д 212. 199.09, руководимом А.А. Петровым с 2000 года, успешно защитили кандидатские диссертации:

- по саамскому языку – Терешкин С.Н.;
- по корякскому языку – Дедык В.Р., Болотаева О.Л.;
- по хантыйскому языку – Ядобчева-Дресвянина В.Я.;
- по эскимосскому языку – Головацкая Т.П.;
- по эвенкийской литературе – Иванова Э.В.;
- по нанайскому языку – Заксор Л.Ж. и др.

При непосредственной поддержке и помощи А.А.Петрова в разные годы были подготовлены высококвалифицированные научно-педагогические кадры для Республики Саха (Якутия). В диссертационном совете, руководимом А.А.Петровым, защитили докторские и

кандидатские диссертации сотрудники научных институтов, высших учебных заведений, государственных учреждений Якутии, в том числе д.филол.н. Н.М.Артемов, к.и.н В.С.Акимова, к.и.н. С.А.Алексеева, к.и.н. Е.И.Корнилова, кандидаты филологических наук Т.С.Федорова, А.А.Винокурова, Е.В.Нестерова, Р.П.Кузьмина, Г.В.Роббек, И.И. Садовникова, С. Н.Саввинова, С.Н.Курилова, М.П.Лукина.

А.Петров был редактором, научным рецензентом, официальным оппонентом доктора социологических наук У.С.Борисовой, а также кандидата социологических наук А.В.Кривошапкина, кандидатов педагогических наук Р.С.Никитиной, М.П.Алексеевой, М.В.Мучина, М.П.Алексеевой, Р.П.Софронова, И.Н.Санниковой, кандидатов филологических наук В.Г.Белолобской, С.И.Шариной и многих других.

Высокая компетентность в области научных познаний, многолетний плодотворный педагогический опыт, организаторский талант А.А.Петрова всегда были востребованы во всех областях научной, культурно-образовательной и общественной жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Он является одним из организаторов Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока СССР (РФ), ИНС РГПУ им. А.И.Герцена. В данной связи отмечаем его личный вклад в возрождение и развитие языков, традиционной национальной культуры, отечественной и мировой североведческой науки и в подготовку высококвалифицированных кадров из среды народов Севера. Совместная многолетняя научная, общественная деятельность, дружба профессора А.А.Петрова с выдающимися учёными г.Ленинграда, в том числе с д.филол.н. В.А.Роббеком, д.и.н. Ч.М.Таксами имели огромную позитивную роль в укреплении и принятии основополагающих законов для коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

*Белолобская Варвара Григорьевна, к.филол.н.,
профессор СВФУ им. М.К. Аммосова.*

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 811.512

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ ЯЗЫКИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

TUNGUS-MANCHZHURIAN LANGUAGES OF THE XXI CENTURY: RESEARCH

Петров Александр Александрович,

Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена,
Институт народов Севера, кафедра
алтайских языков, фольклора и литературы

Petrov Alexander Alexandrovich,

The Russian State Pedagogical University
named after AI Herzen,
the Institute of the Peoples of the North,
the Department of Altaic Languages,
Folklore and Literature)

Аннотация. В статье предпринят обзор современного состояния в области исследования тунгусо-маньчжурских языков в России. В работе приводятся данные с 2000 года по настоящее время.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, современное состояние, исследования в России

Abstract. The article analyzes the current state of research of the Tungus-Manchu languages in Russia. The paper presents data from 2000 to the present.

Keywords: Tungus-Manchu languages, current state, research in Russia

Руководство РФ считает приоритетной задачей XXI века развитие арктических и дальневосточных территорий страны, их инфраструктуры и повышение благосостояния населения. Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ являются коренными жителями этих территорий, носителями автохтонных культур и оригинальных

языков, которые, к сожалению, в настоящее время находятся в Красной книге (см. первый выпуск: Красная книга языков народов России: энциклопедический словарь-справочник. – Москва: Academia, 1994. – 117 с.) [17]. К началу третьего тысячелетия тунгусо-маньчжурские языки были предметом изучения и преподавания многих учёных-исследователей и педагогов на протяжении XVII-начала XXI веков [7, с.13].

В начале нынешнего века в России исследование и преподавание языков тунгусо-маньчжурских народов велось по нескольким направлениям и на разных уровнях. Если говорить о научных исследованиях, то их можно разделить на фундаментальные и прикладные. В рамках этих трудов можно выделить *общие* и *специальные* работы. Фундаментальные исследования, как правило, проводились и ведутся в академических научных учреждениях (например, таких как ИЛИ РАН, ИЯ РАН, ИПМНС СО РАН, ИГиИПМНС СО РАН, ИФ СО РАН, ИРЯ РАН и др.). В проведении прикладных научных исследований принимают участие помимо академических научных учреждений ГОУ ВПО Минобрнауки РФ (например, РГПУ им.А.И.Герцена, СВФУ им.М.К.Аммосова, Бурятский госуниверситет им. Доржи Банзарова и др.), а также региональные муниципальные институты и учреждения. Здесь мы приводим краткий обзор литературы по теме.

Общие работы. В начале XXI века вышла в свет монография Н.Б.Вахтина, анализирующая проблемы языкового сдвига у народов Севера, которая опиралась на материалы прошлого XX века [6] (См. также: Языковые изменения в условиях языкового сдвига: сб. статей ИЛИ РАН / Отв. ред. Н. Б. Вахтин. – Санкт-Петербург : Нестор, 2007. – 307 с.

В Новосибирске в “Исторической энциклопедии Сибири” была опубликована обзорная статья Б.В. Болдырева о тунгусо-маньчжурских языках [3].

А.М. Певнов в журнале “Вопросы языкознания” (2008, № 5) поместил свою фундаментальную статью “Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы” [11]. Он же является автором ряда работ сравнительно-сопоставительного плана: Тунгусо-маньчжурские и монгольские языки: несколько новых этимологий // Североведческие исследования. Вып. 2. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 61-64; О типологическом подобии выражения признака в алеутском и некоторых тунгусо-

маньчжурских языках // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX, ч. 3. – Санкт-Петербург: Наука, 2013. – С. 23-50; О монгольском влиянии на выражение некоторых падежных значений в тунгусо-маньчжурских языках // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований. Т. XI, ч. 3. – Санкт-Петербург: Наука, 2015. – С. 303-328. В этом же ключе, компаративистском, выполнены работы некоторых других авторов: А.Е.Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков [1]; Аникин А.Е., Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи [2].

Имеются труды учёных-тунгусоведов, связанные с тунгусо-маньчжурским языкознанием, изданные с связи с юбилеями ученых-североведов. Такова, к примеру, статья Н.Я.Булатовой “Л.И.Сем и её вклад в тунгусо-маньчжуроведение”, включенная в сборник научных статей “Проблемы изучения традиционных сообществ Тихоокеанской России. К 90-летию со дня рождения Ю.А.Сема и Л.И.Сем”, изданный во Владивостоке в 2016 г. [5]. Она же написала статью о местоимениях в сибирской группе тунгусо-маньчжурских языков (см.: Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. 1, ч. 3. Санкт-Петербург: Наука, 2003. – С. 171-236) [4].

В.А.Роббек предложил новый подход в исследовании грамматики тунгусо-маньчжурских языков, основанный на базовых принципах Санкт-Петербургской школы лингвистов (рук. А.В.Бондарко), в русле теории функционально-семантических полей [15]. Его же перу принадлежит статья, посвященная генетическому родству тунгусо-маньчжурских и алтайских языков, изложенная в тезисах его доклада, прочитанного на Международной алтаистической конференции в Сеуле [16].

Известны работы А.Л.Мальчукова в рамках теории функциональной грамматики, опубликованные в нашей стране и за рубежом [9] (см. также другие статьи этого автора: *Tungusskie slozhnospojannye predlozhenija i kriterii otzhdestvlenija predicativnyx edinic (Deranking subordination in Tungusic: criteria for clausehood)*. In: A.V. Bondarko (ed.) *Problemy funkcionalnoj grammatiki: semanticheskaja invariantnostj/variativnostj*. – St-Petersburg: Nauka, 2003. 346-360; Russian interference in Tungusic

languages in an areal-typological perspective. In: P.S. Ureland (ed.). *Studies in Euro linguistics*, vol. 1 *Convergence and divergence of European languages*. Berlin: Logos verlag, 235-251. 2004.; Yakut interference in North-Tungusic languages. In: H. Boeschoten & L. Johanson (eds.). *Turkic languages in contact*, 122-139. Wiesbaden: Harrassowitz. 2006.; Ditransitive constructions in Tungusic languages. In: Andrej Malchukov, Martin Haspelmath and Bernard Comrie (eds.) *Studies in ditransitive constructions*. Berlin: Mouton de Gruyter. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010, 316-352 (with Igor' Nedjalkov).; Advances in Tungusic linguistics. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. (with Lindsay Whaley (eds.)).; Tungusic converbs and a typology of taxis (relative tense). In A. L. Malchukov, & L. J. Whaley (Eds.), *Recent advances in Tungusic linguistics*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012, 213-228.).

Л.Ж.Заксор рассмотрела композиты с компонентом числительным в нанайском языке в сравнении с другими тунгусо-маньчжурскими языками, опубликовала статью на эту тему в сборнике научных трудов РГПУ им.А.И.Герцена “Североведческие исследования” (Вып.5. – Санкт-Петербург, 2014) [8].

А.А.Петров исследовал лексику духовной культуры тунгусов – представителей северной (сибирской) подгруппы тунгусо-маньчжурских языков: эвенков (тунгусов), эвенов (ламутов), негидальцев и солонов [12].

Специальные работы по конкретным языкам были представлены в работах конкретных специалистов.

Эвенкийский язык. Известны монографии, посвященные растительному и животному миру, традиционному хозяйству, и академический словарь (Новосибирск, 2004) А.Н.Мыреевой. Статья, посвященная описанию эвенкийских блюд Ю.Д.Сверчковой (Санкт-Петербург, 2003). Активно работает Е.Ф.Афанасьева в области фонологии, диалектологии, языковых контактов. Б.В.Болдырев написал статьи в “Историческую энциклопедию Сибири”, он также является автором диалектологических словарей (джелтулакского, зейского говоров) в соавторстве с Г.В.Быковой, Г.И.Варламовой, Л.К.Сениной (Благовещенск, 2010). Плодотворно трудится Н.Я.Булатова: известны ее статьи, посвященные языку эвенков Китая. Т.Е.Андреева опубликовала монографии по словесному ударению и принципам организации звуковой системы эвенкийского

языка. Совместно с К.Н.Стручковым она исследовала язык эвенков Хабаровского края. А.М.Певнов выпустил в свет ряд публикаций, посвященных тунгусским материалам С.М.Широкогорова. К.Н.Стручков издал монографию “Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия) в Новосибирске в 2009 г. Д.М.Берелтуева издала в Корее статью, посвященную языку и культуре восточных эвенков (Сеул, 2009). В Санкт-Петербурге была опубликована при жизни статья Н.И.Гладковой, посвященная оленеводческой терминологии в эвенкийском языке (2001). А.А.Бурыкин написал статьи об эвенкийских и эвенских этнонимах Охотского побережья (Благовещенск, 2001) и о термине ЛАМУ (Красноярск, 2001). И.Н.Новгородов издал в Якутске две монографии: “Якутизмы эвенкийского языка” (2008) и “Якутско-эвенкийские языковые контакты” (2009). И.В.Недялков изучил конструкции с залоговыми формами и опубликовал на эту тему статью в сборнике методических материалов РГПУ им.А.И.Герцена (2015). В.П.Марфусалова и С.И.Осипова написали интересную статью о комплиментарной лексике в эвенкийском языке (2017).

Молодые ученые-исследователи О.Н.Морозова, М.Д.Дьячковская, С.И.Осипова, Н.Е.Захарова, С.Е.Авелова, М.Берельтуева, Д.Вачеланова, М.Дырчикова опубликовали свои статьи по разным вопросам эвенкийской филологии.

Многие материалы по публикациям по эвенкийскому языку можно найти в справочнике: Афанасьева Е.Ф. Эвенки: язык, фольклор, литература, этнография. Библиографический указатель. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. – 224 с.

Эвенкий язык. В начале века А.А.Бурыкин издал в виде монографии свою докторскую диссертацию “Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка)” (2004). А.Л.Мальчуков в ИЛИ РАН защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему “Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты” и в 2008 г. оформил ее в виде монографии. Мальчуков А.Л. написал и опубликовал за границей и в России ряд своих статей по синтаксису. Успешно работает С.И.Шарина. Ее перу принадлежат монография по персональности и посессивности (Новосибирск, 2001) и ряд статей по социолинг-

вистике, языковым контактам, диалектологии эвенского языка. Она же трудится в востребованной ныне области – создании аудиовизуального фонда языка. В Санкт-Петербурге в издательстве “Бельведер” вышла в свет монография В.Г.Белолобской, посвященная исследованию частиц, послелогов, союзов (2005). Она же написала статью о цветообозначении в эвенском языке (2015). Кузьмина Р.П. издала монографию “Язык ламунхинских эвенов” (Новосибирск, 2010) и много статей в рецензируемых и электронных журналах. Е.В.Нестерова опубликовала монографию “Образные слова эвенского языка” (Новосибирск, 2010) и ряд статей. И.И.Садовникова написала статьи по фитонимам, растительной табуированной лексике и др. У С.Н.Саввиновой имеется много статей по заимствованной лексике. Федоренкова (Ермолаева) В.С. опубликовала ряд статей по морфологии ламунхинского говора. Беглова (Балаганчик) Е.Е. издала статьи по табуированной лексике (2008, 2012). М.С.Толстова (Белолобская) написала статью о лексике, связанной с народной медициной эвенов (2004). Б.В.Болдырев опубликовал статью об эвенском языке в “Исторической энциклопедии Сибири” (Новосибирск, 2009). Материалы Х.И.Дуткина по тундрунному диалекту западного наречия опубликовала М.Х.Белянская (Санкт-Петербург, 2009). Р.Н.Авак написала статью о языке и культуре эвенов (2010). О.К.Потапова осветила некоторые географические термины эвенского языка (2012). С.С.Максимова изучила лексику, связанную с народными знаниями в рамках Круглого стола молодых ученых (2014). В.Тиунова написала статью о В.А.Роббеке как исследователе грамматики эвенского языка (2014).

Негидальский язык. А.М.Певнов написал статью о языке в Красную книгу (2002). Он же опубликовал работы о мифах и сказках негидальцев (в соавторстве с М.М.Хасановой); о глагольном основоизменении и о реликтовых формах родительного падежа (2007, 2008). И.Н.Новгородов посвятил свою статью якутизмам в негидальском языке (Тверь, 2014). Б.В.Болдырев написал об этом языке в “Исторической энциклопедии Сибири” (2009).

Солонский язык. Булатова Н.Я. выпустила в свет новые материалы по солонскому языку в трудах ИЛИ РАН (Т.9.Ч.3. – Санкт-Петербург: Наука, 2013. – С. 147-165). Тосиро Цумагари в Университете Хоккайдо издал статью о солонях Китая (2009).

Нанайский язык. Л.Ж.Заксор защитила кандидатскую диссертацию на тему “Способы номинации растений в нанайском языке” (Санкт-Петербург, 2005). Она же опубликовала ряд статей по этой проблематике, а также о сложных словах и числительных. В соавторстве с А.А.Давыдовой написала статью о лексике рыболовства (2014). С.А.Оскольская (ИЛИ РАН) защитила кандидатскую диссертацию на тему “Аспект в нанайском языке” и опубликовала ряд статей (в том числе в соавторстве с Н.М.Стойновой).

Ульчский язык. И.М.Наумова и Л.Ж.Заксор написали статью “Об отдельных словообразовательных суффиксах имен существительных в ульчском языке” (Санкт-Петербург, 2014).

Удэгейский язык. А.Х.Гирфанова написала статьи по истории удэгейской лексикографии и письменности (2003, 2016), а также подготовила к печати удэгейский словарь В.К.Арсеньева (2008). Е.В.Перехвальская опубликовала в журнале “Вопросы языкознания” (2010, 2012) статьи, посвященные аспирированным и глоттализованным гласным в диалектах удэгейского языка и о рукописном архиве Е.Н.Баскаковой (тексты на самагирском диалекте).

Орокский язык. Л.В.Озолия (Озолинь) выпустила в Новосибирске “Орокско-русский словарь” (2001). В соавторстве с И.Я.Федяевой она опубликовала также двуязычный словарь ороков в Южно-Сахалинске (2003). Ее перу принадлежит ряд статей, а также академическая “Грамматика орокского языка” (Новосибирск, 2013). Работает в области орокского языка и А.М.Певнов (ИЛИ РАН). Им написаны статьи по исторической фонетике, нивхских заимствованиях и тексты. Необходимо отметить также работу Ю.А.Сема, Л.И.Сем, Т.Ю.Сем “Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь” (Владивосток, 2011). В Саппоро Тосиро Цумагари опубликовал статью по грамматике орокского языка (2009).

Орочский язык. Б.В.Болдырев в соавторстве с В.А.Аврориним издал “Грамматику орочского языка” (Новосибирск, 2001). А.Х.Гирфанова написала в Красную книгу статью об орочском языке (Москва, 2002). Она же в соавторстве с Н.Л.Сухачевым подготовила к печати и издала “Русско-орочский словарь” В.К.Арсеньева (Санкт-Петербург, 2008).

Маньчжурский язык. В результате огромной работы, проделанной супругой В.А.Аврорина Е.П.Лебедевой, его учениками А.М.Певновым и М.М.Хасановой, была подготовлена к печати и издана работа Аврорина В.А. “Грамматика маньчжурского письменного языка” (Санкт-Петербург, 2000). Т.А.Пан посвятила свою статью системе терминов родства маньчжур (2000). Л.М.Горелова в Институте востоковедения в 2004 г. защитила докторскую диссертацию по грамматике маньчжурского языка. Ею же опубликован ряд статей и издана монография на английском языке. Б.В.Болдырев в “Исторической энциклопедии Сибири” написал статью “Маньчжурское письмо” (2009). С.Е.Авелова в своей работе сравнила семантические объемы локативных падежей эвенкийского и маньчжурского языков (2014).

Чжурчжэньский язык. Известна монография А.М.Певнова “Чтение чжурчжэньских писем” (Санкт-Петербург, 2004) и его статьи. Недавно вышло в свет его учебное пособие в соавторстве с Е.Ф.Афанасьевой “Чжурчжэньский язык” (Улан-Удэ, 2017).

Необходимо отметить также, что фундаментальные и прикладные исследования по тунгусо-маньчжурским языкам являются научной базой в практике школьного и вузовского преподавания [10; 14]. Эти вопросы взаимосвязаны и были предметом обсуждения на Всероссийском съезде учителей родного языка, литературы и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проведенном на базе Института народов Севера РГПУ им.А.И.Герцена 20-21 ноября 2017 г., результаты которого будут опубликованы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что научные фундаментальные и прикладные исследования по тунгусо-маньчжурским языкам в России в начале XXI века проводились усилиями ученых гг. Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Якутска, Улан-Удэ, Владивостока, Благовещенска. Это наследие предстоит еще осмыслить новым поколениям ученых.

Принятые сокращения:

ГОУ ВПО – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования.

ИЛИ РАН – Институт лингвистических исследований Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

ИЯ РАН – Институт языкознания Российской Академии наук (Москва).
ИГиИПМНС СО РАН – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук (Якутск).

ИПМНС СО РАН – Институт проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук (Якутск).

ИРЯ РАН – Институт русского языка Российской Академии наук (Москва).

ИФ СО РАН – Институт филологии Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск).

РГПУ им. А.И.Герцена – Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена (Санкт-Петербург).

СВФУ им. М.К.Аммосова – Северо-Восточный федеральный университет им.М.К.Аммосова (Якутск).

Литература

1. Аникин, А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А.Е. Аникин. – Новосибирск : Наука, 1997. (2-е изд., доп. и уточн. – Новосибирск, 2000. – 772 с.
2. Аникин, А.Е. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи / А.Е. Аникин, Е.А. Хелимский; ИФ СО РАН. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 256 с.
3. Болдырев, Б.В. Тунгусо-маньчжурские языки / Б.В. Болдырев // Историческая энциклопедия Сибири. – Т. III. С-Я. – Новосибирск, 2009. – С. 315-316
4. Булатова, Н.Я. Местоимения в сибирской группе тунгусо-маньчжурских языков / Н.Я. Булатова // Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н.Н.Казанский. – Т. 1, ч. 3. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – С. 171-236.
5. Булатова, Н.Я. Л.И.Сем и её вклад в тунгусо-маньчжуроведение / Н.Я. Булатова // Проблемы изучения традиционных сообществ Тихоокеанской России. К 90-летию со дня рождения Ю.А.Сема и Л.И.Сем: сб. научных статей / Отв. ред А.Ф. Старцев. – Владивосток : Дальнаука, 2016. – С.40-43.

6. Вахтин, Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига / Н.Б. Вахтин. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с.
7. Горцевская, В.А. Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков / В.А. Горцевская. – Ленинград : Учпедгиз, 1959. – 78 с.
8. Заксор, Л.Ж. Композиты с компонентом числительным в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках / Л.Ж. Заксор // Изучение и преподавание языков, фольклора и литературы народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Североведческие исследования. Вып.5. / Отв. ред. А.А.Петров. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 52-58.
9. Мальчуков А.Л. Perfect, evidentiality and related categories in Tungusic languages // Bo Utas and Lars Johanson (eds.) Evidentiality in Turkic, Iranian and neighbouring languages. Mouton de Gruyter. 2000.
10. Набок, И.Л. К вопросу о разработке методики анализа состояния развития языков народов России / И.Л. Набок, Л.Б. Гашилова, Т.С. Назмутдинова // Реальность этноса. Роль образования, культуры и литературы в формировании российской гражданской идентичности: сборник статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Института народов Севера Герценовского университета. Санкт-Петербург, 10-12 ноября 2015 г. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 341-344.
11. Певнов, А.М. Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы / А.М. Певнов // Вопросы языкознания. – 2008. – № 5. – С. 63-83.
12. Петров, А.А. Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов (эвенки, эвены, негидальцы, солонь) / А.А. Петров. – Новосибирск : Наука, 2013. – 216 с.
13. Петров, А.А. История изучения тунгусо-маньчжурских языков в России (очерки исследования) / А.А. Петров. – Санкт-Петербург : Алмаз-Граф, 2013. – 88 с.
14. Пустогачева, А.Ф. Современное состояние обучения и изучения родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования Российской Федерации / А.Ф. Пустогачева // История и педагогика естествознания. – 2014. – №2. – С. 41-46.
15. Роббек, В.А. О новом подходе к исследованию грамматики тунгусо-маньчжурских языков / В.А. Роббек // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2010. – № 1. – С. 48-55.

16. Роббек В.А. О генетическом родстве тунгусо-маньчжурских и алтайских языков / В.А. Роббек // Устойчивое развитие народов Севера России: фундаментальные и прикладные исследования. – Новосибирск : Наука, 2011. – С. 522-537.

17. Языки народов России. Красная книга: энциклопедический словарь-справочник. – Москва : Academia, 2002. – 386 с.

* * *

УДК 811.512.211

ЭВЕНСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

EVENA LEXICOLOGY: FORMATION AND DEVELOPMENT

Шарина Сардана Ивановна,

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН,
отдел северной филологии

Sharina Sardana Ivanovna,

Institute of Humanitarian Studies
and Problems of Indigenous Peoples
of the North of the SB RAS,
Department of Northern Philology

Аннотация. В статье приводится краткий обзор изучения лексики эвенского языка начиная с XVII века. Особое внимание уделяется работам, предпринятым исследователями начиная с 80-х годов XX века по наше время. Выявляется весомый вклад определенных исследователей в эвенскую лексикологию.

Ключевые слова: эвенский язык, изучение, лексика, исследователи, тематические группы слов, лексико-семантические группы

Abstract. The article provides a brief overview of the study of the lexicon of the Even language since the XVII century. Particular attention is paid to the work undertaken by researchers, since the 80s of the twentieth century to our time. A significant contribution of certain researchers to the Evenks lexicology is revealed.

Keywords: Even language, study, vocabulary, researchers, thematic groups of words, lexico-semantic groups.

Эвены – официальное название одного из малочисленных народов тунгусо-маньчжурской группы, расселенного на северо-востоке Азии. Эвенский язык относится к северной, или сибирской, группе тунгусской ветви тунгусо-маньчжурских языков. В эту группу входят также эвенкийский, негидальский и солонский языки. Эвенский язык является предметом изучения отечественных языковедов уже около двух веков. Накопление материалов по эвенскому языку было начато в XVII – начале XVIII веков первыми исследователями сибирских языков Н. Витсенем, Д.Г. Мессершмидтом, С.П.Крашенинниковым, Я.И. Линденау, П.С. Палласом, М.М. Роббеком.

Основы научного изучения эвенского языка были заложены в 40-х гг. XIX в., когда по инициативе выдающегося русского ученого и просветителя И.Е. Вениаминова (Иннокентия) под руководством охотского протоиерея Стефана Попова был осуществлен перевод на эвенский язык Евангелия от Матфея (издан в 1880 году в Казани). Текст этого перевода и другие материалы, собранные ранее, стали тем фундаментом, который позволил приступить к изданию первых книг на эвенском языке и дал возможность учёным-языковедам начать описание языка эвенов и сравнение эвенского языка с эвенкийским языком и другими тунгусо-маньчжурскими языками, предпринятое академиком А.А. Шифнером. В конце XIX века В.Г. Богораз, пользуясь классическим трудом М.А. Кастрена «Основы тунгусской грамматики», собрал лексические, текстовые и грамматические материалы по языку эвенов Колымы и Омолона, которые были опубликованы в 1931 году. Со времени издания «Тунгусского сборника» [1] начался новый период в изучении грамматики и лексики языка эвенов. В последующем вышли в свет фундаментальные труды и монографические исследования известных исследователей эвенского языка. Материал по эвенской лексике, собиравшийся с XVII в., получил отражение в двуязычных словарях В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес, В.А. Роббека, М.Е. Роббек, явившихся сокровищницами языка и культуры эвенов и имеющих исключительно важное значение для развития эвенской филологии.

Вопросы лексики также кратко освещались во всех диалектологических описаниях говоров эвенского языка исследователями К.А. Новиковой, В.Д. Лебедевым, В.А. Роббеком, Х.И. Дуткиным, Р.П. Кузьминой.

Начиная с 80-х годов XX столетия среди монографий и специальных исследований по отдельным вопросам эвенского языкознания выделяются интересные работы по рассмотрению различных тематических пластов лексики эвенского языка в русле этнолингвистической традиции. С этого момента зарождается эвенская лексикология как отдельное направление научных изысканий в кругу эвеноведения как лингвистической дисциплины.

Особого внимания среди лексикологических работ заслуживают труды А.А. Петрова [5, 6, 7, 8]. Видный учёный – тунгусо-маньчжуровед, автор многочисленных научных трудов по традиционной национальной культуре народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, доктор филологических наук, профессор Александр Александрович Петров исследовал различные пласты духовной культуры на материале лексики эвенского, эвенкийского, негидальского и солонского языков, впервые вводя в научный оборот обширный лексический материал нескольких языков. Им дано подробнейшее описание лексики, отражающей народное искусство (народные танцы, песни, декоративно-прикладное искусство и устное народное творчество тунгусов), лексики, отражающей народные обряды (рождение, свадьба, похороны и промысловые обряды тунгусов), лексики, отражающей религиозные воззрения (слова, относящиеся к анимизму, шаманизму и христианству), лексики, отражающей народные знания (слова, отражающие народную метрологию, пространственную ориентацию, календарь, народную медицину и традиционное питание тунгусов).

В 2017 году вышла работа А.А. Петрова «Оленеводческая лексика эвенского языка: этнолингвистический словарь» [9], где систематизирован и классифицирован обширный пласт лексики с привлечением диалектного материала по следующим разделам: общие названия оленей; половозрастные названия; названия по внешним признакам; по повадкам; по форме рогов; транспортные термины; клички оленей; игры и соревнования, связанные с оленеводством; олени пастбища и корма; анатомические термины; блюда из продуктов оленеводства; названия заболеваний оленей; насекомые, сопутствующие оленям; бытовая лексика, связанная с обработкой и использованием оленьей шкуры.

Его работы отличаются оригинальностью, аргументированностью положений и выводов, им присущи детальность, скрупулезность научного анализа. По богатству фактического материала и по методологии исследования монографии А.А. Петрова получили большое признание и представляют крупный вклад в тунгусо-маньчжуроведение. Его подход к классификации словарного состава языков на основе семантического анализа лексических единиц на тематические группы слов и лексико-семантические группы слов явился новым словом в эвенской лексикологии. Теоретической ценностью его работ является и то, что в них автор раскрывает определение этнолингвистики (ЭЛ), ее место в современном языкознании, отношение ЭЛ и социоллингвистики, ЭЛ и лингвострановедения, ЭЛ и этнофилологии, ЭЛ и лингвофольклористики. Он подробно освещает вопросы изучения языка как историко-этнографического источника, лексики как системы и объекта научного исследования, уделяет большое внимание определению тематической группы и лексико-семантической группы слов. Содержание и выводы его работ используются в сравнительно-сопоставительных теоретических исследованиях алтайских языков, а также в практической работе в образовательных учреждениях Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В последние годы в эвеноведении лексикология занимает одно из центральных положений, в ее рамках исследованы разные пласты лексики эвенского языка. Здесь важно подчеркнуть, что работы А.А. Петрова стали основой для дальнейших научных лексикологических изысканий по эвенскому и другим тунгусо-маньчжурским языкам.

Оленеводческая лексика эвенского языка рассмотрена в специальных статьях Х.И. Дуткина [3] и В.С. Элрика [13], где авторы приводят некоторые названия оленей по возрасту, масти, выполняемой функции и т.д.

Весьма интересна обилием нового материала монография А.А. Даниловой «Бытовая лексика эвенского языка» [2], где приводится семантический и морфологический анализ слов-названий и словосочетаний, обозначающих предметы утвари, жилища, орудия производства, одежду, детские игры и игрушки. Работа выполнена на материалах 5 говоров и диалектов.

В работе Е.В. Нестеровой «Образные слова эвенского языка» [4] впервые подвергаются комплексному и системному исследованию образные слова. Автором охарактеризованы их лексико-семантические особенности, раскрыты фонетическая и морфологическая структуры, установлены способы и модели образования глаголов, прилагательных, наречий и имён существительных от образных и звукоподражательных слов, представлена их синтаксическая характеристика.

Книга Г.В. Роббека «Игры и состязания эвенов. Лингвистический аспект» [10] посвящена описанию одного из разрядов этнокультурологически значимого пласта лексики физической культуры эвенов. Автором выявляются и анализируются соответствующие лексико-семантические группы, относящиеся к состязаниям и играм эвенов.

Описанию лексики растительного мира в эвенском языке посвящено диссертационное исследование И.И. Садовниковой [12]. В работе представлена классификация лексико-семантической группы слов растительной лексики эвенского языка, определены способы и модели образования растительных наименований в эвенском языке, дан их лингвистический анализ.

Объектом специального изучения стали якутские заимствования в эвенском языке в диссертации С.Н. Саввиновой [11], в которой впервые описаны особенности адаптации якутских слов, вошедших в лексический состав эвенского языка, выявлены их основные семантические группы. В результате сбора и систематизации материала собрана картотека, в которой отражены особенности семантической, фонетической и грамматической адаптации якутизмов в эвенском языке.

Несмотря на то, что усилиями исследователей собраны и опубликованы обширные и интересные материалы по многим тематическим пластам лексики эвенского языка, определенные эвенские лексико-грамматические группы слов еще не получили достаточно полного освещения в литературе, не имеют систематического описания и большие тематические группы слов. В данной связи для максимально полного описания языков малочисленных народов Севера в эвенском языкознании в настоящее время актуальны новые данные по лексическому составу еще неисследованных говоров, систематизация и классификация малоисследованного пласта эвенской лексики, таких как ономастика,

топонимика, антропонимика, этнонимика и др. Остаются также неизученными вопросы формирования и развития лексического состава эвенского языка, проблемы семасиологии, концептологии, этимологии эвенских слов.

Литература

1. Богораз, В.Г. Материалы по ламутскому языку / В.Г. Богораз // Тунгусский сборник, 1. – Ленинград, 1931. – С. 1-106.
2. Данилова, А.А. Бытовая лексика эвенского языка / А.А. Данилова. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1991. – 116 с.
3. Дуткин, Х.И. Термины оленеводства в эвенском языке (лексико-семантические группы названий оленей) / Х.И. Дуткин // Актуальные вопросы языков народностей Севера. – Якутск, 1986. – С. 106-112.
4. Нестерова, Е.В. Образные слова эвенского языка : монография / Е.В. Нестерова. – Новосибирск : Наука, 2010. – 112 с.
5. Петров, А.А. Лексика, отражающая духовную культуру эвенов (народное искусство и обряды) : автореф. дис. ... к.филол.н. / А.А. Петров. – Ленинград, 1988. – 22 с.
6. Петров, А.А. Лексика духовной культуры тунгусов (эвенки, эвены, негидальцы, солоны) : монография / А.А. Петров. – Санкт-Петербург : Образование, 1997. – 175 с.
7. Петров, А.А. Язык и духовная культура тунгусоязычных народов (этнолингвистические проблемы) : монография / А.А. Петров. – Санкт-Петербург : Образование, 1998. – 88 с.
8. Петров, А.А. Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов : монография / А.А. Петров. – Новосибирск : Наука, 2013. – 216 с.
9. Петров, А.А. Оленеводческая лексика эвенского языка : этнолингвистический словарь / А.А. Петров. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – 128 с.
10. Роббек, Г.В. Игры и состязания эвенов. Лингвистический аспект : монография / Г.В. Роббек. – Новосибирск : Наука, 2011. – 135 с.
11. Саввинова, С.Н. Якутская заимствованная лексика в эвенском языке : автореф. дис. ... к.филол.н. / С.Н. Саввинова. – Санкт-Петербург, 2010. – 23 с.
12. Садовникова, И.И. Лексика растительного мира в эвенском языке : автореф. дис. ... к.ф.н. / И.И. Садовникова. – Санкт-Петербург, 2010. – 18 с.

13. Элрика, В.С. Лексико-семантическая группа названий оленей по масти в эвенском языке / В.С. Элрика // Лингвистические исследования. Структура языка и его эволюция. – Москва, 1989. – С. 204-208.

* * *

УДК 8; 82.091

О НЕКОТОРЫХ ИНТЕРЕСНЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СЛОВ ЮКАГИРСКОГО ЯЗЫКА

ON SOME INTERESTING RESULTS OF THE ETIMOLOGICAL ANALYSIS OF THE YUKAGIR LANGUAGE'S WORDS

Курилов Гаврил Николаевич,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, отдел северной филологии

Kurilov Gavril Nikolayevich,
Institute of Humanitarian Studies
and Problems of the Indigenous Peoples
of the North SO FANO,
Department of Northern Philology

Аннотация. В статье показывается раскрытие этимологического значения этнонимов *wadul~одул* – самоназвание тундренных и лесных юкагиров и *алайии* – самоназвание тундренного юкагирского рода. Ранее исследователь уже производил этимологический анализ данных этимонов. В предлагаемой статье автор дополняет определение этимологического значения рассматриваемых лексем.

Ключевые слова: юкагирский язык, колымский и тундренный диалекты, этноним, этимология, топоним.

Abstract. The article reveals the etymological significance of the ethnonyms *wadul ~odul* – the self-name of the tundra Yukagirs and *Alaiii* – the self-name of the Yukaghir tadra. Earlier, the researcher already produced an etymological analysis of the etymon data. In the proposed article, the author complements the definition of the etymological meaning of the tokens in question.

Keywords: Yukagir language, Kolyma and tundra dialects, ethnonym, etymology, toponym.

В данной публикации расскажем о результатах этимологического анализа юкагирских этнонимов *вадул* (т) ~ *одул* (к), *алайиш* – самоназвание племени тундренных (нижнеколымских) юкагиров, топонима Алабай – названия горы на реке Алазея в Нижнеколымском улусе Якутии.

Отметим, что этимологизирование данных этимонов нами уже проводилось в статье «Этимологическое значение юкагирских этнонимов *вадул* и *алайиш*» [6]. Результаты нашего исследования по определению этимологического значения отдельных лексических единиц тундренного диалекта юкагирского языка ранее уже публиковались [4; 5; 7; 8].

В упомянутой выше статье структурно-морфологический, словообразовательный и семантический анализ самоназвания тундренных юкагиров показал, что этноним *вадул* (как и *одул* у лесных юкагиров) можно перевести как 'старательный человек, делающий все аккуратно, хорошо'. Этимологический анализ этнонима *алайиш* выявил, что данное слово, вероятно, означает 'крепкие, стойкие, твердые духом люди' [6].

В настоящем этимологическом изучении, при рассмотрении структуры этнонима *вадул* определяем, что корневым элементом в нем является *wad(y)=* со словообразовательным формантом =л, которым обычно оформляются отглагольные существительные, или, по терминологии Е.А. Крейновича, имена действия [1]. Так, от глагольной основы *анньэ=* (3 л. *мэр анньэй; анньэл*) неперех. 'говорить' образуется имя действия *анньэл* 'говорение'. От основы *йахтэ=* (3 л. *мэ йахтэй; йахтэл*) неперех. 'петь' – *йахтэл* 'пение', от основы *кэлу=* (3 л. *мэ кэлуй; кэлул*) неперех. 'прийти' – *кэлул* 'приход', от *мэнь=* (3 л. *мэ мэдьим; мэдьил*) неперех. 'взять' – мэдьим 'взятие' и т.д.

Следующим этапом поисков должно быть выявление глагольных основ с корневым элементом *wad(y)=*. Одной из таких явилась основа *вадурчи=* (3 л. *мэ вадурчий; вадурчил*) неперех. 'стараться', 'делать усилия для достижения чего-либо' [9, 60]. Возьмем примеры: *Вадурчик, амутнэн ураак*. 'Постоянно хорошо учись'. *Малаа-малаа, вадурчик, эл албэдьишьэк*. 'Давай-давай, постарайся (делай усилия), не проиграй (например, в борьбе)' и т.д.

Затем мы находим основы с суффиксами =рчи= и находим глагольную основу *поморчи*= (3 л. *мэ поморчий; поморчил*) многократно от *помрэ*= (3 л. *мэ поморэй; поморэл*) неперех. ‘катиться’, где *пом(о)*= является корнем, а =рэ – словообразовательным формантом [9, с. 380]. Корень *пом(о)*= находим в квалитативной основе *помнэ*= (3 л. *мэ помнэй; помнэл*) ‘быть круглым’ и в имени существительном *поморкэ* ‘круг’. Форманты =нэ, =ркэ являются деривативными аффиксами. При этом особо надо обратить внимание на то, что корень *пом(о)*= не означает понятие ‘круг’ или ‘катание’. Этот древний корень имеет расплывчатое, абстрактное значение, которое приблизительно можно перевести как ‘нечто округлое’. Почти таким же путем рассуждения древний корень *вадул*= можно было бы перевести словами ‘нечто крепкое’, так как высказывание – ‘*Малаа-малаа, вадурчик, эл албэдыильэк*’ можно перевести и так: ‘Давай-давай крепись, не проиграй’. Действительно, самоназвание юкагиров *вадул* буквально можно было бы перевести исходя от значения ‘быть крепким’, ‘крепость, твердость’. При этом в тундренном диалекте юкагирского языка имеется еще имя действия, образованное при помощи аффикса =л от глагольной основы *вар*= (3 л. *мэ вари; варул*) ‘быть прочным (в качестве, например, аркана)’ [9, с. 67].

Напомним, что раньше мы предполагали, что слово *вадул* представляет субстантивированное причастие из именной синтагмы *вадул гэдэ* ‘этот (известный многим) старательный, усердный человек’ [6]. Поэтому этноним *вадул~одул* интерпретировали как: ‘некто, характеризующийся крепостью тела и духа’ или ‘некто, характеризующийся твердостью намерения сделать, выполнять что-либо хорошо, старательно’.

В процессе структурного анализа этнонима *алайши*, самоназвания тундренного юкагирского племени к правильному направлению нашего исследования существенно помогло то, что эвены Нижней Колымы нас, юкагиров колхоза «Оленевод», в 1940-50-х гг. называли *аладьши*. Автор этих строк тогда думал, что так называют нас потому, наверное, что в отличие от эвенов, юкагиры имели малые скулы, поэтому наши белокожие лица были похожи на круглые оладьи. На самом деле первоначально этноним *алайши* звучал будто бы как *аладьши*. В связи с этим надо напомнить читателям, что в тундренном диалекте превращение йотированной [й] в середине или на стыке слов часто начинает произноситься

как [ль], [нь], [дь]. Сравните *йуку* и *льуку* ‘маленький’ *йархайэвлидьэ* и *ньархайэвлидьэ* ‘оленок, только что появившийся на свет’, *пойарха* ‘нечто белесое’ и *подьарха* ‘белизна’, ‘блеск’ и т.д.

Итак, можно смело утверждать, что *алайши* первоначально звучало как *ааладьши*, где =дьши<чии ‘люди’. Что касается первоначального компонента, то его находим в названии лиственницы – *ааландьэраал*, которое буквально переводится как: ‘дерево, имеющее твердую полосу’ (*раал*<*саал* ‘дерево’). А первый компонент *ааландьэ*= является причастной формой глагола с основой *аалэнь*= (3 л. *мэр аалэньи*; *аалэньил*) ‘иметь твердую часть (полосу)’, где суффикс =нь(э) является словообразовательным формантом со значением ‘обладание чем-либо’. Следовательно, основу *аалэ*= можно понимать как ‘твердая прочная часть (полоса)’ [9, с. 19]. Отсюда, легко можно прийти к выводу, что *ааладьши* приблизительно можно перевести как ‘твердые люди’.

В завершение статьи укажем, что эта основа встречается и в ряде топонимов, а именно в топониме Албай – названии горы на левом берегу реки Алазеи (ее юкагирское название *Чамадэну* ‘Большая река’, где *чама* ‘большой’, *эну* ‘река’). В названии реки Алазея также присутствует элемент ала=. Его мы видим и в названии улуса – Аллайховский, простонародно его называют Аллайха.

Сложное слово-топоним Албай состоит из компонентов: ал(а)= и =бай<пай – основа имени существительного *пайтэ* ‘женщина’ (ср. *кэйтэ* ‘мужчина’). Следовательно, название горы Албай буквально можно перевести как ‘Алайская женщина’. Такое название объясняется, видимо, тем, что такое наименование горы было придумано во времена матриархата на Севере.

Таким образом, следует заключить, что самоназвание юкагиров *вадул-одул* имеет буквальный перевод, исходящий от значения ‘быть крепким’ – ‘крепость, твердость’. Этноним *алайши* < *ааладьши* приблизительно можно перевести как ‘твердые люди’.

Сокращения:

т. – тундренный диалект,

к. – колымский диалект.

Литература

1. Крейнович, Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку / Е.А. Крейнович. – Ленинград : Наука, 1982. – 304 с.
2. Курилов Г.Н. Значение древнего корня =йон в языке тундренных юкагиров / Г.Н. Курилов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 3(45). – Ч. III. – С. 101-103.
3. Курилов, Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка: (Развитие лексики и роль в нем якутского языка) / Г.Н. Курилов. – Новосибирск : Наука, 2003. – 288 с.
4. Курилов, Г.Н. Этимологический и словообразовательный анализ отдельных лексем тундренного диалекта юкагирского языка с начальным долгим [aa] / Г.Н. Курилов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 10 (28). – С. 109-111.
5. Курилов, Г.Н. Этимологический анализ слова йиэручэ ‘охотник’ в языке тундренных юкагиров / Г.Н. Курилов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – №12 (42). – Ч. III. – С. 103-105.
6. Курилов Г.Н. Этимологическое значение юкагирских этнонимов вадул и алайи / Г.Н. Курилов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 10 (52). – Ч. 1. – С. 104-106.
7. Курилов, Г.Н. Этимология существительных йуорпурэ ‘тундра’ и йуослааѓар ‘северная сторона’ тундренного диалекта юкагирского языка. Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК) / Г.Н. Курилов. – Тамбов : Грамота, 2016. – №8. – Ч. 2. – С. 103-105.
8. Курилов, Г.Н. Этимологическое значение сложных слов надарава ‘ясак’, наданмоойэ ‘полярная сова’ и гидронима Ньаавайнадану / Г.Н. Курилов // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). – Тамбов: Грамота, 2017. – № 7. – Ч. 1. – С. 112-114.
9. Курилов, Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск : Наука, 2001. – 608 с.

ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СЮРПРИЗЫ

Заметки о книге Чайковского Ю.В.

«Мысы Ледовитого напоминают. Исторические очерки и повесть».

– Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2015. – 400 с.

INTERDISCIPLINARY SURPRISES

*Notes about the book: Tchaikovsky Ju.V. The capes of The Arctic ocean
remind Historical sketches and the story.*

Association of scientific editions KMK. M., 2015. 400 pp.

Бурыкин Алексей Алексеевич,

Институт лингвистических исследований

Российской Академии наук,

г. Санкт-Петербург

Burykin Alexey Alekseevich,

Institute of linguistic researches

of the Russian Academy of Sciences,

St.-Petersburg

Аннотация. Статья представляет размышления автора по поводу одной новой книги, посвященной русским открытиям в Арктике и исследованиям Арктики в XVII-XIX веках. Автор подвергает сомнению события, связанные с фактами ранних проникновений русских промышленников и казаков на побережье Северного Ледовитого океана и их походов на восток вдоль побережья и выхода в Тихий океан. Материалы к биографии адмирала А.В.Колчака, морского офицера, полярного исследователя и политического деятеля, включенные в книгу, являются известными читателям по обширной литературе, изданной в последние 25 лет. В других случаях, особенно в описаниях находок предметов, принадлежащих полярным мореходам первой половины XVII века на восточном побережье полуострова Таймыр, и в попытке пересмотреть маршрут плавания Семена Дежнева вокруг Чукотского полуострова автор предлагает ряд фантастических догадок и допущений, устраняющих самые возможности таких походов. Предположения автора, однако, по крайней мере в последнем случае, противоречат этнографическим данным, представленным в известных исторических источниках. Если обратиться к проблеме патриотизма в приоритетах географических открытий, затронутой

автором, то главным патриотом оказывается немец академик Г.Миллер, который не сомневался в реальности походов С.Дежнева.

Ключевые слова: история, география, исторические источники, этнография, географические открытия

Abstract. The Article represents author's reflexions concerning one new book devoted to Russian discoveries in Arctic regions and researches of Arctic regions in XVII - XIX centuries. The author calls in question the events connected with the facts of early penetrations of Russian hunters and Cossacks at coast of Arctic ocean and their campaigns to the east along coast and an exit to Pacific ocean. Materials to the biography of admiral A.V.Kolchak, Russian Navy officer, the polar researcher and the politician, included in the book, are known to readers under the extensive literature published last 25 years. In other cases, especially in descriptions of finds of the subjects belonging polar seamen of first half of a XVII-th century at east coast of Taimyr peninsula, and in attempt to reconsider a route of expedition of Simeon Dezhnev round Chukotka peninsula the author offers a number of fantastic guesses and the assumptions eliminating the possibilities of such campaigns for Russians. Assumptions of the author, however, in at least in the latter case contradict the ethnographic data, presented in well-known known historical sources. If to address to a problem of patriotism in priorities of the geographical discoveries, mentioned by the author the academician the German G.Miller who did not doubt a reality of campaigns of S.Dezhnev appears the main patriot.

Keywords: history, geography, historical sources, ethnography, geographical opening

Можно нахичичить в Магадане,

А сидеть на химии в Москве.

Мишук Валер., Мишук Вл. Философический канкан

Каждая новая книга об истории открытия Арктики – событие для ученых разных специальностей, для полярников, всегда равнодушных к истории географии и истории наук о Севере, для тех, кто живет в этих суровых краях. Много хороших книг по истории и географии Арктики появляется и в наши дни. Но что можно сказать о совсем новой

книге Ю.В. Чайковского с интригующим названием «Мысы Ледовитого напоминают» (Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2015) [24] – это почти толстовское «Не могу молчать».

В аннотации к книге говорится: «В пяти очерках и повести рассмотрено шесть давних проблем освоения Российской Арктики, либо затрагиваемых учеными и писателями редко и поверхностно, либо не затрагиваемых вообще». «Автор стремился показать, что для понимания прежних событий мало знать «факты», т.е. свидетельства, а следует привлечь весь наличный арсенал средств исторической науки».

В книге пять очерков, связанных с историей открытия отдельных мест на побережье Северного Ледовитого океана, и повесть, рассказывающая об отдельных эпизодах биографии полярного исследователя А.В. Колчака (1874-1920), как его представляли библиографы даже в самые мрачные времена. Литературные достоинства и фактическая основа повести займут нас меньше, биография А.В. Колчака и документы – как показывающие деятельность самого А.В. Колчака во власти, так и материалы о его аресте и расстреле – обнародованы и известны [1; 9; 19; 21]. Хорошо описана и Полярная экспедиция 1903 года, которую возглавлял А.В. Колчак, чему посвящена одна из предшествующих публикаций Ю.В. Чайковского [23]. Очерки истории, составляющие основное содержание книги – это то, что претендует быть вкладом в науку и в какой-то мере сенсацией. Некоторые подробности из этих очерков мы и хотели бы разобрать в данной публикации.

Краткое содержание очерка 1 «Мыс Скифский, или Арктический» (с. 12-32)¹ таково: очертания земель Арктики на средневековых картах загадочно совпадают с фрагментами береговой черты Северной земли и некоторых других мест. По мысли автора, это означает, что в XVI веке европейские мореплаватели могли совершать походы в обход Новой земли с севера и достигать северных берегов архипелага Северная Земля. Пятитомный труд И.П. Магидовича и В.И. Магидовича «Очерки по истории географических открытий», где во втором томе рассказывается об исследованиях северо-восточного прохода [15, т.2, с. 213-221, 265-304], хорошо известен всем заинтересованным читателям и никто не подвер-

¹ Есть и иные мнения: М.В. Ломоносов полагал, что мысом Табин европейские картографы называли Чукотский полуостров [14, с.445].

гает сомнению содержащуюся в нем информацию. Непонятно, однако, почему автор не упомянул о мысе Табин, который был известен еще со времен Древнего Рима и о котором писал Гай Плиний Секунд, более известный под именем Плиния Старшего, в своей «Естественной истории» и некоторые другие авторы? Более всего этот мыс известен в литературе в связи с картой Г. Меркатора 1569 г., он же показан на карте В. Баренца 1598 г. [10, с. 30, иллюстрация]; (см. также [16, с. 16; 4, с. 127, иллюстрация]); авторы других трудов, рассуждая о подозрительных объектах на европейских картах XVI-XVII веков, говорят о нем с иронией [2, с. 35]¹. Тут позиция автора не вполне понятна, однако она может найти объяснение не только в том, что мыс Табин не упоминается ни в компендиуме Р. Хеннига [22], ни в труде И.П. Магидовича и В.И. Магидовича [15], но и в том, что становится понятным исходя из баланса ценностей путешествий и путешественников, каким он видится автору и преподносится нам.

Что касается манипуляций со старыми картами Евразии и современными картами островов Ледовитого океана, внимательные читатели работ Ю.В. Чайковского [27] уже заметили, что он довольно свободно обращается с выбором карт для демонстрации и с масштабом карт: к этому добавим, что фактор магнитного склонения, когда-то вовсе неизвестного и к тому же меняющегося со временем, просто обесмысливает мнимую точность сопоставлений береговой черты.

Ю.В. Чайковский, как и некоторые другие авторы, не всегда утруждающие себя выверкой сообщений и цитат, рассказывает нам, что название реки Обь встречается впервые в Новгородской летописи с 1375 года (с. 13, 19). Увы, даже в учтенной им и хотя бы частично прочитанной им литературе отмечено, что в Новгородской 4-й летописи и в Софийской 1-й летописи под 1368 г. (то есть на 7 лет раньше, чем по инерции источников указывает наш автор) речь шла о реке Обве, впадающей в Каму, а не об «Оби Великой», лежащей за Уралом [6, с. 122-123]) – и такие сведения даются Ю.В. Чайковским без учета имеющейся литературы, без сверки дат летописных статей и проверки названия летописей, без чего исторические сведения могут превратиться в дезинформацию: летописей, именуемых Новгородскими, известно целых пять, а Софийских – две.

¹ Есть и иные мнения: М.В. Ломоносов полагал, что мысом Табин европейские картографы называли Чукотский полуостров [14, с.445].

Очерк 2 «Мыс Фаддея, или Сотвори себе кумира» (с.33-61) посвящен проблеме находок из лагеря полярных мореходов XVII века, найденного в 1940 году на Восточном Таймыре. Сами предметы и история их открытия – факт известный. Ведутся споры, откуда и куда плыли неведомые мореходы – с Оби или с Енисея на восток, как полагает большинство ученых, или с Лены на запад? (см. [6, с. 101 и сл.] Автор выдвигает кардинально новую версию, неожиданную для всех: никто не мог и пытаться обогнуть Таймыр в XVII веке, это какая-то подозрительная команда проникла на север по рекам южной части полуострова с целью обогащения и стремилась уклониться от стражи и таможни (с.40, 53 и сл., 57, 60).

Здесь можно начать обсуждение того, что наш автор рассказывает не все, что выявили и что знают о данном предмете другие ученые, его прямые оппоненты и просто образованные читатели. Но в этом очерке далее число умолчаний Ю.В. Чайковского стремительно растет. Так, исходя из того, что в его сочинении имеются ссылки на нашу книгу [6], мы точно знаем, что ему известно сообщение голландца Корнелия Босмана, которому в Обской губе в 1625 году рассказали о трех кочах, отправившихся морем на восток, из которых один вернулся год спустя, а два пропали без вести – было это примерно в 1619 году [6, с. 115-116]. Опять же, изучив нашу книгу и ссылаясь на нее по другим сюжетам, Ю.В. Чайковский знает, что аналогичный комплекс предметов, возможно, принадлежавший той же экспедиции, был найден в начале XIX века на острове Котельный из архипелага Новосибирских островов – ближайшем острове, располагающемся к востоку от острова Фаддея, там же и тогда же моряки видели и остатки коча [6, с. 114-115] – поразительно, что он не пытается оспаривать сопоставление комплексов предметов, обнаруженных в разное время и в разных местах, причем один из них (находки Я. Санникова на острове Котельном) ныне не существует и известен только по описаниям. Обо всем этом, как и о многом другом, Ю.В. Чайковскому приходится хранить молчание – иначе такие факты оставят его читателей в недоумении. Тут ясно, что на все подобные сообщения даже намекать нельзя, читатель поймет – пусть эти безвестные погибшие промышленники и не ходили вокруг Таймыра, значит, Таймыр смог обойти кто-то другой. Автору, похоже, зачем-то надо, чтобы этого не смог никто.

Ссылки и примечания в книге Ю.В. Чайковского хитро запрятаны в приложениях и не бросаются в глаза, но все же доступны. Важная тема приложений к этому очерку – монетные находки, а именно – несколько тысяч монет в двух комплексах. Вступая в спор с автором этой рецензии, Ю.В. Чайковский утверждает, что «они были разбросаны людьми в беде, как попало (следовательно, часть осталась по карманам и для нас утрачена)» (с.275). Заметим – вне кладов ни единичные монеты, ни россыпи их не обнаружены. Они не встретились исследователям ни в ходе планомерных раскопок на Острове Фаддея и в заливе Симса в избушке и вокруг нее, ни позднее. Мы, как и автор, также предполагаем, что найденная казна «сохранная» (с.38), «итог долгого накопления» (с.276), и мы как раз пытались проследить динамику роста этого накопления, что получило оценку у источниковедов как новая методика анализа монетных кладов (см. перепечатку нашей статьи в [8]). Вопрос о том, могли ли эти деньги быть выручены при торговых операциях, обсуждавшийся на конференции по кладам, где представлялся нами этот материал [5], отпал сам собой; во-первых, для подтверждения этого предположения нужно было бы доказать, что состав казны мореходов идентичен составу единичных монетных находок в сибирских поселениях начала XVII века, например, в Мангазее; во-вторых с кем могли вести денежную торговлю мореходы-промышленники в этих безлюдных широтах – подлинная загадка. Что касается возможных утрат монет, то они, понятно, пропорционально распределяются по предполагаемым долям в кладах и по существу ни на что не влияют в расчетах.

Некоторые утверждения Ю.В. Чайковского анекдотичны: так, оспаривая идентификацию одного из предметов (увы, утраченного) как стрелы-томара, он пытается объяснить, что это был ценнейший объект – булава, атрибут власти, изображаемый на портретах (с.36, 49). Хочется спросить автора: тогда уж сразу почему атрибут атаманской, а не гетманской власти, как подсказывают портреты, или вовсе царской власти (вспомним кадры фильма «Иван Васильевич меняет профессию»). Была ли булава у сибирских казачьих атаманов – доподлинно неизвестно (непонятно, зачем возить ее с собой и кому показывать), как неизвестно и то, к чему относилось измерение «дециметровый шар» (с.49) – если к охвату по окружности, то это действительно стрела-томар и ничего более. Одна

из находок – «энецкий сарафан алого шелка» (с.36) – описана странно, и для чего все это нужно – чтобы сказать, что интерпретация находок на острове Фаддея и в заливе Симса как стоянки мореходов, обошедших Таймырский полуостров – «убогая выдумка» (с.60). С ней согласны несколько поколений исследователей. Что-то новое в этом очерке представлено только ссылкой на результаты раскопок в пос. Усть-Оленек (с.58).

Оставим в стороне очерк 3 «Мыс Петра, или Между инквизицией и чрезвычайкой» (с.62-87) – о Великой Северной экспедиции, и очерк 4 «Мыс Челюскин, или Конец надеждам» (с.88-126), где, пожалуй, главное – то, что на месте захоронения Василия и Татьяны Прончищевых, как кажется автору, найдены совсем другие останки (с.111-114)¹. Нам есть что обсудить в очерке 5 «Мыс Дежнева, или Не верь общеизвестному» (с.127-152).

Главная мысль этого очерка, которую автор стремится внушить своим читателям – Семен Дежнев не плавал вокруг Чукотки, этот миф был запущен в оборот Г. Миллером, рассказавшим о его документах, и держится в обороте до сего дня. Я думаю, многие из знающих историю Сибири и Севера будут удивлены, как так? Каковы основания для таких утверждений? Куда же плавал Дежнев и как он оказался на Анадыре?

Как нас пытается убедить Ю.В. Чайковский, река Анадырь, до которой доплыл Дежнев – это река Чаун, впадающая в Чаунскую губу. То, что река Анадырь, открытая Дежневым – это Чаун, многократно повторяется (с. 128, 129, 130, 132, 134, 135, 136, 137, 141, 144, 147), но аргументов для этого не больше, чем у М.И.Белова 65 лет назад. Каковы истоки этой идеи?

Ю.В. Чайковскому из книги А.А. Бурыкина, которого он называет «высокоученым топо-лингвистом» (с.147, 366) и «известным лингво-топонимистом» (с.275) – доподлинно известно, сколь долгое время историки считали, что за легендарным названием реки Погыча к востоку от Колымы скрывается река Анадырь (см. историографию вопроса [6, с. 235-236, 239 прим.35]. Историк географии М.И. Белов, анализируя документы, решил, видимо, на основе топографии документов (причем не сразу: до поры до времени повторяя идею о тождестве Погычи и

¹ Принадлежность найденных останков Василию и Татьяне Прончищевым подтверждена новыми данными авторитетнейшей экспертизы (Прончищева, Татьяна Федоровна // https://ru.wikipedia.org/wiki/Прончищева,_Татьяна_Фёдоровна)

Анадыря), что название Погыча относится к реке Чаун (см. [6, с. 236]). Итак, получается, если кто-то говорит, что Погыча – это Анадырь (так считали многие), и кто-то другой утверждает, что Погыча – это Чаун (М.И. Белов), то можно сделать вывод, что Анадырь – это Чаун. Логика безупречна. Однако что будет, если хотя бы одно из этих утверждений неверно? А если сразу оба предположения ошибочны?

Неверными оказываются, как мне лично кажется, как раз оба утверждения, породивших гипотезу Ю.В.Чайковского, причем обоснование ошибочности этих утверждений ему должно быть известно [6, с. 242]. Загадочная Погыча – это современная река Пучевеем, впадающая в Чаунскую губу, остров, который по словам стадухинской ясырки чукчанки Калибы, лежит против ее устья – это остров Айон. [13, 242]. Чем не устраивает Ю.В. Чайковского эта идентификация, основанная и на сходстве топонимов, и на топографических указаниях – непонятно, к месту, которое он отводит реке Чаун в своих построениях, этот сюжет вообще не относится. По логике Ю.В. Чайковского, плавание вокруг Чукотки, как и вокруг Таймыра, было невозможно – но почему-то при этом возможно все то, о чем он пишет.

Исследователи знают, что береговая черта Чаунской губы была вообще неизвестна землепроходцам, ходившим к востоку от Колымы и в 1640-е, и в 1650-е годы – во всяком случае доказательства знакомства тех, кто плывал на восток от устья Колымы, с Чаунской губой отсутствуют. Остров Айон, закрывающий вход в губу, был открыт только в 1701 году – о возможности открытия его в более раннее время говорится лишь предположительно [15, с. 290; 20, с. 9], а некоторые источники указывают в качестве даты открытия острова Айон даже 1765 г., приписывая это открытие Никите Шалаурову [13, с.87]. Река Погыча, благодаря точным указаниям чукчанки Калибы, ясырки Стадухина, как сказано выше – это река Пучевеем, впадающая в Чаунскую губу, точно в одном дне от ее устья и лежит южное побережье Айона. Последний штрих – на Погыче-Пучевееме никто из казаков-землепроходцев так и не бывал, докладов об этой реке нет, да и что им там было делать – там нет ни соборей, ни моржей, ни постоянного населения.

Почему же наш автор решил, что дежневский Анадырь – это именно Чаун? Ведь название Чаун в документах землепроходцев вовсе не встречается.

Оказывается, у Ю.В. Чайковского есть свой маршрут похода Дежнева: с побережья Восточно-Сибирского моря в верховья Чауна и далее на Анадырь, ту реку Анадырь, которая известна нам. Не случайно предметом его внимания являются именно волоки и маршруты пеших переходов землепроходцев, а не морские походы. В этом есть определенный резон. Олег Куваев, путешествовавший по этим местам, так писал в своей ранней повести «Не споткнись о Полярный круг»: «Вообще сообщение между стойбищами племен, — зимовьями на Анадыре и Колымой-рекой осуществлялось в то время именно через водораздел рек: Анадырь – Чаун - Малый Анюй. Это был единственный наиболее короткий и легкий путь, который вызывал активное общение между племенами, кочевавшими в бассейне Малого Анюя и землепроходцами и промышленниками, пробиравшимися не единожды из системы Анадыря на Лену через Колыму»[26]¹. Что же, значит, Ю.В. Чайковский прав?

Отнюдь нет. Вот еще одна цитата из той же повести О. Куваева: «Около ста десяти километров отделяло поселок от устья Чауна, двести сорок километров безлюдной тундры было между устьем Чауна и озером Эльгыгытгын, около семидесяти километров от Эльгыгытгына до верховьев Анадыря² и потом более шестисот километров вниз по Анадырю. В низовьях Чауна дорогу преграждает невиданное количество всевозможных стариц, проток, притоков и кустарниковых зарослей. В предгорьях и непосредственно в горах почти невозможно рассчитывать на топливо, кроме крохотных побегов полярной березки. Для того, чтобы сплавляться вниз по Анадырю, нужны хотя бы малоподвижные и неудобные резиновые лодки. А тащить их надо на себе» [26].

Как рассказывает цитируемая повесть О. Куваева, два опытнейших полевика-геолога с огромным трудом, причем пользуясь современной моторной лодкой и имея подробную карту, дошли вверх по Чауну до его истоков. Никаких древностей они в бассейне Чауна не видели, и искать там нечего. Осенние паводки трехметровой высоты, о которых писал О.Куваев и о которых говорит и сам Ю.В.Чайковский (с. 133), оставили бы от любого отряда, незнакомого с этим краем, буквально мокрое место...

¹ В журнальном варианте повести (Куваев О.М. Не споткнись о Полярный круг // Вокруг света, 1962, № 5) эта цитата отсутствует.

² Верховьями Анадыря О.М.Куваев называет вовсе не исток Анадыря, а его верхнее течение: длина реки Белой – не 70, а 487 километров.

Однако нам из других источников, и отнюдь не из новой книги Ю.В. Чайковского известно, что на старых картах XVIII века Анадырь – наш, настоящий – иногда показывается вытекающим из озера, явно из озера Эльгыгытгын, причем его истоком выступает река Энмываам. В чем дело? Все просто: *Энмываам* по-чукотски «Скалистая река», а Анадырь, то есть *Энмаатгыр* «Скалистый ручей» [6, с. 49, 255, 257-258], исток реки ошибочно связывался с названием одного из ее притоков.

Один раздел очерка о Дежневe в книге Ю.В. Чайковского называется «Как у двух рек было одно имя» (с.136 и сл.). Автор пишет, что имя Анадырь носили и Чаун (откуда это взято, не указано, в источниках такие данные отсутствуют, а предположения историков географии в счет идти не могут), и известная нам река Анадырь. Странно, что Ю.В. Чайковский умолчал о том, что и казакам-мореходам, и картографам последней трети XVII и начала XVIII веков был известен еще один «Анадырь», впадающий в Ледовитый океан и запутывающий перспективы его береговой черты – это река, которая и ныне носит то же название, только более точно записанное: Энмаатгыр. Этот второй Анадырь, изображавшийся далеко не там, где находится известная нам река Анадырь, но и вовсе не там, где его ищет Ю.В. Чайковский, на самом деле показывает, что казаки-мореходы знали небольшую реку далеко к востоку от Шелагского мыса – реку Энмаатгыр [6, с. 238, 251-252, 258, 312-315]. Почему же на это не обратил внимания наш автор? – ведь он не может сказать, что не был знаком с данной версией, если он оспаривает или охаивает идеи, представленные в моей книге. Причины умолчания в этом сюжете тоже понятны – существующий до сих пор Энмаатгыр расположен слишком далеко к востоку от тех мест, какие, по логике Ю.В. Чайковского, только и должны были быть известны Дежневу и Стадухину. Странная логика¹. По Ю.В. Чайковскому, далее других

¹ Автор данной рецензии сталкивается с подобным отношением к своим работам второй раз – впервые это проделал Б.П.Полевой, знакомый с нашими предшествующими публикациями, представляющий их содержание в форме доведения до абсурда, но скрывающий их основные положения, касающиеся этимологии названия Камчатка (см. [6, с.269-287], более поздний и более жесткий вариант [25]). С какой целью так поступает Ю.В.Чайковский – непонятно: было бы проще не упоминать мою книгу, сделав вид, что она вообще не знакома автору обсуждаемого сочинения. То же относится к эпитетам «топо-лингвист» и «лингво-топонимист»: Ю.В.Чайковский не мог не знать того, что моя книга, на которую он несколько раз ссылается – это дополненная несколькими параграфами и защищенная в 2011 году докторская диссертация по историческим наукам, хотя и имевшая иное по сравнению с книгой название [4].

мореходов на восток от устья Колымы проник только Н. Шалауров в 1760-е годы, (с. 22, 355-356, 362, 366), стало быть, спустя более чем 100 лет после походов Дежнева. Почему именно он? Наверное, по той причине, что достаточно точно известно место гибели его отряда, и оно известно с 1820-х годов, когда последняя стоянка шалауровцев была найдена Ф.П. Врангелем [21, 314-315], а может быть, потому, что, по современным раскладкам, Н.Шалауров так и не смог выйти из пределов Восточно-Сибирского моря и войти в Чукотское море.

Вспомним, что в первом очерке книги Ю.В. Чайковского показывается, что европейцы открыли все высокие широты Российской Арктики еще в XVI веке (не оставив там материальных свидетельств присутствия), а русские мореходы в XVII веке по Ледовитому океану плавать не могли. Получение сведений о восточном побережье Азии он приписывает китайцам (с.263), которые же якобы занесли на Камчатку античные и среднеазиатские монеты (с. 18, 57 прим 2, 263). Этот сюжет известен: давным-давно магаданский археолог Н.Н. Диков, не обнаруживший никаких следов античного или средневекового времени на Ушковском озере, где были найдены монеты (хранятся ныне в Эрмитаже), заметил: «Не исключено, что их привез и потерял там какой-нибудь поздний путешественник, любитель нумизматики» [12, с. 96]. Похоже, что найденные монеты и в самом деле составляли содержимое кармана геолога, побывавшего в отпуске в Крыму или на Черноморском побережье Кавказа.

Непонятно, почему тогда Ю.В. Чайковский не говорит о том, что испанцы и англичане могли в том же XVI веке плавать вокруг Америки, возможность таких плаваний тоже защищается сейчас ссылками на колебания климата Арктики [6, с. 210-214] – частичным подтверждением их оказалось в XVIII веке сообщение Дж. Кука о том, что береговая линия Аляски постепенно уходит на запад [3, с. 7].

Ю.В. Чайковский, что и ожидаемо, берет под сомнение не только самую возможность похода С.И. Дежнева 1648 г. вокруг Чукотского полуострова и глубокомысленно молчит о походе М. Стадухина 1649 г., восточная точка маршрута которого приближается к мысу Сердце-Камень, но оспаривает возможность плавания Ивана Рубца до Камчатки в 1662 г. Это плавание – один из любимых сюжетов Б.П. Полевого

[18, с. 6-30], и оно не только берется Ю.В.Чайковским под сомнение (с.138, 144), но и почти что подвергается осмеянию на том основании, что название Камчатка появляется на картах в разных местах. Прочитируем автора действительно выдающегося открытия: «На французской карте «Тартария» Гийома Делиля 1706 года <...> полуострова Камчатки еще нет, а слово «Камчатка» есть; мы видим селение с этим названием у низовья реки, примерно на том же месте, где должно быть низовье реки Анадырь» (с.144).

Если бы Ю.В. Чайковский посмотрел на современную карту Чукотки или на карту бассейна реки Анадырь, то увидел бы, что как раз в Анадырском лимане, только на его северном берегу, находится поселок Канчалан, а в лиман впадает река Канчалан, имеющая точно такое же название. То, что названия Канчалан и Камчатка (чук. *кунчычен* «одна кочевка», *қончагты* «на одну кочевку») имеют общую основу и общее происхождение и разница между этими формами лишь грамматическая, давно ясно – и как раз это скрывал Б.П. Полевой от своих читателей [6, с. 277; 25]. Карта Г. Делиля подтверждает наше предположение: на ней название Камчатка находится почти точно на месте Канчалана. Документы, описывающие походы Ивана Рубца «на Камчатку» при их адекватном и нефантазийном прочтении, сохраняют нам один из топонимов Анадырского лимана, который оказывается известным с 1660-х годов, и свидетельствуют о том, что жители Анадырского острога были неплохо знакомы со всем периметром Анадырского лимана, в том числе и с его северным побережьем. Что касается Ивана Рубца, то он, похоже, доплыл с Лены до Анадыря, то есть побывал «за Носом», как тогда называли чукотский полуостров, но река Камчатка из его документов – это Канчалан: все же нигде нет никаких свидетельств того, что этот мореход выходил из Анадырского лимана в южном направлении, тем более, что в осеннее время плавание к югу от устья Анадыря было весьма опасным. Мы полагаем, Иван Рубец благоразумно зимовал в 1662-1663 гг. в Анадырском лимане, возможно, даже около устья реки Канчалан, и это (а не мифический поход к югу) обеспечило ему фантастически богатую добычу.

Несомненная польза от новой книги Ю.В. Чайковского для изучения истории открытия побережья Северного Ледовитого океана и крайнего Северо-Востока Азии есть, и она заключается в повторной публикации

двух документов С. Дежнева, воспроизводящей текст из наиболее совершенного их издания 1964 года (с.347-355). Что касается поисков псевдопатриотов среди отечественных историков географии, якобы фальсифицировавших истину – это не очень конструктивно. При этом остается открытым вопрос: кто из историков географии нуждается в разоблачении своих идей? Требуют ли этого работы Н.Н.Оглоблина, М.И.Белова, А.В.Ефимова, Д.М.Лебедева и В.А.Есакова, А.И.Алексеева и других ученых середины и конца XX века, или же таким «псевдопатриотом» оказался сам Герхард-Фридрих Миллер, наконец-то удостоившийся совсем неожиданных для него лавров? Он-то сам, как и подобает историку, поверил тем документам, которые попали в его руки, поскольку документы о походах Дежнева были явно подлинными.

Самое примечательное – Ю.В. Чайковский искренне полагает, что он предлагает новый метод в решении историко-географических проблем. К методологическим достижениям автора относятся, например, такие: «сопоставить загадки» (курсив не мой. – А.Б.), «предлагается допустить наличие связей там, где их обычно не видят», (с.8), «умение выявлять *серийные факты*» (курсив не мой. – А.Б.) (с.8), «погружение исследуемого явления в его эпоху» (?? – А.Б.), «выявлять правду в потоке лжи», «правдивые свидетельства не могут противоречить друг другу», «истина самосогласованна, она образует единое целое, чего с ложью на деле не бывает», «свидетельство пишущего против себя можно полагать правдой», «выявление ядра и периферии» (с.9); «держат в поле зрения спектр мнений», «научиться не выдавать сомнительное за ложное» (с.10) и т.п. Увы, все это публицистические штампы из рассуждений о науке, фрагментарные оценочные заметки, часть которых – «не выдавать сомнительное за ложное» или просто учитывать все высказанные мнения и теории, давно используется определенными персонами для защиты заведомо антинаучных построений. Собственные достижения в методах науки у Ю.В. Чайковского скромны – многократным зомбирующим повторением внедряя нужное ему в сознание читающих, и молчать, молчать и еще раз молчать о тех фактах, теориях, предположениях, которые будут противоречить идеям автора. Однако читающий книгу всякий раз найдет то, о чем умолчал Ю.В. Чайковский, если ознакомится с той литературой, с которой наш автор вступает в полемику.

Ю.В. Чайковский пишет: «Обычным инструментом нормальной науки является обратная эвристика – утверждение, которое требовалось доказать, но которое в данной культуре стало аксиомой» (с.72). Он как будто не замечает того, что в истории географических открытий *аксиом* как понятий нет вообще – все положения, которые он оспаривает, доказываются не только теми документальными источниками, которые введены в научный оборот, но и данными смежных наук – например, археологии и особенно этнографии, дающей для истории открытия Чукотки решающие доказательства того, что Дежнев и его спутники видели на своем пути эскимосов, носивших лабретки: «...а против того Носу есть два острова. А на тех островах живут чухчи, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, и кость рыбеи зуб» (с. 348 рецензируемой книги, приложения). Едва ли из Анадырского лимана в первой половине 1650-х годов казаки могли проникать так далеко к Северо-Востоку, чтобы найти Острова Диомида и встретиться с эскимосами, в то время как по пути через Берингов пролив вдоль берегов Чукотки с севера (сам пролив открыт не был, его противоположного берега мореходы не увидели), такая встреча была ожидаемой.

«Обратная эвристика» – это, по утверждениям автора, все то, что не согласуется с его концепциями, и это словосочетание используется почти как ругательство (с. 142, 356 и др.). Вспоминается фраза из монолога М. Жванецкого: «Но пусть они мне сначала докажут!». Но что мы должны в свое оправдание доказывать Ю.В. Чайковскому? То, что на поморских кочах можно было плавать по Ледовитому океану в открытом море?¹ В. Баренц и другие голландцы, посещавшие Новую землю, видели и остатки погибших судов, и следы пребывания там поморов, и встречались с поморами-промысловиками на море. Ф.П. Врангель и его спутники-моряки в начале XIX века нашли на побережье Ледовитого океана детали нескольких судов, о которых мы ничего не знаем, и виде-

¹ Мало кому известно, что в 1922 году пять кадетов и боцман на 10-тонном боте «Рязань» совершили переход через Тихий океан из Владивостока в Сан-Франциско, и это позже стало сюжетом поэмы А.Несмелова «Через океан». Может показаться, что на испанских каравеллах Колумба в XV веке будто бы нельзя было пересечь Атлантический океан, тем более что флагманская «Санта Мария» - вообще не каравелла, а каракка. Каравеллы, построенные по чертежам XV века, успешно доплывали из Европы в Америку и в XX веке – мы недооцениваем наших предшественников. Скандинавские драккары, бороздившие северные моря в X-XII веках и построенные по старым образцам, пересекали Атлантику и в XIX, и в XXI веках.

ли следы посещения этих мест мореходами [11, с. 231, 266, 283]. Об этом Ю.В. Чайковский, как и о многом другом, умалчивает, упоминая только о единственном вертикально поставленном бревне на мысе Неупокоева (с.12, 34) – вот только с дендрохронологической датой такой находки могут быть проблемы: древесина в Арктике портится медленно, и столб из плавникового бревна мог быть сделан неизвестными мореходами и 100 лет спустя после гибели дерева в долине реки.

Ю.В. Чайковский многократно подчеркивает: заключения патриотического характера в истории открытий в Арктике – вымысел, антипатриотичной оказывается правда. На самом деле, правда и вымысел в истории есть и у патриотов, и у антипатриотов, и у кого чего больше – сказать трудно. В общем, не зря Олег Куваев предупреждал – не споткнись о Полярный круг... И не зря положительная рецензия на это сочинение появилась в популярном *химическом* журнале (см.[27]).

Литература

1. Адмирал Колчак. Протоколы допроса. – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 272 с.
2. Белов, М.И. История открытия и освоения Северного морского пути / М.И. Белов. – Москва : Морской транспорт, 1956. – Т. 1. – 591 с.
3. Болгурцев, Б.Н. Русская Америка. Гидрографические исследования / Б.Н. Болгурцев, В.И. Корякин – Санкт-Петербург : Изд-во ЦКП ВМФ, 2002. – 400 с.
4. Булатов, А. Изображенная история / Беседу вела А. Котляр // Наука и жизнь. – 2011. – № 1. – С.124-131.
5. Бурькин, А.А. Два клада с казней полярных мореходов XVII века с Восточного Таймыра: проблемы интерпретации / А.А. Бурькин // Клады. Состав, хронология, интерпретация: материалы тематической научной конференции. (Санкт-Петербург, 26-29 ноября 2002 г.) – Санкт-Петербург : Изд. СПбГУ, 2002. – С.248-251.
6. Бурькин, А.А. Имена собственные как исторический источник / А.А. Бурькин. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2013. – 536 с.
7. Бурькин, А.А. Иноязычная ономастика русских документов XVII-XIX вв., относящихся к открытию и исследованию Сибири и Дальнего Вос-

- тока России, как исторический источник: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. / Рос. акад. наук, Ин-т вост. рукописей. – Санкт-Петербург, 2011. – 39 с.
8. Бурькин, А.А. Новое в интерпретации находок из лагеря русских полярных мореходов XVII века на Восточном Таймыре / А.А. Бурькин // Историография и источниковедение отечественной истории: сборник научных статей. – 2011. – Вып. 6. – С.175-191.
9. Верховный правитель России. Документы и материалы следственного дела адмирала Колчака. – Москва: Ин-т российской истории РАН, 2003. – 722 с.
10. Визе, В.Ю. Моря Советской Арктики / В.Ю. Визе – Москва; Ленинград : Изд-во Главсевморпути, 1948. – 296 с.
11. Врангель, Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823, и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. 2-е изд. / Ф.П. Врангель. – Москва : Изд. Главсевморпути, 1948. – 456 с.
12. Диков, Н.Н. Древние костры Камчатки и Чукотки / Н.Н. Диков. – Магадан : Магаданское книжное издательство, 1969. – 255 с.
13. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – Москва : Мысль, 1989. – 492 с.
14. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений / М. В. Ломоносов. – Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747 - 1765 гг. – Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1952. – 692 с.
15. Магидович, И.П. Очерки по истории географических открытий. Т. 2. / И.П. Магидович, В.И. Магидович. – Москва : Просвещение, 1983. – 399 с.
16. Пасецкий, В.М. Первооткрыватели Новой земли / В.М. Пасецкий. – Москва : Наука, 1980. – 192 с.
17. Плотников, И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. – Москва, Центрполиграф, 2002. – 702 с.
18. Полевой, Б.П. Новое об открытии Камчатки. / Б.П. Полевой – Ч.2. – Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 1997.– 160 с.
19. Синюков, В.В. Александр Васильевич Колчак : от исследователя Арктики до Верховного правителя России / В.В.Синюков. – Тверь : Корвет, КноРус, 2004. – 528 с.

20. Справочник по истории географических названий на побережье СССР. – Москва : Изд. ГУНИО МО СССР, 1985. – 430 с.
21. Хандорин, В.Г. Адмирал Колчак. Правда и мифы. – Томск : Издательство Томского университета, 2007. – 288 с.
22. Хенниг, Р. Неведомые земли: в 4 т. / Р. Хенниг. – Т.1-4. – Москва : Изд. иностр. лит., 1961-1962. – т. 1. – 513 с.; т. 2. – 517 с.; т. 3. – 546 с.; т. 4. – 546 с.
23. Чайковский, Ю.В. Возвращение лейтенанта Колчака. К 100-летию Русской полярной экспедиции (1900–1903) // Вестник РАН. – 2002. – № 2. – С. 152-161.
24. Чайковский, Ю.В. Мысы Ледовитого напоминают. – Москва; Товарищество научных изданий КМК, 2015. – 400 с.

Интернет-ресурсы

25. Бурькин, А.А. История открытия Камчатки, или Байки старого Паратуна? Домыслы, вымыслы и умыслы в объяснении происхождения названия «Камчатка» (по материалам книги Б.П. Полевого «Новое об открытии Камчатки») // Электронный журнал «Сибирская заимка». Режим доступа: <http://zaimka.ru/burykin-polevoy/> (дата обращения 11 февраля 2018 г.)
26. Куваев, О.М. Не споткнись о Полярный круг // Цит. по электронной версии. Режим доступа: http://royallib.com/book/kuvaev_oleg/ne_spotknis_o_polyarniy_krug.html (дата обращения 11 февраля 2018 г.).
27. Чухлома, Юлия. Необходима осторожность. // Режим доступа: <http://yuchuhloma.livejournal.com/92833.html>. (дата обращения 9 апреля 2016 г)

* * *

**ПОЛИСЕМИЯ ЯКУТСКИХ СОМАТИЗМОВ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

**POLYSEMY OF THE YAKUT SOMATISMS
IN THE LINGUOCULTURAL ASPECT**

Габышева Луиза Львовна,

Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра общего языкознания и риторики

Gabyшева Luiza Lvovna,

North-Eastern Federal University,
Faculty of Philology
Department of General Linguistics
and Rhetoric

Аннотация. В статье рассматриваются семантика и коннотации якутских слов, обозначающих голову и ноги. Автор анализирует, как у телесных образов рождаются культурные смыслы в результате нарушения системы ориентационных проекций, т.е. мены верха низом и наоборот. Соматизмы тесно коррелируют с культурным пространством, что, в конечном счете, оказывает влияние на их семантику, обогащая ее и делая сложной для раскрытия.

Ключевые слова: соматизм, семантика, метафора, культурный смысл, полисемия, фольклор, знак

Abstract. The article deals with the semantics and connotations of the Yakut words denoting the head and legs. The author analyzes how in the bodily images cultural meanings are born as a result of the disturbance of the system of orientational projections. Somatisms are closely correlated with the cultural space, which ultimately affects their semantics, enriching it and making it difficult for disclosure.

Keywords: somatism, semantics, metaphor, cultural sense, polysemy, folklore, sign/

Номинации частей тела, соматизмы, составляют значительную часть словарного состава любого языка и являются древнейшим исконным пластом лексики. Они характеризуются устойчивостью, высокой ча-

стотностью употребления и вследствие этого разветвленной семантической структурой. Анатомическая лексика принимает активное участие в концептуализации мира и социума и связана с типичными для тюркских языков переносами значений, что свидетельствует об архаичном характере языковых тропов. В якутском языке от соматизмов путем метафорического и метонимического переносов образованы пространственно-временные термины, ландшафтная и топонимическая лексика (это универсальное явление), номинации растений и животных, социальная терминология, антропонимы, названия частей жилища, орудий труда и промысла, одежды, утвари, орнамента, обрядов и т. д.

В якутском языке из всех соматизмов наибольшую продуктивность в образовании метафорических значений имеют слова *бас* ‘голова’ и *атах* ‘нога’. В фольклорных текстах указанные слова часто встречаются в парном сочетании: *бастаах-атахтаах былыт* ‘облако (будто шкура снятая) с головой и ногами’; *сир баһыгар-атаҕар, халлаан улаҕатыгар* ‘где-нибудь на краю света’; *баһа-атаҕа суох баттабыл* ‘угнетение без начала и конца’; *баһынан-атабынан иһит* ‘слышать мельком’ и т. д. [14, с. 27; 10, с. 389].

Как анатомические термины слова *бас* и *атах* не образуют антонимической пары и только в своих переносных значениях связаны семантической оппозицией: *сыл баһа* ‘начало года’ – *сыл атаҕа* ‘конец года’; *баһа-атаҕа биллибэт* ‘без начала и конца’ и т. д.

Имя прилагательное *атах* ‘ножной’ употреблялось в оценочном значении ‘последний’® ‘худший’ и было противопоставлено производному от существительного *бас* слову *бастың* ‘передний, первый’® ‘лучший’. Оценка предполагает проекцию предметов на определенную шкалу измерения, т. е. соматизмы, функционируя в качестве оценочных слов, не порывают связь с отношениями проекции.

Образ человеческого тела лежит в основе лексической модели социума, соматизмы употребляются в метафорических значениях как социальные термины. Значение социального верха и власти имеют слова, образованные от соматизма *бас*: *бастаахтар* ‘главствующие, старшие по общественному положению’; *бас-көс* ‘главный, руководящий’; *баһылык* ‘глава’, ‘знатный’, ‘начальник’, ‘руководитель’ [10, с. 388]. «*Тобус халлаан улуу баһылыга Үрүң Аар Тойон...* – Великий глава девяти

небес Юрюнг Аар Тойон...», – так обращаются герои якутских исторических преданий к верховному божеству; по отношению к вожаку овинов употребляется тот же термин – *кыргыз баһылык* [7, с. 62].

Отметим, что значения слова **balč* ‘власть’, ‘старшинство’, ‘начальник’ относятся к древним и встречаются практически во всех группах тюркских языков; лингвисты расценивают их как «типологически естественные развития значения» и регулярно совмещенные в разных языках со значением ‘голова’ [15, с. 85-87].

От лексемы *атах* ‘нога’ образованы якутские слова *атах-бытах* (*киһи*) ‘бедняк’; *атах дьон* ‘последние люди, нищие’; ср.: *баһа суох киһи* (букв. человек без головы), т. е. ‘незначительный человек, бесправный, бедный’ и т. д. [10, с. 193]. Редкое выражение *атах дьон* – букв. ‘ножные люди’ встречаем в народной песне, описывающей революционные изменения в обществе на языке социально значимых пространственных отношений [11, с. 157-158].

Метафору рода как тела и уподобление первичной организации общества зоо- и антропоморфическому образу специалисты отмечают в качестве характерной черты языков и культуры тувинцев, шорцев и других тюркских народов. Следует также подчеркнуть функциональный аспект образа тела, которое служило человеку с древнейших времен простым и наглядным образцом соотношения и соположения различных частей в единое целое, подчиненное определенному порядку и иерархии.

Значение социального верха и власти зафиксировано у якутского слова *бас* ‘голова’ в многочисленных фразеологизмах: *бас бил* ‘взять власть в руки’; *бас бэрин* ‘подчиниться, войти под чью-либо власть’; *бас биэр* ‘дать свободу, освободить’; *бас-көс буол* ‘стать лидером’; *аҕа баһын тосту олоҕор* ‘сломи главенство старших’ и т. д. Значение социального низа у слова *атах* мы не можем проиллюстрировать таким же богатым лексическим и фразеологическим материалом. Однако в сюжетах фольклорных произведений, в пословицах и поговорках, загадках и приметах, обрядах и обычаях образы ног и обуви устойчиво ассоциируются с грязью, мучением, нищетой и противопоставлены голове как верху, носителю интеллекта и высших психических функций человека. Показательно, что тюркское обозначение головного мозга **bejŋ* имеет

не только переносное значение ‘ум’, но и ‘удовольствие’ или ‘наслаждение’, причем последние зафиксированы в самых древних памятниках [1, с. 73].

Представителю европейской культуры трудно понять, почему ступня, стелька и подошва загадываются в якутской паремии как «самое горемычное» и «самое мученическое»: *«Эттэн эрэ эрэйдээх (эрэйдээбэ), оттон эрэ сордоох (муңнааба), таңастан эрэ таңнаах (таңнааба, наакастааба) баар үһү.* – Говорят, нечто из тела – самое горемычное, из трав – самое горестное, из одежды – самое мученическое» [12, с. 202]. Для сравнения приведем туркменскую поговорку: «Аяз-хан, гляди на свои чарыки»; в комментариях поясняется, что «раб, по имени Аяз, чудом стал ханом-повелителем. Чтобы не зазнаваться и помнить о тяготах жизни, он повесил на видном месте во дворце свою обувь из сыромятной кожи, чарыки» [19, с. 163]. «Лучше быть головой телка, чем ногами быка. *Öküz adaqi bolýinča buzaýu başı bolsa jeg*» – эта пословица бытовала еще во времена Махмуда Кашгари [3, с. 86].

Ситуацию социального противостояния богатого и бедного, тойона и кулута, якутская пословица передает с помощью оппозиции голова/ноги (обувь): *«Баһырбас быта баска ытынна, кэтинчэ быта кэтэххэ ытынна!* – Вошь торбазов взобралась на голову, вошь чулок взобралась на затылок. Говорят, когда бывший слуга или его потомок вздумал противиться бывшему барину и взял перевес над ним». Ср. с другим вариантом: *«Кэлэн-кэлэн кэтинчэтэ кэтэбэр ыттыбыт.* – Даже его чулок взобрался на его затылок. Говорят, когда обижает благодетельствованный незначительный человек». Гротескный характер образу придает явное нарушение границы между телесным верхом и низом, «смысл этого перевернутого мира “шиворот-навыворот” саркастичен, это иронический мир...» [2, с. 69].

Чтобы унижить и оскорбить противника, знаменитый якутский силач, герой исторических преданий, посылает ему свои торбаза со словами: *«Нүүнэ бөбөһө манна таңара гынан үңтүн, миигиттэн толлор буоллабына.* – Силач из Ньюнэ, если он меня страшится, пусть молится им, как богу» [7, 83]. Предмет, в данной ситуации обувь, используется как знак и служит для передачи определенного смысла, который понятен носителям культурной традиции. Силач из Ньюнэ «посылает ответ»: он

«изорвал те торбаза в ключья и отдал их мальчику, который принес их» – «били *этэрбэхи үнтү тыытан баран, аҕалбыт уолга биэрбит*» [там же]. Этот мотив встречается в сюжетах других исторических преданий как своеобразная формула вызова на бой: «*Бахсыгыр баай мизэхэ кэлэн, мин этэрбэспин имитэр дуу, эбэтэр добун көңүл олохтоох баатыраттары туруорар дуу?* – Богач Бахсыгыр или пусть придет ко мне и станет мять мои торбаза, или пусть выставит против меня сильных вольных местных богатырей» [6, с. 212, 214].

Показательно, что культурные смыслы возникают у соматизмов, телесных знаков и предметов обуви, головного убора в результате нарушения системы ориентационных проекций – мены верха низом и наоборот, что воспринимается мифологическим сознанием как нарушение изначального миропорядка. Анализируя перевернутые образы и сюжеты, Ю. М. Лотман писал, что «перестановка элементов при сохранении того же их набора, как правило, особенно возмущает стереотипную аудиторию» [9, 73]. Механизм смыслопорождения, таким образом, связан в анализируемых случаях с нарушением «нормы» – привычной модели ориентационных проекций.

Текст наполняется смыслом на фоне всей культурной пресуппозиции. Среди якутов бытует запрет: «Повесить торбаза над лежащим человеком – большой и возмутительный грех» [20, с. 120]. У других тюркских народов «обувь, снятую с ног, нельзя было обращать подошвами в сторону почетной части юрты». «Показать подошву обуви у бурят, монголов и калмыков означает нанесение сильного оскорбления кому-то» [4, с. 164]. При внимательном анализе многочисленных запретов обнаруживается, что в их основе также лежит соблюдение системы ориентационных проекций, в которой голова соотнесена с верхом, а ноги – с низом.

Телесные образы и их вещные «заместители» сохраняют оценочное значение, свойственное соматизмам. Так, выражая крайне презрительное, пренебрежительное отношение к кому-либо, якуты употребляют поговорку: «*Угуммут угунньатыгар холообот* – Даже не уподобляет подстилке своих торбазов» или сравнение «*кэтинчэ (угунньа) курдук* – (относится) как к *кэтинчэ* (к стельке) своей обуви» (ср.: «*Кэнникитэ кэтинчэ да буоллун*. – Последствия пусть окажутся даже *кэтинчэ*» [14, с. 147]). Подстилка обуви, соотнесенная с самым телесным низом, выступает и как самая крайняя степень низкой оценки.

Оппозиция голова/ноги, спроецированная на вещь, передается опосредованно, сохраняя при этом значение социального неравенства. У казахов и теленгитов «в случае смерти одного из супругов от занавески отрывали часть (от изголовья – для мужчины, от ног – для женщины) и клали с умершим» [16, с. 22]. В тувинской юрте «в “ногах” постели сидела хозяйка, в изголовье – хозяин» [18, с. 161]. Якутская богиня чадородия, спуская души детей на Землю, прячет *кут* мальчика за ворот одежды «*сабатыгар анньынна*», а *кут* девочки – в ногах «*атабар угунна*» [13, с. 32]. Языковой знак и знак вторичной моделирующей системы согласованы, культурные смыслы телесных знаков являются продолжением языковой семантики соматизмов.

Нищего или разорившегося человека паремии изображают с собачьей ногой под мышкой. Упоминание именно собачьей ноги придает образу гротескный характер: «*Ыт атабын (буутун) туттут*. – Поймал ногу собаки». Или: «*Хайа, добор, кугас ыт холун кыбынайаабын*. – Смотри, дружок, потащишь под мышкой переднюю ногу рыжей собаки» [14, с. 31]. «*Ыксыбыт диэн ыт атабын туттубут*. – Поспешив, остались с собачьей ногой» [там же, с. 185]. Актуализация значений слова в фольклорном тексте дает большие возможности для различного рода ассоциативных связей, роль слова не ограничивается только номинативной функцией, имя переполняется тем количеством информации, которое заключено в обозначаемом им предмете-символе.

Поклон в ноги, универсальная по своему характеру кинема, служила знаком полного подчинения: «*Онуоха Мааһах уонна Болдугурас, оччотообу сахалар абычайдарынан бэриммитин уонна тылын кырдьыгын бэлиэтин атахтарыгар сугуруппуттэрэ уһу*. – На это Маасах и Болдугурас, чтобы получить знак, что он искренне сдался и говорит правду, по обычаю тогдашних якутов заставили его поклониться им в ноги» [6, с. 256-257]. «Тех, кто имел головы, они заставили (их) склонить, тех, у кого были колени, они заставили опуститься (на колени)», – этим образным речением в рунических древнетюркских памятниках передается обращение племен в зависимых данников тюркского кагана [8, с. 115].

Соотнесение и «перекодировка» частей тела, жилища, социума рассматриваются исследователями как универсальная мифологическая концепция. В связи с проекцией структуры тела на социум и лексиче-

ской концептуализацией социальной иерархии в анатомических терминах следует особо подчеркнуть функциональный аспект соматической метафоры: тело служило человеку с древнейших времен простым и наглядным образцом соотношения и соположения различных частей в единое целое, подчиненное определенному порядку и иерархии.

Отметим, что семиотизация частей тела и их оппозиций – явление широко известное в самых различных культурах. Как явствует из анализа якутского материала, концепты ‘голова’/‘ноги’ ассоциируются с идеей социального верха/социального низа, и эта семантическая структура проявляется как в языковых, так и неязыковых формах; она задает логику построения лексической метафоры, мифопоэтического тропа, приметы, обычая и т. д. Слова, обозначающие части тела, тесно коррелируют с культурным пространством, что, в конечном счете, оказывает влияние на их семантику, обогащая ее и делая сложной для раскрытия. Показательно, что культурные смыслы у телесных образов рождаются в результате нарушения системы ориентационных проекций – мены верха низом и наоборот, и в основе многочисленных запретов также лежит строгое соблюдение системы ориентационных проекций.

Литература

1. Аркадьев, П.М. Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте / П.М. Аркадьев // Московский лингвистический журнал. – 2002. – Т. 6. – № 1. – С. 53-80.
2. Голосовкер, Я.Э. Логика мифа / Я.Э. Голосовкер. – Москва : Наука, 1987.
3. Древнетюркский словарь. – Ленинград : Наука, 1969.
4. Дьяконова, В.П. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов / В.П. Дьяконова // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Ленинград : Наука, 1988. – С. 152-186.
5. Евсюков, В.В. Мифы о вселенной / В.В. Евсюков. – Новосибирск, 1988.
6. Исторические предания и рассказы якутов: в 2 ч. – Москва; Ленинград, 1960. – Ч. 1.
7. Исторические предания и рассказы якутов: в 2 ч. – Москва; Ленинград, 1961. – Ч. 2.
8. Кормушин И.В. Древние тюркские языки / И.В. Кормушин. – Абакан, 2004.

9. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство, 2000.
10. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. / Э.К. Пекарский. – Якутск, 1958-1959.
11. Саха норуотун айымньыта (Творчество якутского народа) / Сост. Г. М. Васильев, Х. И. Константинов. – Якутскай, 1942.
12. Саха таабырыннара (Якутские загадки) / Сост. С. П. Ойунская. – Якутск : Якутское книжное изд-во, 1975.
13. Саха фольклора: хомуурунньук (Якутский фольклор: Сборник) / Сост. Д.К. Сивцев. – Якутскай, 1947.
14. Сборник якутских пословиц и поговорок / Сост. Н. В. Емельянов. – Якутск, 1965.
15. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы “В”, “Г”, “Д”) / Э.В. Севортян. – Москва : Наука, 1980.
16. Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения) / Под ред. И.С. Гурвич. – Москва, 1980.
17. Слепцов, П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX–начало XX в.) / П.А. Слепцов. – Якутск, 1989.
18. Соломатина С.Н. Тувинская юрта: к модели мира кочевников / С.Н. Соломатина // Культура народов Сибири : материалы Третьих Сибирских чтений. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 154-168.
19. Туркменские пословицы и поговорки. – Ашхабад: Туркменское гос. изд-во, 1961.
20. Худяков, И.А. Краткое описание Верхоянского округа / И.А. Худяков. – Ленинград : Наука, 1969.

* * *

«ЖЕНСКИЕ» МЕЖДОМЕТИЯ В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ

«WOMEN» INTERNETS IN THE CHUKOTSKY LANGUAGE

Куликова Идея Владимировна,

Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена,
кафедра палеоазиатских языков,
фольклора и литературы

Kulikova Idea Vladimirovna,

Candidate of Philology, Associate Professor.
Russian State Pedagogical University
named after AI Herzen,
Department of Paleo-Asiatic Languages,
Folklore and Literature

Аннотация. В статье исследуются малоизученные «женские» междометия чукотского языка. Автор изучает этот феномен на материале разговорного языка и данных чукотского фольклора.

Ключевые слова: чукотский язык, междометия, «женские» междометия, фольклор.

Abstract. In the article, little-studied «female» interjections of the Chukchi language are investigated. The author studies this phenomenon on the basis of the spoken language and data of Chukchi folklore.

Key words: Chukchi language, interjections, «female» interjections, folklore.

Междометия в чукотском языке многочисленны и разнообразны. Их значение лишь приблизительно соответствует аналогичным междометиям русского языка.

По смысловому значению междометия можно разделить на две группы:

- 1) междометия, выражающие побуждения: призыв, подбадривание, побуждение к совершению действия или к его прекращению;
- 2) междометия, выражающие различные чувства: радость, удивление, разочарование, боль, неизвестность и т.п.

Говоря о «женских» междометиях в чукотском языке, необходимо вкратце остановиться на основных особенностях женского произношения. Особым женским произношением чукотского языка в полной мере владеют пожилые женщины: тундровички, приморские жительницы.

В повседневной жизни с особым шиком луораветланки говорила чукотская поэтесса А.А. Кымытваль.

Исследователь этнографии, истории, а также языка чукчей В.Г. Богораз о женском произношении писал: «Звуки «р» и «ч» в чукотском языке встречаются очень часто, так что женская речь с её постоянным цоканьем звучит отлично от мужской и вообще является более трудной для понимания. Женщины, приводя дословно мужскую речь, произносят «ч» и «р» правильно. Вообще же мужское произношение считается для женщин неприличным» [1].

Цокающее произношение свойственно женщинам, прекрасно владеющим родным языком. Носительницы чукотского языка, свободно общаясь на своём языке, выделяя свою речь от мужского произношения, путём замены звуков «р», «ч», сочетаний «рк», «чг» африкатой «ц» или в последних случаях «цц» (например, слово «рыркы» (в мужском произношении) женщины произносят «цыщцы», «р`энут» – соответственно «ц`энут», «чама – цама», «рамкычгын – цамкыщцын»), подчёркивают свою женственность, граничащую иногда с кокетством, налаживают между собой особый доверительный дух общения.

Некоторые междометия выражают весьма широкий диапазон чувств и на русском языке переводятся только описательно. Так, выражение сочувствия рассказчику можно передать междометием «э-э-эй...». При этом необходимо описать выражение лица сочувствующей и особое положение её рук и даже жестикуляцию.

В художественных, фольклорных произведениях междометия чаще используются в диалогах.

При произношении диалогической речи с междометиями очень важно соблюдать интонацию, которая диктуется контекстом, а также зависит от эмоционального настроения говорящего или читающего вслух.

Мои примеры приведены из сказки «Тиркынпыцэв» («Солнечная Старуха»), записанной в конце 30-х годов великим знатоком чукотского фольклора Л.В. Беликовым.

«Ынко рагтыг`э клявыл. Пыкирык, ивнин цэв`ээн»:

- «А`мын-ым, кыпатгынат левытти ылвин ынк`ям мынынленэт но-тагты!»

- «Ээй! – цэв`ээн ночыткок`эн» [2, с. 155].

Перевод:

«Потом к шатру своему пошёл. Пришёл и говорит жене:

- Головы оленьи свари, – в тундру понесём обряд совершать!
- Ладно, – жена ответила» [3, с. 141].

При этом необходимо подчеркнуть, что женское междометие «эй!» в устах любящей жены выражает большую готовность выполнить наказ мужа, нежели «ладно» в переводе на русский язык. Это достигается особой интонацией.

Очень распространённым «женским» междометием является «кыкэ», его вариант «кыкэ, навыл» выражает удивление, например: «... Люур вай нэнку нытвакэн. Тиркынпыңэв, эвыр ынин гыпильын ынкы нытвакэн. Аны ынкы ынрак ынкэн нэвыскэт гакоргавлен, Тиркынпыңэвын гыпильын:

- Кыкэ навыл, вай цэңэврэмкыльын ынца етгы! [3]»
- Аа?
- Ии – кун! [3, с. 158]

Перевод:

«... А там – Солнечная Старуха, Тиркынпынэу, и ещё женщина при ней, помощница её. Обрадовалась женщина эта, Солнечной Старухи помощница, когда увидела ту, что вошла:

- Вот так диво, женщина снизу, с холодной стороны, пришла к нам, вот так вошла!
- В самом деле?
- Да, вот только вошла! [3, с.144]

Есть другой вариант названного междометия, выражающего удивление. Его я слышала от женщин только из Уэлена. Это «Мэ-э-эй!».

Глубокая любовь матерей к своим детям нашла своё отражение в «женском» междометии. Когда ребёнок зовёт, кличет свою мать, та отзывается ласковым: «Воякай!» На русский язык, возможно, можно перевести: «Аиньки!».

Как было уже сказано, междометия – характерная принадлежность устной речи. А поскольку в условиях двуязычия многие тонкости, а в ряде случаев – словарные единицы уходят из языка, я решила исследовать лексику родного языка, относящуюся к тому пласту, который можно собирать только у женщин. Имеются в виду такие тематические группы, как «Лексика, связанная с рождением ребёнка», «Названия швов, частей одежды», «Названия женских украшений» и др.

Литература

1. Богораз, В.Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь / В.Г. Богораз. – Ленинград, 1937. – 165 с.
2. Тиркынпыцэв // Лыгъоравэтльэн лымнылтэ ынкхам тэленкин тывъ-эттэ / Записал, составил и подготовил Л.В. Беликов. – Магадан, 1979. – С. 155.
3. Чукотские народные сказки, мифы и предания / Записал и перевёл с чукотского Л.В. Беликов. – Магадан : Магаданское книжное издательство, 1982. – С. 141.

* * *

УДК 811.511.1

СААМСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

KILDIN SAAMI LANGUAGE: MAKING DICTIONARIES

Иванищева Ольга Николаевна,
Мурманский арктический государственный
университет, кафедра русской филологии
и массовых коммуникаций

Ivanishcheva Olga Nikolaevna
Murmansk Arctic State University
Department of Russian Philology
and Mass Communications

Аннотация. Словарь саамского языка – феномен, концентрирующий в себе несколько возможных оппозиций: «словарь – язык», «словарь – пользователь» и «словарь – составитель». В каждой группе оппозиций роль словаря определяется его основным и исконным предназначением – словарь как собрание слов, но имеет свою специфику, отличающую словарь саамского языка от словарей других языков.

Ключевые слова: исчезающий язык, саамский язык, лексикография

Abstract. The article considers three oppositions: “dictionary versus language”, “dictionary versus user”, and “dictionary versus dictionary maker”, which lead to a conclusion regarding the peculiarities of the work of a lexicographer making such a dictionary.

Keywords: endangered language, Saami language, lexicography

Словарь исчезающего языка – феномен, концентрирующий в себе несколько возможных оппозиций: «словарь – язык», «словарь – пользователь» и «словарь – составитель». В каждой группе оппозиций роль словаря определяется его основным и исконным предназначением – словарь как собрание слов, но имеет свою специфику, отличающую словарь исчезающего языка от словарей других языков. Общие проблемы исчезающего языка – старение носителей языка, исчезновение или упадок литературы на языке, забвение культуры, политические, социальные и экономические причины, угасание или вырождение этноса — отражаются на составе словаря, степени сохранности языка, мотивации к его изучению, формам преподавания.

В выделении оппозиции «словарь – составитель» необходимо отметить, что составителем словаря исчезающих языков может быть носитель языка или его исследователь, не владеющий языком. Такие словари предназначены для учебных и переводческих целей и часто ставят своей целью помочь представителям этноса изучать или совершенствовать свой собственный язык. В этой ситуации актуально рассмотреть проблемы, которые встают перед составителем словаря исчезающего языка (*critically endangered language*) в его отношении к языковой общности (*the Speech Community*). Нас заставили обратиться к этой проблеме опыт создания словарей кильдинского саамского языка, опыт многолетних полевых исследований, научное общение с коллегами и носителями языка, а также идеи, в частности У. Мозель, о том, что цель словаря исчезающего языка не перевод или изучение языка, а его описание с целью ревитализации и научного исследования [4].

Вопрос ревитализации кильдинского саамского языка в последнее время встает среди саамской общественности и в исследованиях российских и зарубежных исследователей с особой остротой. Анализ социолингвистической ситуации кольско-саамских языков показывает, что в условиях многовекового русскоязычного окружения эти языки утратили свои позиции. Исторические, демографические, социальные и институциональные факторы способствовали этому положению.

Научные исследования кольско-саамских языков, а также создание словарей, несомненно, будут способствовать возрождению этих языков. Поэтому выявление проблем при лексикографировании кольско-саам-

ских языков как исчезающих является актуальным для научного сообщества и для языкового сообщества.

В оппозиции «словарь – язык» рассматривается соотношение состава, а также степени изученности лексики кильдинского саамского языка и языкового материала, который представлен в имеющихся на современном этапе словарях кильдинского саамского языка, а основной проблемой, по нашему мнению, является в первую очередь отсутствие полной базы данных кильдинского саамского языка для представления в словарях различных типов.

В оппозиции «словарь – пользователь» рассматривается соотношение потенциального и реального пользователя словаря исчезающего языка.

Среди имеющихся словарей кильдинского саамского языка словарь Г.М. Керта [2] учебный и предназначен для учащихся начальной школы. Цель данного учебного переводного словаря обозначена автором как успешное овладение учащимися родным (кильдинским саамским) и русским языками. Словарь под ред. Р.Д. Куруч [3] предназначен для специалистов по финно-угорским языкам, этнографии и для всех интересующихся саамским языком, а словарь А.А. Антоновой [1] – для всех, кто изучает саамский язык, а также для носителей языка, которые хотят научиться писать и читать на родном языке, учителей и специалистов по саамским и другим финно-угорским языкам [1, 5].

Путь к созданию востребованного словаря – это изучение пользователя, его запросов и навыков. Нужно очень отчетливо представлять, кто будет использовать словарь, с какой целью и какие навыки будут нужны пользователю данного словаря. Чтобы отнести пользователя к той или иной группе, нужно знать ответы на следующие вопросы:

тип пользователя – к какой из следующих групп пользователь принадлежит – взрослый, ребенок или школьник? Если это изучающий язык, то он начинающий, продолжающий изучать язык или находится на продвинутом этапе? Обычный пользователь или специалист (тогда какой отрасли)? Каковы цели пользователя словаря – учебные, личные или профессиональные?

тип использования: общие цели (поиск значений незнакомых слов, проверка орфографии или произношения, составление кроссвордов); из-

учение определенного предмета; изучение языка; перевод с одного языка на другой; создание текстов на языке; подготовка к письменному или устному экзамену;

тип навыков, которыми уже владеет пользователь словаря: знание особенностей лексического и грамматического строя языков вообще и данного языка (языков) в частности; умение пользоваться словарями вообще.

Очень важно иметь информацию о том, что делают потенциальные пользователи словаря, когда они обращаются к словарям, что им нравится, а что не нравится в словарях, чего они ждут от словарей.

Пользователь словарей кильдинского саамского языка, как представлено в руководствах и предисловиях к словарям, определяется как носитель языка и/или изучающий язык. Портрет пользователя данного языка никем не составлялся. Тем не менее для решения вопроса о типе словаря это чрезвычайно важно. Наши исследования показывают, что потенциальный и реальный пользователь словаря кильдинского саамского языка не совпадают.

Происходит это в первую очередь по причинам социолингвистического характера и зависит от такого фактора, как количество говорящих на кильдинском языке и желающих его изучать.

В оппозиции «словарь – составитель» рассматривается соотношение «составитель словаря» и «исследователь языка». Эти оппозиции особо специфичны для исчезающих языков.

Как представлено у У. Мозель в описании особенностей документирования умирающих языков Папуа Новой Гвинеи (самоанский язык), главное отличие между составлением словаря для языка большинства (major language) и исчезающего языка (endangered language) состоит в том, что процесс документирования умирающих языков не коммерческое предприятие и составитель базы данных не является носителем этого языка. Но в любом случае составлению словаря должно предшествовать осмысление, кто и для какой цели будет использовать этот словарь. Т.е. словарь должен удовлетворять интересам и носителей языка, и исследователей. При этом идеальным вариантом является создание двух словарей: один – удовлетворяющий потребностям носителей языка, а другой – удовлетворяющий потребностям исследователя и его научной работы. Но если

нет возможности создать два словаря, то первый вариант приоритетен. Составление словаря исчезающего языка связано с решением нескольких принципиальных вопросов для исследователя, таких, например, как выбор диалекта, который будет основным в словаре, определение типа словаря, выбор орфографического варианта для слова. Так, решение о том, какой диалект данного языка будет выбран ведущим для представления в словаре, должны принимать носители языка, но если это право предоставлено исследователю, то он должен принимать решение в зависимости от того, каково количество носителей того или иного диалекта, возраст носителей диалекта, использование диалекта в разных функциях. Если в умирающем языке нет стандартизированной орфографии, то следует обратиться к языковому сообществу. При этом надо помнить, что часто это вопрос политический. Но несмотря на то, что различные орфографические варианты могут сделать словарь громоздким, иногда не удается избежать фиксирования таких вариантов [4].

Наш опыт составления словарей кильдинского диалекта саамского языка подтвердил положения, выдвинутые У. Мозель, и выявил следующие проблемы: выбор диалекта языка, его орфографии, а также отбор информации для дефиниции словаря.

Особая проблема возникает, если составитель словаря исчезающих языков этим языком не владеет или владеет только одним из его вариантов. Ситуация с языком коренного малочисленного народа саамов как раз представляет такой случай. В этом случае утверждение, что словарь должен удовлетворять интересам и носителей языка, и исследователей, как никогда актуально. Составителю словаря кольско-саамских языков необходимо определить с выбором диалекта (опорного языка) и его орфографической системой.

Выбор кильдинского диалекта (кильдинского саамского языка) в качестве опорного для создания саамской письменности определился с момента создания саамской письменности на латинской основе в 1930-е гг. Кильдинский диалект был выделен среди туломского и иоканьгского по причине наличия в районах распространения кильдинского диалекта хорошо подготовленных кадров учителей, владеющих и русским, и саамским языками. В 1930-е гг. кильдинский диалект стали называть литературным саамским языком.

Кильдинский саамский язык представлен на настоящее время 3 двуязычными (переводными) словарями, составителями которых являлись носители или неносители кильдинского саамского языка, придерживающиеся разных точек зрения на орфографию этого языка.

Наличие нескольких орфографических вариантов затрудняет не только создание словарей, но и преподавание и распространение кольско-саамских языков вообще и кильдинского саамского языка в частности.

Анализ разных подходов к составлению словаря исчезающих языков, а именно рассмотрение оппозиций «словарь – пользователь», «словарь – язык» и «словарь – составитель/исследователь» позволяет сделать вывод о том, что в ситуации, когда цель словаря исчезающего языка не перевод или изучение языка, а его описание с целью ревитализации и научного исследования, особую важность приобретают принципы работы со словарем лексикографа-исследователя. В сферу его внимания должны попасть в таком случае выбор диалекта, орфографии, а также большой объем фоновых знаний носителя языка, который имеет тенденцию сокращаться или видоизменяться в условиях старения носителей языка, потери традиционной народной культуры, глобальных изменений в социокультурном пространстве этноса. При этом возможно и желательно, по нашему мнению, смещение вектора типологической характеристики словаря: от переводного к переводному с культурологическим комментарием. Такой подход не только позволит сохранить знания народной культуры для последующих поколений, но и возродить язык.

Литература

1. Антонова, А.А. Саамско-русский словарь / А.А. Антонова. – Мурманск : ЛЕМА, 2014. – 376 с.
2. Керт, Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: пособие для уч-ся нач. шк. / Г.М. Керт. – Ленинград : Просвещение, Ленинградское отделение, 1986. – 247 с.
3. Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева [и др.]; под ред. Р.Д. Курч. – Москва : Русский язык, 1985. – 568 с.
4. Mosel, U. Lexicography in endangered language communities / U. Mosel. –2001. Режим доступа : http://www.linguistik.unikiel.de/sldr/stuff/CUP_Mosel_Lexicography 140809.pdf

**К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ И СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭВЕНСКОГО)**

**DISTINGUISHING CLAUSE COORDINATION
AND CLAUSE SUBORDINATION
(WITH PRIMARY REFERENCE TO NORTH-TUNGUSIC EVEN).**

Мальчуков Андрей Львович,
Институт лингвистических
исследований РАН,
Университет г. Майнца

Andrej L. Malchukov,
Institute for Linguistic Studies;
Russian Academy of Sciences, St-Petersburg
& Johannes Gutenberg-University,
Mainz, Germany

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о критериях разграничения сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в тунгусо-маньчжурских языках (на материале эвенского). В качестве основного принимается критерий линейной подвижности придаточного предложения, в частности, его способность – в отличие от сочиненного предложения – к интерпозиции внутри главного предложения.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, эвенский, сложносочиненные предложения, сложноподчиненные предложения, паратакис.

Abstract. The paper discusses diagnostics aimed to distinguish between coordinate and subordinate clauses in Tungusic languages. The author argues for interposition as a main diagnostic for distinguishing subordinate clauses from coordinate and paratactic clauses, and illustrates this diagnostic for North-Tungusic Ewen.

Keywords: Tungusic languages; Ewen; complex clauses; coordinate clauses; subordinate clauses; parataxis

В тунгусоведении вопрос о разграничении сложносочиненных (ССП) и сложноподчиненных (СПП) не может считаться окончательно решенным. Согласно одной – более традиционной – точке зрения, деление на

сложносочиненные и сложноподчиненные проходит внутри сложных предложений, включающих несколько финитных форм, а полипредикативные конструкции (ППК) с нефинитными формами трактуются как простые, осложненные оборотами (см., напр., Колесникова, 1966). Иная точка зрения представлена у Г.М. Василевич (1940), которая рассматривает предложения с нефинитными формами (деепричастными и причастно-падежными) как СПП, а предложения с несколькими финитными формами как ССП (аналогичной концепции в тюркологии придерживалась Е.И. Убрятова). Наконец, на материале типологически близких тюркских языков представлена еще более расширительная трактовка ССП, согласно которой и часть инфинитных форм – „нарративные“ (повествовательные) деепричастия, образующие аналоги ССП в европейских языках, попадают в число ССП (Бергельсон, Кибрик, 1987).

Как представляется, подобные расхождения отчасти зависят от языкового строя; как известно, в алтайских языках ППК преимущественно строятся при использовании нефинитных форм, а конструкции с союзной связью занимают периферийное положение и слабо отграничены от последовательности предложений (Черемисина, 1986). Тем самым терминологическое различие ССП и СПП, столь важное для грамматик европейских языков, для языков алтайского типа не „работает“. С другой стороны, неясность этого вопроса обусловлена отсутствием эксплицитных и универсальных критериев различения сочинения и подчинения.

В лингвистической литературе встречается различное понимание противопоставления сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Пожалуй, все согласны в одном: последние отличаются неравноценностью компонентов – придаточное предложение занимает позицию зависимого члена в составе главного. Однако при попытке найти критерии, позволяющие эксплицировать эти различия, ученые сталкиваются с трудностями, которые предлагается решать различными способами. В отечественной лингвистике наибольшее признание получила концепция А.М. Пешковского, поддержанная В.А. Белошапковой (см. Пешковский, 1956; Белошапкова, 1989). Согласно А.М. Пешковскому, СПП отличается от ССП по двум основным признакам – вариативности позиции придаточного по отношению к главному (в частности, возможности употребляться внутри главного – интерпозиция придаточного)

и маркировки зависимости в придаточной части (посредством союза, вводящего придаточную часть). При этом предполагается, что для сочиненного предложения интерпозиция (с сохранением союзного средства) невозможна, а сочинительный союз располагается либо между сочиненными предложениями, синтаксически не относясь ни к одной из частей, либо употребляется при каждом из сочиненных предложений.

Предлагались и другие критерии, исходящие из семантического или, напротив, формального различия ССП и СПП, однако можно показать, что они либо не универсальны, либо не могут быть операционализированы (Мальчуков, 2008). Под последним имеются в виду возможности его формулировки в виде теста, дающего ясные результаты. Под универсальностью понимается возможность приложения этих критериев к различным классам союзных средств (аналитическим и морфологическим), к различным синтаксическим уровням (например, уровню словосочетания и предложения) и к материалу разноструктурных языков. На наш взгляд, этим требованиям в наибольшей мере отвечает критерий линейной подвижности придаточного предложения, в частности, его способность – в отличие от сочиненного предложения – к интерпозиции внутрь главного предложения. Можно показать, что другие синтаксические критерии, предлагавшиеся в специальной литературе, либо недостаточно универсальны, либо выводятся из него (Мальчуков, 2008). Все конструкции, не удовлетворяющие этому критерию, в дальнейшем именуются паратактическими, к которым помимо собственно сочинительных (сложносочиненных) конструкций мы относим и другие типы сложных предложений неподчинительного типа, в частности, бессоюзные.

Из вышеизложенного ясно, что мы относим конструкции с зависимыми предикатами к подчиненным. Это относится и к тем инфинитным формам, которые, подобно предшествующему деепричастию на *-рид'и* или разносубъектному условно-временному деепричастию на *-рак-*, способны использоваться в нарративной функции. Действительно, ведь все нефинитные предикаты (деепричастия, причастно-падежные формы) линейно подвижны, в частности, способны включаться внутрь главного предложения; ср. *Этикэн, хуличан эмрэкэн, эйду укчэнни* 'Старик, когда лиса пришла, все рассказал'; *Этикэн д'ула, оронгчирид'и, хөррэн* 'Старик домой, обрадовавшись, пошел'. Этим нефинитные предикаты отли-

чаются от форм „косвенных наклонений“, таких как сослагательное или предостерегательное, которые не способны к интерпозиции; ср. синонимичные конструкции с использованием форм деепричастия опасения на *-д'ингаду-* и предостерегательного наклонения на *-д'ик-*, из которых только первое может включаться внутрь главного предложения: *Хинмач, удал-д'ингэду-н, мучули* ‘Возвращайся, а то дождь начнется’; **Хинмач, удал-д'ик, мучули* (ср. *Хинмач мучули, удал-д'ик*) ‘Возвращайся, а то дождь начнется’.

Сказанное не означает, что вышерассмотренные конструкции с нефинитными формами мы характеризуем как сложноподчиненные. В соответствии со сложившейся традицией мы рассматриваем как сложные предложения только те полипредикативные конструкции, которые включают несколько финитных форм.

Неоднозначную трактовку в тунгусоведении вызывают также сложные предложения с финитными частями, связанными посредством союзных наречий, которые одними авторами трактуются как сочинительные, а другими как подчинительные. Ср. следующий пример бифинитной конструкции, включающей союзное наречие с временным значением: *Этикэн д'улай хуличам каркид'анран, тадук гөнни антиканг-такий* (Н) ‘Старик ждал, ждал лису дома, потом (после чего) говорит старухе...’. В.Д. Колесникова (1966), а вслед за ней Н.И. Гладкова (1991) относят подобные предложения к сложноподчиненным, поскольку они выражают временные отношения. В.А. Аврорин, напротив, относит соотносительные нанайские союзы к сочинительным, поскольку „между предложениями нельзя усмотреть признаков подчинения“ (Аврорин, 1961; ср. Бродская, 1988). Между тем критерий линейной подвижности показывает, что эти конструкции являются паратактическими, а не подчинительными, поскольку они не способны к интерпозиции внутрь главного предложения. Этим они, например, отличаются от придаточных предложений с относительными словами: *Этикэн, ок-ка мучун, аситкий гөнни* ‘Старик, когда вернулся, жене говорит’; ср. *Эр н'ан гиа накат долдарид'и, он кэн'элич н'экрин хуличан, гөнни* (М) ‘Тогда другой медведь, услышав, как плохо лиса поступила, говорит’.

Последний пример показывает, что не все сложные предложения, включающие несколько финитных форм, являются паратактическими.

Вопреки точке зрения Е.И. Убрятовой, отождествляющей бифинитность с сочинением предложений, мы различаем среди бифинитных конструкций паратактические и гипотактические, удовлетворяющие критерию интерпозиции. Впрочем, последние занимают в эвенском, как и в других тунгусских языках, периферийное положение. Наиболее грамматикализованными среди них являются СПП с относительными словами (ср. пример выше). В синтаксическом отношении придаточные предложения можно делить на определительные, дополнительные и обстоятельственные:

1) СПП с придаточными определительными включают относительное местоимение, оформленное клитикой *-ка*:

Иав-ка бакчим, д'эбд'им 'Что найду, съем';

Мут таматтан, адив-ку гөнд'ин... (Б) 'А мы платим, сколько скажет';

2) СПП с придаточными дополнительными представляют собой конструкцию с косвенным вопросом и включают относительное местоимение (обычно оформленное клитикой *-да*):

Илэ-дэ хөррин нги-дэ эсни хар 'Куда он ушел, никто не знает';

Этикэн мианни, он гиралкалбу бис 'Старик удивился, какими стали его олени';

3) среди СПП с придаточными обстоятельственными отмечены придаточные временные, вводимые относительным местоимением *ок-ка*:

Ок-ка нулгэн, онгав иттэн 'Когда кочевал, увидел пастбище';

Ок-ка орочил тала нгэнритэн, таракам н'урамн'албу бакритан (Н) 'И вот когда орочи туда кочевали, тогда они повстречали нюрамней'.

Особое положение среди сложных предложений занимают бессоюзные конструкции с прямой речью. В западных и южных говорах они обнаруживают сходство с подчинительными, поскольку прямая речь может помещаться в интерпозицию.

Асалбур „Тарканду-т эмэбэллэ“ гөнэ (Т) букв. 'Женам „Здесь оставайтесь“ приказали';

Эн'му улгмиэрэкэн, „Уроки тангрив“ гөникэн өлэкчиврэрэм (К) 'Когда мама спрашивала, я врал, мол, сделал уроки'.

Эта особенность, не характерная для восточных говоров, может быть связана с влиянием якутского языка, в котором также прямая речь мо-

жет разрывать авторскую, а отношения между авторской и прямой речью, по справедливому замечанию Е.И. Убрятовой (Убрятова, 1976), могут напоминать объектные¹ (ср. иначе в русском, где авторская речь может разрывать прямую).

Для восточных говоров интерпозиция прямой речи нехарактерна, хотя и в них прямая речь обладает линейной подвижностью – может предшествовать или следовать за авторской: ср. *Этикэн гөнни*: „*Худдэку*“ ‘Старик говорит: „Откочую“ и „*Худдэку*“; *гөнни этикэн* ‘ „Откочую“, – говорит старик’. Следует отметить, однако, что эти конструкции не являются вполне соотносительными, поскольку конструкции с препозицией прямой речи обнаруживают более тесную связь между частями сложной конструкции. Если конструкции с постпозицией прямой речи не имеют ограничений на классы глаголов, вводящих прямую речь, то в конструкциях с препозицией в этой функции обычно выступает глагол речи *гөн*- ‘сказать’. Если же авторская речь включает другой глагол речевой деятельности, характеризующий внешние (ср. *ирка*- ‘кричать’) или внутренние (ср. *өлэччи*- ‘лгать’, *мэту*- ‘предупредить’) аспекты речи, то прямая речь вводится опосредованно – при помощи деепричастной формы от глагола *гөн* (*гөнникэн/гөми* ‘сказав’); ср. *Этикэн н’онгчактаки гасчин*: „*Н’онгчак-а, мину аталли!*“ (Н) ‘Старик просит волка: „Волк, развяжи меня!“; „*Н’онгчак-а, мину аталли!*“ – *гөнникэн этикэн гасчин* „Волк, развяжи меня!“ – просит старик волка’ (ср.: ??“*Аталли*“ – *гасчин/иркан* ‘ „Развяжи“, – попросил/ крикнул’).

В подобных конструкциях эти деепричастные формы грамматикализованы и функционально сближаются с изъяснительным союзом, но отличаются от последнего тем, что ПА сохраняет статус прямой речи (категории лица и времени/модальности ориентированы на говорящего, а не на субъект речи). В восточных говорах глагол *гөн* (в неизменяемой форме 3-го лица мн.ч.) подвергается еще более сильной грамматикализации и используется в качестве цитативной частицы ‘мол’². Этот показатель дополнительно отличается от союзов тем, что способен к многократному употреблению: *Иами, гөн, этэнри бөр: Хину, гөн, иак гөнин*,

¹ Ср. также конструкции речевого пробуждения в маньчжурском и монгольских языках, для которых характерно употребление императивных форм в интерпозиции.

² Ср. другую частицу *унг* ‘как его там; так сказать’, которая восходит к другому глаголу с обобщенной речевой семантикой *унг*-, малоупотребительному в эвенском языке.

гөн, эдэс бөр? -*Гаранд 'а гөнин, гөн, ө онгалган гөнни* (Н) 'Почему, мол, не отдашь (птенцов)? Тебе, мол, кто сказал, мол, не давать? – Птица-филин сказала, мол, – говорит кедровка'.

Другие сложные предложения бессоюзного типа, например, образующие глаголами восприятия, трудно отличить от последовательности предложений. Ср. *Асаткар иттэ – иами д'өр хуркэр молчид 'идда* (М) 'Девушки смотрят – (оказывается это) два юноши дрова заготавливают'. Поскольку эта конструкция является паратактической (не допускает интерпозицию), союзное слово *иами*, часто встречающееся в этих конструкциях, нельзя приравнивать к изъяснительным союзам типа русск. *что*, как это предлагает Н.И. Гладкова (1991). Отметим, что и в семантическом отношении это сопоставление неточно: *иами* здесь выражает значение 'оказывается', выражаемое в других говорах посредством миративной конструкции. Ср.: *Эрэли мэриттэн – иами учикан ачча, дэрисэнчэ* (Р) 'Огляделся вокруг, оказывается (верхового), оленя нет, убежал'.

Литература

1. Аврорин, В.А. Грамматика нанайского языка / В.А. Аврорин. – Москва; Ленинград, 1961.
2. Белошапкова, В.А. (ред.) Современный русский язык. – 2-е изд. / В.А. Белошапкова. – Москва, 1989.
3. Бергельсон, М.Б. Система переключения референции в тувинском языке / М.Б. Бергельсон, А.А. Кибрик // СТ. – 1987. – № 12. – С. 16-32, 14: 30-45.
4. Бродская, Л.М. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке / Л.М. Бродская. – Новосибирск, 1988
5. Василевич, Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка / Г.М. Василевич. – Ленинград, 1940.
6. Гладкова, Н.И. Синтаксис // Новикова К.А., Гладкова Н.И., Роббек В.А. Эвенкийский язык : учебник для педагогических училищ. – Ленинград, 1991: – С. 202-297.
7. Колесникова, В.Д. Синтаксис эвенкийского языка / В.Д. Колесникова. – Москва; Ленинград, 1966.
8. Мальчуков, А.Л. Синтаксис эвенского языка: семантические, структурные, коммуникативные аспекты / А.Л. Мальчуков. – Санкт-Петербург, 2008.

9. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Москва, 1956.
10. Убрятова, Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение / Е.И. Убрятова. – Новосибирск, 1976.
11. Черимисина, М.И. Общий подход к структурной типологии полипредикативных конструкций / М.И. Черимисина // Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. – Новосибирск, 1986. – С. 9-32.

* * *

УДК 81.23

ОТГЛАГОЛНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ НА *-(Ы)КИН(Э)-/(Ы)КЭН(А)-* В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Венстен Ш.

(Канозэ, Франция)

Аннотация. В исследованиях по современному чукотскому языку имя прилагательное как самостоятельная часть речи не выделяется. Автор статьи изучает имена качественного состояния (слова с аффиксами на *-(ы)-кинэ (э)-/(ы)-кэн (а)*) с точки зрения их морфологической характеристики. В качестве иллюстративного материала он использует данные известных научных монографий, а также образцы художественного слова из произведений чукотских писателей.

Ключевые слова: чукотский язык, имя прилагательное, имя качественного состояния, грамматика, морфология, чукотская литература.

Abstract. In studies on modern Chukchi language, the adjective as an independent part of speech is not distinguished. The author of the article studies the names of the qualitative state (words with affixes to *-(s) -kene (e) - / - (s) -can (a)*) from the point of view of their morphological characteristics. As an illustrative material, he uses the data of known scientific monographs, as well as samples of artistic words from the works of Chukchi writers.

Keywords: Chukchi language, adjective, name of qualitative state, grammar, morphology, Chukchi literature.

В академической грамматике П.Я.Скорика имя прилагательное как самостоятельная часть речи не отображено, а обозначается как имя качественного состояния (слова с аффиксами н (ы) – кин (э) – / н (ы) – кэн (а) -, напр.: ны-тэң-кин *хороший* , н-ом-кэн *теплый*).

Слова, образующиеся с аффиксами на **-(Ы)КИН(Э)-/-(Ы)КЭН(А)-**, П.Я.Скорик относит к разряду категорий с особыми неспрягаемыми формами глагола (II, Скорик, с.175).

В родственном чукотскому языку корякском А.Н.Жукова лексемы на -кинэ/-кэна относит к относительным прилагательным. Напр.: пыкий-кин ылвый *день прихода, присутственный день* от пыкийык *приходить*; лэйвы-кин *транспортный* от лэйвык *передвигаться* (Жукова, с.161).

Мы считаем, что лексемы на **-(Ы)КИН(Э)-/-(Ы)КЭН(А)-** относятся к именам прилагательным, как это принято во всех школьных учебниках по чукотскому языку.

Отглагольные прилагательные на **-(Ы)КИН(Э)-/-(Ы)КЭН(А)-** образуются от глагольных основ, так же, как и от причастий и деепричастий. У них разные функции: они играют роль неопределённой формы глагола, спрягаемой формы глагола, причастия; выполняют ту же функцию, что родительный падеж в русском языке; часто выступают в роли имени существительного; заменяют придаточные предложения.

Отглагольное прилагательное факультативно согласовывается с определяемым существительным. Оно получает разные аффиксы.

Для П.Я.Скорика «глагол в форме на **-(Ы)КИН(Э)-/-(Ы)КЭН(А)-** обозначает действие, определённым предназначением которому характеризуется данный предмет». Следующий пример П.Я.Скорика иллюстрирует использование этой формы: *Тараңкэн ваны о'тчой гэлъырлилин* 'Место для того, чтобы построить жильё, очень долго искали' (*тараң* - 'строить жильё', *ваны* 'место', *о'тчой* 'долго', *гэлъырлилин* 'искали') (II, Скорик, с. 175).

Даже когда понятия о предназначении нет, П.Я.Скорик всё-таки подчеркивает это понятие, хотя даёт другой перевод. Это видно из его же примера: *Гынтэвкин гэкэнрэт ватгээ* 'Оленья упряжка, на которой убежали, выбилась из сил' (II, Скорик, с. 175); (*гынтэв* - 'убегать', *гэкэнрэт* 'оленья упряжка', *ватгээ* 'выбилась из сил'). Видимо, эта форма на **-(Ы)КИН(Э)-/-(Ы)КЭН(А)-** отвечает на вопрос *где? на чем?*, но П.Я. Скорик в скобках уточняет: (*гынтэвкин* 'чтобы убежать').

Одним словом, данная форма имеет разные функции. Ниже предлагаются вниманию читателя случаи использования отглагольного прилагательного на **-(Ы)КИН(Э)/-(Ы)КЭН(А)-**, которые встречаются в литературе.

А. Отглагольное прилагательное выполняет разные грамматические функции:

1. Отглагольное прилагательное выполняет функцию придаточного предложения: *Нымыным таляпаткэн мыгмытқылыын* (I, Ыутынзэв). ‘Бульон, в котором варились раздробленные кости, очень жирный’ (*Нымыным* ‘бульон’, *таляпат-* ‘варить из раздробленных костей’, *мыг-* ‘много’, *-мытқы-* ‘жир’, *-лыын* ‘иметь’).

2. Оно соответствует неопределённой форме глагола: *Ыэглинангэт муулқыткин чимңун яаркынэн* (II, Богораз, 2, с. 143). ‘Действительно обозом уехать мысль ему пришла’. (*Ыэглинангэт* ‘действительно’, *муулқыт-* ‘обозом уехать’, *чимңун* ‘мысль’, *яаркынэн* ‘пришла’ /букв. ‘использовалась’/).

3. Выполняет ту же функцию, что и спрягаемая форма глагола: *Ынқэн крычмын энанкэтьаткэн торьоратыльэты қаёогты* (I, Емельянова, Нутэкэв, с. 106). ‘Этот праздник посвящается новорождённым оленятам’ (*ынқэн* ‘этот’, *крычмын* ‘праздник’, *энанкэтьат-* ‘посвящаться’, *торьоратыль-* ‘новорождённый’, *кэюуқэй-* ‘олёненок’, осн. –*кэюу-/каео-*, –*кэй/-кай* – уменьшительно-ласкательный суфф).

4. Выступает в функции причастия действительного залога: *Тывалёмын пылқатыңокэн қулиқул ятёлен* (I, Кайо, с.62). ‘Я услышал крик падающей в воду лисы’ (*валём-* ‘услышать’, *пылқатыңок* ‘падать в воду’, *қулиқул* ‘крик’, *ятёл-* ‘лиса’).

5. Выступает в функции причастия страдательного залога: *...қынур гынмылкин рэлкукин вэтгавкэн* (II, Богораз, 2, с. 82). ‘...как недавнее в пологе сказанное’ (*қынур* ‘как’, *гынмылкин* ‘недавний’, *рэлку-* ‘полог’, *вэтгав-* ‘сказать’).

6. Выполняет ту же функцию родительного падежа в русском языке: *...мурык у’рэтнүтэкин авынванвык* (II, Рытгэв, 1). ‘...в столице нашей страны’ (*мургин* ‘наш’, *у’рэтнүтэ-* ‘страна’, *авынван-* ‘столица’ (примечание: необязательно согласование в падеже прилагательного с существительным, но можно было *у’рэтнүтэкинэк*).

7. Выступает в функции существительного: *Лейвыкин мыйылгыр* (II, Богораз, 2, с. 93). ‘Дар ходьбы тебе дам’ (*лейвы-* ‘ходить’, *йыл-* ‘дать’). Примечание: лексема *лейвыкин* выполняет функцию прямого дополнения имени существительного.

8. Как и другие прилагательные, оно оформляется суффиксом местного падежа *-(э/а)-к*, если служит дополнением слова в сравнительной степени: *Бинзэн таңыу арычгытвакэнак қувликэ амрачыко* (I, Гивытэгың, с. 11). ‘Это лучше, чем лежать одиноко в пустом доме’ (*ынзэн* ‘это’, *таңыу* ‘лучше’, *арычгытва-* ‘лежать’, *қувликэ* ‘одиноко’, *амра-* ‘пустой дом’).

Б. Отглагольные прилагательные выражают понятия о цели, назначении, условиях, образе действия, времени, последствиях.

1. Цель: *Гымыкы ныпэлятқэн ы’лэңэт паңэвңытокэн* (I, Құргынто, с. 94). ‘У меня оставался день, чтобы отдохнуть’ (*гым* ‘я’, *пэлят-* ‘оставаться’, *ы’лэңэт* ‘день’, *паңэвңыто-* ‘отдыхать’).

2. Назначение: *Копраёпаткэн плекыт йыпёлқылтэ* (I, Вэқэт, с. 18). ‘Ты бы надел обувь, предназначенную для проверки сетей’ (*копраёпат-* ‘проверять сеть’, *плекыт* ‘обувь’, *йып-* ‘надеть’).

3. Условие: *Қопалгытёол кытгытғыңуокэн ытльата эмкумьу нинэлгықин* (I, Вэқэт, с. 22). ‘Мать берегла моржовое мясо на случай, если начнётся голод’ (*қопалгытёол* ‘моржовое мясо’, *кытгытғыңуо-* ‘начать голодать’, *ытльа-* ‘мать’, *эмкумьу* –*лгы-* ‘беречь’).

4. Образ действия: *Кита-қун мынгитэгээн тургин энғыгыргын кытгынтаткэн* (I, Гырголңавыт). ‘Давайте посмотрим вашу быстроту в беге’ (*кита-қун* ‘давай’, *гитэ-* ‘смотреть’, *тургин* ‘ваш’, *энғыгыргын* ‘быстрота’, *кытгынтат-* ‘бегать’).

5а. Прошедшее время: *Галягьат а’тчакэнат ы’лэңэттэ* (I, О’мрувье, с. 49). ‘Прошли дни в ожидании’ (*галя-* ‘пройти’, *а’тча-* ‘ожидать’, *ы’лэңэт* ‘день’).

5б. Будущее время: *Гымнин ынпэвкин выёллықыл* (I, Вэқэт, 2, с. 101). ‘Это та, которая поможет мне, когда состарюсь’ (*гымнин* ‘мой’, *ынпэв-* ‘состариться’, *выёллы-* ‘помогать’).

6. Последствие: *Эрмэлэткин а’йңаквыргын* (I, Рангавролтын). ‘Победный клич’ (*эрмэлэт-* ‘победить’, *а’йңаквыргын* ‘клич’).

В. Отглагольное прилагательное получает разные аффиксы. Они позволяют расширить их значения и функции:

- причинный префикс *эм-/ам-* ‘из-за’: *эмжууычгэтыльэткинэтури* ‘из-за того, что вы постоянно балуетесь’ (*эм-* ‘из-за того, что’, *жууычгэтыльэт-* ‘постоянно баловаться’, *-кинэ-* суфф. отглагольного прилагательного’, *-тури* ‘вы’);

- уподобительный суфф. *-мил/-мэл* ‘как тогда, когда’: *Пэнинэмил* *зилкымъетгытык о’раңанко тылекинэмил* (I, Кымъытваал, с. 43). ‘Закройте глаза по-прежнему, как тогда, когда вы шли сюда’ (*пэнинэмил* ‘по-прежнему’, *зилкымъетгытык* ‘закройте глаза’, *о’раңанко* ‘сюда’, *тыле-* ‘идти’, *-кинэ-* суфф. отглагольного прилагательного, *-мил* уподобительный суфф. *-мил/-мэл* ‘как тогда, когда’);

- уподобительный суфф. *-мил/-мэл* ‘таким же образом, как’: *Ы’ттгықаанматкэнамэл* *қыворвықатвыгын* (I, Кымъытваал, с. 58). ‘Убей её, как убивают собаку по ритуалу’ (*ы’ттгы-* ‘собака’, *-қаанмат-* ‘убить’, *-кэна-* суфф. отглагольного прилагательного, *қыворвықатвыгын* ‘убей её’, *-мэл* уподобительный суфф.).

Г. Отглагольные прилагательные образуются от основ деепричастий: *Ынин нэвысқэтқэю вамакэн выквылгын рьылинин* (I, Вэқэт, с. 10). ‘Она им сунула камень того времени, когда она была девушкой’ (*ынин* притяжательное местоимение ‘её’, *нэвысқэтқэ-* ‘девушка’, *вама-* деепричастие глагола *ва-* ‘быть’, *-кэн* суфф. отглагольного прилагательного, *выквылгын* ‘камень’, *рьыли-* ‘сунуть’). В слове *вамакэн* суфф. *-ма* обозначает время действия).

Отглагольное прилагательное *вакэн*, образованное от глагольного корня *ва-* ‘быть’, по функции и значению отличается от *вамакэн*. Оно подчёркивает не время, когда что-то было, а факт, что было что-то: *Ынјатал-ым гамгаы’лэн гынык рээн вакэн гымнан ванэван мынтыяатын* (I, Рытгэв. Тэрықы, с.119). ‘А никогда не забуду каждый из дней, проведённых с тобой’ /букв.: будучи с тобой/’ (*ынјатал-ым* ‘а никогда’, *гамгаы’лэн* ‘каждый день’, *гынык* ‘тобой’, *рээн* ‘с’, *вакэн* ‘проведённых’, *гымнан* ‘я’, *ванэван* ‘не’, *-нтыяат-* забыть’).

Форма отглагольного прилагательного на *-макэн* может получить дополнительные аффиксы, как, напр., форма *оралыйвыткомакэн* ‘в то время, когда долго странствовали’ от глагола *лейвыткук* ‘странствовать’ с наречием времени *ора* ‘долго’. *Ыргынан нытвықэнат чиниткинэт вагыргыт оралыйвыткомакэн қоленотайпы* (I, Рытгэв, 2, с. 53).

,Они рассказывали о своей жизни в то время, когда долго странствовали по другим землям' (*ыргынан* ,они', *нытвықэнат* ,рассказали', *чиниткинэт* ,свой', *вагыргыт* ,жизни', *ора-* наречие времени 'долго', *-ляйвыт-ко-* 'странствовать', *-ма-* суфф. деепричастия, *-кэн* суфф. отглагольного прилагательного, *қол-* 'другой', *-нота-* 'земля', *-йлы* – суфф. отправительного падежа).

Примечания:

отглагольное прилагательное *ораляйвыткомакэн*

1) в единственном числе, но могло бы согласоваться во множественном числе с суфф. *-кэнат* со словом *вагыргыт*;

2) заменяет оборот со спрягаемым глаголом;

3) имеет дополнение в отправительном падеже (с продолльным значением).

Д. Отглагольное прилагательное может образоваться:

- от основы причастия действительного залога: *Қол рыннолькэн йыңатвагъэ* (I, Ятгыргын, 3, с. 38). 'Один из тех, кто напал, напустил туман' (*қол* 'один', *рынно-* 'нападать', *-ль-* суфф. причастия действительного залога, *-кэн* суфф. отглагольного прилагательного, *йыңатва-* 'напустить туман'). Отглагольное прилагательное *рыннолькэн* субстантивируется и выступает в роли подлежащего у сказуемого, выраженного глаголом *йыңатвагъэ*. Сравн.: *Қол рыннольын* 'один нападающий' и *қол рыннолькэн* 'один из нападающих').

- от основы причастия страдательного залога: *Эрмэчъэ пиринин ынэ-эльын э'ннылвээкэн* (I, Беликов, с.64). 'Силач схватил старшего брата того, чью шею отсекли' (*и тын-* 'шея', осн. *и'ин-/э нн-,-(ь)ьинн-/-(ь) бэнн-, -лвэ-* 'отсечь', *-ё-* суфф. причастия страдательного залога, *-кэн* суфф. отглагольного прилагательного. Слово *э'ннылвээкэн* имеет функцию родительного падежа в русском языке. Ср.: *э'ннылвэё* 'тот, чью шею отсекли'.

I. Список авторов цитированных фраз

Беликов Л.В. Лымңылтэ. – Магадан, 1979.

Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. – Санкт-Петербург, 1900.

Вэжэт В. Танойгайкотльат. Повесть. – Магадан, 1988.

- Вэжэт 2. Тыжээнү. Повесть. – Анадырь, 2000.
- Мамин-Сибиряк Д.Н. Пыңылтэлтэ. – Москва; Ленинград, 1951. – С.3-105.
- Гырголжуавыт И. Составитель фраз «Чукотско-французско-англо-русского словаря».
- Емельянова Н.Б., Нутекеу Е.И. Чукотский язык : учеб. для 5 кл. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : отд-ние изд-ва «Просвещение», 2000. – 223 с.
- Кайо. Умкычыкукинэт лъовылгыргыт. Арсеньев В.К. Встречи в тайге. (Перевод с русского на чукотский яз.). – Ленинград, 1953.
- Кымьытваал А. Лыгъоравэтлэн лымңылтэ. – Магадан, 1987.
- Ѓутынкээв А. Составитель фраз «Чукотско-французско-англо-русского словаря».
- Ѓэргынто А. Маленький Принц (перевод с Сент-Экзюпери). – Токио. 2014.
- О’мрувье И.В. Чавчывэн яатлыат // Кочевники. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 61-125.
- Ранъавролтын Г. Составитель фраз «Чукотско-французско-англо-русского словаря». Автор чукотско-русского тематического словаря (компьютерный вариант). – Анадырь, 2005.
- Рытгэв Ю. 1. Вагыргын о’равэтлэн. – Магадан, 1958.
- Рытгэв Ю. 2. Иа’м ръэвэ напэлямык. – Магадан, 1983.
- Рытгэв Ю. Тэрыңы. – Магадан, 1983.
- Ятыргын В. Лымңылтэ эйгысыкин. – Магадан, 1963.

II. Литература

1. Богораз, В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора / В.Г. Богораз. – Санкт-Петербург, 1900.
2. Bogoras W. 2. Chukchee Mythology. – Leiden; New York, 1910-1913.
3. Bogoras W. Chukchee. – Washington, 1922.
4. Жукова, А.Н. Грамматика корякского языка. Фонетика. Морфология / А.Н. Жукова. – Ленинград : Наука, ЛО, 1972. – С. 156-162.
5. Скорик, П.Я. Грамматика чукотского языка / П.Я. Скорик. – Т. 1. – Москва; Ленинград, 1961.
6. Скорик, П.Я. Грамматика чукотского языка / П.Я. Скорик. – Т. 2. – Ленинград, 1977.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА “ОГОНЬ”
В РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРАХ ЯКУТИИ**

**REPRESENTATION OF THE CONCEPT “FIRE”
IN RUSSIAN OLD-TIMER DIALECTS OF YAKUTIA**

Павлова Ирина Петровна,

Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра общего языкознания и риторики

Яковлева Марфа Егоровна,

Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра общего языкознания и риторики

Pavlova Irina Petrovna,

North-Eastern Federal University,
Faculty of philology,
Department of general linguistics
and rhetoric

Iakovleva Marfa Egorovna,

North-Eastern Federal University,
Faculty of philology,
Department of general linguistics
and rhetoric

Аннотация. В данной статье рассматривается концепт ОГОНЬ в русских старожильческих говорах на территории Якутии. В этой работе была сделана попытка выявить особенности восприятия русскими старожилками концепта ОГОНЬ. Данные, полученные в ходе анализа концепта ОГОНЬ, могут быть применены при изучении старожильческих говоров, культур и менталитета.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, языковая картина мира, русские старожилы.

Abstract. In this article is considered concept FIRE at the Russians old-timer dialects on the territory of Yakutia. In this work an attempt has been made to reveal the peculiarities of perception by Russian old-timers of the concept FIRE. Data obtained during the analysis of the concept of FIRE can be applied in the study of old-timer dialects, cultures and mentality.

Keywords: Concept, language picture of the world, Russian old-timers.

Продвижение русских в Сибирь началось еще во времена удельной Руси. В период феодальной раздробленности для ускоренного продвижения русского населения на Восток нужны были соответствующие тому времени социально-экономические и политические условия. В XVII веке в результате создания единого централизованного государства в экономической жизни России возникли изменения, приведшие к значительному повороту в исторических судьбах народов Сибири [3, с. 3].

Первые русские землепроходцы проникли на Крайний Север Якутии. В наше время их потомки довольно компактно заселяют Русскоустынский наслег на Индигирке. Центром наслега является поселок Русское Устье, существующий более трехсот с половиной столетий. Из истории прошлого края известно, что потомков землепроходцев в недавнем прошлом можно было встретить и на Яне, Оленьке, по среднему течению реки Индигирки и некоторых других местах Якутии [3, с.3].

Большое пристрастие к старине и традициям дедов, оторванность от «большого мира», обособленная жизнь каждого среди узкого и ограниченного круга людей вынудили «досельных» русских в устье Индигирки сохранить старорусский язык и культуру своих предков.

Нижнеколымские русские старожилы также сохранили самобытность и язык, но в отличие от индигирцев они находились в окружении сравнительно многочисленного русского населения.

Жизнь в окружении иноязычной среды и тесное общение с ней не могла не отразиться на языке пришельцев. В речи русских старожиллов можно отметить довольно заметное влияние языка коренных малочисленных народов, прежде всего, в лексике, имеется также ряд черт, не свойственный русскому языку в области фонетики и грамматики. С уверенностью можно сказать, что на Крайнем Севере Республики Саха (Якутия) сложился русский говор, отличающийся от других русских говоров как Европейской России, так и Сибири в целом.

Оказавшись в иноязычном окружении, русские учились у аборигенов приемам охоты, добычи и обработки пушнины, получали много ценных и интересных информации о животных и растительном мире огромного края, с одной стороны, а с другой, сохранив самобытность и язык, в то же время они передавали свой язык и культуру окружающим их коренным жителям.

Итак, русские говоры Сибири – говоры территории позднего населения. История их сложная и исчисляется разными временами: начало сложения одних относится к XVI-XVII векам, других – к XVIII-XIX векам, третьих – к XX веку. Если взять азиатский северо-восток, Якутию, то и здесь русские не во всех регионах сурового края поселились в одинаковых условиях и одновременно. Своеобразие условий формирования говоров в какой-то степени породило и своеобразие самих говоров. Например, окающая речь русскокустынцев и некоторые другие особенности языка представителями нижеколымского говора воспринимаются как «не совсем нашинские». Или же, наоборот, нижеиндигирцам не совсем понятна речь «кулумских» русских, которые «вроде сюсюкают да искажают язык русской» [3, с. 5].

Материалом для нашего исследования послужил «Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии» Марии Васильевны Дружининой в 4 томах. В данном словаре зафиксирована разговорная устная речь из уст русских старожил, произведенная студентами-практикантами, а также самим автором, которому довелось участвовать в качестве руководителя диалектологических экспедиций, организованных кафедрой русского языка и общего языкознания Якутского государственного университета им М.К. Аммосова в различных районах республики по нижним течениям рек Индигирки, Колымы, Алазеи, Яны, по реке Лене, по ее притоку Киренге на территории Иркутской области с 1959 по 1986 год.

В словаре русских старожильческих говоров на территории Якутии концепт ОГОНЬ представлен всегда в паре с глаголом: огонь теплить, огонь наколоть, огонь угасить, огонь топить [5, с.111]. И на первый взгляд кажется, что эти словосочетания вполне общеупотребительные и обыденные, но это не совсем так. Пример «огонь угасить» означает, что дом лишился хозяйки: «огонь угасить – это без хозяйки быть, остаться без нее». В этом смысле можно понимать, что ОГОНЬ для старожил является хозяйкой дома, т.е. они уважительно и положительно к ней относятся, что обращаются таким образом. По-другому это выражение можно интерпретировать так: когда женщина, которая является хозяйкой дома и хранительницей очага, покидает дом, то это у старожил означает, что дома огонь угасает.

Примеры «огонь теплить» и «огонь топить» семантически схожие выражения. Это означает – затопить печь: «приедешь на охоту, зайдешь в поварню, сразу затеплишь огонь».

«Огнище» в русском языке означает место, на котором был костер, с остатками пепла и углей, то же самое наблюдается в словаре старожильческих говоров, где оно означает остатки костра: «огнище ми так не оставляем, тушим хорошо водой».

«Огневкой» они именуют лисицу яркого, огненно-красного цвета: «огневки у нас есть, но редко попадаются», «рыжая лисица, огневка, она дорогая». В русском языке «огневкой» называют бабочку, которая имеет оранжевый окрас. Эти примеры объясняются тем, что цветовой окрас данных представителей животного мира схож с нашим концептом ОГНЕМ.

«Огонка» в русских старожильческих говорах на территории Якутии – это женский меховой шарф с висящими свободно концами: «огонки красивые были, с концами висячими». Такого слова в русском языке не существует. Нам знакомо слово «огоньки». Данное слово не имеет ничего схожего со старожильческим словом «огонка».

В текстах экспедиций, т.е. из рассказов самих старожилков, мы выявили некоторые особенности употребления концепта ОГОНЬ [2]:

«У мужикох бывает огнёво, кремень, трут», «огнивица – это мешочек для огнева, трут, кремень. Это мужики себе на дорогу возят», «огнево хранится на груди. У некоторых мужикох огнивица висит» и т.д. Из данных примеров мы можем понять такую особенность, что ОГОНЬ всегда во взаимодействии с мужчиной. Как все мы знаем, огонь – одно из сильнейших явлений в природе, с которым может справиться только сильный пол человечества. Даже когда затапливают дом в печке, этим занимается исключительно мужчина. Женщина может только в том случае, если дома нет мужика.

«Водка в огне шелкает, горит» – такое наблюдается не только у старожилков, но и у якутов. Когда происходило какое-то событие, домочадцы первым делом угощали дух огня, чтобы задобрить, расположить к себе.

Исходя из вышеизложенных примеров, мы можем прийти к такому выводу, что некоторые старожильческие выражения не имеют ничего общего с русским языком: например, «огонка», «огневка» или «огонь

угасить». А некоторые семантически имеют сходства: например, «огнище» или «огонь топить». Таким образом, мы можем сказать, что старожилы сохранили свой язык, не потеряли его, находясь в иноязычном мире. Анализ концепта ОГОНЬ в русских старожильческих говорах Якутии может представить особенности и регионального характера, и национального, и культурного.

Литература

1. Дружинина, М.Ф. Нижнеиндигирский старожильческий русский говор: учебное пособие / М.Ф. Дружинина. – Якутск : Изд-во Якутского университета, 1988. – 104 с.
2. Дружинина, М.Ф. Русская диалектология (материалы и задания) : учебное пособие / М.Ф. Дружинина. – Якутск : Изд-во Якутского университета, 1979. – 72 с.
3. Дружинина, М.Ф. Словарь старожильческих говоров на территории Якутии / М.Ф. Дружинина. – Якутск : Изд-во Якутского университета, 1997. – Т.1. – 137 с.
4. Дружинина, М.Ф. Словарь старожильческих говоров на территории Якутии / М.Ф. Дружинина. – Якутск : Изд-во Якутского университета, 2002. – Т.2. – 118 с.
5. Дружинина, М.Ф. Словарь старожильческих говоров на территории Якутии / М.Ф. Дружинина. – Якутск : Изд-во Якутского университета, 2007. – Т.3. – 245 с.
6. Дружинина, М.Ф. Словарь старожильческих говоров на территории Якутии / М.Ф. Дружинина. – Якутск : Изд-во Якутского университета, 2007. – Т.4. – 190 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Саха (Якутия) в рамках научного проекта № 17-14-14601.

* * *

ОБРАЗОВАНИЕ ПРИЧАСТИЯ КОЛЫМСКОГО ДИАЛЕКТА ЮКАГИРСКОГО ЯЗЫКА ПОСРЕДСТВОМ АФФИКСА -Л

Прокопьева Александра Егоровна,

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Аннотация. В колымском диалекте юкагирского языка причастия на =л образуются от основ переходных/непереходных, качественных глаголов и выполняют функцию определения. Также значение причастий выполняют имена действия в ремо-субъектной форме спряжения (на =л). Причастия на =л участвуют в образовании аналитических конструкций.

Ключевые слова: юкагирский язык, колымский диалект, причастие.

В колымском диалекте юкагирского языка посредством аффикса =л от основ переходных и непереходных глаголов образуются причастия, которые в предложении выполняют функцию определения. Определяющая часть находится в предпозиции к определяемому имени:

(1) *Табун ньиэдьшилгэт ньиэдьшилцоот гудэт, эйрэт мэндэь мэдишл шоромопулгэ йахай.*

табун	ньиэдьшил=гэт	ньиэдьшил=цоо=т	гудэ=т	йрэ=т
PRON _{dem}	рассказ=ABL	рассказ=быть=CV	стать=CV	ходить=CV
мэндэь	мэдии=л	шоромо=пул=гэ		йаха=й
весть	слышать=Pr	человек=PL=LOC		дойти=INTR:3Sg

‘Об этом рассказывали, рассказ получался [букв.: от этого рассказа рассказом став], доходил до слушавших вести людей’ [8, с. 3-4].

(2) *Йообии льэл нодопэгэт кэнмэгэн куккии нодо ниэльэлмэлэ, тудин мошолупкаа мони: «Тэт йуөт, анньэдэ, мэруйиит эйрэк...».*

йообии	льэ=л	нодо=пэ=гэт	кэнмэ=гэн	куккии нодо
в лесу	быть=Pr	птица=PL=ABL	друг=PROL	кукша
ниэ=льэл=мэлэ		туд=ин	мошолупкаа	мон=и
звать=EVID=OBJ/3Sg	он=DAT	сова	говорить=INTR:3Sg	ты
йуө=т	анньэ=дэ	мэр=уйии=т	эйрэ=к	

видеть=CV разговаривать=CV летать=ITER=CV ходить=IMP

‘Из лесных птиц своим другом Кукушку назвала, ей Сова говорит: «Ты ходи, смотри, разговаривай, летай...»’ [7, с. 30-31].

(3) *Табунгэт тии льэл шоромо чуму чайкадиэңоот гудэльэлңи, таат мэруйишьльэлңи йоодэдэ.*

табунгэт тии льэ=л **шоромо** чуму чайка=диэ=ңоо=т

поэтому здесь быть=**Pr человек** все чайка=DIM=быть=CV

гудэ=льэл=ңи таат мэр=уйи=льэл=ңи йоодэ=дэ

стать=EVID=INTR:3PL так летать=ITER=EVID=INTR:3PL кружиться=CV

‘Потому здешние люди все, чайками став, так летали, кружились’ [7, с. 108-109].

Причастие на =л чаще образуется от основ непереходных и переходных глаголов в форме страдательного залога:

(4) *Илэмэдэ йахадаасьэңин хондоло, пукэльэ кэрпуол миэстэгэ ульэгэ таа поньоонульэл, таң ульэгэ шахальаштэ, лэктэ мэ модой.*

илэмэдэ йахадаасьэ=ңин хон=доло пукэльэ кэрп=**yo=л**

иногда лошадь=DAT идти=CV снег разгребать=**PASS=Pr**

миэстэгэульэгэ таа поньоо=ну=льэл таң ульэгэ шахальаш=тэ

место=LOC трава там остаться=HAB=EVID/3Sg PRON_{dem} трава собирать=CV

лэк=тэ мэ модо=й

есть=CVPRTCL жить=INTR:3Sg

‘Иногда к Лошади ходя, на расчищенном от снега месте трава там остается, ту траву собирая, кушая, живет’ [6].

(5) *Ханаат, кэлоол миэстэгэ тиң ньэмољбилгэ ньэлэмэ ойльэльэл, чо-моон чайоодэк лэбэйдии, анил, нодо, чолборо льэльэлум.*

ханаа=т кэл=**oo=л** миэстэ=гэ тиң ньэмољбил=гэ ньэлэмэ

кочевать=CV придти=**PASS=Pr** место=LOC PRON_{dem} год=LOC ничего

ойльэ=льэл чомоон чай=оо=дэк лэбэйдии анил нодо

не иметь=EVID/3Sg очень мало=**PASS=ACC** ягода рыба птица

чолборо льэ=льэл=ум

заяц есть=EVID=TR:3Sg

‘Переселились [на другое место], на том месте, куда пришли, в том году ничего не было, очень мало было ягод, рыбы, птицы, зайцев’ [7, с.72-73].

(6) *Тудаа шэлыг оо=л мэт нойл идьии йуйуунуй.*

туда шэлыг=оо=л мэт нойл идьии йуйуу=ну=й
давно сломать=PASS=Pr я/PRON_{poss} нога теперь болеть=HAB=INTR:3Sg
'Сломанная когда-то нога ноет' [5].

Образуясь от основ качественных глаголов, причастие с аффиксом =л употребляется преимущественно атрибутивно:

(7) *Табунгэлэ пудоол лэбиэгэ модол хойлэ лэйтэнаа, монци: «Өрдьоол лэбиэ эндьоонги полдэги хододэ надоңоой».*

табун=гэлэ пудоо=л лэбиэ=гэ модо=л хойл=пэ
PRON_{dem}=ACC быть верхним=Pr_{ATT} земля=LOC жить=Pr бог=PL
лэйтэ=наа мон=ци өрдьоо=л лэбиэ
узнать=TR:3PL сказать=TR:3PL быть средним=Pr_{ATT} земля
эн=дьоон=ги полдэ=ги ходо=дэ надо=ңоо=й
быть живым=Pr=POSS спасты=POSS как=REF надо=быть=3Sg

'Боги, живущие на верхней земле, это узнали, сказали: «Надо как-то спасти живущих на средней земле»' [7, с. 35-36].

(8) *Тудаа өрдьоол лэбиэ будиэ хамльэдьоодэ потоп оольэл.*

туда өрдьоо=л лэбиэ будиэ хамльэ=дьоо=дэ потоп
раньше быть средним=Pr_{ATT} земля на сколько=Pr=REF потом
оо=льэл
быть=EVID/3Sg

'Раньше на средней земле несколько раз потоп был' [7, с. 35-36].

(9) *Титтэл ай нигидэйчи йалум пойнэл кодидэлңот кудэңи.*

титтэл ай нигидэй=чи йал=ум пойнэ=л кодидэл=ңо=т
они тоже ???=INTR:3PL три=? быть белым=Pr_{ATT} волк=быть=CV
кудэ=чи
статья=INTR:3PL

'Они тоже встрянулись – втроем белыми волками стали' [1, с.56].

(10) *Поньхонодо модой шаан чилгэ будиэ, кизйоол тудэ нойпэгэлэ албудэ лөудиит.*

поньхонодо модо=й шаа=н чилгэ будиэ
рысь сидеть=INTR:3Sg дерево=GEN ветка на/POSTP
кизйоо=л тудэ ной=пэ=гэлэ албудэ лөудиит=т
первый=Pr_{ATT} он/PRON_{poss} нога=PL=ACC вниз уронить=CV

'Рысь сидит на ветке дерева, свесив передние лапы вниз' [5].

(11) *Албудоол лэбиэгэ нингумут ньандьэ аалбэнпэ, эл хонцааңит өрдьоол лэбиэ аалбэдэк иңэртэңилэ.*

албудоо=л лэбиэ=гэ нингуму=т ньандьэ
 быть нижним=**Pr**_{АТТ} земля=LOC статья во множестве=CV грешник
 аа=л=бэн=пэ эл хон=цаа=ңи=т өрдьоо=л
 делать=**Pr**=**Pr**=PL NEG перемещаться=INCH=3PL=CV быть средним=**Pr**_{АТТ}
 лэбиэ аалбэ=дэк иңэртэ=ңилэ
 земля низина=ACC копать=TR:3PL

‘На нижней земле много стало грешников, не уместаются, стали они низ средней земли копать’ [7, с.35-36].

Нам встретился один пример, где в показателе субстантивированного причастия =*йоон* происходит ассимиляция *н* → *л*, которая обычно случается при соединении *н* и *нь* с суффиксом или основой, начинающимися на *л*, в результате чего причастие на =*л* выражает значение субстантивированного причастия:

(12) *Йахтэйоол, лондойоол, аранньэй, сиһлэньулбэнпэк ангиһңилэ, шахальэһңилэ.*

йахтэ=йоо=л лондо=йоо=л аранньэ=й
 петь=**Pr**=**Pr**_{АТТ} танцевать=**Pr**=**Pr**_{АТТ} бытьловким=INTR:3Sg
 сиһлэ=ньул=бэн=пэ=к ангиһ=һилэ шахальэһ=һилэ
 сила=COM/АТТ=**Pr**=PL=ACC_о искать=OBJ:3PL собирать=OBJ:3PL

‘Собираются, ищут певцов, танцоров, бегунов, силачей’ [7, с. 28-29].

В ремо-субъектной структуре предложения логическое ударение сосредоточено на подлежащем, оформленном аффиксом =*к*/=*лэк*, в связи с чем в роли сказуемого вместо глагола стоит имя действия, выступающее в этом случае в роли определения. Таким образом, причастие на =*л*, по сути, – это имя действия в ремо-субъектной форме спряжения.

Таблица 1

**Ремо-субъектная форма спряжения
 (переходный глагол) (по Е.А. Крейнвичу)**

Лицо	Ед. ч.		Мн.ч.	
	колым.	тундр.	колым.	тундр.
1-е л.	=л	=л	=л	=л
2-е л.	=л	=л	=л	=л
3-е л.	=л	=л	=ңил	=ңу

(13) *Таа омниипэгэ нумэпэдэ нингилгэн иркин шоромок чүөтэ эгужул лэгул ангиит.*

таа	омнии=пэ=гэ	нумэ=пэ=дэ	нингил=гэн	иркин	
там	люди=PL	LOC	дом=PL=POSS	жду=PROL	один
шоромо=к	чүөтэ	эгужу=л	лэгул	ангии=т	
человек=NOM _o	всегда	ходить=VN:SUBJ/3Sg	пища	искать=CV	

‘Между их домами [букв. тех людей] один человек все время ходил, еду искал’ [7, с. 20-21].

(14) *Таг омни модол лэбиэгэ иркин промушльайньул, нумэ йэкльиэ эгужуй шоромок льэльэлул.*

таг	омни	модо=л	лэбиэ=гэ	иркин
PRON _{dem}	люди	жить=Pr	земля=LOC	один
промушльай=ньу=л		нумэ	йэкльиэ	эгужу=й
промушлять=COM = Pr _{ATT}		дом	за/POSTP	ходить=INTR:3Sg
шоромо=к		льэ=льэл=у=л		
человек=NOM _o		быть=EVID=v=VN:SUBJ/3Sg		

‘На земле, где жили эти люди, жил один человек, который ходил на промысел’ [7, с. 26-27].

В колымском диалекте юкагирского языка посредством деепричастия на =т и причастия на =л образуются аналитические конструкции (АК):

(15) *Таг хануйиит модол омнигэ иркин пайк йоульэт ходоолэлул.*

таг	хану=йии=т	модо=л	омни=гэ	иркин
PRON _{dem}	кочевать=ITER=CV	жить=Pr	люди=LOC	один
пай=к	йоульэ=т	ходоо=льэл=у=л		
женщина=NOM _o	болеть=CV	лежать= v=VN:SUBJ/3Sg		

‘У тех живших, кочующих людей одна женщина больная лежала’ [7, с. 32-33].

(16) *Табун ньиэдьиит, ньиэдьиирит титтэ молбо эгужунульэлңи, табун ньиэдьиирит йуөдин, ходимие промушлэ оольэл тиң унуң йамульгэт, кэмэ унуң лаңин, таң мистэгэ мидот эйрэл шоромопулгэн.*

табун	ньиэдьии=т	ньиэдьии=ри=т	титтэ	молбо=н
PRON _{dem}	рассказывать=CV	рассказывать=ITER=CV	они/PRON _{poss}	внутри=GEN
эгужу=ну=льэл=ни	табун	ньиэдьии=рии=т	йуө=дин	
ходить=HAB=EVID=3PL	PRON _{dem}	рассказывать=ITER=CV	смотреть=SUP	

ходимизэ промыслэ оо=льэл тиң унун йамул=гэт
 быть каким промысел быть=EVID/3Sg PRON_{dem} река верховье реки=ABL
 кэнмэ унун ланин таң миэстэ=гэ мидо=т эйрэ=л
 друг река DAT PRON_{dem} место=LOC кочевать=CV ходить=Pr
 шоромо=пул=гэн
 человек=PL=PROL

‘Об том разговаривая между собой, приходили (люди) поглядеть, какой был промысел от верховьев одной реки к другой реке, к людям, живущим и кочующим по тем местам’ [8, с.3-4].

В подобных АК семантическая нагрузка ложится на первый компонент, выраженный деепричастием, сами глагольные формы обозначают ненаправленное перемещение, однако ими передаются очень близкие друг другу значения, и совместное их применение способствует смысловому выделению причастия [4, с. 134].

Таким образом, причастия на =л:

- 1) образуются от основ переходных и непереходных глаголов и выполняют функцию определения;
- 2) образуясь от основ качественных глаголов, причастие с аффиксом =л выполняет атрибутивную функцию;
- 3) значение причастий выполняют имена действия в ремо-субъектной форме спряжения, которые выступают в роли определения;
- 4) участвуют в образовании АК.

Условные сокращения:

АК – аналитическая конструкция; ABL – аблатив (отложительный падеж); ACC – винительный падеж; ACC_o – винительный определенный падеж; COM – комитатив ; CV – деепричастие; DAT – дательный падеж; DIM – уменьшительно-ласкательный аффикс; EVID – очевидное наклонение; GEN – родительный падеж; HAB – вид обычности действия; IMP – повелительное наклонение; INCH – инхотатив (вид начинающего действия); ITER – многократный вид действия; INTR – непереходный глагол; LOC – местный падеж; NOM_o – именительный определенный падеж; OBJ – утвердительно-объектная форма спряжения; PASS – страдательный залог; PL – множественное число; Pr – причастие; Pr_{ATT} – атрибутивная форма; PRTCL – усилительная частица; PROL – продольный

падеж; PRON_{dem} – указательное местоимение; PRON_{poss} – притяжательное местоимение; POSS – притяжательный аффикс; POSTP – послелог; REF – выделительная частица; Sg – единственное число; SUP – супин; SUBJ – утвердительно-субъектная форма спряжения; TR – переходный глагол; VN – имя действия; v – соединительный гласный.

Литература

1. Иохельсон, В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе / В.И. Иохельсон. – Якутск : Бичик, 2005. – 272 с.
2. Крейнович, Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку / Е.А. Крейнович. – Ленинград : Наука, 1982. – 302 с.
3. Крейнович, Е.А. Юкагирский язык / Е.А. Крейнович. – Москва; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 288 с.
4. Прокопьева А.Е. Деепричастие в юкагирском языке (в сопоставительном аспекте) / А.Е. Прокопьева. – Новосибирск : Наука, 2012. – 191 с.
5. Прокопьева А.Е. Полевые материалы автора / А.Е. Прокопьева. Верхнеколымский улус Республики Саха (Якутия), 2012-2014.
6. Прокопьева П.Е. Полевые материалы Прокопьевой П.Е. Верхнеколымский улус Республики Саха (Якутия), 1989-2005.
7. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Хрестоматия. Ч. 1. / Под ред. Николаевой И.А. – Якутск: Изд. Якутского госуниверситета, 1989. – 161 с.
8. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Хрестоматия. Ч. 2. / Под ред. Николаевой И.А. – Якутск : Изд. Якутского госуниверситета, 1989. – 81 с.

* * *

**РЕАЛИЗАЦИЯ АТТЕНУАТИВНОСТИ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ
В ЮКАГИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

**WAY OF IMPLEMENTING ATTENUATION
BY WORD-BUILDING MEANS IN TUNDRA YUKAGHIR**

Курилова Самона Николаевна,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН,
отдел северной филологии

Kurilova Samona Nikolaevna,
Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences,
Department of the Northern Philology

Аннотация. Автор рассматривает словообразовательные аффиксы, употребляющиеся для реализации аттенуативности признака или процесса, выраженных производящей основой. Впервые предпринимается попытка анализа и систематизации деинтенсификаторов в языке тундровых юкагириков.

Ключевые слова: язык тундровых юкагириков, словообразование, аффикс, интенсивность, аттенуативность, части речи.

Abstract. The author considers the word-building affixes used for realization of attenuating meaning of the attribute or action expressed by the deriving stem. The article is conceived as a first attempt to analyze and classify deintensifiers in Tundra Yukaghir.

Keywords: Tundra Yukaghir, word-building, affix, intensity, attenuation, parts of speech.

Анализ данных лексикографических источников показал, что в языке тундровых юкагириков функционируют особые словообразовательные элементы, посредством которых реализуется аттенуативное значение. Аттенуативность в современной лингвистике предполагает деинтен-

сификацию признака или процесса и соотносится с функционально-семантическими категориями диминутивности и интенсивности, которые в свою очередь являются компонентами категории количества, элементами количественной аспектуальности [4, с. 18]. Диминутивность передает субъективно-оценочное значение малости размера, количества или качества предмета действительности [1, с. 239; 2]. Интенсивность понимается как количественное изменение уровня развития признака в рамках данной меры, не влекущее за собой изменение данного качества [цит. по: 3, с. 277]. Центральным понятием интенсивности выступает норма, отклонение от которой вызывает удаление по шкале интенсивности в сторону плюса или минуса [цит. по: 6, с. 290]. Таким образом, аттенуативность – это движение по шкале интенсивности в сторону минуса, аттенуативности (ослабления), подразумевающее деинтенсификацию.

Опираясь на теорию Родионовой [7, с. 159], в поле интенсивности в юкагирском языке входят языковые явления со значением интенсивности – лексические и словообразовательные средства. К лексическим средствам относятся т.н. интенсификаторы, выражающие значение «степень больше нормы» (напр., *амутнэң* ‘очень; сильно, чересчур’, *чаманэң* ‘сильно; слишком; очень’, *энгэнэң* ‘слишком, чересчур’ и др.) и т.н. деинтенсификаторы, выражающие значение «степень меньше нормы» (напр., *алһамлал* ‘немного’, *атмилдьаак* ~ *атмилдьаах* ‘едва; чуть; еле’, *элгөдэринь* ‘еле; кое-как’ и др.). Разнообразно представлены словообразовательные средства, реализующие значение интенсивности, которые также делятся на те, что передают «степень больше нормы» (*-тэгэ* ~ *-ттэгэ*, *-ткэ*, ~ *-ттэг*, *-тэги*, *-тки*, *-дьаа*, *-дьиэ*, *-чуо*: *лаамэ* ‘собака’ > *лаамэткэ* ‘собачище’, *энмурньэ* = ‘иметь рога’ > *энмурньэтки* = ‘иметь огромные рога’, *йаawnэй* ‘все, всех’ > *йаawnэччуо* ‘все, всех без исключения’ и др.) и «степень меньше нормы» (*-диэ* ~ *-тиэ* ~ *-иэ*, *-дьаа*, *-дьиэ*, *-иэ*, *-чиэ*, *-чуо*: *көйлэ* ‘кусочек’ > *көйлэдиэ* ‘кусочек’, *мигидэ* ‘сюда’ > *мигидьаа* ‘чуть ближе’, *чаахань* = ‘быть мерзлым’ > *чааханчиэ* = ‘быть чуть мерзлым’ и др.). В данной статье мы рассматриваем словообразовательные средства, передающие семантику аттенуативности (ослабленности) на разных уровнях языка тундровых юкагиров.

В сфере имен существительных и наречий характерно употребление модели «существительное / наречие + *-диэ*». Помимо обозначения не-

большого размера объекта (*нимэ* ‘дом’ > *нимэдиэ* ‘маленький дом’) или субъективно-эмоционального отношения к нему (*нимэдиэ* ‘домишка’), диминутив *-диэ* содержит в своей семантике количественный компонент «немного»:

- имя существительное: *чуул* ‘мясо’ > *чуулдиэ* ‘немного мяса; кусочек мяса’;

- наречие: *пэрэн* ‘в стороне’ > *пэрэдиэ* ‘чуть поодаль, на некотором расстоянии’.

Посредством морфем *-дьаа* и *-дьиэ* передается не только слабая степень интенсивности, но также сопоставление признака через степень сравнения (‘немного более, чем...’), что принято называть «аттенуативным компаративом» [термин по: 5, с. 99]. Данная морфема продуктивна по отношению к наречиям, послелогам и частицам юкагирского языка, в результате чего образуются наречные слова.

- наречие: *аһинэң* ‘тихо; тайком, скрытно’ > *аһидьаа* ‘еще тише; тихонечко’; *алһудэң* ‘вниз’ > *адһудьаа* ‘чуть ниже; немного низко’; *вайи* ‘(пока) еще; снова’ > *вайидьаа* ‘еще немного; еще некоторое время’; *варайнэң* ‘рано; раньше времени’ > *варайдьаа* ‘чуть раньше, пораньше’; *миэдэң* ‘по-другому, иначе’ > *миэдьиэ* ‘слегка, немного по-другому, чуть иначе’; *мигидэ* ‘сюда; на ближней стороне’ > *мигидьаа* ‘чуть ближе; немного ближе по этой стороне’; *лайһудэң* ‘назад; обратно’ > *лайһудьаа* ‘чуть сзади’;

- послелог: *пурэ* ‘на; сверху’ > *пурэдьиэ* ‘чуть выше; немного выше’;

- частица: *моли* ‘ненадолго, немного, временно’ > *молидьаа* ‘чуть-чуть, слегка, немного’.

Образованию адвербиальных единиц с ослабленным признаком качества способствуют словообразовательные аффиксы *-иэ* и *-чуо*:

- атрибутив: *йуку* ~ *льуку* ‘маленький’ < *йукучуо* ~ *льукучуо* ‘чуть-чуть, немного, слегка’;

- наречие: *мигэ* арх. ‘в эту сторону’ > *миклиэ* ‘чуть ближе; чуть не далеко; чуть раньше’.

Показатели *-дьаа*, *-дьиэ*, *-иэ*, *-чуо* могут варьировать свой полюс на шкале интенсивности, т.е. также наблюдается модификация значения признака в сторону плюса – «степень больше нормы»:

- местоимение: *йаawnэй* ‘все, всех’ > *йаawnэччуо* ‘абсолютно все’;

- наречие: *иитнэң* ‘долго’ > *иитчиэ* ‘довольно далеко’; *йөкэ* ‘далеко; на далеком, отдаленном расстоянии’ > *йөкэдьиэ* ‘на довольно далеко, отдаленном расстоянии’;

- частица: *алһан* ‘ладно... пусть’ > *алһадьаа* ‘уж очень, уж слишком’.

Семантика интенсивности «меньше нормы» в сфере глагольного действия актуализируется словообразовательным аффиксом *-чи*. Так, непереходные глагольные основы с качественной основой или с основой, производной от имени существительного, в сочетании с аттенуативом *-чи* обозначают неполноту, недостаток признака или действия (*амуо*= ‘быть хорошим’ > *амуочии*= ‘быть чуть лучше’, *монильэ* ‘волосы’ > *монильэнь*= ‘иметь волосы’ > *монильэньчи*= ‘иметь волосинки’, *ньордьэ* ‘ягель’ > *ньордьэнь*= ‘иметь ягель’ > *ньордьэньчи*= ‘иметь немного ягеля’, *пойинэ*= ‘быть белым’ > *пойинаачии*= ‘быть чуть блее’, *пөдьэл* ‘запах’ > *пөдьэньэ*= ‘иметь запах’ > *пөдьэньиэчии*= ‘слегка пахнуть; попахивать’).

В зависимости от таких факторов, как время, количество и длительность [6, с.291], в юкагирском языке пепереходные и переходные глагольные основы с *-чи* могут обозначать:

а) действие неполной, слабой интенсивности (*аһальwэй*= ‘улыбнуться’ > *аһальwэйчии*= ‘слегка улыбнуться’, *курульуол*= ‘виднеться’ > *курульуочии*= ‘едва виднеться’, *лугуму*= ‘постареть’ > *лугумучии*= ‘немного постареть’, *мөрэй*= ‘потрогать’ > *мөрэйчии*= ‘слегка коснуться’, *өлкиэ*= ‘побежать’ > *өлкиэчии*= ‘немного пробежать’, *сахсэй*= ‘пролиться’ > *сахсэйчии*= ‘немного пролиться’, *тади*= ‘дать’ > *тадичии*= ‘немного дать’, *тудиэ*= ‘тянуть’ > *тудиэчии*= ‘слегка тянуть’, *убаа*= ‘поцеловать’ > *убаа-чии*= ‘слегка поцеловать’);

б) действие слабой интенсивности, осуществляющееся в течение недолгого времени (*аарэй*= ‘остановиться’ > *аарэйчии*= ‘остановиться ненадолго’, *маа*= ‘ждать’ > *маачии*= ‘подождать немного’, *ньимиэ*= ‘погаснуть’ > *ньимиэчии*= ‘погаснуть ненадолго’, *пулгэй*= ‘выйти’ > *пулгэйчии*= ‘выйти ненадолго’, *хандэй*= ‘проводить’ > *хандэйчии*= ‘проводить немного’, *эгуо*= ‘встать’ > *эгуочии*= ‘привстать ненадолго’, *эдиэ*= ‘гореть’ > *эдиэчии*= ‘гореть слабо и недолго’);

в) действие слабой интенсивности, совершаемое длительно-прерывисто в сочетании с аффиксом продолжительного вида действия *-ну* (*лэйричиш*= ‘взречь’ > *лэйричинучиш*= ‘подреживать время от времени’, *мира*= ‘ходить’ > *мираанучиш*= ‘похаживать время от времени’, *ньамучэнь*= ‘быть красным’ > *ньамучэннучиш*= ‘слегка краснеть время от времени’, *пулгэй*= ‘выйти’ > *пулгэйнучиш*= ‘выходить ненадолго время от времени’, *эйуу*= ‘попасть’ > *эйуунучиш*= ‘попасться понемногу время от времени’).

Аттенуатив *-чиш* также употребляется с глагольными основами с количественным значением (*вальһарумкуруол*= ‘быть в количестве пяти’ > *вальһарумкуруочиш*= ‘быть в количестве чуть около девяти’, *кийуол*= ‘быть в количестве двух’ > *кийуочиш*= ‘быть в количестве чуть около двух’, *пуксийал*= ‘быть в количестве семи’ > *пуксийачиш*= ‘быть в количестве чуть около пяти’).

Наряду со словообразовательными средствами в юкагирском языке выявлен небольшой состав глагольных основ с имплицитной семой аттенуативности действия как, например, *ондуу*= ‘слегка отсыреть’, *силһаһай*= ‘слегка высохнуть’ и др.

Таким образом, по принципам функциональной грамматики нами проанализированы словообразовательные средства аттенуативности в языке тундровых юкагиров, к которым относятся диминутив *-диэ*, аттенуативные компаративы *-дьаа*, *-дьиэ*, *-иэ*, *-чуо*, деинтенсификатор *-чиш*, актуализирующий ослабленность в признаковой и процессуальной семантике юкагирских глагольных основ. Выявлено, что аттенуативные компаративы способны проявлять мобильность, меняя полярность от минуса к плюсу на шкале интенсивности. В реализации аттенуативной семы участвуют главным образом глагольные основы и наречия, а также в нечастых случаях имена существительные, атрибутивы, местоимения, послелого и частицы.

Литература

1. Бурыковская, А.А. Диминутивность в английской и итальянской языковых картинах мира / А.А. Бурыковская // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 1. – С. 248-251.

2. Григорьева, С.А. Степень и количество (русские наречия: очень, весьма, сильно, полностью, целиком). Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/trends/archive_article.asp?param=6668&y=2001&vol=6077
3. Доронина, М.С. Структурно-семантический и прагматический аспекты категории диминутивности в современном немецком языке / М.С. Доронина // Молодой ученый. – 2015. – № 3. – С. 951-953. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/83/15485/>
4. Канашина, Н.Н. Аттенуативность как компонент функционально-семантического поля диминутивности в русском, немецком, марийском и чувашском языках / Н.Н. Канашина // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 2. – С. 276-281.
5. Маслов, Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии / Ю.С. Маслов // Вопросы сопоставительной аспектологии. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1978. – С. 4-44.
6. Мельчук, И.А. Курс общей морфологии. – Т. 2 / И.А. Мельчук. – Москва; Вена : Языки русской культуры, 1998. – 543 с.
7. Палоши, И. Способы выражения интенсивности действия в русском языке / И. Палоши // Studia Russica XXIII. – Budapest, 2009. – С. 289-297.
8. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке / С.Е. Родионова // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – С. 150-166.

* * *

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭВЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CURRENT STATUS OF THE EVEN LITERARY LANGUAGE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Степанов Анатолий Платонович,
Управление образования
Эвено-Бытантайского национального
улуса (района) РС(Я)

Stepanov Anatolii Platonovich,
The Department of education
Eveno-Bytantayskiy national ulus (district)
of Sakha Republic (Yakutia)

Аннотация. Сохранение эвенского языка – ответственность каждого носителя языка. Развитие литературы, науки способствует дальнейшему становлению и обогащению эвенского языка. Основной признак любого литературного языка – это норма. Литературный язык нельзя смешивать с языком художественной литературы. Нужно ли менять существующий алфавит? Трогать в нашей азбуке ничего не надо и подстраиваться под чей-то алфавит тоже.

Ключевые слова: Красная книга исчезающих языков мира, эвенская письменность, реформирование эвенского литературного языка и его стилей, международная транскрипция, существующий алфавит, этническая идентичность, информационный код народа.

Abstract. Save even language, the responsibility of each native speaker. The development of literature, science contributes to the further development and enrichment of the even language. The main feature of any literary language is the norm. Literary language should not be confused with the language of Hu-dozhestvennaya literature. Do I need to change the existing alphabet? To touch in our alphabet do not need anything and adapt to someone else's alphabet too. Reason of the ownership of evens in the Russian language, and in some regions of Yakutia the Yakut language.

Keywords: The red book of endangered languages of the world. The even writing. Even the reform of the literary language and styles. International transcription. The existing alphabet. Ethnic identity. Information code people.

На сегодняшний день эвенский язык является одним из малоиспользуемых языков России и занесен ЮНЕСКО в Красную книгу исчезающих языков мира.

Состояние эвенского литературного языка в настоящее время представляет собой острейшую проблему. Это объясняется тем, что состояние языка свидетельствует о состоянии самого общества, его культуры, его менталитета. Утрата характерных национальных черт сказывается на языке, ведет к его упадку.

Сохранение языка, забота о его дальнейшем развитии и обогащении – гарантия сохранения и развития эвенского народа, его культуры. Поэтому каждый представитель эвенского народа, кем бы он ни работал, какую бы должность ни занимал, несет ответственность за состояние родного языка, языка своего народа.

Эвенская письменность за время своего существования функционировала на разных графических основах и неоднократно реформировалась. В истории эвенской письменности выделяется 3 этапа:

- до начала 1930-х годов – ранние попытки создания письменности на основе кириллицы;
- 1931-1937 годы – письменность на латинской основе;
- с 1937 года – современная письменность на основе кириллицы.

Алфавит первого букваря русского священника Стефана Попова 1858 года включал 29 букв: **А а, Б б, В в, Г г, Н н, Д д, Е е, И и, Ж ж, К к, Л л, М м, Н н, О о, П п, Р р, Т т, У у, Х х, Ч ч, Ш ш, С с, Ъ ъ, Ы ы, Ь ь, Ъ ъ, Э э, Ю ю, А а.** На этом алфавите были изданы словарь (1859, переиздан в 1900) и Евангелие от Матфея (1880).

Утвержденный в 1931 году «Единый северный алфавит» состоял из 27 букв: **А а, Ā ā, В в, Є є, D d, З з, Е е, Ə ə, Ę ę, G g, H h, I i, J j, K k, L l, M m, N n, Ń ń, D d, O o, Ō ō, P p, R r, S s, T t, U u, W w.**

В 1933-1934 годах алфавит был несколько модифицирован и в итоге стал выглядеть так:

Таблица 1

Единый северный алфавит

A a	B b	C c	D d	З з	E e	Ə ə	Ę ę	F f
G g	H h	I i	J j	K k	L l	M m	N n	Ń ń
D d	O o	P p	R r	S s	T t	U u	W w	Z z

Этот алфавит был официально отменён в конце 1936 года.

В 1936-1937 годах эвенский латинизированный алфавит, как и другие алфавиты народов СССР, был заменён кириллическим алфавитом, который содержал все русские буквы.

Современный эвенский алфавит состоит из 36 букв:

Таблица 2

Современный эвенский алфавит

А а	Б б	В в	Г г	Д д	Е е	Ё ё	Ж ж	З з	И и	Й й	К к
Л л	М м	Н н	Нү	О о	Ө ө	Ӗ ӗ	П п	Р р	С с	Т т	У у
Ф ф	Х х	Ц ц	Ч ч	Ш ш	Щ щ	Ъ ъ	Ы ы	Ь ь	Э э	Ю ю	Я я

После образования Советского Союза начинается становление и развитие эвенского литературного языка. С развитием современной жизни увеличивается словарный запас эвенского языка. В жизнь народов Севера входят новые слова, не имеющие аналога в родном языке, обозначающие новые явления и понятия, которые отражали коренные преобразования в государственном, политическом, экономическом устройстве страны, например, *комсомол, обком, колхоз, детсад* и др.

Социалистическая революция XX века способствовала рождению новой интеллигенции народов Крайнего Севера. Они начали вносить различные изменения, появившиеся в разной степени на всех уровнях литературного языка.

Развитие литературы, науки способствует дальнейшему становлению и обогащению эвенского языка.

Но сегодня многие представители демократически настроенной эвенской интеллигенции, высказывают свое отношение к реформированию эвенского литературного языка и его стилей. В этом отношении показательно творчество современных писателей, которые в своих произведениях используют родной диалект, возможность живой народной речи. И практически каждый современный писатель становится создателем современного эвенского литературного языка. В каждом произведении напечатанной книги эвенских писателей можно найти реформаторский характер.

Но каждое отдельное произведение не может играть роль в формировании литературного языка. Это не окончательная обработка эвенского языка.

В литературе мы не должны отвергать диалектизм, не выступать против употребления слов, заимствованных из русского, якутского, корякского, юкагирского, иностранных языков, не считать невозможным использование тех или иных народных слов.

Одним из важнейших признаков литературного языка как высшей формы общенародного языка является его нормативность.

К началу XXI века выясняется, что эвенский литературный язык не сформирован, не определены его нормы, не закреплены и не узаконены его единые орфографические, лексические, морфологические особенности.

Огромная территория расселения эвенов, различия в диалектах, наличие тех или иных литер в типографских шрифтах обусловили то, что в разных регионах стихийно возникли разные варианты эвенской письменности. И это очень сильно мешает развитию эвенского литературного языка.

В Якутии с начала 1960-х годов сложилась местная форма записи эвенского языка, графически приближенная к якутской письменности. В Магаданской области и на Чукотке используется официальный алфавит, принятый в 30-х годах XX века, с основными отличиями местного варианта. В Камчатской области в локальном варианте эвенской письменности использовался алфавит, принятый в 1940-х годах. И на сегодня сложилось 4 варианта эвенской письменности и орфографии:

1. Литературный язык на основе восточного говора (Магаданская область, Чукотка, ряд районов Колымы Якутии).
2. Камчатская письменная форма.
3. Индигирская письменная форма.
4. Саккырырская (Кобяйская) письменная форма.

В XXI веке идут споры об единых грамматических, лексических, орфографических, орфоэпических нормах. Каждый оппонент теоретически по-своему обосновывает эти нормы.

В эвенском языке выделяют 18 согласных и 20 гласных фонем, у имени 13 падежей, разветвленную систему притяжательных форм (личных, возвратных, со значением отчуждаемой притяжательности), глаголы активного действия. Имеются свыше 15 видовых и 6 залоговых форм глагола, 6 форм причастий и 8 форм деепричастий, отрицательные и вопросительные глаголы, определение ставится перед определяемым словом и согласуется с ним по числу и падежу.

Выделяют восточное, западное и среднее наречия с диалектами и говорами (их всего около 20): арманский диалект, камчатский, охотский, ольский, березовский, момский, аллаиховский говоры и другие. В лексике западных говоров отражено якутское, а в камчатском говоре корякское языковое влияние. С XVII века в эвенский язык начала проникать русская лексика.

Художественные произведения, учебники, учебные пособия, изданные на действующих алфавите и грамматике, удобны, потому что их могут читать по-своему носители всех говоров.

Основной признак любого литературного языка – это норма. Под нормой понимается совокупность правил употребления слов, их грамматических форм, правил произношения, словообразования, действующих в данный период литературного языка. На норму влияют носители языка. Норма стабильна, так как её главная функция – сохранение языка.

Литературный язык нельзя смешивать с языком художественной литературы. Литературный язык, с одной стороны, шире, чем понятие «язык художественной литературы», так как в художественное произведение могут быть включены элементы диалекта, говоров, устно-разговорные типы.

Отношения между литературным языком и диалектом существуют в истории формирования эвенского языка. Связь эвенского литературного языка с «опорным» охотским диалектом значительно более непосредственная и прямолинейная. За основу эвенского литературного языка (его лексический состав, грамматический строй) был взят ольский говор. И свою норму он начал приобретать в начале XX в. Но внутри самого литературного языка наблюдается большая дробность социально-речевых разновидностей. В настоящее время литературному языку противостоят диалекты.

Разговор о диалектах ведется, чтобы вообще не учить родной язык. Если говорить о диалектах, то они составляют не более 30% от литературной речи, а 70% в любом случае придется учить. Никто никому не мешает издать разговорник на своем диалекте.

Но если мы будем говорить только то, что язык эвенов той или иной зоны обитания лучше отражает особенности зоны и оно воспринимается как единственно верный литературный язык, то сам эвенский язык не

получит своего развития и исчезнет. К сожалению, упрямое нежелание понять, что современный эвенский литературный язык не есть синхронно стабильный язык, приводит к тому, что оценки настоящего языкового состояния переносятся на языковое состояние нашей современности.

Некоторые лингвисты, да и не лингвисты, а владеющие эвенским языком люди пытаются изменить существующий эвенский алфавит, доказывая его несовершенство. Но нужно ли?! У нас и так народ становится полуграмотным, скоро забудут, как писать, читать и в будущем невозможно будет понять, что хотел написать очередной автор эвенского текста. Потому я считаю, что трогать в нашей азбуке ничего не надо и подстраиваться под чей-то алфавит тоже.

Предлагаемые варианты алфавита – это звуковой строй вообще языка. Кроме того, в любом языке широко распространены дифтонги. Они в письме имеют отдельные буквы. Двойное написание дифтонгов значительно усложнит язык.

В языке звуков больше, чем букв. А для передачи звуков есть понятие «транскрипция». Транскрипция – это письменное изображение звуков языка при помощи специальных знаков, имеющее целью точную передачу произношения. В качестве основной используется международная транскрипция. С ее помощью можно записать звучание любого слова независимо от принадлежности его к какому-либо языку.

Например, буква **Ө, ө** обозначает звук [œ] или [ø], похож на английский [э:], но произносится с большим огублением, образована в результате наложения букв о и е. Буква **Ё, ё** используется для обозначения [ø] и [y]. Многими современными носителями эвенского языка вместо буквы **Ё, ё** используется буква **Ё̆. ё̆**. Буква **Н, н** (*лигатура НГ*) обозначает заднеязычный носовой согласный звук [ŋ]. В эвенском языке соответствует **Н, н**. Буква **Һ, һ** – это фарингальный звук [h]. Он образуется в глотке и произносится с придыханием. Близкий к нему звук есть в английском, французском языках. В алфавите эвенов обозначается буквой **Х, х**.

Мягкий гласный переднего ряда звук [y] в эвенском языке не встречается, данный звук используется в говоре саккырырских и кобяйских эвенов. Хотя ещё в 2001 году доктор филологических наук А.А. Бурыкин в своей диссертации высказал мысль, что знаки латинского алфавита *i* и *Y* могли бы использоваться для обозначения переднерядных узких гласных, как в хакасском алфавите.

Дифтонги, используемые в эвенском литературном языке, имеют свои транскрипции: **Е, е** – [йэ], **Ё, ё** – [йо:], **Ю, ю** – [йу], [йү], **Я, я** – [йа], [йэ].

Долготы используют по международной транскрипции: двоеточие после знака означает, что звук долгий и произносить его нужно немного протяжней [...]. В транскрипции главное ударение ставится сверху [...´...], а второстепенное – внизу [...,...]. Существуют правила, при которых некоторые звуки и буквы не произносятся. В транскрипции их помещают в круглые скобки – [...(..)].

Обозначение мягкости в транскрипции передается следующим знаком: [...´].

Предлагаемый вариант алфавита включает якутские буквы **Б б** [ү ~ в], **У у** [ү], а также дифтонги **ыа, из, уо, үө**, которые в эвенском языке практически не встречаются. А долготы **аа, ии, оо**, и т.д. используются в транскрипции с двоеточием после знака.

В настоящее время существуют соответствующие правила грамматики, орфографии, лексики, разработаны и изданы учебники, учебные пособия для школ.

Существующий алфавит уже прошел определенную стадию, имеет свою историю и является частью национального культурного кода. За всю историю своего существования на нем создано множество памятников культуры. Но после принятия предлагаемого нового алфавита существующие тексты превратятся для многих в тексты иностранные. Менять придется книги, учебники, учебные пособия. Учителям, преподавателям нужно будет переучиваться и переучивать детей. Мы лишимся своей немногочисленной литературы. И все придется, фактически, начинать с нуля.

Владеющих и разговаривающих на эвенском языке с годами становится меньше. Понятие «родной язык» в сознании людей ассоциируется с этнической идентичностью, поэтому многие эвены признают эвенский язык своим родным только потому, что эвенский язык является языком их национальности и вследствие этого идентификация с языком зависит не от действительного уровня владения и пользования языком, а от этнической принадлежности. Русским языком, а в ряде районов Якутии якутским языком эвены владеют в совершенстве, родным же языком большинство владеет плохо или не знает его вообще.

Причин тут несколько. Одна из них – знание и использование русского языка дает эвенкам большую возможность для успешного продвижения в жизни. Эта тенденция началась при Советской власти, когда в XX веке определенная часть эвенских семей перешла к двуязычному общению с детьми, а в некоторых семьях такое общение шло исключительно по-русски или по-якутски.

Принципы равенства наций и языков, провозглашенные на заре Советской власти, были искажены дальнейшей языковой политикой, когда был взят целенаправленный курс на русификацию населения. Одним из направлений этого курса была унификация образования, проводившаяся на базе русского языка как языка межнационального общения. Школьная реформа того времени отменила родителям право выбора для своих детей язык, обучения. Сократилось количество национальных школ, так как в них обычно не было возможности полноценно выучить русский язык. Эвенский язык и литература стали изучаться лишь как учебные предметы.

Все это привело к тому, что эвенский язык стал сужаться, ограничилась сфера его употребления, а результатом стала почти полная утрата эвенского языка.

В постсоветское время предпринимаются определенные меры по возрождению национальной культуры и языка, возрождается обучение эвенскому языку в школах. Но по-прежнему эвенский язык и литература в школах изучают как учебные предметы.

Несмотря на мероприятия языковой политики, эвенская языковая ситуация продолжает сохранять тенденцию исчезновения языка, не показывает положительной динамики. Даже эвены, знающие эвенский язык, не реализуют эти знания в своей повседневной жизни. Большинство эвенов общается на работе и со своими домашними только на русском или якутском языках. Лишь в отдельных селах, оленеводческих стадах эвенский язык функционирует в бытовом общении. Большинство свободно говорящих по-эвенски людей относится к старшим возрастным группам. Потребность в знании русского языка становится важнее знания родного языка, так как это важнейший фактор, который дает больше возможностей для жизненного самоопределения, личностного и профессионального роста, успешной социализации в обществе.

Принятие одних законодательных актов недостаточно для того, чтобы переломить существующую языковую ситуацию. В первую очередь необходимы меры по изменению стереотипов, сложившихся еще в советские времена, на отношение к эвенскому языку как к недостаточно развитому, бытовому и ненужному в жизни, повышению функциональности родного языка, его социального престижа и мотивации к его изучению.

В 2001 году Л.В. Намруева провела социологический опрос калмыцкого языка и пришла к следующему выводу: «На данный момент нет оснований говорить о реальном двуязычии, так как определенная часть населения как титульной, так и нетитульной национальности не готова участвовать в процессе расширения и восстановления функций калмыцкого языка. Люди в силу объективных и субъективных причин не только не могут, но уже и не хотят продолжать традицию общения на родном калмыцком языке, вполне удовлетворяясь русским языком, обслуживающим все коммуникативные потребности».

Этот вывод можно смело отнести и к ситуации с эвенским языком.

В последнее время есть надежда на то, что в перспективе эвенский язык возродится, так как у населения, в первую очередь у части молодежи, появилось желание овладеть родным языком. Но надо сказать, что решающая роль в возрождении родного языка принадлежит семье, которую в этом случае никто и ничто не сможет заменить. Одним из факторов, влияющих на уровень знания языка, является языковая среда, в которой проходит детство человека, тот язык, на котором с ним говорят родители.

Это большой грех родителей, которые не смогли передать детям язык. На них лежит вина, что они не полностью выполнили свой родительский долг.

Зачем человеку нужен родной язык? Родной язык — это информационный код народа. На родном языке нужно понимать своих предков, говорить, петь песни. А главное, есть народная мудрость, что после смерти нас ожидает встреча с предками, и без знания языка они не признают. Если будешь говорить с ними не на родном языке, то с тобой будет другой разговор...

Литература

1. Адучиева, А.Б. Калмыцкий язык: проблемы и перспективы // Филологические науки. – 2014. – №12. – Ч. 2.
2. Бурькин, А.А. Об эвенском языке, эвенской письменности, эвеноведах, эвенах и немного о себе // Сибирская заимка. – 2016. – 14 января.
3. Бурькин, А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме: на материале эвенского языка : дис. ... д.филол.н. – Санкт-Петербург, 2001.
4. Виноградов, В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. – Москва, 1978
5. Международный фонетический алфавит (IPA) // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1997.
6. Намруева, Л.В. Как калмыки знают свой язык // Социологические исследования. – 2010. – №4.
7. Огрызко, В.В. Эвенская литература. – Москва : Литературная Россия, Библиотека писательской артели Литрос, 2005.
9. Родионов, А.И. Великий Октябрь и народы Севера // Опыт исследования проблемы осуществления ленинской национальной политики КПСС среди малых народов Севера в период Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны и иностранной военной интервенции / А.И. Родионов, В.А. Зибарев // – Томск : Издательство ТГУ, 1982.

* * *

УДК 39 (=554)

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТУНДРЕННОМ ДИАЛЕКТЕ ЮКАГИРСКОГО ЯЗЫКА

PECULIARITIES OF WORD FORMATION IN THE TUNDRA DIALECT OF THE YUKAGIR LANGUAGE

Лукина Маргарита Петровна,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН,
сектор палеоазиатской филологии

Lukina Margarita Petrovna,
The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North,
Paleoasian Philology

Аннотация. В статье рассматриваются особенности словообразования глаголов в тундренном диалекте юкагирского языка. Статья является результатом опыта создания словообразовательного словаря, цель которого – создание лексикографической модели словообразовательной системы юкагирского языка.

Ключевые слова: тундренный диалект, юкагирский язык, словообразовательный словарь, словообразовательные гнездо, словообразовательная цепочка.

Abstract. The peculiarities of the word-formation of verbs in the tundra dialect of the Yukagir language are considered in the article. The article is the result of the experience of creating a word-building dictionary, the purpose of which is the creation of a lexicographic model of the word-formation system of the Yukagir language.

Keywords: tundra dialect, Yukagir language, word-formation dictionary, word-building nest, word-forming chain.

Словообразовательный анализ лексического состава юкагирского языка, одного из младописьменных языков народов Российской Федерации, находящегося на грани исчезновения, имеет важное теоретическое и практическое значение и вводит в научный оборот данные по одному из древнейших уральских языков, обогащая представление о том, как в языках разного строя устроена система словообразования.

Формирование лексического состава юкагирского языка является длительным и сложным процессом. Впервые образцы аффиксального образования именных и глагольных слов в юкагирском языке приводил в своих работах Е.А. Крейнович [1, с.24; с.97; с.129; с.145; с.169; с.189]; [2, с.97-109]. Однако более детально проблема аффиксального словообразования в юкагирском языке была рассмотрена Г.Н. Куриловым [5, с.70-151; 6, с.91; с.99; с.118; с.174].

В основу первой работы Е.А. Крейновича «Юкагирский язык», вышедшей в 1958 году, были положены материалы, собранные автором в 1936-1937 годах с помощью студентов Института народов Севера М. Ягловского и Н.Т. Трифонова, по наименее изученному в то время тундренному диалекту юкагирского языка. Частично им были использо-

ваны также материалы по колымскому и тундренному диалектам, опубликованные В. И. Иохельсоном, первым исследователем, заложившим основы научного исследования юкагирского языка. В данной работе вопросы морфологической структуры языка были слабо представлены из-за недостатка материалов.

В основу второй работы Е. А. Крейновича «Исследования и материалы по юкагирскому языку», вышедшей в 1982 году, были положены материалы, собранные автором во время экспедиции среди тундренных и колымских юкагиrow 1959 года. Первая часть данной работы посвящена вопросам морфологии юкагирского языка, а именно – делению юкагирских основ и суффиксов на 2 класса; вторая – актуальному членению предложения.

Е.А. Крейнович отмечал своеобразие слов юкагирского языка и трудность их деления на части речи, а также своеобразие структуры языка, подчиненной логическому ударению [1, с.22]. Им выделены следующие части речи: имя существительное, имя действия, местоимение, глагол, наречие, служебные слова (послелог), междометия [1, с.23]. Помимо переходных глаголов, Е. А. Крейнович выделял семантические разряды непереходных глаголов: собственно непереходный глагол, качественный непереходный глагол, предметный непереходный глагол и количественный непереходный глагол [там же]. Таким образом, глагол в юкагирском языке также является очень своеобразной частью речи, так как к глаголу относятся не только обозначения действий и состояний, но и обозначения качественных и количественных признаков.

Г.Н. Курилов, в свою очередь, выделяет следующие знаменательные части речи в юкагирском языке: имя существительное, имя действия, числительное, местоимение, квалитатив, глагол, наречие, а также служебные слова: служебные глаголы, частицы, союзы, послелог, модальные слова, междометия [6, с.279], при этом исследователь выявляет особенности образования каждой части речи [6, сс. 91; 99; 118; 174]. Не вдаваясь в подробности, надо отметить, что Г.Н. Курилов, будучи знатоком, носителем тундренного диалекта юкагирского языка, основательно рассмотрел аффиксальное образование выделенных ими частей речи, выявив множество аффиксов.

Особенности аффиксального словообразования глаголов

В юкагирском языке глаголы по семантике направленности на объект делятся на переходные и непереходные, например: чундэй (неперех.) «думает-он» и чундэм (перех.) «думает о ком-л.» [5, с.71], что заставляет исследователей рассматривать образование непереходных и переходных глаголов в юкагирском языке отдельно.

Как известно, в лингвистике переходность – непереходность определяется как синтаксическая категория. Так, в большом энциклопедическом словаре «Языкознание» переходность – непереходность определяется как «языковая категория, отражающая в широком понимании характер синтаксических свойств глагола в предложении с точки зрения наличия / отсутствия у него прямого (по ряду трактовок, функционально обязательного) дополнения...» [8, с. 370].

Г.Н. Курилов в своей работе «Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль якутского языка в заимствованиях)» выделяет особенность данной категории в юкагирском языке: «... в русском и других языках переходность противопоставляется непереходности только по признаку направленности на объект, обозначение которого в речи оформляется показателем винительного падежа. В отличие от этого транзитивы и интранзитивы в юкагирском языке имеют свойственные только им личные окончания» [там же]. Далее ученый-исследователь пишет: «Кроме того, как установлено в нашем исследовании, переходные глаголы располагают присущими только им словообразовательными аффиксами, которые существенно отличаются от словопроизводительных формантов непереходных глаголов» [6, с. 113]. На основе результатов своего исследования Г.Н. Курилов делает вывод, что переходность – непереходность в юкагирском языке является категорией не лексико-синтаксической, а лексико-грамматической [там же].

Как выше уже говорилось, переходные и непереходные глаголы в юкагирском языке имеют свойственные только им словообразовательные аффиксы, при этом словообразование глаголов характеризуется ступенчатостью – последовательной производностью. Первое звено образования собственно глагольных слов идет путем присоединения аффиксов к именным и глагольным основам. Второе звено образования глаголов – присоединением аффиксов способов действия и залоговых показателей, что также является особенностью словообразования глаголов в юкагирском языке.

Словообразование переходных глаголов насчитывает около 20 аффиксов: -wэ-, -гэ-, -ѓа-, -гэй-, -ѓай-, -хаа/-киэ, -дъаа/-дъиэ, -дъуу-, -дъэ-, -дъэй-, -лъэ-, -муол-, -нъэ-, -нъ-, -ричии-, -дичии-, -буол-, -йуол-/уол-, -луу-, -уу-, -йи-, -чи-, -чии-.

Переходные глаголы имеют более 20 словообразовательных аффиксов: -ии-, -иильэ/-ийильэ, -йии-, -дъии-, -йиисэ, -дъиисэ, -сэсчии-, -ѓии-, -нъии-, -ри-, -дии-, -рии-, -ричи-, -дичи-, -ру-, -су-, -ду-, -счии-, -тэ-, -тэй-, -уорэ-, -чии-.

В образовании как переходных, так и непереходных глаголов участвуют следующие аффиксы: -аа/-иэ, -чи/-дъи, -ну-, -наа-, -сэ-, -сэй-, -рэ-, -дэ-, -рэй-, -дэй-, -ууйи-, -уойи-, -чэ-, -аачэ-, -чии-.

Таким образом, в производстве глаголов в тундренном диалекте юкагирского глагола участвуют около 50 словообразовательных аффиксов.

Рассмотрим словообразовательные гнезда глаголов

Илийэ= суц. 1) ветер; 2) непогода, пурга; 3) воздух.

→ **илийэ-нъ= неперех.** 1) быть ветреным; 2) быть непогоде.

→ **илийэ-н-наа= начин.** 1) начинаться ветру; 2) начаться непогоде.

→ **илийэ-рэй= неперех.** 1) заветриться; 2) занепогодиться.

→ **илийэрэй-сэ= побуд.** заставить погоду заветриться.

→ **илийэрэй-ну= продолж. д.** заветриваться.

→ **илийэрэй-наа= начин.** начинаться непогодиться.

→ **илийэ-н мөнгэр= суц.** шум ветра.

→ **илийэ-н алѓар= суц.** подветренная сторона.

Йахтэ- 1) неперех. петь; 2) суц. песня.

→ **Йахт-аа-** запеть.

→ **Йахтаа-ну-** продолж. д. от **йахтэ=** продолжать петь.

→ **Йахтаа-наа-** начин. от **йахтаану=** начать петь.

→ **Йахтаа-чэ-** идти куда-л. петь.

→ **Йахтаа-чии-** петь недолго, немного.

→ **Йахтэ-буол-** иметь склонность к пению.

→ **Йахтэ-йуол-** страд. от **йахтэ** быть воспетым.

→ **Йахтэ-нъ-** неперех. иметь песню.

→ **Йахтэ-р-** неперех. заиметь, обрести песню (о себе).

→ **Йахтэ-р-иичэ-** суц. воспеватель.

→ **Йахтэ-ри-** *перех.* воспевать кого-л.

→ **Йахтэри-ну-** *продолж.* д. от **йахтэри** продолжать воспевать кого-л.

→ **Йахтэри-л-** *и. д.* от **йахтэри** воспевание

→ **Йахтэри-наа-** *начин.* от **йахтэри** начинать воспевать кого-л.

→ **Йахтэри-йуол-** *страд.* от **йахтэри:** быть воспетым.

→ **Йахтэ-с-** 1) *побуд.* заставить (позволить, дать) кого-л. (кому-л.) петь; 2) *перен.* петь о ком—чем-л.; воспевать.

→ **Йахтас-аа-** *начин.* от **йахтэс** начинать воспевать.

→ **Йахтэс-уол-** *страд.* от **йахтэс.**

→ **Йахтэс-у-л-** *и. д.* от **йахтэс** воспетое.

→ **Йахтэ-счин-** *побуд.* заставить кого-л. петь о чем-л.

→ **Йахти-йаа-** *сущ.* певец.

→ **Йахт-иильэ-** *перех.* позволить кому-л. воспевать кого-л.

→ **Йахтэ-л-** *и. д.* от **йахтэ**= пение.

Йон-о-тэй- *перех.* открыть.

→ **Йонотэй-ну-** *продолж.* д. от **йонотэй** открывать.

→ **Йонотэй-наа-** *начин.* от **йонотэй** начать открывать.

→ **Йонотэй-сэ-** *побуд.* от **йонотэй-**: разрешить открыть.

→ **Йонотэй-сэсчин-** *побуд.* от **йонотэйсэ-**: разрешить, заставить открыть по чьей-л. воле (указанию).

→ **Йонотэй-чии-** открыть что-л. ненадолго.

→ **Йонотэй-чэ-** идти открывать что-л.

→ **Йонотээ-йуол-** *страд.* от **йонотэй** открытый.

→ **Йонот-ииль** позволить кому-л. открыть что-л.

→ **Йоно-ттэрэй** открыть мгновенно.

→ **Йонотэй-л-** *и. д.* от **йонотэй** открывание.

→ **Йондич** открывать.

→ **Йондич-ну-** *продолж.* д. от **йондич** начать открывать.

→ **Йондич-наа-** начать распахивать, открывать.

→ **Йон-дичи-** *многокр.* от **йонотэй** пооткрывать.

→ **Йо**→-**дичии-** *неперех.* от *перех.* **Йон-дичи** 1) открыться, раскрываться, отворяться; распахнуться; 2) раскрыться; 3) открыться (напр., о школе); 4) открыться; начинаться (напр., об играх).

→ **Йондичии-л-** *и. д.* от **йондичии.**

- **Йондичии-наа-начин.** от **йондичии.**
- **Йондичии-чии-** немного приоткрыться.
- **Йондичии-чэ-** идти куда-л. открывать что-л.
- **Йон-нии-перех.** от **Йон-дичи** держать что-л. открытым, не-прикрытым, распахнутым.
- **Йон-нии-наа- начин.** от **йоннии.**
- **Йон-нии-сэ-** *побуд.* заставить (позволить, дать) держать что-л. от-крытым, распахнутым.
- **йонн-уол-** быть открытым.
- **Йоннуол-аа-** начать быть открытым (о чем л., напр. о двери).
- **йонн-ничэ-** идти держать что-л. открытым.
- **Йон-ньэ-** *неперех.* быть открытым (о двери, пологие и т.д.).
- **Йон-наа-чии-** *уменьш.* от **йонньэ:** быть немного приоткрытым.

Таким образом, результаты структурного и семантического анализа словообразовательных цепей производных глаголов в тундренном диалекте юкагирского языка и возможность их классификации, позволяють считать многоступенчатое словообразование глаголов, универсальной характеристикой словообразовательной системы глаголов.

Литература

1. Крейнович, Е.А. Юкагирский язык / Е.А. Крейнович. – Москва; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 288 с.
2. Крейнович, Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку / Е.А. Крейнович. – Ленинград : Наука, 1982. – 302 с.
3. Курилов, Г.Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке / Г.Н. Курилов. – Ленинград : Наука, 1977. – 120 с.
4. Курилов, Г.Н. Юкагирско-русский словарь / Г.Н. Курилов. – Новосибирск : Наука, 2001. – 608 с.
5. Курилов, Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка: (Развитие лексики и роль якутского языка в заимствованиях) / Г.Н. Курилов. – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.
6. Курилов, Г.Н. Современный юкагирский язык : учебное пособие / Г.Н. Курилов. – Якутск : Офсет, 2006. – 280 с.
7. Словообразовательный словарь современного русского языка. – Москва : Аделант, 2013. – 512 с.

8. Языкознание : большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.: ил.

* * *

УДК 81.23

ЧАСТИЦЫ В НИЖНЕКОЛЫМСКОМ ГОВОРЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Кузьмина Раиса Петровна,

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
сектор эвенской филологии

Аннотация. В статье дается анализ частиц в нижнеколымском говоре эвенского языка. Ранее частицы в данном говоре не имели освещения в научной литературе. В говоре функционируют почти все разряды частиц, использующиеся в других говорах эвенов. Дискурсивные слова в языке эвенов Нижней Колымы имеют активное применение. Некоторые формы частиц имеют функционирование только в нижнеколымском говоре. Статья написана на основе лингвистических материалов, собранных во время диалектологических экспедиций в Нижнеколымский улус Якутии (2013-2015 гг.).

Ключевые слова: нижнеколымский говор; частицы; служебные слова; эвенский язык.

Функционирование частиц в некоторых говорах эвенского языка нашли отражение в диалектологических работах эвеноведов [1; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

К частицам относятся неизменяемые служебные слова и суффиксы, функцией которых является выражение разного рода дополнительных оттенков значения знаменательного слова, словосочетания или предложения. Частицы не выполняют грамматические функции, т.е. не реализуют семантико-синтаксические отношения в предложении. Частицы,

являющиеся служебными словами, номинативной функцией не обладают и поэтому в своем обычном употреблении членами предложения быть не могут [2, с. 847]. Эвенский язык богат частицами, придающими различные смысловые оттенки словам и предложениям. В эвенском языке В.Г. Белолобская выделяет следующие разряды частиц по их функциям: «1) частицы, выражающие модально-экспрессивные оттенки значений (вопросительные, утвердительные, отрицательные, восклицательные, усилительные, усилительно-выделительные, уничижительные, неопределенные); 2) частицы, выражающие различные смысловые оттенки значений слов в предложении (соединительные, определительно-выделительные, уточнительные, условные, ограничительные, уступительные» [1, с. 15].

В эвенском языке все частицы являются постпозитивными, кроме частицы *ач*, использующейся в языке эвенов только в препозитивном положении.

В рассматриваемом говоре дискурсивные слова имеют широкое использование и в зависимости от контекста большинство из них могут иметь несколько значений. В языке данной группы эвенов обнаружилось большое количество частиц, придающих словам, словосочетаниям, предложениям различные смысловые оттенки и особую экспрессию и эмоциональность. Также исследуемый говор демонстрирует некоторые особенности в использовании отдельных частиц.

В нижнеколымском говоре из группы частиц, выражающих модально-экспрессивные оттенки значений, функционируют следующие: вопросительные, восклицательные, усилительные, утвердительные, уничижительные, отрицательные.

Вопросительные частицы *-гу/-ку*, образующие вопросительную форму знаменательных частей речи, активно используются в говоре, например: *Һи тимина тундарӑла һурд 'инни-гу, этӑнни-гу?* 'Ты завтра в тундре едешь ли или нет?'; *Һу чайу һулид 'иһ, этӑһ-ку?* 'Вы чай будете пить или нет?'; «*Мут турӑнти* гӑрбӑн-гу, он-гу. 'Название (учебника) то ли «Наш язык» или как?'

Кроме вопросительной функции, данные частицы вносят различные дополнительные модальные и эмоциональные оттенки: вопрос-уверенность, вопрос-сомнение, вопрос-недоверие и т.п. [1, с. 16].

В языке нижнеколымских эвенов частотным является также употребление восклицательных частиц *-кка/-ккэ/-ккы*: *Орълбу-ккэ йадук ноуъртйн баккърар?! 'А оленей откуда же они берут?!' Йатми-ккэ эрэк һу һаникаһал эһтэн гун ноуъртикиттӕйн!* 'Как же вы, зная об этом, не сказали им!'

Из группы *усилительных* частиц в нижнеколымском говоре наиболее применяемыми являются: *-и-һи/-аһи, -та-тит/-да-тит*, например: *Эн'эһимикэ һоуалдин, он-иһи нэкчин.* 'Мама моя бедная заплакала, что же делать'. *Ок-та эһнни эмрэ.* 'Никогда не приходи'. *Он-и-һи нэкчим, һурэмнэву.* 'Что же мне делать, придется идти'. *Мут-иһил эчин йалдивун косла дикэунчиникэн укчэнэд'эһгэрэрэп, эчин мэнтувун эчин гуникэн укчэнэггэрэрэп.* 'А мы бедные, в комнате спрятавшись, вот так вот шепотом разговаривали между собой'.

Утвердительные частицы выражают отношение к достоверности высказываемого, используются при согласии на действие, при ответе и т.д. Данные частицы грамматически неоднородны. В говоре частотным является использование утвердительной частицы *иһэ*, например: *«Иһэ»,- гунэкэн д'э уһкэд'инни.* 'Если скажет «Да», то наливаєшь'. *Һи эмд'инди?- Иһэ, эмд'им.- 'Ты придешь? – Да, приду'.* Функционирование присловных частиц *-нукан, -лу*, имеющих активное применение в говорах восточного наречия в языке нижнеколымских эвенов не зафиксировано.

В эвенском языке есть частицы, которые в сочетании со знаменательными словами выражают иносказательно, с оттенком иронии, сарказма, чувство юмора, сострадания, сочувствия, жалости [1, с. 38]. К таким в эвенском языке относят уничижительные частицы. Следует отметить в говоре функционирование таких уничижительных частиц, как *-чакан/-чэкэн*: *Һи-чэкэн эгд'эмкыру он тэкэһэндэй нэкэһри.* 'Ты то, ты как сможешь поднять такого большого'.

В говоре употребляется отрицательная препозитивная частица *ач ~ат* «без». В эвенском языке эта частица используется с именами существительными и прилагательными необладания, при этом имена присоединяют суффиксы *-ла, -лэ, -на, -нэ* [1, с. 23]: *ач д'ула* 'бездомный', *ач һутлэ* 'бездетный', *ат*.

Пример: *Ат дипломна бэйэл этэл ховнар*. 'Без диплома люди не будут работать'; *Ат һиатла эд 'иүэһ тустах үнүр*. 'Без тальника (сверху) не должна носить'.

В говоре также употребляется частица –да/-дэ, которая в отрицательных предложениях усиливает отрицание: *Олиһин нанда тек йак-та ачча*. 'Поэтому сейчас ни шкур, ничего нет'; *Муттулэ йат-та ачча дьэ*. 'У нас ничего нет, к сожалению'.

Из группы частиц, выражающих общие смысловые оттенки значений слов, наиболее частотными в говоре являются: соединительные, неопределенные, ограничительные, условные.

Соединительные частицы –да|-дэ, –та|-тэ имеют активное функционирование в говоре: *Акһанти умнэкэн һи-дэ, би-дэ эвинэми һурд 'ип*. 'Когда придет брат, и ты, и я пойдем играть'. *Иүэһ 'һэн-дэ болла анан ибгэй*. 'Хоть и холодно, но очень хорошо'.

В говоре эти частицы, употребляясь чаще всего с местоименными существительными *һи* 'кто', *йак* 'что', придают предложениям также отрицательное значение: *Муткидэтки бэкэчэн йак-та турэн-дэ, татчанда гэрбэн ачча*. 'У нас ни языка, ни учебников, ничего нет'. *Эмд 'эн 'элбу эрэк һи-дэ эһни турэврэр илкәдит*. 'Из младших сестер никто не говорит по-эвенски'.

По утверждению исследователей, «в зависимости от контекста и конкретной ситуации эта частица выражает перечисление предметов и действий, добавочность, совместность, последовательность действия, смену действия, присоединение, значение «снова, опять». Частица –да/-дэ придает предложениям и модальные значения – уверенность, сожаление, утверждение, эмоциональную оценку признака» [1, с. 50].

В эвенском языке с помощью неопределенных частиц образуются неопределенные местоимения – *һи-дэ*, *-йак-та*, *-һи-вул*, *йак-ул*, *илэ-вул*. Производящими основами для них служат местоимения. Неопределенные частицы, присоединяясь к другим разрядам слов, выражают неопределенность понятия.

В языке эвенов Нижней Колымы применяются следующие неопределенные частицы: *-кул*, *-гул/-гэл*, *-гутто*, например: *Гэлэк, йав-гул укчәннилдэ, он-гул турэлдэ*. 'Ну-ка, давайте, о чем-нибудь расскажите, как-нибудь говорите'. *Нар эрэк киабэй йав-гутто нэкрэн, эрэк гиркәри йав-гутто нэкрэн, оттон бэйэл-кэ?* 'Постоянно этот медведь что-то делает, этот волк чем-то занимается, а человек?' *Идук-кул һин кэргэн*

иһрэн. `Откуда-то рычанье собаки слышится`; *Һи-гул эмуд`ин-ту д`эплэв*. `Кто-нибудь да принесет еду`. *Атикан йав-гул һадни*. `Старуха о чем-то догадывается`.

Наиболее часто в говоре отмечается функционирование таких ограничительных частиц: *-такан\|тэкэн, -ткын\|ткан, -ккын\|ккан*: *Ноуһан-тйакан тала һурчэ*. `Лишь только он туда пошел`; *Һи-ккын эмүэнни*. `Лишь только ты приходи`. *Амму-ткын буйуснэми һурэддын*. `Лишь только отец едет на охоту`.

Кроме этих частиц в нижнеколымском говоре имеются частицы, вставляемые перед словоизменительными или формообразующими суффиксами. Это такие частицы, как: *-тэн, -тан, -макан, -мэкэн*, напр.: *Бэйтэнтэки ноуһан укчэнд`ин*. `Он расскажет каждому человеку`.

Из разряда условных частиц в нижнеколымском говоре используется частица *-н`ун*: *Бакйлами-н`ун би ноуһан нэмкэд`им*. `Если только встречу, я застрелю его`.

Таким образом, в рассматриваемом говоре дискурсивные слова имеют широкое использование и в зависимости от контекста большинство из них могут иметь несколько значений. В языке нижнеколымских эвенов обнаружилось большое количество частиц, придающих словам, словосочетаниям, предложениям различные смысловые оттенки и особую экспрессию и эмоциональность. Также исследуемый говор демонстрирует некоторые особенности в использовании отдельных частиц.

Литература

1. Белолобская, В.Г. Эвенский язык: Частицы. Послелогии. Союзы / В.Г. Белолобская. – Санкт-Петербург : Бельведер, 2005. – 116 с.
2. Болдырев, Б.В. Морфология эвенкийского языка / Б.В. Болдырев. – Новосибирск : Наука, 2007. – 932 с.
3. Дуткин, Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии / Х.И. Дуткин. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – 144 с.
4. Кузьмина, Р.П. Язык ламунхинских эвенов / Р.П. Кузьмина. – Новосибирск : Наука, 2010. – 112 с.
5. Лебедев, В.Д. Язык эвенов Якутии / В.Д. Лебедев. – Ленинград : Наука, 1978. – 207 с.
6. Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка / В.Д. Лебедев. – Ленинград : Наука, 1982. – 241 с.

7. Роббек В.А. Язык эвенгов Березовки / В.А. Роббек. – Ленинград : Наука, 1989. – 205 с.

8. Цинциус, В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка / В.И. Цинциус. – Ленинград : Наука, 1947. – 270 с.

* * *

УДК 81.23

ЧЕЛОВЕК: ИССЛЕДОВАНИЕ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ КАК ОВНЕШНЕНИЙ ОБРАЗОВ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ЭВЕНКИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

MAN: A STUDY OF ASSOCIATIVE FIELDS AS THE REPRESENTATION OF IMAGES OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE NATIVE EVENKS AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES

Захарова Наталия Егоровна,

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН

Zakharova Natalia Egorovna,

Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences

Аннотация. В данной статье выявляется национальная специфика эвенкийского концепта Человек. Для этого делается сопоставительный анализ ассоциативных полей (АП) эвенкийского и русского образа Человек. Содержание АП в разных языках говорит о совпадении или несовпадении образов мира разных культур.

Ключевые слова: концепт, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, образ, этнокультурная специфика, лингвокультура.

Abstract. This article reveals the national specificity of the Evenks concept Man. This is a comparative analysis of associative fields (AF) Evenks and Russian image. The contents of AF in different languages tells about the coincidence or discrepancy of images of the world of different cultures.

Keywords: concept, linguistic consciousness, associative experiment, the image of ethno-cultural specificity, linguistic culture.

Этническая культура – это исторически выработанный способ деятельности. Она структурирует мир вокруг человека, определяет возможности и условия действия человека в мире [4, с.221]. Благодаря этнической культуре формируется индивидуальное видение мира, свой образ мира или, по определению современной этнологии, «этническая картина мира»: «некоторое связное представление о бытии, присущее членам данного этноса. Это представление выражается через философию, литературу, мифологию, идеологию и т.п. Оно обнаруживает себя через поступки людей, а также через их объяснения своих поступков. Оно ... и служит базой для объяснения людьми своих действий и своих намерений» [4, с.222]. Она меняется со временем, однако «неизменными оказываются лишь логически необъяснимые, принятые в этнической картине мира за аксиому блоки, которые внешне могут выражаться в самой разнообразной форме. На их основе этнос выстраивает новые картины мира – такие, которые обладают наибольшими адаптивными свойствами в данный период его существования» [4, с.223].

Применительно к языку и мышлению А.Т. Кривоносов предлагает следующую аксиому: «Процесс человеческого мышления осуществляется только в виде двухуровневого процесса – как логическое и как семантическое (или языковое, знаковое, речевое) мышление. ... Логическое мышление – интернационально (для него безразлична языковая знаковая система), семантическое мышление – национально, оно осуществляется в формах каждого национального языка (поэтому семантическая форма мышления – национальна)» [3, с.777]. Другими словами, отталкиваясь от данного положения, мы будем описывать семантическое мышление эвенков, отраженное в образах (концептах), овнешненных посредством форм эвенкийского языка. Следуя традициям эмпирического языкознания, мы ставим перед собой основную задачу – показать национальные, вербализованные языком эвенков образы существующего мира в аспектах, важных для эвенкийского этноса.

Лингвокультура эвенков, в отношении понятия Человек, развивается по двум направлениям – это два подобраза: «человек вообще, т.е. любой человек» и «человек-эвенк». Приведем примеры овнешнения образа «человек вообще» в эвенкийском сознании и своей лингвокультуре: *Дюр нгалалкан – человек* (букв.: две руки имеющий); *Дюр халгалкан – человек*

(букв.: две ноги имеющий); *Дюлакин дэрэлкэн* – человек (букв.: голое (не покрытое шерстью, в отличие от зверей) лицо имеющий); *Эвунки ехалкан* – человек (букв.: имеющий поперечные (расположенные на одной плоскости лица) глаза).

Следует отметить также и то, что человек «в эвенкийских мифах первотворения – человек вообще, «тварь земная», «брат всему созданному» на земле [1, с.46] отличается от концепта Человек в эпосе. В частности, отмечается, что в ранних фольклорных произведениях (мифах и раннем эпосе эвенков), термин-самоназвание «эвенки» (т.е. человек-эвенк) не характерен. В мифах фигурирует «бэе» (человек), а в раннем эпосе – «*урангкай-бэе*» (урангкай-человек) и «*аи-бэе*» (*аи-человек* в значении истинный человек), в отличие от врагов нижнего мира. Одинокие эвенкийские богатыри в ранних сказаниях именуется просто: *бэе* – человек, мужчина; *хуркэн* – молодец, парень. Лишь позднее, пройдя через странствия, борьбу с различными врагами, одержав победу над ними, находят себе подругу-жену и становятся первопредками эвенков – *эвэнки тэкэнин* (букв.: корень эвенков). По сюжетам героических *нимнгаканов*, главные герои чаще всего являются первыми людьми на земле, не знающими своего происхождения. Необходимо также отметить одну особенность героических сказаний эвенков, важную для нас: «Мотив одиночества, являющийся основным двигателем сюжета в этих нимнгаканах, восходит к логике одиночества человека как биологического вида («не знает подобных ему – имеющих ноги, черноволосую голову» [1, с.40-54].

Реакции на эвенкийское Бэе (человек) даются на двух языках – эвенкийском и русском. Выделим многочисленные ассоциации на эвенкийском языке (19%): *бултамни* (охотник), *бэюмни* (охотник, добывающий копытного зверя), *бултадаря* (охотится), *конгномо* (смуглый), *хавалдяра* (работает), *хавалдяран* (работает), *нгэнэдерэн* (идет), *нгэнэктэдерэн* (идет), *нгэнэми* (идет), *хокто* (дорога), *этэчимни* (пастух), *орон* (олень), *орорви ичэтчэрэн* (приглядывает за оленями). Из полученных ассоциаций видно, что складывается древний эвенкийский архетип мужчины-эвенка. Ассоциации, данные эвенками на русском языке, рисуют тот же архетип: *мужчина, мужик, охотник, мясо, животный, ходит*.

Присутствуют также ассоциации на эвенкийском языке, поясняющие, кем может быть человек (3%) – *амиран* (отчим), *аси* (женщина), *омолги* (парень), *хунат* (девушка), *гирки* (друг), *луча* (русский человек), *кунгакар* (дети). Такой же ряд составляют и ассоциации на русском: *дядя, муж, ребенок, отец*.

Часть ассоциаций на эвенкийском языке содержит оценочную характеристику человека вообще (каким бывает и может быть человек) (23%) – *хэгды* (большой), *хэгды бэе* (начальник), *эмэчэ матал* (приехавшие гости), *этыркэн* (старик), *бургу* (толстый, жирный), *бэрэм* (спокойный по характеру), *дяличи* (умный), *сагды* (старый, старик), *кэтэкун* (много (людей может быть)). Такой же ряд составляют и ассоциации на русском: *глупый, плохой, приятный, пьяный, сильный, усы (имеющий)*.

С целью выявить национальную специфику концепта сравним образ Человека в русском языковом сознании (по материалам Русского ассоциативного словаря). Наиболее частотные ассоциации *невидимка* (4%) и *амфибия* (3%) вероятно связаны со словосочетаниями, ставшими устойчивыми по названию популярных произведений «Человек-невидимка» и «Человек-амфибия». У русских респондентов присутствуют такие оценочные характеристики человека, как *хороший* (4%), *добрый* (3%), *умный* (2%), *большой* (2%).

Таким образом, можно утверждать, что архетип эвенкийского Бэе мужчины-охотника пополнился лишь единственной ассоциацией, расширяющей род занятий мужчины – *учитель* (на русском). Выявленные ассоциации показывают сохранение древнего стереотипа мужчины-охотника и оленевода у современных эвенков. Большинство эвенкийских мужчин и сейчас охотятся, даже если их профессия не связана с охотничьим промыслом.

В этой связи интересны данные по выявлению региональных особенностей русского языка, полученные лингвистами СВФУ. Они сделали вывод о том, что «языковое сознание русскоязычных якутов имеет много общего с языковым сознанием русских, что наблюдается на примере частотных реакций... Однако, что касается реакций, лежащих в глубине ядра сознания и отражающих этнический характер, национальный менталитет русских, у русскоязычных якутов их нет» [2, с. 102]. Несомненно то, что носители одной культуры будут обладать общим языковым

сознанием. Также несомненным является факт того, что в сознании индивидов заложены образы той культуры, в которой сформировано его сознание и которая присутствует в его окружении. При этом язык, которым владеет этот индивид, является лишь одним из средств овнешнения этих образов.

Литература

1. Варламова, Г.И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора / Г.И. Варламова. – Новосибирск : Наука, 2002.
2. Заморщикова, Л.С. Языковая ситуация и региональные особенности русского языка в Республике Саха (Якутия) / Л.С. Заморщикова, В.М. Тобурокова, К.И. Федорова и др. // *Slavica Helsingiensia* 40 – Helsinki, 2010. – С. 94-106.
3. Кривонос, А.Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании» (Подступы к сущности языка) / А.Т. Кривонос. – Москва ; Нью-Йорк : ЧеРо, 2006. – 821 с.
4. Лурье, С.В. Теоретические основания этнопсихологического исследования истории культуры : дис. ... д-ра культ. наук / С.В. Лурье. – Москва, 1998. – 340 с.
5. Ассоциативный словарь эвенкийского языка. – Электронный доступ: www.adictsakha.nsu.ru/dict Дата обращения 14.02.2017
6. Ассоциативный словарь якутского языка – Электронный доступ: www.adictsakha.nsu.ru/dict Дата обращения 14.02..2017
7. Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь от стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. – Москва : РАН, Ин-т рус. яз., 1998. – 202 с.

* * *

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ОЦЕНКОЙ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ЯКУТИИ**

**PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ESTIMATE
OF THE PERSON IN THE LANGUAGE PICTURE
OF THE WORLD OF THE RUSSIAN OLD RESIDENTS
OF YAKUTIA**

Горбунова Яна Яковлевна,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра общего языкознания и риторики

Gorbunova Yana Yakovlevna,
North-Eastern Federal University
named M.K. Ammosova,
Faculty of Philology,
Department of General Linguistics
and Rhetoric

Аннотация. В данном исследовании мы анализируем фразеологизмы с оценкой человека (на материале словаря М.Ф. Дружининой «Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии»). Оценочные фразеологизмы, объективирующие различные черты характера человека, формируют его образ в сознании носителей языка в соответствии с особенностями менталитета. Проанализировав оценочные фразеологизмы, можно выйти на нравственный аспект языковой картины мира русских старожилов Якутии.

Ключевые слова: оценочный фразеологизм, семантическая доминанта, положительная и отрицательная коннотация, метатекст, языковая картина мира.

Abstract. In this research we analyze phraseological units with estimate of the person (on material of the dictionary of M.F. Druzhinina “Phraseological units in the Russian old resident dialects in the territory of Yakutia”). Estimated phraseological units, which characterize various traits of character of the person, form his image in consciousness of native speakers according to features of mentality. Having analysed estimated phraseological units, it is possible

to reach moral aspect of a language picture of the world of the Russian old residents of Yakutia.

Keywords: estimated phraseological unit, semantic dominant, positive and negative connotation, metatext, language picture of the world.

Видение человека окружающего мира складывается в процессе познания мира, немаловажную роль при этом играет язык. Язык влияет на сознание и мышление людей. Языковая картина мира, зафиксированная фразеологизмами, в современных исследованиях вызывает интерес, потому что во фразеологизмах «отражены вся жизнь и деятельность русского старожильского населения, его история, культура, быт, нравы, обычаи, миропонимание» [2, с.3]. Во фразеологизмах отражается жизнь человека как представителя социума. Проанализировав фразеологические единицы (ФЕ), мы можем узнать характер, образ жизни какого-либо этноса. Такие лингвисты, как В.Н.Шаховский, В.Н.Телия, Г.А.Багаутдинова, считают фразеологизмы «знаками» культуры, которые ярче всего выражают культурное самосознание носителей языка, «кодами» менталитета. Часто во ФЕ усматривается антропоцентрическое понимание мира, познание окружающего мира через главного субъекта – человека. «Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, т.е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» [1, с. 82]. Фразеологизмы служат ключом к изучению эмотивной оценки. В данной статье мы анализируем оценочные фразеологизмы о человеке, функционирующие в русских старожильческих говорах Якутии.

Несмотря на территориальную близость с коренными народами Сибири, русские старожилы не утратили свой язык и культуру. Они заселяли Якутию почти четыре века. И к XX веку сложилось постоянное русское население, которое современные исследователи называют «старожильческим». Методом сплошной выборки мы выписали фразеологизмы из сборника М.Ф.Дружининой «Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии», которые содержали в себе эмотивную оценку. В старожильческих говорах выделяются следующие семантические доминанты нравственного аспекта: «трудо-

любивый» (70 ФЕ)/«нетрудолюбивый» (37 ФЕ), «грубый, злой» (104 ФЕ)/«добродушный» (31 ФЕ), «умный» (36 ФЕ), «самостоятельный» (33 ФЕ), «высокомерный» (22 ФЕ), «многословный» (26 ФЕ). Отметим, что в старожильческих говорах преобладают отрицательные ФЕ, так как из 915 выписанных фразеологизмов 104 связаны со значением «грубый, злой»: «Злой да злой (о человеке). Очень недобродушный. – В здравые-то годы хороший охотник он был, на медведя промышлял. Теперь старик стал да ишо не видий, тёмный. Злой да злой стал, бедный. (Лен. Вит.). Тангусы хорошо стреляют, оне же охотой и живут, но оне злые да злые. Опасные оне (Лен. Пел. Вит.)» [2, с. 118]. Данная доминанта обладает сильной экспрессивностью, эмоциональностью, поэтому является частотной. Ещё один пример с отрицательной коннотацией: «ПОРТИТЬ (ЛОМАТЬ) СТОЛ кому. Вести себя недостойно в гостях за праздничным столом. – В честь праздника хозяева накрыли богатой стол, собрались гости и близкие. Один тут откуль-то взялся и давай скандалить, портить стол (Пол. Лаб. Кос.). Есть всякие пакостники, любят в гостях стол ломать, людям недоброе желать (Н.-Кол. Чер.). <...>» [2, с. 196]. Данная черта характера осуждается носителями говора, а выражение обладает ярко выраженной экспрессивностью и эмотивнойностью. В этом примере семантическая доминанта обозначается глаголом, который выражает следующие пропозиции: 1) субъект нарушает нормы поведения за столом (событийная пропозиция); 2) субъект воздействует на других субъектов негативно, изменяет их психологическое состояние (событийная пропозиция); 3) поведение субъекта осуждается обществом (модальная пропозиция). Примечательно, что во фразеологическом словаре А.И.Федорова встречается аналог: «ПОРТИТЬ ВСЮ ОБЕДНЮ кому. ИСПОРТИТЬ ВСЮ ОБЕДНЮ /саму. Разг. ирон. Очень мешать в чём-либо, вредить как-либо» [3, с. 509]. Только лексическое значение относится к поведению человека в целом, что подтверждается метатекстом: «Мне кажется, что всю обедню портит вам Алтаев, лицо совершенно лишнее в хронике и совершенно неудавшееся вам (М. Горький. Письмо М.С. Саяпину, октябрь 1912)» [там же]. Следует отметить, что в русской культуре понятие 'стол' тесно связано с концептом ДОМ, т.е. является ценностью. «Портить стол» – это ещё и означает *нарушать благополучие хозяев, превращать хорошее состояние дома в плохое*. А состояние

дома связано прежде всего с духовным миром. Противопоставлением для фразеологизмов со значением «грубый, злой» является – «добродушный» человек: «Душа на зараспашку у кого. О простом, без хитростей человеке. – Отцу нашему для детей своих ничего не жалко, он все им отдает. У него душа на зараспашку. Он хороший человек, с большой душой, а вот дети неодинаковы (Лен. В.-Нюя.)» [2, 100]. Употребление ФЕ с семантической доминантой «добродушный» менее частотно, всего 31 единица. В таких фразеологизмах, как «душа на зараспашку», «с доброй душой», «бить поклоны» и другие, концептуализируется ценность таких качеств, как «дружелюбие», «простота», «широкая душа». Концепт ДУША является ценностным для носителей говора. Видимо, положительная оценка чаще воспринимается в качестве нормы, а отрицательная – как отклонение от нормы. Поэтому фразеологизмов, отрицательно оценивающих качества человека, больше. Обилие бранных слов, слов со значениями «бить», «кричать», «задумать плохое», дающих отрицательную характеристику человека, достаточно много в разговорной речи старожилов. Это значит, что ценностными установками старожилов являются следующие: избегать насилия, не повышать голос на собеседника, не желать ничего плохого ближнему. Пример: «Вреда давать кому. Умышленно создавать неудобство, вредить кому-либо. – Досель наши промышляли на ленных гусей, артельно это делали. Тихо да мирно охотились, вреда никому не давал. (РУ. Чок.). Вреда делать кому-то, плохо думать о других, желать недоброе – это грешно, не дай бог (Н.-Колым. Чер.)» [2, 56-57].

К отрицательным фразеологизмам относится значение «нетрудолюбивый» или «ленивый»: «Делать из рук вон плохо. – Какой он плотник? Он же все делает из рук вон плохо. (РУ. Н.-Колым.)» [2, 89]. «Скласть ручки. Ничего не делать, бездельничать. – На всё своё время – рыбачить да, промышлять да. Вот их брат – от ручки склал, а попивать хочет. (Н.-Кол. Колым. Пох.). А он давно склал ручки, отказался от договору работать с нашей бригадой. (Н.-Кол. Чер.). Раздумал похвать к пастям и ручки склал теперь (Колым. Пет.)» [2, 223]. В книге «Фольклор Русского Устья» встречается поговорка: «Лентяя все сквозь пальцы смотрят» [4, 284], которая имеет негативный окрас. В данном примере подчеркивается безразличное отношение ко всему, в частности, к работе, что не

одобряется в обществе. Жизнь старожилов на севере предполагает тяжелую работу, каждый должен брать на себя ответственность за какое-либо дело. Труд для старожилов Якутии, как и для поморов, является и необходимостью, и потребностью. Именно в труде человек познаётся. Поэтому выражения, характеризующие ленивого человека в речи старожилов, приобрели много отрицательных коннотаций.

К положительным фразеологическим единицам относится семантическая доминанта «трудолюбивый»: «Горб ломать (гнуть). Изнурять себя тяжелой. – Тяжёлая у нас жизнь, холод и голод нас покидал. Я всю дорогу всё сам делал, сам строил чё надо, горб ломал, семью имел, детей воспитывал (Пол. Ожог. Чок.). Рыбачили, задание выполняли, даже перевыполняли. Тяжело было, горб гнули крепко (Н.-Колым. Ерм.)» [2, 78]. Значение «самостоятельный» часто используется с доминантой «трудолюбивый»: «Делать со своей головы. Делать что-либо самостоятельно, без помощи со стороны. – Мы грамоте не учились, сами себе жили, сами себе делали, все делали сами со своей головы (Стан. Кузьм. РУ.). Нас нёхто не учил, все сами со своей головы делали (РУ. Осен.)» [2, 89]. Концептуализируется ценность качеств «самостоятельность», «умение принимать решение». Следующий пример: «ПЕРЕТАЛКИВАТЬ ГОРШКИ. Постоянно заниматься домашними хлопотами и хранением семейного очага. – Это мужики знают, где какая жизнь, они есдили, в молодости служили, а мы, жены, всю жизнь дома горшки переталкивали (Лен. Пел.). Грамоту знают мужчины, их в семье учили грамоте, в школы отдавали. Девок не старались учить, им суждено было переталкивать горшки: быть дома хозяйкой, детей воспитывать (Лен. Ст. Мухт. Вит.)» [2, с. 186]. Слово «переталкивать» имеет внутреннюю форму ‘толкать много раз’, символизирует длительное действие, что подтверждается метатекстом. ФЕ не имеет четкую положительную коннотацию, так как присутствует фатальность, предсказуемость, недовольство жизнью. Но в то же время это воспринимается как долг женщины, «хранительницы домашнего очага», является нормой для общества. Следует отметить гендерную ориентацию фразеологической единицы: *она характеризует женщин*. Горшок в данном фразеологизме реализует символическую семантику – это символ домашней женской работы. У поморов для обозначения этой ситуации есть слово «обря-

жаться». Как видим, концепт ТРУД, объективированный фразеологизмами в речи старожиллов Якутии, имеет много общего с общерусской объективацией. Так, одним из образов образной составляющей концепта в русской языковой картине мира являются «горб», «спина», «руки». Лексема «горб» часто встречается и в составе фразеологизмов в речи старожиллов Якутии. Голова – символ интеллектуальной деятельности человека. Делать со своей головы – это делать, не спрашивая совета, делать самостоятельно и отвечать за сделанное самому. Здесь голова становится и символом независимости от других.

Таким образом, фразеологизмы русских старожиллов Якутии с положительной и отрицательной коннотациями представляют собой нравственный аспект языковой картины мира старожиллов. Они запечатлели ценностные установки, оценки, идеи, специфические образы.

Литература

1. Веренич, Т.М. Черты национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского и русского языков) / Т.М. Веренич // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). – Москва : Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 51-53.
2. Дружинина, М.Ф. Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии : материалы для фразеологического словаря русских говоров / М.Ф. Дружинина; [науч. ред. Н.Г.Самсонов]. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 280 с.
3. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – Москва : Астрель: АСТ, 2008. – 878, [2] с.
4. Фольклор Русского Устья. – Ленинград : Наука, 1986. – 382 с.

* * *

УДК: 654.19:811.512.157-25(571.56)

**КӨРДӨРӨР-ИНИТИННЭРЭР ЭЙГЭБЭ ТУТТУЛЛАР “КЛИШЕ”
НУУЧЧАЛЫ-САХАЛЫ ДЬҮӨРЭТЭ**
(«САХА» НКХ ХАНААЛ «КЭЛ, ОЛОР, СЭНЭРГЭНИЭХ» БИЭРИИ
ТЫЛЫН-ӨНҮН МАТЫРЫЙААЛЫНАН)

**THE RUSSIAN-YAKUT COMPLIANCES
OF A CLICHE IN TELEVISION**
(ON MATERIAL OF THE TELECAST
OF “NVK” SAKHA “ KEL, OLOR, SEHERGENIEKH”)

Никанорова Алена Викторовна,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
Институт языков и культуры народов
Северо-Востока РФ, кафедра стилистики
якутского языка и русско-якутского
перевода

Nikanorova Alena Viktorovna,
North-Eastern Federal University,
Institute of Languages and Cultures
of the Peoples of the North-East,
the Department of stylistics
of the Yakut language
and the Russian-Yakut translation

Аннотация. Көрдөрөр-инитиннэрэр эйгэбэ клише туттулуута табыгастаабын быһаары. НКХ «Саха» тэлэбиидэнньэтэ «Кэл, олор, сэнэргэниэх» биэриин ытааччытын тылыгар-өһүгэр туттар клише тылларын нууччалы-сахалы дьүөрэтин ырытыы.

Күлүүс тыллар: клише, көрдөрөр инитиннэрэр эйгэ, тэлэбиидэннийэ үлэһитэ, норуот тыла-өһө.

Abstract. The definition of proper use of cliché television. To analysis compliance of clichés from Russian into Yakut language leading TV “Kel, olor, sehergehiekh” channel “NVK” Sakha.

Keywords: cliché, television, anchorman of television, speech of people.

Көрдөрөр-инитиннэрэр эйгэ киһиэхэ тийимтиэ, дьонно-сэргэбэ дьайар аналлаах буолан тыла-өһө уустуга суох. Инитиннэрэр тиэмэтэ араас буолан, лексика бары араната, сөбүн көрөн тиэрмин эмиэ туттуллар. Биэриини ытааччы тылыгар-өһүгэр уус-уран тыл, уобарастаан этии, анал халыып баар буолар.

Хас биирдii киһи суруйбут этигэн, бэргэн тыла-өһө, санарар саната норуот тыла-өһө, суруйар истиилэ буолар. Оттон дьон, норуот туттар, суруйар тылыгар-өһүгэр тэлэбиидэнньийэ үлэһитин тылын күүһэ, этигэнэ улахан сабыдыаллаах. Үгүс чинчийи көрдөрөрүнэн, ордук кэпсэтии уонна уус-уран истииллэргэ күүскэ дьайар.

Публицистика ураты истиил буоларын быһыытынан туспа анал тыллаах-өстөөх, ол иһигэр үгүстүк туттуллар «клише» баар буолар. Клише диэн, тыл үөрэхтээх учуонайдар Ю.В.Рождественскэй, В.Г.Костомаров, В.В. Гвоздев, Г.Л. Пермяков бэлиэтээһиннэринэн, сөбөрүйбэт өйдөбүллээх, биир сүрүн ис хогоонноох тыл ситимэ, «клише – устойчивое сочетание слов, которые воспроизводятся раз и навсегда» [3]. Д.Э. Розенталь клишены манньк быһаарар: «Речевой стереотип, готовый оборот, используемый в качестве легко воспроизводимого в определённых условиях и контекстах стандарта... Клише образует конструктивную единицу, сохраняющую свою семантику, а во многих случаях и выразительность» [6]. Ону тэнэ, клише алтыһы тылын нуорматыгар сөп түбэһэр буолан, кэпсэтиигэ, санаа үллэстиигэ туттуллара табыгастаах. Д.Э. Розенталь бэлиэтээһиниттэн ситтэрэн, клише тэлэбиидэнньийэ эйгэтигэр туттулууута табыгастаах диэн сыалтан, санааттан салайтаран «Саха» НКХ «Кэл, олоҕ, сэһэргэһиэх» бизрии ытаччыта туттар клише тылларын нууччалыы-сахалыы дьүөрэтин ырытан манньк наардаатым:

1. Бизрии ытааччытын тыла судургу буолан нуучча уонна саха тылларын тыл ис хогоонунан уонна туттулуутунан дьүөрэтэ үгүс. Холобур: *үтүө күнүнэн күндү көрөөччүлэрбит (добрый день, дорогие наши телезрители); үтүө күн буоллун эһиэхэ (доброго вам дня), кэпсээнгин сабалаан кэбис (начните ваш рассказ); кэпсэтиибитин салгыахха (продолжим наш разговор); рекламаҕа тохтуубут (рекламная пауза), көрөөччүлэргэ санатыахпын баҕарабын (хочу напомнить телезрителям), биһиэхэ кэлэн ыалдьыттабыккытыгар махтал буоллун (благодарим вас за то, что вы были у нас в гостях); түгэнинэн туһанан (пользуясь случаем); сүрүн хайысха (главное направление); туһалаах иһитиннэри (полезная информация).* Тэлэбиидэнньэҕэ клише сахалыы тыыннаахтык бэриллиитэ көстөр. Холобур: *кыдьык хоту дойду дьоно хоһуун диэн мээһэҕэ эппэттэр (не зря говорят, что люди севера трудолюбивые); бу уран тарбахтаах сатаабатаҕа диэн суох (нет ничего, что бы она не сумела смастерить).*

2. Нуучча тылыттан сүхэн ылыы: *бириэмэ ыган иһэр (время поджи-мает)*; *кини онгоһуктары дьон-сэргэ сэргии-кэрэхсэтэ көрөр (ее изде-лия люди смотрят с интересом)*; *тонг балык ураты ас быһыытынан биллэр (замороженная рыба является деликатесом)*; *өр сылларга бэри-ниллээхтик үлэлээбит (долгие годы преданно работал)*.

3. Биэрий ыытааччыта тыл этигэн ньымаларын туһанар. Холобур, тылы-өһү ордук этигэн онорор халбаннаабат ситими туттар: *кырдьыгы кистээбэккэ эттэххэ (честно говоря)*, *кэмэ суох элбэх (бесконечно мно-го)*, *киһи ааҕан сиппэт (так много, что невозможно рассчитать)*. Тыл этигэн ньыматын сомоҕо домохтору туһанар. Холобур: *күөс быстына (битый час)*, *көрүүх бэтэрээ өттүгэр (в мгновение ока)*, *сурахтыын сүттэ (и след простыл)*, *хара көлөһүн (труд в поте лица)*.

4. Биэрийи ыытааччы дьон дуоһунаһын сахатытан ылбаҕайдык санарар. Холобур: *биэнсийэ пуондатын салаатын исписэлиһтэрэ (спе-циалисты сферы пенсионного фонда)*; *биэнсийэлээхтэр (пенсионеры)*.

Түмүктээн эттэххэ, көрдөрөр-иһитиннэрэр эйгэбэ клише нуучча-лыы-сахалыы дьүөрэтин туттулуута «Кэл, олоҕор, сэхэргэһиэх» биэрийи ыытааччытын тылыгар-өһүгэр табыгастаах, көрөөччүгэ өйдөнүмтүө-тийимтиэ, чопчу. Ону тэнэ тыл этигэн ньымаларын: халбаннаабат ситим тылы, сомоҕо домоҕу – туттара тыл литэрэтиирэлии нуормата бөбөргүүрүгэр, тыл култуурата инэригэр ураты суолталаах.

Литэрэтиирэ

1. Гвоздев, В.В. Речевое клише в современном английском языке / В.В. Гвоздев. – Москва, 2007.
2. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе / В.Г. Костомаров. – Москва, 1971.
3. Пермяков, Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока / Г.Л. Пермяков. – Москва : Наука, 1970.
4. Петрова, Т.И. Тылбаас уопсай теорията : көмө кинигэ / Т.И. Петрова. – Дьокуускай : СГУ изд-та, 2007.
5. Петрова, Т.И. Ыраастык сахалыы санарыах / Т.И. Петрова. – Дьокуу-скай, 1996.
6. Розенталь, Д.Э. Домашняя работа по русскому языку / Д.Э. Розенталь. – Москва : Дрофа, 2004.

ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 398

ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СЕВЕРА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

FOLKLORE'S STUDYING OF THE NORTH PEOPLE: HISTORY AND PRESENT

Варламова Галина Ивановна,

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, отдел северной филологии

Galina I. Varlamova

Institute of the Humanities and the Indigenous
Peoples of the North, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Department of Northern Philology

Аннотация. В статье рассматривается исследование фольклора коренных малочисленных народов Севера в историческом аспекте с досоветского периода до настоящего времени. Современное состояние фольклора характеризуется утратой его функции. Обосновывается необходимость приложения усилий с целью сохранения родного фольклора как фундамента этнической культуры.

Ключевые слова: финно-угорские народы, эвенки, эвены, юкагиры, чукчи, фольклор, эпос, миф, предание, сказка.

Abstract. The article examines the studying of the folklore of indigenous ethnic people of the North in the historical aspect from the pre-Soviet period to the present time. The current state of folklore is characterized by the loss of its function, it is necessary to make efforts for the purpose of preservation of native folklore as the foundation of ethnic culture.

Keywords: the Finno-Ugric, the Evenki, the Evens, the Yukagirs, the Chukchi, folklore, epos, myth, legend, fairy tale.

Досоветские публикации и разработки. В досоветский период представления о фольклоре народов Севера являли собой редкие примеры и упоминания в краткой характеристике северных этносов в записях путешественников по России. Например, по фольклору эвенков: публикация на немецком языке пересказа сказания о Долодае, неопубликованные записи Г. Гутта [7, 235-245], [8, 245-246], И. Георги [6, 233-235]. Сведения о фольклоре северных народов в досоветский период были весьма отрывочны и незначительны. Исключение составляют публикации на немецком, финском языках фольклора хантов и манси, ненцев. Начало собиранию фольклора обских угров положили их родственники по языку – финны и венгры. Финский исследователь А.М. Кастрен во время путешествий к хантам в 1843-1845 годах наряду с лингвистическими и этнографическими материалами записывал и образцы фольклора. Финн А. Алквист работал в 1858, 1877 и 1880 годах. Выдающимся собирателем был венгерский исследователь А. Регули, работавший среди северных ханты и разных групп манси в 1843-1844 годах. Следует вспомнить вклад К.В. Карьялайнена и других. Русский этнограф С.К. Патканов опубликовал фольклор обских угров на хантыйском, немецком и русском языках [18].

К данному этапу следует отнести и материалы, собранные в дореволюционное время по ненецкому фольклору, составившие часть академического издания серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [26]. В том вошли 43 текста, записанных в XX в., часть из которых ранее публиковалась, а часть издается впервые.

К досоветскому периоду следует отнести и внимание исследователей к фольклору народов Чукотки и Камчатки – В.Г. Богораза [1] и В.И. Иохельсона [10], [11]. В 1905 году В. Иохельсон опубликовал на английском языке 130 текстов корякского фольклора, где был отражен важнейший пласт мифологического содержания – вороньего цикла о творении мира. Основная классификация жанров фольклора палеоазиатов впервые была дана В.Г. Богоразом [1].

В итоге Венгерская Академия наук выпустила с 1892 по 1963 год (переходя в советский период) 4 тома мансийского фольклора с переводом на венгерский язык и 3 тома комментариев со словарем. С этой точки зрения, лишь изучение и публикация фольклора финно-угров имеет свою длительную историю досоветских исследований.

Советский период. Начало системному изучению фольклора народов Севера положили советские ученые. По фольклору народов Чукотки и Камчатки – П.Я. Скорик, Л.В. Беликов, П.И. Инэнликэй, Г.А. Меновщиков (фольклор азиатских эскимосов), И.С. Вдовин, Ал. Н. Жукова (корякский фольклор), А.П. Володин, Н.К. Старкова (ительменский фольклор), В.В. Леонтьев (керекский фольклор).

Большой вклад в изучение фольклора народов Севера в 1960-1990-е годы внесли известные советские фольклористы Е.М. Мелетинский [12], С.Ю. Неклюдов и другие. К примеру, в известной научной серии «Сказки и мифы народов Востока» был опубликован нганасанский фольклор [22], фольклор чукотско-камчатских народов [21], фольклор хантов и манси [14]. Собрание фольклора в советское время вели и представители национальной интеллигенции – учителя, врачи и др. (Ф. Тынэтэгин, В. Яттыргын, поэтесса А. Кымытваль).

Именно в советский период вместе с изучением языков народов Севера были заложены основы изучения фольклора народов Севера, вначале Институтом народов Севера, а затем на северном отделении ЛГПИ им. А.И. Герцена. Всем известны имена Глафиры Макарьевны Василевич, Михаила Григорьевича Воскобойникова, Нины Ивановны Гладковой, Льва Васильевича Беликова, Матрены Петровны Вахрушевой, Веры Ивановны Цинциус, Клавдии Александровны Новиковой и других известных северянам исследователей, без которых изучение языков и фольклора народов Севера представить невозможно.

С 1980 гг. начинается подготовка и сбор материалов для научной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» под эгидой сектора фольклора Института филологии и философии в г. Новосибирске. Инициатором серии был литературовед, фольклорист Соктоев Александр Бадмаевич. Составителями томов фольклора народов Севера стали: эвенкийки А.Н. Мыреева и Г.И. Варламова, нанаяц Н.Б. Киле, удэгейка Валентина Килиндзюга, чукчанка Антонина Кымытваль, ульчанка Ж.К. Лебедева, эвен В.А. Роббек, юкагир Г.Н. Курилов и другие.

Александр Бадмаевич всегда подчеркивал и говорил: «Большие народы всегда найдут средства и возможности издать свой фольклор, вам же, северянам, важно подготовить, а главной редколлегии серии в первую очередь издать тома по фольклору северян» (из личных воспоминаний).

нений автора статьи). Поэтому первым томом указанной серии в 1990 году вышел том эвенкийского фольклора «Эвенкийские героические сказания», подготовленный к.филол.н. А.Н. Мыреевой [29]. Следом был опубликован в данной серии фольклор южных тунгусов – нанайцев [15] и удэгейцев, [24]. Был опубликован фольклор долган [24], ненцев [25], юкагиров [28]. К сожалению, с уходом из жизни А.Б. Соктоева, Н.А. Алексеева, изменением социально-политической жизни в нашем государстве, целевое госфинансирование указанной серии прекратилось. Перестали проводиться семинары для авторов-составителей серии, прекратились командировки для работы составителей с известными фольклористами в Москву, Санкт-Петербург и Новосибирск. В настоящее время работа по изданию очередных томов национального фольклора северных народов приостановилась. Не изданы до сих пор тома названной серии по чукотскому, эвенскому, третий том по фольклору эвенков и фольклору других народов Севера. Лишь в 2014 г. был опубликован эвенкийский том «Обрядовая поэзия и песни эвенков» ничтожно малым тиражом в 200 штук на средства Новосибирского института филологии и философии (составитель Г.И. Варламова) [17].

Региональное изучение фольклора народов Севера. В конце 1990-х и начале 2000-х годов в регионах были созданы научные институты, где изучение языков и фольклора народов Севера начало вестись в границах компактного проживания народов Севера: в Якутии организован ИПМНС СО РАН (г. Якутск), где велись исследования по филологии эвенков и эвенов, юкагиров; Институт проблем освоения Севера СО РАН в Ямало-Ненецком автономном округе и подобный институт в Ханты-Мансийске. С образованием региональных научно-исследовательских институтов отдельные ученые-северяне переехали работать из Ленинграда и Москвы в родные места (к примеру, д.филол.н. Н. Лыскова и другие). К настоящему времени сформировалась квалифицированная прослойка ученых-северян в регионах. На организационном заседании научной общественности в Новосибирске недавно А.П. Деревянко было отмечено, что «центр изучения вопросов северной филологии переместился из центра в регионы, например, в Якутск». К сожалению, в наши дни координация научных исследований между регионами попросту отсутствует по финансово-экономическим проблемам: нет денег

на совместные экспедиции и командировки сотрудников различных региональных институтов, изучающих проблемы языка и фольклора народов Севера и т.д. Объединяющая роль Сибирского отделения в лице Института филологии и философии в своей основе во многом утрачена, что видно из примера подготовки и публикации национальных томов на языках народов Севера.

В серии «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», инициированной Институтом проблем малочисленных народов Севера СО РАН в лице директора института В.А. Роббека было опубликовано несколько изданий по фольклору эвенков и эвенов: Тунгусский архаический эпос [24], Фольклор эвенов Березовки [28], Типы героических сказаний эвенков [23], сказание о Торгандуне [9], сказание о Нюнгурмок [16].

Наш анализ региональных публикаций фольклора народов Севера указывает на то, что имеются отдельные издания прекрасного содержания, отображающие основную жанровую характеристику фольклора северян. К примеру, книга «Мифы и предания ненцев Ямала», подготовленная автором-составителем, ненецким этнографом и художником Л.А. Ларом и изданная в г. Тюмени издательством Института проблем освоения Севера СО РАН в 2001 году [13]. Сборник отличается разнообразием жанрового состава, включает уникальные записи на ненецком и русском языках мифов и шаманских песен. Книга иллюстрирована самим художником.

К примеру, прочтение и анализ названного сборника ненецкого фольклора привели докладчика к важной мысли, связанной со спорами в практике этимологизации слова «тунгус». Напомним, что до советского периода эвенки и эвены в основном были известны как «тунгусы», не разделенные на самостоятельные этносы. Как отмечала Г.М. Василевич, «происхождение слова “тунгус” не выяснено <...>. Можно пока утверждать, что этноним “тунгус” не русского и не эвенкийского, а, видимо, очень древнего центрально-азиатского происхождения» [3, 10]. Важно и то, что исследователи также отмечают, что этноним *тунгус* весьма поздно появляется в письменных памятниках [31, 155]. В сфере изысканий, связанных с этимологией слова «тунгус», до сего времени не привлекались материалы ненецкого языка и фольклора. Но именно в их языке и фольклоре эвенки, живущие с ними на

территории Ямала, именуется этнонимом *туңго*. К примеру, в тексте «Пятеро туңго» [13, с. 109-114]. Наша версия о происхождении слова *туңгус* может быть верной хотя бы на том основании, что эвенки контактировали с ненцами задолго до прихода русских в Сибирь. Проникновение и взаимосвязи фольклора двух народов, эвенков и ненцев, также складывались задолго до знакомства этих двух северных народов с русскими.

В современный период финансирование научных изданий северного фольклора на уровне Российской Академии наук отсутствует, ученые вынуждены самостоятельно находить средства на издание уже подготовленных рукописей фольклора. К примеру, сотрудниками сектора эвенкийской филологии ИГиПМНС СО РАН (Якутск) изыскиваются средства на издание двуязычных рукописей, уже одобренных и рекомендованных Ученым советом указанного института: «Эпос алданских эвенков» и рукопись по эвенкийскому фольклору «Эвэнки мэункэн турэнтын – Драгоценное слово эвенков».

Фольклор народов Севера создавался в процессе их историко-этнического развития, и национальная мифология как основа фольклора была системой их мировосприятия и мировидения, включающей как рациональные, так и иррациональные знания. С изменениями социальной и хозяйственной жизни северных народов, соответственно, изменяется и мировосприятие, и сам фольклор. В связи с этим традиционное видение и восприятие жизни в северной среде изменилось, и были основательно поколеблены основы традиционного фольклора северян.

Однако это беда не одних северян. В современных условиях, по мнению известного фольклориста Сергея Юрьевича Неклюдова, настоящий фольклор, как традиционное устное наследие многих народов ушел из современной жизни. На его место пришел постфольклор и как отдельное явление – совершенно новый городской фольклор. О городском фольклоре говорить не будем, лишь отметим, что городские легенды (даже легенды, характерные для нашего города) все же основываются на мифологических основах – всяческие страшилки из репертуара о нашем городе следует отнести к своеобразным мифологическим историям-легендам, т.е. по классификации фольклористов – к мифологическим преданиям. По мнению С.Ю. Неклюдова, «сказка ушла и больше сама, как устное наследие, реально в современной жизни не существует»,

сказка теперь существует как один из разделов письменной литературы. И даже у народов Севера. Современные аудионосители проникли в тайгу, тундру и степные кочевья. Традиция коллективного слушания устных произведений уходит почти у всех народов в настоящее время – и это факт. С этим следовало бы согласиться, если не учитывать то, что все же в отдельных, пусть и небольших коллективах, если не настоящая сказка, то определенные устные произведения, т.е. фольклор все же сохраняется. Отдельные жанры фольклора сохраняются особенно в охотничье-оленоводческой среде. Согласимся с Ю.С. Неклюдовым в том что, по термину, введенному им, *фольклорный ландшафт* у народов Севера изменился. Но подчеркнем, что в северной компактной среде живут бытовые охотничьи рассказы из живого опыта, живут и передаются друг от друга различные предания и мифологические былички из прошлой и современной жизни. Живя в тайге и тундре, ведя традиционную хозяйственно-бытовую жизнь, народы Севера, несмотря на образованность, сохраняют многие традиционные мировоззренческие установки и традиции, и все это продолжает питать уже современный фольклор северян. Ведь фольклорные персонажи для северян являются одновременно и героями фольклорных произведений, и, во многом, объектами мировоззренческих представлений и в наше время. Для всех эвенков Сэвэки – божество, создавшее землю и человека, давшее им традиции жизни Иты. Для эвенов Хэвки также не только создатель земли и человека, но законодатель традиций жизни, т.е. законов бытия Етка. Мифолого-мировоззренческие персонажи (различные духи, божества, многочисленные хозяева природных стихий и объектов, местностей и пр.) у северян весьма многочисленны и вера в них все еще определенно существует. У современных эвенков, ведущих традиционный кочевой образ жизни и традиционные виды хозяйствования, мир духов также богат, как и в прошлом, хотя с забвением определенной части мировоззренческих представлений и родного фольклора он уже сужен. И сейчас, в силу жизни в природе, эвенки верят в духов природы (местности, гор, хребтов, озер и рек). Северяне особенно верят в Духа огня (Того мксунин), потому что без огня и в современных условиях жизни никак не обойтись. Предположим, что если и не совсем верят этому молодые северяне, но они отдают дань традиционно-уважительного отношения, выполняя старинные обряды и традиции жизни по отношению к природе.

Современный «фольклорный ландшафт» у народов Севера, говоря образным языком, «сузился» – никто уже не исполняет эпос, как в былые времена в своем кругу, т.к. время эпических героев ушло. Идея эпических богатырей, борющихся за свободу своего народа против эпических чудовищ, ушла в прошлое, потому что современные северные этносы закончили свое основное этническое формирование. Но национальный эпос у многих народов перешел в современную форму сценического исполнения. Современные этносы России, зная великую цену этого народного достояния, дают ему жизнь в новых современных формах его исполнения и жизни.

И все это означает, что этносы могут развиваться и далее в новых современных условиях, развивая свою культуру и фольклор, в частности, в условиях нового фольклорного ландшафта. Благодаря трудам многих исследователей, фольклорных текстов северян опубликовано немало. Беда лишь в том, что эти издания носят ограниченный характер и мало доходят до самой современной аудитории этносов. Знать свой фольклор необходимо всем представителям своего народа, ведь он, как и язык, является одной из главных черт идентичности этноса. Не зря же эвенки создали и сохранили до наших дней мифы о творениях эвенкийского божества Сэвэки, создали свой эпос об Иркисмонде и Торгандуне, исторические предания об Урэне, Унгковуле и других. Наша республика и автономные округа делают многое по сбору и сохранению своего фольклора как памятника этнической культуры, но все-таки этого мало. Каждый северянин должен знать родной фольклор, пусть и опубликованный на русском языке, – это признак этнической идентичности, как и национальная материальная культура и виды хозяйствования в виде оленеводства и охоты.

Все сказанное выше означает, что мы, ученые-северяне, должны прилагать усилия к сохранению родного языка и фольклора как своего культурного достояния.

Литература

1. Богораз, В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора / В.Г. Богораз. – Санкт-Петербург, 1900.
2. Василевич, Г.М. Ранние представления о мире у эвенков / Г.М. Василевич // Труды Ин-та этнографии. – 1959. – Т. 51. – С. 157-192.

3. Василевич, Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII–начало XX в.) / Г.М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1969. – 304 с. Василевич Г.М. – 1956. – 702 с.; – 1969. – 10 с.
4. Васильев, В.Н. Образцы тунгусской народной литературы // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / В.Н. Васильев. – Ленинград : Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – С. 255-262.
5. Васильев, В.Н. Тунгусские предания // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / В.Н. Васильев. – Ленинград : Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – С. 246-255.
6. Георги, И. Тунгусское сказание // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / И. Георги. – Ленинград : Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – С.233-235.
7. Гут, Г. Тунгусская народная литература и ее этнологическое значение // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Г. Гут. – Ленинград: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – С. 235-245.
8. Гут, Г. Фрагменты из вариантов тунгусских преданий // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Г. Гут. – Ленинград: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – С. 245-246.
9. Дулин буга Торгандунин = Торгандун среднего мира / Сост. А.Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2013. – Т. 31. – 856 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока).
10. Иохельсон, В.И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой. Их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов / В.И. Иохельсон // Живая старина. – 1900. – Т. 10. – Вып. 1–2.
11. Иохельсон, В.И. Юагиры и юагиризированные тунгусы / В.И. Иохельсон. – Новосибирск : Наука, 2005. – 675 с.
12. Мелетинский, Е.М. Сказания о вороне у народов Крайнего Севера / Е.М. Мелетинский. – ВИМК, 1959. – № 1.

13. Мифы и предания ненцев Ямала. – Тюмень : Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН, 2001.
14. Мифы, сказки, предания манси (вогулов). – Новосибирск, 1990. – 568 с.
15. Нанайский фольклор: Нингман, сioxор, тэлунгу. – Новосибирск : Наука, 1996.
16. Ньюнун ньюнунтоно Ньюнурмок ахаткан-кузакан сказание – Шесть шестипрядевых кос имеющая Ньюнурмок девочка-сиротка. – Якутск, 2015.
17. Обрядовая поэзия и песни эвенков. – Новосибирск : Наука, 2014.
18. Патканов, С.К. Опыт географии и статистика тунгусских племен Сибири / С.К. Патканов. – Санкт-Петербург, 1906. – Ч. 1- 2.
19. Рычков, К. Из области тунгусского творчества // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / К. Рычков. – Ленинград : Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смиловича, 1936. – С. 263-267.
20. Сказания восточных эвенков. – Якутск : ЯФ ГУ «Издательство СО РАН», 2004.
21. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. – Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1974.
22. Сказки и предания нганасан. – Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976.
23. Типы героических сказаний эвенков / сост. ГИ. Варламова, А.Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2008. – 228 с.
24. Тунгусский архаический эпос (эвенкийские и эвенские героические сказания) / Сост. Г.И. Кэпукэ, В.А. Роббек. – Якутск : Северовед, 2001. 209 с.
25. Фольклор долган / Сост. П.Е. Ефремов. – Новосибирск : Изд-во Инта археологии и этнографии СО РАН, 2000. – Т. 19. – 448 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
26. Фольклор ненцев. В записях 1911, 1913, 1946, 1953, 1965–1987 годов. – Новосибирск : Наука, 2001. – Т. 23 – 504 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
27. Фольклор удэгейцев: Ниманку, тэлунгу, ехэ. – Новосибирск : Наука, Сиб. предприятие РАН, 1998. – Т. 18 – 561 с.; – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

28. Фольклор эвенов Березовки: образцы шедевров / Сост. В.А. Роббек. – Якутск: Северовед, 2005. – 362 с.
29. Фольклор юкагигов. – Москва ; Новосибирск : Наука, 2005.
30. Эвенкийские героические сказания / Сост. А.Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 1990 – С. 72–86. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
31. Этногенез народов Севера. – Москва : Наука, 1980.

* * *

УДК 398.224

ОЛОНХО СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И ОТЛИЧИЯ

OLONKHO NORTH-EASTERN EPIC TRADITION

Павлова Ольга Ксенофоновна,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова,
Научно-исследовательский
институт Олонхо

Pavlova Olga,
The research institute of Olonkho North-
Federal University M.K. Ammosov

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности образов и сюжета олонхо северо-восточной традиции якутов. Объектом исследования стали тексты олонхо момской, абыйской, верхоянской и среднеколымской локальной традиции. Автором была конкретизирована система основных образов и выявлена сюжетно-композиционная структура. Сделан вывод, что олонхо северо-восточной эпической традиции имеет свои особенности и отличия, а также является более архаичным эпосом.

Ключевые слова: тюркский эпос, олонхо, северо-восточная традиция, локальная традиция, образы, сюжеты.

Abstract. In this article, the features of the images and the plot of the olonkho of the northeastern Yakut tradition are considered. The object of the study

was the texts of the Olonkho: Moma, Abyi, Verkhoyansk and Middle-Kolyma local traditions. The author has concretized the system of basic images and revealed a plot-composition structure. The author concludes that the olonkho of the northern tradition has its own peculiarities and differences, and is also a more archaic epic.

Keywords: Turkic epic, olonkho, northeastern tradition, local tradition, images, plots.

В текстах олонхо северо-восточной эпической традиции система основных образов представлена в трех больших группах. Первую группу составляют главные герои – это богатыри-защитники племени Айыы. Вторую группу основных образов представляют противники главных героев: богатыри и девушки абаасы, а также тунгусский богатырь Ардьамаан-Дьардьамаан. В третью группу внесены женские образы, которые подразделены на три подгруппы: образы удаганок, девушки из племени Айыы и образ старушек Симэхсин.

Главные герои северо-восточной эпической традиции были защитниками своей семьи. Они наделены такими качествами защитника племени Айыы, как гордость, настойчивость и упорство. В образе главного героя можно найти черты богатыря-охотника. Богатыри Айыы исследуемой традиции отличались меткостью и зоркостью, теми чертами, которыми владели именно охотники. Они обладали силой волшебных превращений. Магическая сила и перевоплощение главного героя также считается архаической чертой эпоса. Главные герои изучаемой традиции не наделены высокими нравственными качествами. Им были присущи такие качества, как вспыльчивость, грубость, жестокость, беспощадность, суровость. Видимо, идеальный образ богатырей присутствовал в текстах олонхо более позднего периода. Анализ имен главных героев олонхо северо-восточной традиции выявил тот факт, что 10 главных героев (71,4%) не наделены именами с показателями богатырства. На наш взгляд, большая половина главных героев не являются богатырями. Необходимо подчеркнуть, что в 13 текстах (92,8 %) из 14 отсутствует полная портретная характеристика главного героя. Частичные описания портрета главных героев Кёбюё Джагыл момской и Эр Соготох абыйской локальной традиции находятся только в 2 текстах олонхо. В 11 тек-

стах полностью отсутствуют описания главных героев. Значит, можно сделать вывод, что в рассматриваемой традиции портретная характеристика главных героев еще не выработана.

В текстах олонхо северо-восточной эпической традиции были выявлены три группы женских образов. Первую группу представляют удаганки из трех миров, которые разделены на 3 подгруппы. Удаганками первой подгруппы являются жительницы Верхнего мира. Они появлялись в образе стерхов и помогали главным героям в трудную минуту. Удаганки Айбы из второй подгруппы являются жительницами Срединного мира, которые предстают в образе помощниц и советниц богатырей Айбы. Во многих случаях они являются женами, верными спутницами главных героев. Удаганки абаасы из Нижнего мира предстают в образе противников главного героя, вступают с ними в борьбу. Удаганки из всех трех миров активно помогают богатырям и изменяют ход событий. Во вторую группу мы отнесли образы девушек Айбы. Данный образ можно разделить на две подгруппы по их активности действий. В текстах олонхо исследуемой традиции найдено 26 образов девушек Айбы, из них 16 (62%), т.е. большинство образов были пассивными. Пассивными являлись девушки-красавицы, которые отличались своей необыкновенной красотой. Они были не активны в действиях, несамостоятельные и беззащитные девушки. Во вторую подгруппу отнесены девушки Айбы, которые были активны в своих действиях. Они выступали в роли жен, невест и даже дочерей главных героев. Девушки отличались умом и сообразительностью, обладали силой волшебства и перевоплощения, являлись помощницами богатырей Айбы. Третью группу составили образы старушек Симэхсин. Образы старушек были собирательными. Имя старухи Симэхсин является не собственным, а эпитетом, который указывал на обязанность данного образа. Все эти старушки обладали даром волшебства, перевоплощения и могли предсказывать будущее. Они были верны своим хозяевам, благодаря своему острому уму спасали их от нищеты. Все унижали и не воспринимали этих старушек всерьез, но они всегда оказывались правы.

Противниками главных героев в текстах олонхо северо-восточной эпической традиции представлены образы богатырей и девушек абаасы. Они являются представителями племени “абаасы аймага”. Богатыри абаасы живут во всех трех мирах. В отличие от них девушки абаасы

обитают в Нижнем мире. Богатыри абаасы, как и девушки абаасы, в большинстве текстов олонхо не имели собственных имен. Богатырей абаасы называли *абааһы кихи* ‘человек абаасы’ или *абааһы уола* ‘сын абаасы’. Богатыри и девушки абаасы носили имена со словами *тимир* и *уот*. Они были наделены описательными именами, которые помогали воспринимать цельный образ противника. Внешний вид богатырей и девушек абаасы является типичным для якутского олонхо, они обладали отвратительной и ужасной внешностью. Кроме внешнего вида детально подчеркивались одежда богатырей абаасы и украшения девушек абаасы. Все они были наделены отрицательными чертами характера, такими как жестокость, безжалостность и самоуверенность и др. Моральные качества представителей племени “абааһы аймаҕа”, основанные на мифологических воззрениях якутов, были явной противоположностью положительных героев олонхо. Следуя своему характеру, они совершали чудовищные и жестокие действия. В большинстве случаев богатыри абаасы похищали жителей Среднего мира, в основном девушек Айыы. Но интересным моментом данной традиции можно отметить сюжет о мести богатыря абаасы. Девушки абаасы также строили злобные козни против богатырей Айыы. Образ девушек абаасы в виде противника главного героя представит одной из отличительных черт данной традиции. Образ богатыря абаасы Ардьамаан-Дьардьамаан присутствует в 2 текстах олонхо. Он был упорным и хитрым, наделен магической силой. Имя богатыря Ардьамаан-Дьардьамаан является описательным. Образ богатыря абаасы Ачарыман-Чачыраман характерен только в одном тексте данной традиции. Он является активным действующим лицом. В отличие от других традиций в олонхо исследуемой традиции образы богатырей Ардьамаан-Дьардьамаан и Ачарыман-Чачыраман выступают как противники главного героя.

Сюжетно-композиционную структуру текстов олонхо северо-восточной эпической традиции можно разделить на три части: вступительная, основная и заключительная часть.

Вступление олонхо северо-восточной эпической традиции имеет некоторые особенности. В текстах десяти олонхо выдерживаются две части. Сначала идет не описательная, а повествовательная часть вступления. Но описательная часть не такая полная, как в олонхо центральной региональной традиции. Она начинается не с описания природы. Во вступлениях

этих олонхо сначала описываются жилища героев, подробно даются описания строительных деталей жилища, внутреннего убранства, утвари и придворных построек. За описаниями жилища следует описание Среднего мира, где живет богатырь Айбы. Упоминаются, в основном, горы, водоемы, растительные покровы, деревья и травы. Заключительным моментом описательной части является описание священного дерева. Значит, в олонхо исследуемой традиции описательная часть дается не в полной форме. Здесь отсутствует описание Вселенной. К повествовательной части можно отнести повествования о появлении главного героя. Это в большинстве своем одинокий герой-сирота и герой с сестрами и братьями, но в данной традиции преобладают одинокие герои. Отличительной чертой олонхо северо-восточной эпической традиции является вступительная часть со сказочным мотивом. Тексты олонхо начинаются с описания жизни старика и старушки, а также старика с тремя сыновьями.

Основная часть олонхо северо-восточной эпической традиции может быть представлена следующей схемой сюжета. Простое развитие сюжета: схема основной части = завязка – развитие – развязка. Сложное развитие сюжета: схема основной части = завязка первой части сюжетов – развитие первой части сюжетов – развязка первой части сюжетов – завязка второй части сюжетов – развитие второй части сюжетов – развязка второй части сюжетов. Полная сюжетно-композиционная структура: схема основной части = завязка первой части сюжетов – развитие первой части сюжетов – развязка первой части сюжетов – завязка второй части сюжетов – развитие второй части сюжетов – развязка второй части сюжетов – завязка третьей части сюжетов – развитие третьей части сюжетов – развязка третьей части сюжетов.

В текстах олонхо северо-восточной эпической традиции нами выделены 4 основных действия: возвращение главного героя с победой на родину (обозначаем схемой А); женитьба главного героя (В); проведение пиров или праздников, ысыаха (С); счастливая и мирная жизнь героев олонхо (D). Эту последовательность обозначили так: А – В – С – D. В текстах олонхо данной традиции встречаются короткие комбинирования этих действий. Возвращение домой главного героя (1 действие, схема А) отражено в 2 текстах олонхо. Возвращение главного героя домой и женитьба на девушке Айбы (2 действия, схема А – В) описаны в

2 текстах олонхо. Наиболее распространенным действием заключительной части в текстах олонхо данной традиции является женитьба главного героя на девушке Айбы (1 действие, схема Б). Данное действие встречается в 5 текстах олонхо. Проведение пиров или праздников, ысыаха (1 действие, схема С) мы находим в 3 текстах олонхо. Только в олонхо «Жыыдааннаах тыллаах, кыскыл улаан аттаах Кыыс бухатыыр» имеется обширное описание свадебного ысыаха. Счастливым и мирным заключением (1 действие, соответственно, схема D) заканчивается текст олонхо «Эр Соҕотох» сказителя Н.В. Слепцова. Тексты олонхо “Көбүө Дьаһыл”, “Үс балыстаах Лабанхачаан Лабанха” не имеют заключительной части. Следовательно, в заключительной части олонхо северо-восточной эпической традиции отображены основные концовки эпоса тюркских народов Сибири – возвращение домой главного героя, его женитьба, пир и наступление счастливой мирной жизни. В основном заключительная часть олонхо исследуемой традиции не отличается от общих традиций развязки эпоса тюркских народов Сибири.

Таким образом, система образов олонхо северо-восточной эпической традиции имеет свои особенности и отличия. Главные герои данной традиции были защитниками своего рода и семьи. Они наделены такими качествами защитника племени Айбы, как гордость, настойчивость и упорство. В образе главного героя можно найти черты богатыря-охотника. Богатыри отличались меткостью и зоркостью, теми качествами, которыми владели именно охотники. А также главным героям присущи такие черты характера, как вспыльчивость, грубость, жестокость, беспощадность и суровость. В олонхо северо-восточной традиции широко распространен образ удаганок. Они были представительницами трех миров. Удаганки Верхнего мира появлялись в образе стерхов и помогали главным героям в трудную минуту. Удаганки Айбы были жительницами Среднего мира, которые предстают в образе помощниц и советниц богатырей Айбы. Во многих случаях они были женами, верными спутницами главных героев. Удаганки абаасы из Нижнего мира описываются в образе противников главного героя, вступают с ними в борьбу. Удаганки из всех трех миров активно помогали богатырям айбы и меняли ход событий в сюжетах олонхо. В текстах олонхо исследуемой традиции характерен образ тунгусского богатыря Ардымаан-Дьардымаан как противника главного героя. Тунгусский богатырь олицетворял собой образ врага-чужеродца.

Вступление олонхо северо-восточной эпической традиции отличается от других традиций. В текстах олонхо вступление можно разделить на две части: повествовательная и описательная. Сначала идет не описательная, а повествовательная часть вступления. Сюда можно отнести повествования о появлении главного героя. Описательная часть вступления в текстах олонхо северо-восточной традиции идет за повествовательную часть, она не такая полная, как в других региональных традициях. Во вступлениях этих олонхо сначала описываются жилища героев и после этого место обитания героя. В текстах олонхо северо-восточной эпической традиции якутов описательная часть дается не в полной форме.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 16-06-00505 а.*

* * *

УДК 398.22(=512.157)(=512.31)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭПИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ

THE PRESENT CONDITION OF EPIC CULTURE IN CENTRAL YAKUTIA

Корякина Антонина Федоровна,

Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
Научно-исследовательский
институт Олонхо

Борисов Юрий Петрович,

Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
Научно-исследовательский
институт Олонхо

Koryakina Antonina Fedorovna,

M.K. Ammosov North-Eastern
Federal University,
Research Institute of Olonkho.

Borisov Yuri Petrovich,

M.K. Ammosov North-Eastern
Federal University,
Research Institute of Olonkho

Аннотация. В старину в Центральной Якутии бытовала устойчивая эпическая традиция, регион считается зоной зарождения и распространения якутского героического эпоса олонхо. Прочно сформировавшаяся эпическая традиция центральной зоны оказывала большое влияние на другие территории бытования олонхо. Сегодня по всей Якутии искусство сказывания олонхо развивается в трансформированном виде. В статье проводится анализ работы по сохранению, распространению и использованию потенциала эпической культуры в Центральной Якутии, выявляются проблемы сохранения и распространения эпического творчества. **Ключевые слова:** олонхо, эпическая культура, сказительские традиции, территория бытования.

Abstract. In the old time in central Yakutia a stable epic tradition existed, the region is considered a zone of the origin and extension of the Yakut heroic epic olonkho. A firmly formed epic tradition of the central zone had a great influence on other territories of the existence of olonkho. Today, throughout the whole of Yakutia, the art of telling olonkho is developing in a transformed form. The article analyzes the work on the preservation, extension and using of the potential of epic culture in central Yakutia, there are detected problems in the preservation and extension of epic creativity.

Keywords: olonkho, epic culture, narrative traditions, territory of existence.

Прекрасное владение навыками спонтанной импровизации, своеобразное пение, запоминание огромного массива текста в стихотворной форме, прекрасный голос, артистичность, перевоплощение, выразительность, богатство языка олонхосута невероятно сильно воздействовали на эмоцию, чувства, воображение аудитории благотворительно влияли на формирование представлений о добре и зле, знаний, норм морали и т.д. целого народа. Положительные представители племени айыы были образцом для подражания детей, молодых людей.

Якутский героический эпос развивается на общем мифологическом фоне, у него в основном единый канон сюжета, образов, языковых формул, типических мест. Однако эпическая культура каждого региона представлена совокупностью отличий, связанных с особенностями материального и духовного развития населяющих ту или иную тер-

риторию коренных народов Якутии и воплощенных в произведениях устного народного творчества, в частности героическом эпосе олонхо. По классификации профессора В.В. Илларионова, якутская сказительская школа в зависимости от территории бытования состоит из трех локальных традиций: центральная, виллюйская и северная [2]. В изучение локальных традиций олонхо Центральной Якутии внесли свой вклад Э.К. Пекарский, М.Н. Ионова-Андросова, К.Г. Оросин и др. В современной якутской фольклористике проблемами сказительских школ героического эпоса занимались В.В. Илларионов [1], А.А. Кузьмина [2], А.С. Ларионова [3], В.С. Никифорова [4], Т.В. Илларионова и др. [5].

Центральный регион в Республике Саха (Якутия) охватывает г. Якутск, Мегино-Кангаласский, Амгинский, Таттинский, Чурапчинский, Усть-Алданский, Хангаласский, Намский, Горный, Кобяйский улусы (районы). В старину в Центральной Якутии бытовала такая устойчивая эпическая традиция, что именно эта зона считается территорией зарождения и распространения якутского героического эпоса олонхо. А.А. Кузьмина, исследовавшая бытование, сюжетно-композиционную структуру и образы олонхо виллюйского и северного регионов, пишет: «Олонхо как жанр фольклора сформировалось в Центральной Якутии, и по мере расселения якутов по другим регионам появились локальные особенности, среди которых особенно выделялись виллюйские, северные (верхоянские и момские) сказания» [2].

В Центральной Якутии проживало и творило большое количество олонхосутов, активно участвовавших в формировании эпической культуры народа саха. Фольклористами признано бытование таттинской, амгинской, усть-алданской эпических традиций. Своим сказыванием олонхо славились знаменитые олонхосуты: Н.В. Кияпиров-Килээпир, И.Н. Винокуров-Табахыров (Таттинский улус), Н.П. Бурнашев-Боодьогос, Д.М. Говоров (Усть-Алданский улус), В.Н. Попов-Бочоох, П.П. Ядрихинский-Бэдьээлэ (Намский улус), Т.В. Захаров-Чээбий, У.Г. Нохсоров (Амгинский улус), П.Л. Колесов (Горный улус), Н.Г. Павлов-Чёмёкё (Кобяйский улус) и др. Прочно сформировавшаяся эпическая традиция центральной зоны оказывала большое влияние на другие территории бытования олонхо, преодолевая границы локальных традиций. Наблюдалось активное проникновение манеры исполнения

эпоса олонхо в другие локальные традиции, чему способствовала необыкновенная популярность исполнителей эпоса центральных районов.

Уже с середины 1940-х гг. общественный интерес к исполнительскому искусству олонхосутов начал угасать и исчезала привычная эпическая среда. В связи с потерей широкой популярности народного эпоса в Центральной Якутии намного уменьшилось количество носителей классической эпической культуры. Сказительское искусство полностью не исчезло благодаря проводимым в советские времена фольклорным фестивалям и конкурсам. Высоким мастерством сказывания олонхо были известны в народе олонхосуты Н.И. Степанов (Мегино-Кангаласский улус), П.П. Ядрихинский, В.Н. Попов (Намский улус), С.И. Алексеев (Горный улус), М.Г. Соров (Таттинский улус), Н.М. Тарасов (Горный улус), в эпическом репертуаре которых четко прослеживается сочетание импровизации и традиции.

Сегодня в реальных условиях угрожающей потери самоидентификации малочисленного народа саха олонхо вновь востребовано жизнью. После получения якутского эпоса олонхо статуса шедевра устного нематериального наследия республика поддерживает мероприятия по сохранению, возрождению и изучению народного эпоса олонхо, передаче устной сказительской традиции молодому поколению, популяризации эпоса. Работают государственные программы по поддержке развития сказительского искусства. В рамках этих программ ежегодно применяется комплекс мер, целью которого является популяризация, распространение эпического наследия и сохранение духовности народов Республики Саха (Якутия). Возобновились работы по передаче преемственности живой эпической традиции, по расшифровке рукописных и аудиовизуальных архивных материалов, изданию текстов эпических памятников. Проводятся научные изыскания и мероприятия по актуальным вопросам изучения эпосов.

Значительную роль в возрождении олонхо сыграли республиканские ысыахи Олонхо, которые проведены в Усть-Алданском, Горном, Мегино-Кангаласском, Хангаласском, Чурапчинском улусах. При финансовой поддержке программ республиканских ысыахов Олонхо в Горном, Усть-Алданском, Мегино-Кангаласском, Хангаласском, Чурапчинском районах построены Дома Олонхо, являющиеся центром духовного раз-

вития населения. Деятельность этих организаций регламентируется Положением «О Домах Олонхо Республики Саха (Якутия)», которое было утверждено Министерством культуры Республики Саха (Якутия). Между тем в настоящее время наиболее эффективно в рамках данного Положения функционирует только Дом Олонхо Мегино-Кангаласского района, а другие занимаются разносторонней деятельностью, не связанной с эпической культурой, а некоторые из них функционируют не по целевому назначению.

Население большинства центральных улусов поддерживает эпическую культуру самостоятельно на уровне районного муниципального образования, местной администрации или на общественных началах. В Намском районе построен Дом Олонхо при финансировании администрации улуса. В улусах краеведами, собирателями устного народного творчества ведется работа по сбору и хранению материалов. Педагогами-энтузиастами ведется системное обучение подрастающего поколения. В домах культуры, школах работают самодеятельные кружки, ансамбли по исполнению олонхо, проводятся конкурсы исполнителей олонхо, издаются тексты олонхо, воспоминания об олонхосутах. На возрождение эпической культуры, передачу сказительского искусства подрастающему поколению направлены усилия учителей, работников культуры. Так, в Усть-Алданском улусе ведется системное обучение не только детей, молодежи, но и людей среднего, старшего возрастов (В.И. Троева, Е.Е. Рожина и др.). В Намском улусе работают известные пропагандисты и педагоги-мастера по обучению школьников сказыванию олонхо (К. Тихонов, Е. Соколова и др.).

С целью содействия дальнейшему сохранению и развитию традиционной эпической среды, создания условий для творческой деятельности, направленной на сохранение, изучение и популяризацию олонхо, создаются различные самодеятельные кружки, проводятся конкурсы среди молодых и опытных исполнителей олонхо. Каждый год в с. Ма-стах Кобяйского улуса проводится декада «Олонхо – үйэлээх үгэспит» («Олонхо – великое наследие народа саха»), организуется улусный конкурс олонхосутов «Уруйдан, улуу Олонхо!» («Славься, великое Олонхо!»). В домах культуры создаются ансамбли по исполнению олонхо, ставятся отрывки из олонхо.

В распространении и популяризации олонхо имеют большое значение издания текстов олонхо. К примеру, в последние годы изданы олонхо: Р.П. Алексеева “Алаатыыр Ала Туйгун” (2002 г., Усть-Алданский) [6]; И.А. Николаева-Куоѳас Уйбаан “Бюдюрюйбэт сүсөхтях Мюлджю Бёгё” (2012 г.) [7], Е.Г. Охлопкова-Буоратай “Алантай Боотур” (2015 г., Намский улус) [8]. Во время подготовительных работ к ысыаху Олонхо в архиве было найдено олонхо «Мюлджет Бёгё» хангаласского потомственного олонхосута Михаила Саввина-Бетюйэ, отец, дед, прадед которого были известными олонхосутами, в записи И.В. Охлопкова [9]. В 2014 г. текст олонхо издан по подготовке В.В. Илларионова, Т.В. Илларионовой, Н.А. Дьяконовой. Все эти тексты олонхо изданы в серии «Саха боотурдара». Сотрудниками НИИ Олонхо впервые в истории Хангаласского улуса издан текст олонхо “Хангалас Боотур” А.Н. Алексеева в записи Е.Е. Лукина (подг. текста, прим. и коммент. Р.Н. Анисимова, Л.Н. Герасимовой) [10].

С целью изучения современного состояния жанров фольклора сотрудниками НИИ Олонхо проведены экспедиции по Намскому и Хангаласскому улусам. В результате поисковых работ в архивах, музеях, библиотеках, клубах, школах Намского улуса, встреч с современными исполнителями, с информантами были собраны материалы по эпическому наследию, фиксированы информации старожилов-носителей старины об олонхосутах и сказителях. Составлен сводный каталог-список олонхосутов, сводный каталог-анкета информантов, собраны фольклорные материалы для справочника «Антология олонхосутов Намского улуса». По итогам экспедиции по Хангаласскому улусу выявлены имена ранее неизвестных олонхосутов, составлены сводный каталог-список олонхосутов и библиографический указатель по олонхо, олонхосутам, фольклористам. Сняты видео- и фотоматериалы, собраны анкеты, фотографии. Фиксированы сведения о творчестве и жизни сказителей Хангаласского улуса. Результатом этих работ стала подготовка к печати справочника “Антология Хангаласского улуса”, в который будут включены тексты олонхо сказителей советского и постсоветского времени.

Проведение культурных мероприятий по популяризации олонхо имеет большое значение в обучении будущих олонхосутов: на смену олонхосутам традиционного типа пришли певцы, исполняющие

олонхо под впечатлением эпической среды детских лет (Н.К. Шамаев, Н.И. Сафонов, В. Г. Исаков, Н.Е. Баишев). От создающих свой репертуар по памяти и закрепляющих его в письменном виде отличаются исполнители олонхо: И.А. Григорьев (Кобяйский улус) исполняет олонхо П.А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур» в течение 6-7 часов. В Намском улусе своим исполнительским искусством якутского эпоса известны победители, дипломанты республиканских фестивалей, конкурсов К.Н. Тихонов, Д.И. Кривошапкин, В.П. Жирков. Талантливо исполняет олонхо П.М. Тихонов из Мегино-Кангаласского улуса.

Несмотря на все предпринимаемые меры по возрождению, популяризации олонхо в Центральной экономической зоне в настоящее время проблема развития аутентичной эпической культуры остается актуальной. Искусство сказывания олонхо развивается в трансформированном виде: на смену традиционным носителям эпического искусства пришли олонхосуты-исполнители, которые сказывают по заученным наизусть текстам. При этом, как бы они ни старались и придерживались всех канонов олонхо, они не могут заменить традиционное «живое», импровизаторское искусство олонхосутов. Практически отсутствует эпическая среда, которая заведомо знает эпос полностью и следит за правильностью воспроизведения, контролирует процесс исполнения и импровизацию «живого эпоса». Отсутствие традиционной эпической аудитории препятствует становлению и развитию исполнителей олонхо в качестве олонхосутов-импровизаторов. Кроме того, в последнее время наблюдается угасание преемственности сказительской традиции среди молодежи. Все вышеизложенное является основной причиной, препятствующей развитию традиционной эпической культуры в районах Центральной Якутии.

Для решения проблем сохранения и развития эпической культуры необходимо учитывать следующие аспекты:

- для создания эпической среды, возрождающей аутентичное исполнение эпоса, а также для воспитания эпической аудитории, способной участвовать в процессе традиционного прослушивания олонхо, необходимо организовывать «живые» выступления, гастроли исполнителей, фольклорных коллективов, профессиональных театров, самостоятельных коллективов и творческих объединений республики со специальной программой, что могло бы способствовать популяризации эпоса.

При этом основное внимание должно уделяться восстановлению преемственности эпической культуры, в частности, молодому поколению исполнителей;

- требуется эффективное использование разработанных методик преподавания эпического наследия в образовательном процессе, публикация учебно-методических пособий, активирование фундаментальных и прикладных научных исследований в области защиты и сохранения эпической культуры, разработка государственных целевых программ по оцифровке архивных материалов, в обязательном порядке записей локальных произведений устной эпической традиции, издание образцов эпических памятников и их перевод на русский и иностранные языки;

- для популяризации эпической культуры необходимо усилить взаимодействие со средствами массовой информации: публикации о носителях и исполнителях эпосов, живые выступления по радио, телевидению и интернет-ресурсам;

- необходимо использование Домов Олонхо по основному назначению согласно Положению «О Домах Олонхо Республики Саха (Якутия)». Полезно было бы организовать взаимный обмен опытом между ними и в качестве образца использовать опыт Мегино-Кангаласского улуса. Дома Олонхо должны стать локальными центрами эпической культуры;

- необходима финансовая поддержка как носителей, так и исполнителей эпической традиции. Особенно в стимулировании и поощрении нуждаются начинающие, молодые исполнители олонхо. Также в финансовом содействии нуждаются энтузиасты и общественные объединения, работающие во благо сохранения, изучения и возрождения эпической культуры.

Использование ценностного общечеловеческого потенциала эпикокультурного наследия, благотворно влияющего на общественное сознание, способствовало бы созданию благоприятной среды для развития производительных сил, обеспечивающих нужды и потребности народа.

Литература

1. Илларионов, В.В. Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо / В.В. Илларионов. – Новосибирск : Наука, 2006. – 189 с.

2. Кузьмина, А.А. Олонхо Виллойского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы / А.А. Кузьмина. – Новосибирск : Наука, 2014. – 160 с.
3. Ларионова, А.С. Региональные особенности традиционных песен якутов / А.С. Ларионова // Г.В. Ксенофонтов: Возвращение к себе : сб. науч. ст. – Якутск : ИГИ АН РС (Я), 1998. – С. 100-104.
4. Никифорова, В.С. Локальные традиции в музыке олонхо : автореф. дис. ... канд. иск. / В.С. Никифорова. – Санкт-Петербург, 1994. – 16 с.
5. Илларионова, Т.В. Текстология олонхо «Могучий Эр Соготох»: сравнительный анализ разновременных записей / Т.В. Илларионова. – Новосибирск : Наука, 2008. – 96 с.
6. Алаатыыр Ала Туйгун: олонхо / Р.П. Алексеев; [запись А.Р. Алексеева, В.И. Федорова]. – Якутск : Бичик, 2002. – 344 с.
7. Бүдүрүйбэт сүһүөхтэх Мүлдү Бөбө (“Бюдюрнойбэт сюсөхтях Мюлджю Бөгө”): олонхо / И.А. Николаев-Куоҕас Уйбаан [запись П.Я. Туласынова]. – Якутск : Бичик, 2012. – 256 с.
8. Алантай Боотур: олонхо / Е.Г. Охлопков-Буоратай; [запись С.И. Охлопкова]. – Якутск : Бичик, 2015. – 192 с.
9. Мүлдүөт Бөбө («Мюлджет Бөгө»): олонхо / М.И. Саввин [запись И.В. Охлопкова]. – Якутск : Бичик, 2014. – 520 с.
10. Ханалас Боотур: олонхо / А.Н. Алексеев [запись Е.Е. Лукина]. – Якутск, 2014. – 320 с.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научного проекта №15-04-00496 (а).*

* * *

МОТИВ «ДЕВУШКА И ЛУНА» В ФОЛЬКЛОРЕ ПАЛЕОАЗИАТОВ

THE MOTIVE OF “THE GIRL AND THE MOON” IN FOLKLORE OF PALEOASIANS

Потапова Евгения Артуровна,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра русской литературы XX века
и теории литературы

Potapova Eugeniya Arturovna
North-Eastern Federal University
named after M. K. Ammosov,
faculty of Philology, Department of Russian
literature of XX century
and theory of literature

Аннотация. Мотив «многослоен», его бессознательный аспект обладает в ряде случаев определяющей силой. Статья посвящена роли мотива в фольклоре палеоазиатов, как многокомпонентного психологического образования, определяющего поведение человека.

Ключевые слова: мотив, юкагирский фольклор, нганасанский фольклор, чукотский фольклор, палеоазиаты.

Abstract. The Motive is the unconscious aspect has, in some cases, the determining force. The article focuses on the role of motive in the folklore of Paleoasiatic as a multicomponent psychological education, which determines human behavior.

Keywords: motive, folklore of the Yukagir, folklore of the Nnganasan, folklore of the Chukchi, Paleoasiatic.

Мотив – некоторое развивающееся постоянство, относительная повторяемость движений и жестов, часто предметно (объектно) выраженная: в характерах и поступках героев, в лирических переживаниях, в драматических действиях и ситуациях, в символически обозначенных, разномасштабных художественных деталях и т.д. Это компонент произведения, обладающий повышенной значимостью.

Это внутренние и внешние движущие силы, побуждающие человека действовать определенным образом и стремиться к какой-либо цели. Он обусловлен стремлением к удовлетворению определенной потребности и дает импульс, энергию на реализацию задуманного.

В известном смысле эпический мотив программирует и обуславливает сюжетное развитие. В мотиве так или иначе задано это развитие.

Мотивы, сюжеты, герои в фольклоре народов Севера могут переплетаться друг с другом, могут встречаться одни и те же мотивы, а также могут быть совершенно противоположными друг к другу.

Объектом исследования выступают сказки и мифы палеоазиатских народов о девушке и Луне.

Устное народное творчество лесных и тундренных юкагиров представлено повествовательными произведениями, образцами обрядовой поэзии, песнями, пословицами, поговорками и загадками. У них нет специальных терминов для обозначения таких принятых в научной классификации жанров, как «сказка о животных», «волшебная сказка», «мифологическая сказка» и т.д. В юкагирском фольклоре нет подобных жанров, так сказать, в «чистом» виде, что, видимо, является свидетельством незавершенности процесса жанрообразования. Синкретизм жанров в фольклоре юкагиров проявляется очень ярко: элементы волшебных сказок, например, можно встретить в произведениях, именуемых «рассказами» [5, с.27].

У юкагиров есть *чуольэдьи ньиэдыл*, т.е. рассказы о древних людях, которые по содержанию и целевой направленности можно отнести к жанру преданий, легенд и мифов [5, с.39]. Именно к этой группе можно отнести миф «Девочка и луна». Сюжет мифа таков: «Когда-то давно жила на свете девочка-сирота. Жила у родственников, ее часто обижали. Она очень любила смотреть на луну и мечтала там жить. Как-то раз ее опять обидели и отправили за водой. Луна увидела, что с ней плохо обращаются, и забрала девочку с собой. Это увидел человек, который послал девочку за водой, и сказал: «Наша девочка с луной ушла» <...>» [4, с.10]. Миф заканчивается этиологическим финалом: «С тех пор юкагиры смотрят на луну и говорят: «Вон та девочка, которую обижали родственники, с ведрами стоит». А некоторые смеются: «Лентяйка она была, от лени и ушла туда». Но вы не верьте им. Разве от хорошей жизни ушла с луной сирота?» [4, с.10].

В приведенном примере можно определить следующие мотивы:

1. Сиротство девочки после смерти ее родителей.
2. Скитание по семьям родственников.
3. Плохое отношение к девочке со стороны родственников.
4. Любовь к луне.
5. Разговор и взаимосвязь девочки и луны, уход в небо.
6. Мотив этиологический.

Олицетворение луны доказывает, насколько трудно жилось девочке-сироте, и тем самым призывает читателя к чувству жалости, сострадания, оказания помощи, защите девочке-сироте. Этиологический финал мифа, в котором также дан риторический вопрос, заставляет читателей задуматься над сформированными ими выводами в ходе прочтения текста: правильно ли поступила девочка, что, покинув свою родину, ушла с луной. Концовка заставляет сделать свой вывод на счет поступка девочки-сироты, что влияет на мышление и умение анализировать.

Также нельзя не упомянуть о средствах эмоционального воздействия на читателей, например, о словесном описании тяжелой жизни девочки-сироты: «... у одних поживет, потом у других. Девочка часто голодала и мерзла, потому что плохо кормили и одевали сиротку. Заставляли дрова рубить, воду носить, собак кормить, за детьми ухаживать. Если что не так сделает, обижали и били бедняжку. Долго она мучилась» [4, с.10]. Также в тексте слово «девочка» встречается 9 раз. Это поясняется тем, что девочка совсем маленькая, хрупкая, беззащитная.

Мотив ухода девочки с луной может сопровождать сюжетную ситуацию ухода в качестве варианта нового пути для героя, мечтающего о любой радикальной перемене жизни. Миф отличается тем, что он полностью раскрывает гуманистическое начало человека: готов ли человек прийти на помощь слабому и в борьбе отстаивать их право.

Существуют у палеоазиатов и такие произведения, которые радикально отличаются от юкагирского мифа «Девочка и луна». Например, нганасанская сказка «Девушка и луна», которую они определяют к *дюрумэ*, т.е. остальным прозаическим жанрам фольклора, куда не входит *ситаби*, т.е. героические поэмы о богатырях, и чукотская народная сказка «Девушка и месяц». Эти сказки схожи по следующим мотивам:

1. Если в юкагирской сказке был образ девочки-сироты, то и в нганасанской, и в чукотской сказках представлен образ девушки, которая живет с родителями и у которой есть стадо оленей: «Давным-давно жила в одном стойбище с семьей красивая девушка. И были у нее олени» (нганасанская сказка) [3] и «Жил среди чукчей человек, и была у него одна дочь. Девушка – лучшая помощница отцу. Каждое лето стережёт она стадо далеко от своего стойбища, каждую зиму ещё дальше со стадом уходит» (чукотская народная сказка) [2]. Очевидно то, что девушка не бедная, выросла в достатке в хорошей семье.

2. Мотив говорящего оленя. В обеих сказках присутствует говорящий олень, который сообщает девушке о возможной угрозе со стороны луны.

3. В обеих сказках луна изображается недоброжелательной, в некоторых случаях даже злой. Если в юкагирской сказке девочка хотела уйти жить на луну, то в этих двух сказках желания сблизиться с луной не обнаруживаются. А наоборот, девушка, при виде луны убегает в чум.

4. Совместное действие девушки и говорящего оленя. Олень прячет девушку от луны в сугроб.

5. Мотив огня. В сказках, после первого прихода луны в чум девушки, олень превращает ее в огонь. Луна ищет девушку, нигде не находит, а огня не замечает.

6. Девушка выступает против луны: она связала луну. Луна вымывает девушку, чтобы она отпустила ее на небо и просит прощения со следующими словами: «Отпусти меня, добрая девушка! Не буду больше на землю приходить. Буду жить на небе, ночью людям светить, дорогу указывать!» (нганасанская сказка) [3] и «Если я вечно бездомный, отпусти меня наружу! Я буду забавой твоему народу. Отпусти меня – я буду превращать ночь в день! Отпусти меня – я твоему народу измерю год! Сперва я буду Месяцем старого быка, потом Месяцем рождения телят, потом Месяцем вод, потом Месяцем листьев, потом Месяцем тепла, потом Месяцем обдирания рогов, потом Месяцем любви у диких оленей, потом Месяцем первой зимы, потом Месяцем укорачивающихся дней...» (чукотская народная сказка) [2]. Сжалилась девушка над луной и отпустила ее. Противоборство между девушкой и луной можно объяснить тем, что жизнь в суровых природных условиях, постоянная борьба за существование заставляла северные народы с первых лет жизни

воспитывать в детях отвагу, решительность, самостоятельность, потому что от этих качеств зачастую зависела не только жизнь одного человека, но и выживание целого рода. превращение девушки в огонь тоже тесно связано с этим объяснением.

Победив луну, девушка, тем не менее, отпускает ее на волю. В ее поступке скрыт глубокий философский смысл, значимый для актуализации воспитательных начал сказок. Таким образом, народная педагогика утверждает позитивную идею, важную для морально-нравственного становления подрастающей личности: человек должен быть не только смелым, мужественным, но и милосердным, щедрым душой [1].

Проанализировав три фольклорных текста палеоазиатов, можно сказать, что, несмотря на аналогичные названия, эти фольклорные тексты и сегодня, в начале нового тысячелетия, остаются действенным источником нравственно-эстетического развития подрастающего поколения: они учат понимать и быть всегда готовыми помогать приниженному, несчастному человеку, а также быть отважными, решительными и самостоятельными. И самое главное, что объединяет эти произведения, это мысль быть и оставаться милосердными и щедрыми душой народами.

Литература

1. Матвеева, Е. Педагогический потенциал сказок народов Севера: художественное воплощение воспитательной идеи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.detlit.ta-vkm.ru/articles/e-matveeva-pedagogicheskiy-potencial-skazok-narodov-severa-hudozhestvennoe-voploshchenie-vospitatelnoy-idei/> – (Дата обращения: 07.12.2017).
2. Сказки для детей. Чукотские народные сказки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hvatakin.ru/skazka/4898>. – (Дата обращения: 07.12.2017).
3. Сказки народов Севера. Нганасанская сказка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://booksonline.com.ua>. – (Дата обращения: 07.12.2017).
4. Сказки, мифы и легенды лесных юкагиров: кн. для внекл. чтения. – Якутск : Якутский край, 2011. – 120 с.
5. Фольклор юкагиров / Сост. Г.Н.Курилов. – Москва; Новосибирск : Наука, 2005. – 594 с.

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ ЭВЕНКОВ ЯКУТИИ И КИТАЯ

FEATURES THE TRADITIONS AND CUSTOMS OF THE EVENKI OF YAKUTIA AND CHINA

Чжан Фан,

Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного

Zhang Fang

North-Eastern Federal University
named after M. K. Ammosov,
faculty of Philology,
Department of Russian as a foreign language

Аннотация. В традициях и обычаях каждого народа мы можем заметить культуру и психологию народа. Так, эвенков, которые живут в отдаленности друг от друга, связывают их культура, традиции и обычаи. В данной работе представляются эвенки Якутии и Китая как трансграничные этнические группы, которые имеют одинаковые или разные черты с точки зрения языка, письменности, обычаев, религиозных убеждений.

Ключевые слова: эвенки, традиции, обычаи, шаманизм, фольклор, образ медведя, тотем, анимист.

Abstract. In the traditions and customs of each people, we can see the culture and psychology of the people. Thus, the Evenki, who live in a distance from each other, connects them to culture, traditions and customs. In this work, we presented the Evenki of Yakutia and China as cross-border ethnic groups that have the same or different features from the point of view of language, writing, customs, and religious beliefs.

Keywords: Evenki, traditions, customs, shamanism, folklore, the image of the bear, totem, animist.

В России люди обычно считают, что эвенки живут в Сибири России, на сопредельной территории Китая они представлены четырьмя этнолингвистическими группами, общая численность которых превосходит

численность эвенков в России: 39 534 против 38 396. Эти группы объединены в две официальные национальности, проживающие в Эвенкийском автономном хошуне автономного района Внутренней Монголии и в соседней провинции Хэйлуцзян (уезд Нэхэ, Китай).

Эвенки – одни из народностей Китая. Они славятся богатой народной литературой (исторические предания, сказки, рассказы, пословицы).

Шаманизм – это деятельность своего рода и народной веры, разработанная на основе первоначальной веры. Орокен, Эвенки, Хеже и Даур, многие из которых являются алтайскоязычными тунгусскими, монгольскими и тюркскими языками, все ещё циркулируют в начале 1950-х годов в северо-восточных и северо-западных приграничных районах Китая. Шаманизм распространён в классе североазиатской религии ведьм, включая маньчжурский шаманизм, монгольский шаманизм, шаманизм в Средней Азии, сибирский шаманизм. Когда-то считалось, что шаман обладает способностью контролировать погоду, пророчество, мечты, гороскопы и путешествие на небеса или в ад. Перечислим следующие виды убеждений:

1. Поклонение природе.

2. Уважение к огню. Эвенки думают, что огонь произошёл с небес, самый священный, чистый и самый сердечный, может очистить душу и отгонять злых духов. Любые религиозные обряды неотделимы от огня, все виды жертвоприношений должны сводиться к огню.

3. Уважение к горе. Гора была домом или истоком предков-кланов и доминировала для всех видов животных.

4. Уважение к луне, солнцу и звездам. Эвенки сказали, что в солнце живёт женщина-мать и кормит всех людей на земле.

Большинство эвенков, которые проживают в провинции Хэйлуцзян, – это анимисты, а эвенки, проживающие в скотоводческих районах, являются последователями ламаизма. Небольшое количество эвенков, проживающих в районе Чэнбаэрху, исповедуют православие.

Эвенки Китая поклоняются природе. Эвенки думают, что медведи – это их предки, поэтому запрещается охотиться на медведя. Обращая внимание на тот факт, что большинство исповедуют анимизм, они также поклоняются своим умершим предкам, но до сих пор среди охотников распространён культ поклонения медведю. Убив медведя, эвенки про-

водят ряд ритуалов, при которых голова медведя, кости и внутренности зашиваются в коре берёзы или сухой траве и подвешиваются на дереве, чтобы дать зверю «воздушное погребение». Охотники плачут и низко кланяются, предлагая табак мёртвому животному.

В моей провинции Хэйлунцзян, в городе Цицикар, проживает около 2000 эвенков, как они сами говорят, «чистые эвенки», имея в виду свое происхождение. Живут они в эвенкийских юртах. Отличие этих юрт от юрт монгольских эвенков заключается в том, что они покрыты не войлоком, а прутьями. Эвенки всегда соблюдают церемонии, очень гостеприимны. При встрече со старшим поколением молодые должны сделать поклон и поднести сигарету в знак уважения. Приезд гостей считается радостным событием в семье. В скотоводческих районах гостям наливают чай с молоком. Брак у эвенков Китая моногамный. Они вступают в брак также с представителями монгольской, ороchonской, даурской и других народностей.

В народе распространена легенда «Эвенки и медведь». Много веков назад однажды охотник отправился на охоту в горах. Там внезапно его поймала медведиха. Медведиха привела его в пещеру, заставляя охотника жениться на ней. Охотник был беспомощен. Так они жили в пещере несколько лет, пока не родился медвежонок. Однажды охотник убежал из пещеры. Медведиха заметила это и сильно рассердилась. Она разорвала медвежонка на две части и бросила одну часть в сторону охотника, которая превратилась в эвенков, а другую часть оставила себе, которая стала настоящим медведем.

В каждом районе эвенков каждый клан имеет свой собственный тотем – лебедя или утки – как объект поклонения. Люди, увидев лебедя или утку, пролетающих над ними, должны были разбрызгивать молоко в воздухе. Охота на этих птиц запрещается. Первоначально мертвых не хоронили в земле, а производили «воздушное» захоронение. Но теперь это заменено на погребение в землю, сказало влияние других этнических групп, проживающих рядом.

Эвенки Китая, как и другие народы, любят петь и танцевать. Их народные песни переливчатые и приятные на слух. В их пастушьих и охотничьих песнях чувствуется смелый и простой характер эвенкийского народа. С самых ранних лет эвенки занимаются такими видами спорта, как

стрельба, прыжки в высоту и длину, также прыжки в высоту с шестом, ходьба на лыжах. Их изобразительное искусство включает вышивку, скульптуру, рисование. Они любят рисовать различные узоры на посуде и изготавливать из бересты поделки в форме животных.

Роль шаманизма у эвенков Якутии и Китая разная. У эвенков Якутии верование в шаманизм сопровождалось с рождения до смерти. Они считают, что когда человек умирает, душа уходит в другой мир. А у эвенков Китая шаманизм встречается в некотором ином аспекте. Например, когда человек столкнулся с трудностями или попал в беду. Шаман у эвенков Китая выступает как доктор или психиатр. У эвенков России шаман играет важное место в их жизни, так как он регулирует внутреннюю связь общества.

Народы Якутии уважают и признают шаманизм. В настоящее время шаман в Китае находится вне социальной структуры, шаман у эвенков не имеет социальной функции. Шаманизм у эвенков Китая не является некой культурой, но и не запрещается.

В наше время вслед за изменением экономического положения и структурой общества шаманизм в какой-то мере изменился, но не исчез в народной вере. Только его форма, положение и функции в обществе изменились. Изменение – это неизбежный этап, который сопровождается выживанием. Ключом является то, как народ сталкивается с изменениями: как новый этап в их жизни, вследствие которого развивается народ, или, наоборот, как последний этап.

Литература

1. Культура и обычаи эвенкийской народности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn/1001/2012/09/26/1s443120.htm>. – (Дата обращения: 08.12.2017).
2. Эвенки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mfina.ru/evenki>. – (Дата обращения: 08.12.2017).
3. Этническая группа эвенки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arts.imextrade.ru/education/nationalities-of-china/21-china-ewenkezu/>. – (Дата обращения: 08.12.2017).

* * *

ЧУКОТСКИЕ МИФЫ ОБ ОСТРОВАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И БИБЛЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ О ЗАСЕЛЕНИИ АМЕРИКИ: ИЗЫСКАНИЯ ФРИДРИХА ПЛЕНИСНЕРА В XVIII ВЕКЕ

CHUKCHI MYTHS ABOUT THE ISLANDS NORTH-EAST ASIA AND BIBLICAL STORIES ABOUT THE SETTLING OF AMERICA: SURVEYING FRIEDRICH PLEISNER IN THE XVIIIth CENTURY

Березницкий Сергей Васильевич,

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Институт народов Севера, кафедра этнокультурологии

Sergey V. Bereznitsky,

Doctor of Sc (History), Professor, Professor Department of Ethnology of the Institute of the Peoples of the North, Herzen State Pedagogical University of Russia

Аннотация. В середине XVIII века Россия активно занималась освоением и исследованием северо-востока Азии, тихоокеанского побережья и островов. С этой целью проводились экспедиции, устройством которых занимались Академия наук, Правительствующий Сенат и другие государственные органы. Имена В. Беринга, А. Чирикова, Г. Миллера, Г. Стеллера, С. Крашенинникова известны всему мировому сообществу. Однако имелись менее известные люди, которые принимали активное участие в этом процессе. Одним из таких исследователей был российский офицер Фридрих Плениснер, участник Второй Камчатской экспедиции, впоследствии организатор ряда локальных изысканий на северо-востоке, Медвежьих и Курильских островах. По его указанию собирались этнографические материалы о чукчах, эскимосах, других коренных народах Чукотки, Аляски и Курил. Плениснер известен как топограф, составитель географических карт, плана Петропавловской гавани; как живописец он сделал зарисовки аборигенов, природы и животного мира; как ученый создал несколько трудов, связанных с обобщением этнографических, географических, исторических сведений о северо-востоке России XVIII в.

Ключевые слова: российская наука XVIII века, Фридрих Плениснер, чукчи, этнографические, исторические, географические материалы.

Abstract. Friedrich Plenisner (1713-1778) – Courland German, for many years operated by the Russian military and administrative service, was a member of the Second Kamchatka expedition. In 1760-1772 he was the commander of the Anadyr fortress, the chief commander of the Okhotsk – Kamchatka territory. Plenisner traveled to the Chukotka Peninsula, organized land and naval expedition for the exploration of the Chukotka, Bears and the Kuril Islands, sea of Okhotsk, during which was collected a valuable historical, ethnographic and geographic data. Manuscripts of Plenisner are stored in the Russian archives: the Russian state archive of ancient acts, the St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences, the Russian state historical archive

Keywords: Russian science of the XVIIIth century, Friedrich Plenisner, Chukchi, ethnographic, historical, geographical materials.

Во второй половине XVIII в. российская наука располагала отдельными этнографическими, географическими, геодезическими, гидрографическими, климатическими, ботаническими и другими сведениями о Северо-Восточной Азии. По мнению некоторых отечественных ученых, этот исторический период можно определить как дату основания русского варианта этнографии, источниковая база которой собиралась именно на северо-востоке. Российская империя создавалась с запада на восток, а познавалась с востока на запад [7, с.66].

В 1760 г. по ходатайству сибирского губернатора Ф.И. Соймонова командиром Анадырского острога был назначен бывший участник Второй Камчатской экспедиции, российский офицер немецкого происхождения Фридрих Христиан Плениснер (1713-1778). В 1764-1772 гг. Плениснер служил на северо-востоке в качестве главного командира Охотско-Камчатского края, совершал поездки по Чукотскому полуострову, организовывал сухопутные и морские экспедиции по исследованию Чукотки, Медвежьих и Курильских островов, акватории Охотского моря [10, с.42-44; 3, с.335-344; 4, с.86-90; 5, с.49-59; 6, с.42].

Кроме непосредственного наблюдения Плениснера во время экспедиции по рекам Анадырь и Красная в 1763 г., опроса чукчей, с помощью знающего язык сотника Никиты Куркина, в канцелярии Анадырского острога Плениснер опрашивал казаков, которые еще помнили походы Д. Павлуцкого, чукчей, эскимосов, представителей других этносов и сословий, собирая по крупицам историко-этнографические, географические и фольклорные материалы о Чукотке, Аляске и окружающих островах. Часть данных Плениснер позаимствовал у Н. Дауркина, из журналов сержанта С. Андреева, исследовавшего Медвежий острова [11, с.180-188; 12, с.182-194; 13; 14; 15, с.164-201;16, с.58-59; 17, с.67-69; 18, с.121об. -124].

В сфере фольклора и мифологии Плениснером были собраны и зафиксированы интереснейшие материалы, распространенные в духовной культуре многих этносов мира [2], иллюстрирующие представления чукчей об особых людях-карликах; людях, питающихся лишь запахом от готовящихся на огне продуктов; островах, заселенных женщинами, которые рождали только девочек от морских волн; о живых островах, которые могли по своей воле перемещаться в Северном Ледовитом океане в разные стороны горизонта на несколько километров: *«Есть особая земля, на которой живет женский пол и плод имеют от морской волны, и рождаются все девки; <...> еще есть земля, на которой живут мужской и женский пол ..., и у них есть олений промысел. Олень мясо не едят, а только вдыхают горячий пар от мяса и тем сыты бывают и потом то вареное мясо бросают; есть еще особливая земля, на которой живут маленькие люди, которых чукчи называют пичучаны»*. Многие аспекты этой информации Плениснер обобщил в небольшой по объему, но ценной этнографическими, историческими и географическими данными заметке о Чукотке и лежащих в море островах [9].

В 1765 г. Плениснер написал эссе об истории освоения Америки европейскими путешественниками, о проливе между Азией и Америкой [8]. Оно было частично опубликовано в работе Бадигина К.С. и Зубова Н.Н. об истории исследования Медвежьих островов [1, с.84-85]. Плениснер подчеркивал, что русские исследователи собрали гораздо больше сведений о Северной Америке, чем английские и голландские. Здесь же он отводил большое место собственным изысканиям и карте

северо-востока Азии. В опущенной Бадигиным и Зубовым части эссе Плениснер привел исторические сведения, связанные с открытием Америки в результате плаваний А. Веспуччи и Х. Колумба, кратко осветил заселение американского континента в результате миграций людей через беринговский перешеек. По мнению Плениснера, это были потомки Ноя, спасшиеся и размножившиеся, согласно библейским мифам, после всемирного потопа: *«И так должно думать, что Азия с Америкой прежде соединена была так, что и сухим путем как люди, так и звери переходить могли. Но чрез такое долгое после Ноева потопа времени наводнением, трясением земли, которые в тамошних местах и ныне нередко бывают, оные берега себе перемену и разделение получили»*. В завершение своей работы Плениснер заверил, что если бы поступило распоряжение российских властей, то можно было бы присоединить к России огромную часть Северной Америки, включая Калифорнию: *«Еще по ревности службы моей необходимо за должность почитаю надупоминать следующее, что дорога чрез северо-восточных местах к Америке уже открыта, какими трудами она в здешних отдаленных местах соединена знаемы почти все зивропейские державы, хотя и от них Америка весьма в дальнем разстоянии находится, кои в оной имеют не токмо провинции, кои целые государства. А Россия, которой пределы и обширность государства в северо-восточных местах с Америкой в соседстве граничит, еще некакими местами тамо и поныне никому подвержены не завладела. А естли об оном впредь повеление воспоследует, то не только издержанные со здешней стороны в прежние экспедиции с убытками милионы возвратятся, но от самой Калифорнии, даже до последних краев Северной Америки под Российскую державу приведены быть могут по добром успехе в завладенье предприятием сумневается не должно»*.

Таким образом, в результате научных изысканий, организационной деятельности Фридриха Плениснера были собраны ценные сведения об особенностях этнографии, материальной и духовной культуры, истории, фольклора материковых, приморских и островных групп чукчей, данные об эскимосах и юкагирах, сведения о сложных межэтнических контактах на Чукотке во второй половине XVIII века.

Литература

1. Бадигин, К.С. Разгадка тайны Земли Андреева / К.С. Бадигин, Н.Н. Зубов. – Москва : Военно-морское изд-во Военно-морского министерства СССР, 1953. – 120 с.
2. Березкин, Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог / Ю.Е. Березкин // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> дата обращения 11.07. 2017 г.
3. Березницкий, С.В. Исследования Фридриха Плениснера на северо-востоке России в XVIII веке (историографический аспект) / С.В. Березницкий // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); отв. ред. Ю.К. Чистов. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2017. – С. 335-344.
4. Березницкий, С.В. Роль Ф. Плениснера в формировании музейных коллекций Кунсткамеры в XVIII веке / С.В. Березницкий // Вопросы музееологии. – 2016. – № 2 (14). – С. 86-90.
5. Березницкий, С.В. Фридрих Плениснер и его вклад в исследования этнических обществ и природы дальнего востока России в XVIII веке / С.В. Березницкий // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2017. – № 3. – С. 49-59.
6. Березницкий, С.В. Этнографические и географические исследования Фридриха Плениснера на северо-востоке России во второй половине XVIII в. / С.В. Березницкий // XII Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Ижевск, 3-6 июля 2017 г. / отв. ред. А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. – Москва ; Ижевск : ИЭА РАН. УИЯЛ УрО РАН. 2017б. – С. 42.
7. Головнёв, А.В. Этнопортрет империи в трудах П.С. Палласа и И.Г. Георги / А.В. Головнёв, Т.С. Киссер // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 3. (48). – С. 59-70.
8. Замечания полковника Плениснера о том, что в древние времена Америка была соединена с Азией // РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 44. 3 л.
9. Замечания полковника Плениснера о Чукотской земле // РГАДА. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 46. – 5 л.

10. Зуев, А.С. Ф.Х. Плениснер как исследователь Северо-Востока Азии / А.С. Зуев // «Aus Sibirien – 2005»: научно-информационный сборник : материалы II международной научно-практической конференции «Стеллеровские чтения», посвященной памяти выдающегося российского и немецкого ученого Г.В. Стеллера / ред. Ярков А.П. – Тюмень : Экспресс, 2005. – С. 42-44.
11. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: сборник архивных материалов. – Ленинград : Изд-во Института народов Севера, 1935. – С. 180-188.
12. Показание бывшего у чукоч в плену Анадырской партии казака Бориса Кузнецкого о Чукотской земле // Разные известия и показания о Чукотской земле // Северный архив. № 22. V. Статистика. 4. – 1825. – С. 182-194.
13. Показание, подписанное сибирским губернатором Денисом Чичериным и отобранное от чукотской женщины Иттени о чукотской земле и островах» // РГАДА. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 48. – 3 л.
14. Показания о Чукоцкой земле бывшего в плену у чукчей казака Бориса Кузнецова // РГАДА. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 47. – 5 л.
15. Разные известия и показания о Чукотской земле // Северный архив. № 22. V. Статистика. 4. 1825. – С. 164-201.
16. РГА ВМФ. – Ф. 172. – Оп. 1. – Д. 408. – Ч. 1. – Л. 58-59.
17. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. – Москва : Наука, 1989. – С. 67-69.
18. Сказка казака Николая Дауркина о Чукотской земле, подписана подполковником Плениснером // Представление подполковника Плениснера об уничтожении Анадырского острога в 1763 году и дело, возникшее вследствие этого // РГАДА. – Ф. 199. – Оп. 2. – Портф. 528. – Ч. 2. – Д. 4. – Л. 121об.-1

* * *

СУЩНОСТЬ ДУШИ ИЛИ ДУШ ЧЕЛОВЕКА ПО МИРОВОЗЗРЕНИЮ СЕВЕРНЫХ МАНСИ

ESSENCE OF THE HUMAN SOUL AND SOULS ACCORDING TO THE WORLD-OVERVIEW OF THE NORTHERN MANSI

Иванова Валентина Селиверстовна,

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена,
Институт народов Севера,
кафедра уральских языков,
фольклора и литературы

Ivanova Valentina Seliverstovna,

Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences

Аннотация. Представления о сущности душ и отдельно каждой души по мировоззрениям северных манси. Переплетение рациональных и иррациональных представлений в религиозном понятии. Человек – часть мира, и его существование и жизнедеятельность в Среднем (Земном) мире объяснялось функционированием, в основном, пяти душ, которые являлись и одним из компонентов жизнеобеспечения человека.

Ключевые слова: Средний (Земной) мир, *тjрум* – слой Вселенной, *лылы* – душа, *ис* – душа, реинкарнация, *урт* – блуждающая душа, *исхор уй* – тень души-птицы.

Abstract. The idea of the essence of the souls and of the single soul according to the world-overview of the Northern Mansi. Rational and irrational picture conjunction in the national religion. The person as a part of the world. Five souls – a part of his life support – ensure his existence and action in the Middle (Earth) world.

Keywords: Middle (Earth) world, *tjrum* – the world stratum, *lyly* – the soul, *is* – the soul, *urt* – straying soul, *ischor uy* – the bird-soul shadow.

По имеющимся данным, у большинства территориальных групп северных манси при вертикальном членении пространства выявляется три сферы Вселенной: *Tjrum* ‘небо’ – Верхний (небесный) мир, *Mf* ‘земля’ – Средний (земной) мир, *Ёлы mf* – Нижняя земля’ (*Ёлы тjрум* ‘нижний мир’) – Нижний (подземный) мир [ПМА].

В Среднем (Земном) мире живет человек в окружении природы и в согласии с ней, с домашними и дикими животными, с птицами, с духами-покровителями. Когда это согласие между человеком и окружающим миром нарушалось, он обращался за помощью к своим богам, шел на святилища и совершал обряд угощения духа.

В традиционном мировоззрении манси тесно переплетались рациональные и иррациональные представления. Иррациональное начало прослеживается в представлениях, связанных со сверхъестественными существами и сверхъестественными способностями объектов живой и неживой природы

Человек являлся частью мира в целом. Существование и жизнедеятельность человека объяснялись функционированием душ. Н.Л. Гондатти писал, что у каждого человека «кроме души *ис* есть и ещё душа *лылы*». Заметим, что здесь *исхор* названа *ис*, что, по мнению автора, не совсем верно. У северных манси душа называется *ис*, дыхание – *лылы*, тень – *исхор* (‘души образ’). *Лылы* после смерти человека переходила в новорожденного. Тень отправлялась в подземное царство в распоряжение *Куль-Жтыр’а* [1, с.65]. К. Ф. Карьялайнен писал, что «один вогул перевел для Мункачи слово «моя душа» как *am sampərkhэм* (“мое сердце-тело”)” [2, с.42]. (В современном мансийском языке *am sampərkhэм* – *ам сымпјрхум*).

В представлениях северных манси различных территориальных групп нет единого мнения о сущности души или душ, их числе и взаимосвязи. По данным К. Ф. Карьялайнена, у человека две души: душа-дыхание (*лылы*) и душа-тень (*исхор*). Первая – это жизненная сила, «не имеющая определенной формы и собственного лица», вторая, «отделенная от своего живого владельца, летает вокруг него, как крылатое существо, но может стать и призраком какой-либо фигуры» [2, с.30-47]. В.Н. Чернецов, посвятивший представлениям о душе специальную статью, говорил о 4 душах для женщин и 5 для мужчин [3, с.114-156].

Все, что связано с понятием «душа», является иррациональным представлением человеческого организма [4, с.414]. У манси прослеживается рациональная основа указанных воззрений: понятие «души» связывается с понятиями «дыхание», «ум», «тело человека». Все души манси называют: *йисыт-хорыт/исыт-хорыт* 'души-образы' (т.е. так обозначаются души и их образы).

У всех групп северных манси первой жизнеобеспечивающей силой является «душа-образ» *лылы* 'дыхание', 'дух', *лзхтхатнэ ис* 'столкнуться душа'. В этой душе заложена жизненная сила. *Лзхтхатуһкве* 'столкнуться, вселиться' (реинкарнировать) В. Н. Чернецов переводил как 'схватиться'. Эта душа может вселиться в новорожденного после смерти человека, являющегося хозяином этой души (общепринято у всех групп), еще при его жизни или незадолго до смерти [5, с.114; ПМА].

В. Н. Чернецов называл эту душу еще *мфнь ис* «маленькая душа». Она всегда находится при человеке. Сосредоточена она в голове, волосах и ногтях. *Лылы* придает человеку силу. Если эта душа временно покидала его, то на него находила слабость и болезненное состояние. Когда он сильно кашлял или чихал, то говорил, что *лылым кон ал та пфтыс* 'моя душа чуть наружу не выпала'. Считалось, что во время сна эта душа может находиться вне человека. Когда человек умирает, то *лылы* переселялась в *иттырма* (изображение умершего) или жила в могиле. По словам информантов, только эта душа могла реинкарнировать от умершей женщины в новорожденную девочку до четырех раз, от умершего мужчины в новорожденного мальчика – до пяти (все группы).

Но существуют сведения, что это не обязательно. Иногда *лылы* могла вселиться в новорожденного меньше, чем четыре и пять раз, а иногда и больше, независимо от того, кто является умершим (женщина или мужчина) [ПМА]. Часто при жизни старые женщины говорили своим внукам: «Уйду когда на тот свет, буду нужна вам, не буду нужна вам, но *авкматррт тах та консыгтахтргум, та пувумтахтргум* 'однажды вцеплюсь когтями, схвачусь' (за новорожденного)». Здесь *ляхтхаты* переводится как «вцепиться когтями», «схватиться» [3, с.137-140; 6, с.72; ПМА].

У всех групп северных манси считалось, что жизненная сила человека *лылы* содержится и в сердце. Когда человек испугается чего-нибудь,

он восклицает: «*Сьмум кон ал та минас* ‘Чуть сердце не выпало наружу’». Причем эта «жизненная сила» могла выпасть через кончик большого пальца ноги. Когда опасность минует, произносили: «*Сьмум сярдгыл тулевылн ёхтыгпфлыс*», что в переводе означает – ‘Сердце совсем близко к большому пальцу ноги подбегало’ [ПМА].

Второй жизнеобеспечивающей силой являлась *исхор* ‘тень’, ‘тень-облик’, ‘тень-образ’. Эта душа находилась с телом, никогда не покидая его. В. Н. Чернецов подчеркивал материальность этой души. Она же является после смерти человека его могильной душой. Эта душа, как считается, обладала свойствами тела: испытывала холод, голод, могла пьянеть [3, с.119, с.122-126]. По представлениям среднесосьвинских манси, человек имел одну душу-тень *исхор*. (Среднесосьвинские манси говорили, что если бы душ было несколько, то, когда одна уходила, приходила бы другая.) «Иногда человек еще на этом свете живет, а *исхор* уже куда-то убегает. Тогда *матыр вфнэ хјтпа* (‘что-то знающий человек’) мог возвратить *исхор*, и человек мог остаться на этом свете». Один из информантов рассказывал: «Иногда после поездки в соседнее село, немного посидев, вдруг меня аж передернет, как будто холодной водой меня облили, это моя душа *исхор* где-то задержалась и только-что ко мне вернулась» [ПМА].

Отпечатки тела на снегу манси называют *хури* ‘изображение’, ‘отпечаток’, либо *исхор*. Когда дети играли и валялись в снегу, то перед тем, как им уйти, взрослые просили их замести следы своего тела на снегу, иначе дети могли заболеть. Так поступали повсеместно, ибо считалось, что тень и отпечаток – это части внешности, тела. Если весной отпечаток растает, то заболело или исчезало само тело. Точно так же обстояло дело и с тенью. С точки зрения архаического сознания, тень – часть тела, отслоившаяся в виде тончайшей пленки. Пока человек в нашем мире, тень не покидает тело, постоянно находится с человеком [6, с.72-74; ПМА].

У ляпинских, средне- и нижнесосьвинских манси вторую жизнеобеспечивающую силу называли *утьци*. К этой душе ходили на поминки. Когда родственники приходили на кладбище, то *утьци* все слышала: плач, разговоры, поминальные речи – до той поры, пока не опадала листва и не выпадал снег. Зимой, под покровом снега, *утьци* ничего не

слышала, отдыхала. Пробуждалась *утьци* с появлением первой зеленой травы. Тогда опять можно что-то рассказывать умершему, делиться с ним новостями: душа опять слушала [5, с.117; ПМА].

Следующей (третьей) по значимости для человека душой являлась *лјхаль миннэ ис* ‘вниз по течению (на Север) уходящая душа’, т.е. это первая душа, которая уходит от тела. Считалось, что во время сна эта душа где-то витала, поэтому нельзя было человека резко будить. Манси говорили при этом: *лфсял квфлтрлын, улум тфрсанэ ул толматргыт* ‘осторожно буди, чтобы не порвались связующие с человеком нити (корни) сна’. Если витающая душа не успевала вернуться, то человек заболел [ПМА].

У ляпинских манси *лјхаль миннэ ис – урт/уртэ* ‘оберегающая (охраняющая) сила’. Эта душа после смерти человека отправлялась в *Мјртым мф* ‘Теплые края’. Бывало, что она уходила еще при жизни человека. В этом случае необходимо было вернуть ее обратно, иначе человек бы умер. У средне- и нижнесосьвинских манси эта душа называлась *исхор* и она являлась образом умершего. Заметим, что, как было указано выше, у верхнелозьвинских и верхнесосьвинских манси *исхор* – вторая душа [ПМА].

Второй душой, покидающей тело, являлась *урт* – блуждающая душа. Ляпинские манси называли ее *урас уй* – птица, являющаяся предвестником смерти, или *исхор уй* – тень души-птицы. Ляпинские манси такой птицей считали кукушку и кулика, верхне- и среднесосьвинские представляли ее в образе летучей мыши. Когда появлялось много кукушек, куликов, летучих мышей, то, считалось, что будет много смертей. *Урт* могла ночью в лесу кричать или издавать звуки, подобные детскому плачу, – тогда в селении, как правило, умирал ребенок. Эта душа могла забрать с собой в загробный мир души людей, с которыми при жизни ее хозяин враждовал или же наоборот – души самых любимых близких родственников [3, с.130-131].

По представлениям манси, у человека за год до его кончины эта душа уходила и жила неподалеку. Если она в образе своего хозяина кому-нибудь показывалась на глаза, это было плохое предзнаменование, предвещающее смерть. Эта душа могла появиться перед человеком ночью в образе птицы, пролететь мимо него с криком и «тогда на человека напа-

дет беспричинный страх» [3, с.129; ПМА]. Когда проходило количество лет, равное возрасту умершего, то душа *урт* у женщины превращалась в *нбмсарркв*'у 'женщина *нбмсар*' (паука), у мужчины – в *кtryhхомлах* 'железный бугор' (жука). Детям не разрешалось их давить. Взрослые говорили, что, обижая пауков и жуков, они обижали свои предков [5, с.113; ПМА].

Кtryhхомлах относился к священным насекомым. Считалось, что умерший в подземном мире жил столько же, сколько жил на земле. Тень его будет уменьшаться до величины *кtryhхомлах* [1, с.65; 3, с.138-139; 2, с.39-40].

Четвертая душа – *улум йис* 'сна образ', *улум уй* 'птица сна', «душа сна» (остальные группы), еще одна душа в образе птицы. Считалось, что она живет в образе глухарки вне человека, в лесу. Эта птица охраняла здоровье и сон человека. Во время сна она могла улететь от человека в другие места, и тогда человеку снилось то, что видит *улум уй*. Птица могла слетать в будущее. Человек через некоторое время действительно мог увидеть это наяву. Она прилетала к хозяину во время сна. Когда человек хотел спать, то говорил *улум уюм та ёхтыс* 'моя птица сна ко мне прилетела', а если человек неожиданно просыпался и ему не спалось, то говорил *улум уюм хотталь та минас* 'моя птица сна куда-то улетела'. Если по какой-либо причине эта птица погибала (например, охотник подстрелит, хищная птица или зверь ее уничтожат), то и человек тоже умирал. *Улум уй* могли уничтожить и *рлумхјлас трнэ кулит* 'людей поедающие духи'. Помочь выжить этой душе, отбить ее у «людей поедающих духов» мог *нзйт хјтна* (шаман) [3, с.134-135; ПМА].

Изображение птицы *улум уй* необходимо было наносить на спинку *fn*'ы (берестяной люльки) с наружной стороны, напротив головы ребенка.

Пятая душа – *лац*. Образ этой души – мифическая птица. Считалось, что о смерти близкого человека родственники узнавали от птички *лац* (птица малых размеров). Таким образом, *лац* – предвестник смерти. Иногда птичка давала знать о скорой кончине самому человеку, душой которого она являлась. *Лац* обычно садилась к человеку, едущему по воде, на нос лодки и свистела (бывало, даже в ночное время). Человек должен был успеть быстро надеть наизнанку верхнюю одежду и ото-

гнать птичку веслом. По словам информантов, птичка очень назойливая, несколько раз пытается сесть на лодку. Это значит, что человек, едущий в лодке, или кто-то из его близких родственников скоро умрет [ПМА]. Душа *лаиц* могла за тысячу километров, глубокой ночью, постучать в окно родственников умирающего и сообщить, что она уже покинула его тело.

В языке верхнелозьвинских и верхнесосьвинских манси слово *лаиц* отсутствует, но роль этой птицы схожа с функцией *миннэ ис* ‘уходящей души’, которая также находилась в лесу в облике птицы [ПМА].

По представлениям ляпинских и среднесосьвинских манси, существовала еще шестая душа – душа первой души *урт*. У неё не было конкретного названия [5, с.94]. Других сведений об этой душе пока получить не удалось.

По воззрениям манси, душу при рождении давала *Пуи Сзнь* ‘Мать верховий’, она же *Сјрни Сзнь* ‘Золотая Мать’, *Тјрум Сзнь* ‘Торума Мать (Мать Небес)’, *Калтась Сзнь* ‘Калтась Мать’ [7, с.134-135; 8, с.122; ПМА].

Животные (собаки, олени, коровы и т.д.) также имели душу *исхор*. Если собака во сне вздрагивала, то манси говорили *амп исхоре усьта ёхтыс* ‘душа собаки только что пришла’ [ПМА].

Итак, у человека в Среднем мире две, по другим версиям, пять душ. Они являлись его жизненной силой, и эти души функционировали в той или иной степени в различные периоды жизненного пути человека.

Литература

1. Гондатти, Н.Л. Следы языческих верований у Маньзов / Н.Л. Гондатти. – Москва : ТОЛЕАЭ, 1888. Кн. VIII. – С. 49-70.
2. Карьялайнен, К.Ф. Религия югорских народов / К.Ф. Карьялайнен. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1921/1994. – Т. I. – 152 с.
3. Чернецов, В.Н. Представление о душе у обских угров / В.Н. Чернецов // ТИЭ, нов. сер. – Москва; Ленинград : АН СССР, 1959. – Т. 51. – С. 114–156.
4. Токарев, С.А. Душа / С.А. Токарев // Мифы народов мира: энциклопедия. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 411-415.

5. Ромбандеева, Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов) / Е.И. Ромбандеева. – Сургут : АИИК “Северный дом”, Северо-Сибирское региональное книжное изд-во, 1993. – 208 с.
6. Зенько, А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров / А.П. Зенько. – Новосибирск : Наука, 1997. – 152 с.
7. Карьялайнен, К.Ф. Религия югорских народов / К.Ф. Карьялайнен. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1922/1995. – Т.2. – 284 с.
8. Иванова, В.С. Представления, связанные с рождением ребенка, у сосвинско-ляпинских манси / В.С. Иванова // Культурное наследие народов Сибири и Севера : материалы Пярых Сибирских чтений. Санкт-Петербург, 17–19 октября 2001 г. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2004. Ч. 2. – С. 122-125.

Примечание:

ПМА – полевые материалы автора.

* * *

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ): ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ

УДК 378.6

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И В.Н. ВАСИЛЬЕВ: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯКУТСКОГО ЭТНОГРАФА

SAINT PETERSBURG AND V.N. VASILIEV: LIFE AND WORK OF THE YAKUT ETHNOGRAPHER

Ефремов Николай Николаевич,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения РАН,
отдел якутского языка

Efremov Nikolai Nikolaevich,
Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Department of the Yakut language

Аннотация. В статье освещается жизнь и деятельность известного сибироведа-этнографа и фольклориста, уроженца Якутии В.Н. Васильева, который учился и работал в г. Санкт-Петербурге. Он оставил богатое научное наследие, которое высоко ценится в современной этнографической науке.

Ключевые слова: Якутия, Санкт-Петербург, материальная и духовная культура народов Сибири, этнография.

Abstract. There are considered the life and the work of famous ethnographer and folklorist, native of Yakutia V.N. Vasiliev, who studied and worked in St. Petersburg. He left a rich scientific heritage, which is highly valued in the modern ethnographic science.

Keywords: Yakutia, St. Petersburg, material and spiritual the peoples of Siberia, Ethnography.

22 ноября 2017 г. исполнилось 140 лет со дня рождения известного этнографа, фольклориста В.Н. Васильева.

Виктор Николаевич внес большой вклад в развитие отечественной этнографии и фольклористики. Его труды по якутскому шаманству, фольклору, уникальные материалы и труды по материальной и духовной культуре народов Сибири и Дальнего Востока имеют непреходящее значение в науке. Его первая экспедиционная поездка в 1905 г. к северным эвенкам и публикация им материалов этой экспедиции открыли новое направление в тунгусоведении – эвенковедение XX века [4, с. 56]. Он внес свой вклад и в становление якутской письменности. С.А. Новгородов писал: «... эта запись олонхо [Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур] достойна удивления в отношении верности якутскому синтаксису и превосходит все другие образцы народной литературы якутов, напечатанные самим Пекарским и другими» [9, 221].

Ученые-сибиреведы – И.И. Майнов [3], И.С. Гурвич, Г.В. Ксенофонов и др. – высоко ценили экспедиционные материалы и научные труды по этнографии и фольклору народов Сибири В.Н. Васильева.

Известный этнограф Н.А. Алексеев в своей монографии, посвященной традиционным религиозным верованиям якутов [1, 7], указал, что статья В.Н. Васильева «Плащ и бубен якутского шамана» (в соавторстве с Э.К. Пекарским) является первым строго научным описанием плаща и бубна якутского шамана. А рукопись монографии В.Н. Васильева «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов» (60 п.л.), которая была написана на богатом материале, собранном им во время экспедиционной работы в 1926-1928 гг., Николай Алексеевич по охвату материала сопоставлял с монографией В.Л. Серошевского «Якуты» [12, с. 9].

Как пишет Н.В. Ермолова, В.Н. Васильев был опытным экспедиционным исследователем, с высоким профессионализмом работавшим «в поле», за счет чего ему и удалось собрать такой первоклассный этнографический материал [4, с. 61].

В становлении Виктора Николаевича как талантливого исследователя материальной и духовной культуры народов Якутии и Сибири оказала большое влияние социокультурная среда, где он родился и вырос.

Виктор Николаевич родился в Амгинской слободе Якутского округа, основанной пашенными-крестьянами, в семье политического ссыльно-

го и местной крестьянки 10 ноября (по старому стилю) 1877 г. Его отец, Васильев Николай Васильевич (1845-1888), был потомственным почетным гражданином г. Санкт-Петербурга, мать Александра (1847–1885) – дочерью амгинского крестьянина Василия Немчинова.

Малая родина будущего исследователя материальной и духовной культуры народов – Амгинская слобода – была одним из центров распространения языка и культуры местного населения якутов среди пришедшего населения, то есть здесь сформировалась и развивалась пограничная интеллектуальная культура.

Слобода возникла как поселение первых якутских хлебопашцев, когда в апреле 1652 г. по государеву указу из Енисейского острога в Амгу были присланы 6 ссыльных под предводительством сына Воина Богданова для занятия земледелием. В наказной памяти Воину Богданову было указано: «... устроить пашню ... и смотреть ему, Воину, над пашенными накрепко, чтоб они государеву пашню и под свою землю пахали неоплошно с великим радением»; когда же уродится хлеб, «учинить опыт: почему какого хлеба з десятины сколько сотниц снопов будет и что с сотниц в умолоте пудов будет, и то ему, Воину, писать в книги подлинно порознь, по статьям»; разрешить пашенным «... и сверх указанных тяглых десятин пахать на себя землю, сколько хто хочет...»; не разрешать торговлю с иноземцами (якутами) ни пашенным крестьянам, ни разным людям, приезжающим из Якутского острога, «... и чтоб у них на Амге у якутов соболей и лисиц черных, и черно-бурых, и красных и никакой мягкой рухляди не покупали и никакие товары не меняли» [8, с. 8]. Через год, в июне 1653 г., Воину Богданову и служилому человеку Ивашке Михайлову была дана наказная память ехать на Амгу-реку на государеву пашню для проверки. Но эти ссыльные там прожили недолго, пашню забросили, к 1661 г. от нее не осталось и следа. Но постепенно якутская пашня в Амге стала развиваться. Как образно писал В.Г. Короленко, «глухая слободка Чалган ... затерялась в далекой якутской тайге. [первые пашенные крестьяне] отвоевали у тайги кусочек промерзшей землицы, и хотя угрюмая чаща все еще стояла кругом враждебною стеною, стали скирды и стога, разрастались маленькие дымные юртенки; наконец, точно победное знамя, на холмике из середины поселка выстрелила к небу колокольня. Стал Чалган большое слободою» [6, с. 3].

Первые предки В.Н. Васильева прибыли в Амгу предположительно в конце XVII в. Местные краеведы обнаружили архивный документ, который гласит: в 1695 году из Москвы через Якутск было сослано 12 чел., некоторые со семьями благополучно добрались до Амги-Слободы: Васька Артемьев с женой Палашкой и с сыном Иваньком, Климко Немчинов с женой Марфуткой, Васька Расторгуев с женой Матренькой и дочерьми Анюткой и Наташкой, Савелий Цыкунов с сыном Еремкой [8, с. 10]. Люди с подобной фамилией в Якутии были и в первой половине XVII в. Вместе с атаманом Копыловым основал Алданский острог отважный Афанасий Немчин, который в 1842 г. вернулся в Якутский острог [5, с. 198]. Как писал историк Д.Я. Резун, фамилия Немчинов в истории Сибири широко известна в Западной Сибири – в Тобольске, Томске, Енисейске, Таре. Российские и сибирские Немчиновы являются потомками немецких ландскнехтов, которые в качестве пеших наемников служили в армиях стран Западной Европы [11, с. 76-77]. Эти люди по сравнению с крестьянами, которые уходили от крепостного гнета в Сибирь, были гораздо более опытными, имели широкие взгляды на жизнь. Из сибирских Немчиновых вышли не только известные бунтари, но и крупные купцы-первопроходцы в Сибири. Нужно учесть и тот факт, что немецким выходцам, волею судеб оказавшимся в Сибири, после крещения часто давалась фамилия «Немчинов» [10, 130].

Амгинские Немчиновы проживали в одном из выселков Амгинской слободы, который назывался Арбаа Дэриэбинэ (Западная Деревня), их предки являются одними из первых ее жителей. Как пишут краеведы, в местности Хойу, которая расположена непосредственно с этой деревней, развивалась первая якутская пашня.

Отец и мать Виктора Николаевича помогали политическим ссыльным, прибывающим в Амгу. Отец в 1862 г. будучи студентом Санкт-Петербургского университета за призыв к царубийству был приговорен Сенатом к смертной казни через повешение. Император заменил этот приговор каторжными работами на десять лет. По окончании каторжных работ в Нерчинских рудниках 13 мая 1871 г. он был переведен в разряд ссыльных на жительство и был сослан в Якутию в Амгинское селение. О Васильеве Короленко писал: «Самым старшим поселенцем из политических в Амге был Николай Васильевич Васильев. Он был

сослан в начале 60-х годов по делу так называемых воскресных школ... Отбывал ее [каторгу] в Нерчинске, вместе с Чернышевским. По окончании срока он был выслан на поселение в Амгу и приехал сюда, когда новая волна политических ссыльных еще не стала сюда доплескивать. Ему сначала пришлось здесь жить одному. Очень живой и способный, он быстро изучил якутский язык, женился на дочери обьякутившегося здесь крестьянина, обзавелся собственным хозяйством» [7, с. 88]. Как свидетельствуют архивные документы, Васильев пользовался большим авторитетом среди амгинских крестьян, был членом местного крестьянского общества.

После смерти родителей Виктор Николаевич вместе со своим братом Степаном воспитывался у деда Василия Немчинова – отца своей матери. Виктор учился в Амгинской церковно-приходской школе. В 1891 г. якутский архиерей Мелетий во время своего пребывания в Амге заметил способного ученика, вывез его в Якутск и отдал в миссионерскую школу. Затем он учился в духовной семинарии, но ее не закончил.

В 1898-1900 г. он жил в Иркутске, близ г. Кяхты, зарабатывая частными уроками и статьями в газете «Восточное обозрение». В 1900 г. он выехал в Москву, а затем в Санкт-Петербург с заветной мечтой поступить в университет. Но учиться не пришлось. Работал в Петербургской контрольной палате. В 1902 г. был арестован за принадлежность к партии эсеров. В 1904 г. освобожден из-под ареста и выпущен на свободу.

Переломным моментом в жизни В.Н. Васильева стало его участие в работе Хатангской экспедиции, организованной Академией наук и Географическим обществом. Экспедиция выехала в Сибирь в январе 1905 г. С этого времени началась его деятельность по этнографии. Он поступил вольнослушателем в Петербургский университет, затем стал студентом Практической восточной академии. Но вследствие частых и длительных экспедиций ему не удалось окончить эту учебу.

После этой экспедиции он поехал через Владивосток на Камчатку.

В конце 1906 г. он был принят в качестве сотрудника в Музей антропологии и этнографии Академии наук.

В 1908 г. он был командирован Музеем за сбором коллекций к карагасам и сойотам. Была собрана большая коллекция по культуре этих народностей, а также небольшая коллекция по культуре монголов.

После возвращения с этой поездки он по рекомендации директора музея В.В. Радлова поехал в Германию для устройства в Лейпциге этнографической выставки.

В 1910 г. он перешел на работу в этнографический отдел Русского музея и был командирован в Сахалин и Амур для сбора этнографических коллекций по культуре гиляков, сахалинских ороков, негидальцев.

В 1912 г. он совершил поездку в северную Японию и острова Иезо и Японский Сахалин, где им была собрана большая коллекция по быту айнов.

В 1913 г. он поехал в Семипалатинскую область, где им была собрана коллекция по культуре казахов.

В 1914-1917 гг. он участвовал в империалистической войне. После революционных событий он поехал в Сибирь, где «началась полоса лишений и метаний с места на место в погоне за хлебом и самой разнообразной службой без какой-либо возможности обратного проезда в Ленинград» [2, с. 99]. В 1923 г. ему при помощи А.Н.Луначарского удалось вернуться вновь к научной и музейной деятельности в качестве заведующего этнографического отдела и заместителя директора Западно-Сибирского краевого музея в Омске.

В 1926 г. по предложению Якутской комиссии АН СССР он принял участие в Якутской экспедиции, что дало ему возможность вернуться, наконец, в Ленинград. Поездка в Якутии продолжалась более 2 лет, и она дала богатый этнографический, демографический и экономический материал для изучения Алдано-Маинского района ЯАССР и Аяно-Охотского побережья Дальневосточного края и перспектив развития этих регионов в новых условиях жизни.

После возвращения из экспедиции Васильев с 1928 г. работал в Ленинграде, в Комиссии по изучению ЯАССР, на определенном этапе занимая пост ее ученого секретаря. В последние несколько месяцев жизни он фактически исполнял обязанности заведующего Сибирским отделом МАЭ, где работал сверхштатно. Он планировал новую, Приленскую экспедицию, но осуществлению этих планов помешала преждевременная смерть. Виктор Николаевич скончался 12 ноября 1931 г. в Ленинграде на 54-м году жизни.

Таким образом, Виктор Николаевич, потомок первых русских крестьян-земледельцев Якутии, которые приняли духовную культуру местного населения, был талантливым неутомимым исследователем этнографии и фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Он не отделял себя от интересов сибиряков, якутян, заботился об их благополучии, жил переживаниями за их судьбы. В становлении В.Н. Васильева как исследователя материальной и духовной культуры оказали решающее влияние его жизнь, учеба, работа в музеях и научных учреждениях г. Санкт-Петербурга и его плодотворное сотрудничество с известными учеными северной столицы России.

Литература

1. Алексеев, Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. / Н.А. Алексеев – Новосибирск : Наука, 1975. – 200 с.
2. Боякова, С.И. Новые факты биографии исследователя народов Севера В.Н. Васильева (публикация документа) / С.И. Боякова // Якутский архив. – 2005. – № 1. – С. 96-113.
3. Ефремов, Н.Н. «Материал подбирается в результате большой и разнообразной». Письмо В.Н. Васильева академику Э.К. Пекарскому и рецензия И.И. Майнова на рукопись ученого о результатах домашнего быта тунгусов. 1927-1930 гг. / Н.Н. Ефремов // Исторический архив. – 2017. – № 5. – С.127-130.
4. Ермолова, Н.В. Эвенкийские материалы в трудах В.Н. Васильева / Н.В. Ермолова // Во имя возрождения, сохранения и развития культуры народов Сибири: русская этнографическая традиция. – Новосибирск : Наука, 2010. – 247 с.
5. Иванов, В.Ф. Письменные источники по истории Сибири XVII в. / В.Ф. Иванов. – Новосибирск, 1979. – 240 с.
6. Короленко, В.Г. Сон Макара / В.Г. Короленко. – Москва : Детская литература, 1985. – 32 с. с илл.
7. Короленко, В.Г. История моего современника / В.Г. Короленко. – Якутск, 1988. – Кн.3–4.– 400 с.
8. Летопись Амги-Слободы (1652-2016) / Составитель Л.П. Васильева. – Якутск : ООО «Компания Дани-Алмас», 2017. – 216 с.
9. Новгородов, С.А. Первые шаги якутской письменности : статьи и письма / С.А. Новгородов. – Москва : Наука, 1977. – 272 с.

10. Резун, Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных / Д.Я. Резун. – Новосибирск : Наука, 1993. – 250 с.
11. Резун, Д.Я. Откуда пошли Немчиновы в Сибири / Д.Я. Резун // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – № 2. – С.70-80.
12. Попова, Н.И. Николай Алексеевич Алексеев: Путь Ученого / Н.И. Попова, Е.Н. Романова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2011. – №1. – С. 5-13.

* * *

УДК 378.6 : 008 (571.56) (066)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ В ИССЛЕДОВАНИИ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

SAINT-PETERSBURG STATE INSTITUTE OF CULTURE FOR RESEARCH OF CULTURE OF REGION

Никифорова Саргылана Валентиновна,

Северо-Восточный федеральный
университет им.М.К.Аммосова,
Институт языков
и культуры народов СВ РФ,
кафедра культурологии

S. Nikiforova,

Associate Professor
of the Department of kulturology
of the Institute of Languages and Cultures
of the Peoples of the North-East, Yakutsk

Аннотация. Предложен обзор истории образовательных и научных связей Санкт-петербургских (Ленинградских) вузов и учебных заведений Республики Саха (Якутия). Частично определена роль Санкт-Петербургской культурологической научной школы в кадровом обеспечении региона, а следовательно, в становлении исследовательской позиции научного сообщества республики при решении образовательных, этнорегиональных, североведческих проблем, в целях сохранения и развития уникальных культур северных народов.

Ключевые слова: культурологическая научная школа, этнорегиональные проблемы, североведение, исследование культурных процессов, подготовка кадров, научные связи, научное сообщество, культурологическое образование.

Abstract. It is suggested a review of history of educational and scientific ties of the Saint-Petersburg's (Leningrad) universities and educational institutes of the Sakha Republic (Yakutia). It is partially determined a role of the Saint-Petersburg's culturological scientific school in a human resourcing of a region. Therefore, a role in progressing of a scientific position of scientific community of republic in deciding of educational, ethno-regional and Northern problems for purposes of saving and development of distinct culture of the northerner.

Keywords: culturological scientific school, ethno-regional problems, Northern problems, research of cultural processes, staff training, scientific ties, scientific community, culturological education.

В рамках работы секции «Санкт-Петербург – Республика Саха (Якутия): истоки и современное состояние культурных и научных связей» конференции «Современное состояние и перспективы изучения языков, фольклора и литературы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» в докладах по материалам исследований первенство, несомненно, будет отведено связям с Российским государственным педагогическим университетом им. А.И. Герцена. «История подготовки кадров для Севера, Сибири и Дальнего Востока в Ленинграде – Санкт-Петербурге начинается с 1925 года, когда в Ленинград стали приезжать на учебу коренные северяне, сначала на рабфак, затем непосредственно на северный факультет Ленинградского государственного университета. Жизнь диктовала необходимость создания специального института. И такое самостоятельное учебное заведение – институт народов Севера – было организовано в 1930 году» [1]. Мы не затрагиваем научные и культурные связи, осуществляемые в «единичном» порядке (как то Камчатские экспедиции, работа ВСОИРГО, целиком дореволюционный период истории Якутии), или ситуации, когда одаренные молодые ребята в частном порядке поступали в высшие учебные заведения крупных городов Российской империи.

Необходимо отметить, что после 1917 года образовательные, научные и культурные связи центра с перифериями были выстроены системно, поставлены на поток и не ограничивались пресловутой идеологией. «Институт народов Севера был призван проводить подготовку кадров средней и высшей квалификации по советско-партийному и культур-

ному строительству, кооперативно-колхозной работе, промышленному делу для Севера, а также готовить кадры научных работников. При институте народов Севера была создана научно-исследовательская ассоциация по созданию письменности на языках народов Севера и составлению учебных книг на родных языках» [1]. Помимо языковой подготовки в институте народов Севера начата подготовка «учителей-культурологов и историков для северных регионов России, способных решать как образовательные, так и этнорегиональные, североведческие проблемы, задачи сохранения и развития уникальных культур северных народов. Кафедра этнокультурологии (до 1998 года называлась кафедрой культуры НКС) была создана в начале 1990-х годов при активном участии видного ученого-североведа, доктора исторических наук, профессора Ю.А. Сема.

С 1993 года кафедру возглавляет доктор философских наук, профессор И.Л. Набок, определивший структуру и основную культурологическую профессионально-образовательную программу... В настоящий момент на кафедре работает 17 преподавателей. В их числе: 5 докторов наук, 8 кандидатов наук. При кафедре действует аспирантура по двум культурологическим специальностям: «Теория и история культуры», «Теория и методика обучения и воспитания (культурология, уровни общего и профессионального образования)» и одной исторической: «Этнография, этнология и антропология» [2].

В Российской Федерации еще одним крупнейшим центром исследований в области культуры является Институт культуры Санкт-Петербурга (Ленинграда); студенты и петербуржцы любовно называют его «кульком». Он изначально задуман был для решения проблем прикладной культурологии, и хотя термина такого тогда не употребляли, вся его история тому подтверждение.

28 ноября 1918 года народным комиссаром просвещения А.В. Луначарским был подписан декрет об учреждении в Петрограде института для подготовки инструкторов и работников по внешкольному образованию. 265 студентов института должны были стать специалистами библиотечного и театрального дела, музыкального просвещения, заведующими культурно-просветительскими отделами, организаторами музеев и выставок. В становлении института активное участие приняли видные

деятели науки, специалисты в области книговедения и библиографии академик Н.П. Лихачев, А.Г.Фомин, К.Р. Симон, талантливые актеры, режиссеры, музыканты, художники Н.Ф. Скарская, П.П. Гайдебуров, создатель советского театра для детей А.А. Брянцев, художники этого театра В.И. Бейзер, Б.В. Зон, П.А. Петров-Бояринов, хоровой дирижер И.В. Немцев, теоретики и практики внешкольной работы В.А. Зеленко, О.Э. Вальценбург, А.Я. Гуревич, Г.Г. Тумим, Б.П. Гушин, Н.Э. Сум и другие [3].

28 августа 1924 года Коллегия Наркомпроса РСФСР приняла постановление о переименовании Петроградского института внешкольного образования в Педагогический институт политпросветработы и присвоении ему имени Н.К. Крупской. Основное внимание было сосредоточено на подготовке кадров для культурно-просветительских учреждений: школ, библиотек, клубов.

В 1941-1942 годах он вошел в состав Педагогического института имени М.Н. Покровского (Постановление Совета Народного Комиссариата РСФСР от 12.09.1941 г. № 614; Распоряжение Наркомпроса от 02.10.1941 г. № 380). Оставшаяся в блокадном Ленинграде часть преподавательского коллектива и студенты продолжали работу: голодной зимой 1942 г. проводились государственные экзамены. Дипломы получили 29 выпускников: 19 библиотечковедов и 10 музееведов-краеведов.

17 сентября 1945 года в доме № 4 на Дворцовой набережной возобновились занятия на трех факультетах: библиотечковедения (декан В.Ф. Сахаров), библиографии (декан Н.С. Лебедев), детских и юношеских библиотек (декан Л.Р. Коган).

Первые собственные научные школы в вузе начали формироваться с 1930-х годов, но наиболее активный период их становления начинается после войны. Прежде всего, это уникальная литературоведческая текстологическая школа профессоров С.А. Рейсера, Б.Я. Бухштаба, В.А. Мануйлова, В.Я. Гречнева; книговедческая школа профессоров М.Н. Куфаева, И.Е. Баренбаума и И.А. Шомраковой; библиотечковедческая школа профессоров Б.В. Банка, Г.Г. Фирсова, А.Н.

В 1957 году в Институте был вновь открыт факультет культурно-просветительской работы (декан Н.Д. Синцов) с одним отделением по подготовке организаторов-методистов клубной работы. А в 1957-1959

годах стали формироваться художественные кафедры – хорового дирижирования, театрального мастерства, оркестрового дирижирования, хореографии. Возродилась подготовка культурно-просветительных кадров.

Славу центра подготовки специалистов культурно-массовой работы институту принесли лауреаты Государственной премии СССР режиссеры Б.Н. Петров и Д.М. Генкин (создатель знаменитого праздника «Алые паруса», автор первого учебника для вузов «Массовые праздники») – организаторы церемоний открытия и закрытия Олимпиады-80 в Москве, XII Международного фестиваля молодежи и студентов, известный кинодокументалист Л.С. Горин, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР балетмейстер Б.Я. Брегвадзе [3].

К началу 80-х годов сложилась культурологическая школа профессоров С.Н. Иконниковой, Э.В. Соколова, С.Н. Артановского; школа прикладной культурологии профессоров А.Г. Соломоника, Д.М. Генкина, М.А. Ариарского; школа отраслевой библиографии И.А. Мохова, В.В. Зильберминц, В.А. Минкиной; историко-философская школа профессора А.И. Новикова; историческая школа профессоров Н.Н. Масленниковой, Н.И. Сергеевой, П.А. Подболотова.

В сентябре 1999 года в Республике Саха (Якутия) по инициативе первого Президента М.Е. Николаева 100 человек были отобраны в аспирантуры центральных вузов РФ. Среди них мы двое, автор и Николай Спиридонович Попов, были распределены на кафедру теории и истории культуры, под руководством д.филос.н., акад. РАЕН Светланы Николаевны Иконниковой. В то время вуз назывался Санкт-Петербургской государственной академией культуры и искусства (СПбГАКИ). Кафедра уже тогда являлась одной из сильнейших в отечественной культурологии, ее сотрудники во главе со С.Н. Иконниковой стояли у истоков культурологии в России. В начале 2000-х, время, когда мы там учились, на кафедре работал очень дружный, доброжелательный коллектив, в котором, наряду с маститыми профессорами со сложившейся научной школой С.Н. Артановским, Э.В. Соколовым, В.В. Селивановым, работали молодые многообещающие исследователи В.Д. Лелеко, Г.В. Скотникова, Н.Н. Суворов и др.

Кафедра теории и истории культуры была создана в 1967 году, и с того времени ее бессменным руководителем является Светлана Николаевна Иконникова – заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН и МАИ, эксперт Российского фонда фундаментальных исследований, почетный профессор каф. ЮНЕСКО в Санкт-Петербурге, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, председатель Санкт-Петербургского культурологического общества, она является одной из тех, кто стоял у истоков теории культуры как гуманитарной науки и новой специальности «культурология» в России [4]. Сочинения: История культурологических теорий (2005), Теория культуры: учебное пособие / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова, рек. УМО (2008), Культурология: учебник / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова (2010), Русская народная художественная культура. Очерки истории / под ред. В.П. Большакова. Saarbrücken (2014), Основные концепции и направления в культурологии // Культурология: учебник / Под. ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана (2014), История культуры повседневности / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова (2016).

Сергей Николаевич Артановский (1932), к.филол.н., д.филос.н., профессор кафедры теории и истории культуры. Сферы научных интересов: историческая и сопоставительная культурология, историко-типологическое исследование культуры, древние и традиционные культуры. Художественные системы древних и традиционных обществ, теоретическая культурология, методология исследования культурных процессов, теоретическое исследование форм существования культуры, типология культуры, а также национальные традиции, межнациональные отношения [5].

Эльмар Владимирович Соколов (1932-2003), доктор философских наук, профессор Академии гуманитарных наук, заслуженный деятель науки РФ. С 1975 г. работал профессором кафедры теории и истории культуры СПбГУКИ им. Н.К. Крупской. Был одним из членов-учредителей Восточно-Европейского института психоанализа (СПб.), в котором преподавал на протяжении ряда лет. Исследовал проблемы этики, философии, социологии, культурологии и др. Сочинения: Культура и

личность (1972); Свободное время и культура досуга (1978); Значение теорий «социального характера» и «коллективного бессознательного». Стиль и традиции в культуре (1989); Культурология: уч. пос. (1994); Введение в психоанализ. Социокультурный аспект (1998) [6].

Валерий Владимирович Селиванов (1937), советский и российский философ и культуролог. Доктор философских наук, профессор. Академик Российской Академии гуманитарных наук, член Ассоциации искусствоведов. Главный научный сотрудник, заведующий сектором социологии Государственного Эрмитажа. Профессор кафедры философии и культурологии Республиканского гуманитарного института при СПбГУ (ИППК-РГИ СПбГУ). Преподаватель кафедры социологии СПбГЭУ, кафедры теории и истории культуры СПбИК. Президент Санкт-Петербургской ассоциации «Диалог культур». Валерий Владимирович был назначен моим научным руководителем, благодаря его требовательности и вниманию мы чаще других аспирантов бывали в Эрмитаже, даже в служебных помещениях Сектора социологии в Доме ученых и присутствовали на конференциях, семинарах, юбилейных торжествах разных научных сообществ Петербурга.

Светлана Тевельевна Махлина, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член Международной Академии информатизации, Санкт-Петербургской общественной академии истории культуры, член Союза художников, Ассоциации искусствоведов (АИС), Международной ассоциации критиков искусства (АИСА) [7]. Сочинения: Семиотика сакрально-религиозных представлений (2008), Семиотика культуры повседневности (2009), Словарь по семиотике культуры (2009), Лекции по семиотике культуры и лингвистике (2010), Повседневность в зеркале жилого интерьера. (2012), Художественные стили в жилом интерьере (2012), Образы мира в традиционном жилом интерьере (2012). Во время вступительного экзамена ободряюще и доброжелательно, легко и с юмором реагировала на наши не совсем уверенные ответы, да и в дальнейшем во все время обучения всегда участливо поддерживала нас. Светлана Тевельевна одной из первых просмотрела рукопись диссертации по символике украшений и точными тонкими замечаниями очень помогла, а тон, которым она их высказывала, способствовал обретению уверенности, чего как раз очень недоставало.

Елена Петровна Островская, заведующая сектором Южной Азии ИВ РАН, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник СПбФ ИВ РАН. Е.П. Островская – специалист в области истории философии, религий и культур стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Профессор ЮНЕСКО [8]. Елене Петровне С.Н. Иконникова для отзыва на предзащите поручила просмотреть материалы диссертации, а та дала прочесть рукопись супругу, Александру Борисовичу Островскому, д.и.н., научному сотруднику высшей квалификации Российского этнографического музея, автору работ по истории французского этнологического структурализма, концепции мифологического мышления К. Леви-Строса. Как раз незадолго до того была опубликована монография А.Б. Островского по мифологии нивхов, и отсюда я кое-что «содрала», может быть, даже без указания на источник; для нас его авторитет был, как если бы сам К. Леви-Строс читал меня. И он не погнушался, не проскочил покровительственно-небрежно, а буквально раздраконил каждый абзац, указывая на ошибки, исправляя и уточняя небрежности. В итоге его текст, написанный быстрым мелким почерком простым карандашом, по объему ненамного уступал проверяемому. Елена Петровна в несколько заходов работала со мной по замечаниям Александра Борисовича, этот урок дорогого стоит. Сочинения Е.П. Островской: Космос и карма. Систематическое исследование Энциклопедии Абхидхармы. N/Y., 1998 (совместно с Т.В. Ермаковой и В.И. Рудым); Классическая буддийская философия. 1999 (совместно с Т.В. Ермаковой, В.И. Рудым); Введение в буддизм / Ред. сост. В.И. Рудой (1999) (совместно с Т.В. Ермаковой, П.Д. Ленковым, А.Б. Островским, Е.А. Островской, В.И. Рудым); Категории буддийской культуры / Ред. сост. Е.П. Островская, 2000 (совместно с М.Е. Ермаковым, Т.В. Ермаковой, Е.А. Островской, В.И. Рудым), Васубандху. Учение о карме. Перевод с санскрита, комментариев, историко-философское исследование, вступит. статья. 2000 (совместно с В.И. Рудым), Классические буддийские практики. 2001 (совместно с Т.В. Ермаковой), Классический буддизм. 1999 (совместно с Т.В. Ермаковой). Переиздание, 2004.

Виталий Дмитриевич Лелеко готовился к защите докторской диссертации, в 2002 году была опубликована его монография «Пространство повседневности в европейской культуре». Тема повседневности пере-

живала пик популярности «в связи с демократизацией и массовизацией культуры» [9, с. 264]. Мы тоже попытались как-то связать семиотику украшений и повседневность, делали это достаточно неуверенно, а Виталий Дмитриевич с присущей ему деликатностью очень осторожно уговаривал нас отказаться от повседневности. На наш взгляд, именно в парадоксальности этой связки открывались дополнительные смыслы, но окончательно довести до ума мы тогда просто не сумели. В.В. Селиванов в качестве единицы исследования повседневности предложил структуру поведения [10, с. 12]. И все это нагромождение должно было уместиться в одной главе, она и сложилась, корявая, рваная, неровная. На тот момент Виталий Дмитриевич был прав.

Ирина Константиновна Москвина, кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, искусствовед, член Международной ассоциации историков искусства и художественных критиков (АИС). Автор более 80 научных работ по проблемам культуры и искусства, сохранения культурных ценностей, докторант кафедры теории и истории культуры. Награждена почетными грамотами Министерства культуры, губернатора Санкт-Петербурга, Балтийской таможни и рядом других, медалью Общероссийского общественного движения «Россия православная» [4]. Недавние работы: Государственный контроль за перемещением культурных ценностей через таможенную границу РФ (2010), Государственный контроль за перемещением культурных ценностей через таможенную границу Российской Федерации: учебное пособие (2010), Государственный контроль за перемещением культурных ценностей через таможенную границу Таможенного союза: учебное пособие (2012).

Николай Николаевич Суворов, доктор философских наук, профессор, декан факультета культурологии и социологии, член Союза художников России. Сфера научных интересов: историческая и сопоставительная культурология, историко-типологическое исследование культуры новейшего времени, современная художественная культура. Теоретическая культурология, методология исследования культурных процессов, теоретическое исследование форм существования культуры, типология культуры. Исследование современных художественных практик. Выставочная и галерейная деятельность. Арт-бизнес и арт-

менеджмент. Экспертиза произведений искусства XX-XXI веков [5]. Сочинения: Элитарное и массовое сознание в культуре постмодернизма (2004), Галерейное дело. Искусство в пространстве галереи (2006), Галерейное дело. Обращение произведений искусства (2015).

Галина Викторовна Скотникова, профессор, доктор культурологии, в 1980 году окончила Ленинградский государственный институт культуры им. Н.К. Крупской (ныне СПбГИК) по специальности: культурно-просветительская работа; квалификация: культпросветработник, руководитель самодеятельного хорового коллектива. В 1983 г. начала работу в СПбГИК. Руководитель ежегодной научно-практической конференции аспирантов и студентов творческих факультетов СПбГИК, Международных Георгиевских чтений. Участник Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (о. Родос, 2008 г.). Член редколлегии философско-исторического журнала «Русское самосознание». Член жюри конкурса «Служение Отечеству: события и имена», проводимого Центром национальной славы России. Кандидатская диссертация по педагогике: «Хоровое искусство как средство духовно-нравственного воспитания участников самодеятельных коллективов» (1989). Докторская диссертация по культурологии: «Византийская традиция в русском самосознании» (2003). Сфера научных интересов: философско-историческая проблематика самобытности русской культуры, византийское наследие в культуре России, Византия как тип цивилизации [4]. Сочинения: Созвучие вечным смыслам бытия (2012).

Кафедра осуществляет профессиональную подготовку кадров по многомодульной системе: бакалавриат, магистратура, аспирантура, докторантура. С 2011 года на кафедре осуществляется подготовка профессионалов по направлению «Культурология», профили «Межкультурные коммуникации» и «Культурные индустрии и практики» (уровень бакалавриата); профиль «Культурологическая экспертиза и проектирование» (уровень магистратуры); профиль «Теория и история культуры» (уровень аспирантуры). Благодаря профессиональной компетентности и высокому научному цензу коллектив кафедры осуществляет подготовку аспирантов и докторантов – соискателей ученой степени кандидата и доктора культурологии по специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» [4]. Выпускники кафедры работают в вузах, научно-иссле-

довательских институтах, культурных фондах, ассоциациях, туристических фирмах, комитетах по культуре, лицеях, гимназиях, редакциях газет и телевидении, службах информации, в администрации городов.

Преподаватели кафедры читают основные курсы по культурологии; истории мировой и отечественной культуры; истории культурологии; истории мировой художественной культуры, эстетике; истории культуры России, народов Сибири и Дальнего Востока; истории европейской культуры; истории культуры стран Востока: Китая, Индии, Тибета, Ближнего Востока, Кореи и Японии; истории культуры Америки; истории культуры Африки; истории культуры Византии. За последние 10 лет сотрудниками кафедры было издано более 30 монографий, учебников и учебных пособий, научных статей общим объемом более 600 печатных листов.

В настоящее время три преподавателя (Н.С. Попов, С.В. Никифорова, С.С. Протопопов), защитившие кандидатские диссертации в диссертационном совете на базе Санкт-Петербургского государственного института культуры, работают на кафедре культурологии Института языков и культуры Северо-Востока РФ и продолжают традиции научной школы С.Н. Иконниковой.

Литература

1. История института народов Севера [Электронный ресурс]: URL: <https://www.herzen.spb.ru/main/structure/inst/ins/1390565482/> (дата обращения: 10.12.2017).
2. Петров, А.А. Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена – особо ценный объект культурного достояния народов России / А.А. Петров // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2009. – № 3 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.hcpncr.com/journ709/journ709petrov.html> / (дата обращения: 10.12.2017).
3. История института // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.spbgik.ru/about-us/history/> (дата обращения: 10.12.2017).
4. Кафедра теории и истории культуры [Электронный ресурс]: URL: // <http://www.spbgik.ru/cathedral/Kafedra-teorii-i-istorii-kultury/> (дата обращения: 10.12.2017).

5. Артановский Сергей Николаевич / Российская культурология: сетевое сообщество [Электронный ресурс]: URL: // <http://www.culturalnet.ru/main/person/49> (дата обращения: 11.12.2017).
6. Соколов Эльмар Владимирович [Электронный ресурс]: URL: // https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography (дата обращения: 11.12.2017).
7. Махлина Светлана Тевельевна / СПбГУ, ИППК РГИ, кафедра философии и культурологии, Центр современной философии и культуры им. В.А. Штоффа (Центр «СОФИК») // [Электронный ресурс]: URL: // <http://www.sofik-rgi.narod.ru/avtori/maxlina.htm> (дата обращения: 11.12.2017).
8. Островская, Е.П. / Институт восточных рукописей РАН: [Электронный ресурс]: URL: // <http://www.orientalstudies.ru> (дата обращения: 11.12.2017).
9. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В.Д. Лелеко. – Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2002. – 320 с.
10. Никифорова, С.В. Семиотика женских украшений: культурные коды традиционной повседневности саха (якутов) / С.В Никифорова. – Санкт-Петербург : Астерион, 2010. – 220 с.

* * *

УДК 372.01

РГПУ (ЛГПИ) ИМЕНИ А.И. ГЕРЦЕНА – ВУЗ ОСОБОГО КАЧЕСТВА ПО СУТИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE RUSSIAN LANGUAGE IN *HERZEN UNIVERSITY* - UNIVERSITY SPECIAL QUALITIES ESSENTIALLY SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITIES

Баишева Мария Ивановна,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова,
Педагогический институт,
кафедра дошкольного образования

Maria I. Baisheva,
North-Eastern Federal University
named after MK Ammosov,
Pedagogical Institute,
Department of Preschool Education

Аннотация. Цель данной статьи – обоснование сути, ценностей научно-педагогической деятельности самого передового классического университета по психолого-педагогическому образованию в России и мире – Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (РГПУ). В статье обоснуются ценности и традиции научно-педагогической деятельности университета (института) в лице профессорско-педагогического состава университета. Новизна статьи заключается в обосновании ценностей герценовского педагогического образования изнутри, выпускником, прошедшим профессиональный путь от воспитателя ДОО до преподавателя вуза. В заключении статьи отражены выводы автора статьи.

Ключевые слова: университет имени А.И. Герцена, научно-педагогическая деятельность, ценности, традиции, качество образования, профессиональное становление.

Abstract. The purpose of this article is justification of essence, values, scientific and educational activities of the most advanced classical University on psycho-pedagogical education in Russia and in the world – the Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen (RGPU). The article will justify the values and traditions of scientific and pedagogical activities of the University (Institute) in the face of professorial-teaching staff of the University. The novelty of the article is the substantiation of the values of the Herzen pedagogical education inside a graduate, having passed a professional way from a teacher of the OED to University teacher. In conclusion, the article reflects the insights of the author.

Keywords: University named after A. I. Herzen, research and teaching activities, values, traditions, quality of education, professional formation.

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (РГПУ) всегда был и остается лидером отечественного педагогического образования, уникальным многопрофильным научно-образовательным комплексом, крупнейшим культурно-просветительским центром, впитывающим лучшие традиции национального образования, академической науки.

РГПУ – это центр образования, науки и взаимодействия с субъектами образования и общественности. Именно в интеграции фундаментального, гуманитарного, специально-предметного аспектов образования, установлении связи теории и практики, обеспечении открытости образования с динамичными связями, заключается сущностная особенность «герценовской педагогической системы».

Мы – герценовцы! Эта принадлежность всегда переполняла наши души гордостью, значимостью и особой ответственностью в выбранной профессии.

В чем же заключается особенность традиций «герценовского вузовского образования»? Ответ выпускников на этот вопрос весьма важен, ибо на смену приходят молодые, реализующие цели реформирования системы образования в России, и, которые изменяют облик, значение университета, педагогического образования в новом обществе.

Мы считаем РГПУ вузом особого качества по сути и стилю педагогической системы. Воспитание педагогического духа и развитие творческого потенциала будущих педагогов – кредо «герценовской педагогической школы». В научно-педагогической деятельности университета всегда наблюдались, характерные для «герценовской школы», «укорененность в национально-культурных традициях российской педагогической и психологической мысли» [3, с. 75], целостность системного изучения ребенка, сочетание фундаментальности и практикоориентированности обучения, единства теории и практики, междисциплинарности и культуросообразности, деятельности и субъектности.

РГПУ во все времена успешно реализовывал синтез учебного процесса с научными («малыми» и «большими») исследованиями. Исследовательские умения, хорошая теоретическая база рождает работу «от фундаментальных закономерностей развития ребенка». При этом практикоориентированность является её логическим продолжением и способствует творческому применению «форм и методов работы» с обучаемыми. В университете особое значение придавалось проверке теоретических фактов на практике. Нас учили критично относиться к той или иной теории, разного рода практическим обобщениям без проверки в реальной жизни. На этой основе под руководством наших педагогов мы, студенты, привлекались к объективным наблюдениям за развитием ребенка в естественных условиях, что позволяло получить целостную характеристику о его личности.

Герценовское вузовское образование всегда базировалось на фундаментальности, научности образования в неотрывной связи с практикой, обогащая образовательный опыт субъектов по принципу «от ребенка», «от обучаемого». В годы учебы в университете мы были ориентированы на осознанное понимание сути психологических и педагогических закономерностей развития личности ребенка, научились рефлексировать их, и на этой основе организовать практическую работу с обучаемыми. Умения рефлексировать теоретические знания в практическую деятельность *помогла нам, выпускникам, успешно «входить» в профессиональную социализацию в условиях многообразия грандиозных перемен.*

Традиции и ценности вуза передаются будущим педагогам прежде всего преподавателями. Время необратимо, но циклично: приходят новые педагоги, новые студенты в вуз, но память о тех, кто был носителем высочайшей духовной педагогической культуры, всегда остается в душе и сердце на всю жизнь. Это отношение к науке, знаниям, как самодостаточной ценности, уважение к профессии и профессионалам, было общепринятым.

В подготовке молодых специалистов наш университет активно реализовал задачи, идеи, традиции, ценности отечественной и петербургской научно-педагогической и психологической школ (К.Д. Ушинский, П.П. Блонский, А.А. Ухтомский, Б.Д. Шадриков, А.П. Усова, Е.И. Тихеева, Ю.И. Фаусек, А.И. Сорокина, Е.А. Гребенщикова, О.Г. Архипова, Н.Б. Мчедлидзе, А.М. Леушина, В.И. Логинова, В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия, В.Н. Мясищев, А.А. Люблинская, А.А. Бодалев и др.).

В 70-е годы на кафедре педагогики и психологии (дошкольной) педагогического факультета института работали выдающиеся ученые, внесшие неоценимый вклад в теорию и практику дошкольного воспитания, в подготовку методистов, преподавателей педагогики и психологии. Мы с благодарностью вспоминаем «живых классиков» педагогики и психологии (дошкольной), профессоров: М.А. Панкратова, Е.О. Путилову, А.А. Люблинскую, А.М. Леушину, В.И. Логинову, доцентов П.Г. Саморукову, Б.С. Лейкину, А.К. Матвееву, Г.П. Лескову, Е.Д. Белову, М.И. Шарову, Л.А. Пеньевскую, И.Л. Гусарову, Л.В. Кабанову, Н.В. Седж, Т.Д. Рихтерман, Л.М. Маневцову, Н.А. Курочкину и многих

других. Оглядываясь назад, понимаешь, какой величины педагоги нас учили, каков в самом деле был огромен творческий потенциал кафедры. Наши преподаватели вели исследования по самым разнообразным направлениям обучения, воспитания и развития детей раннего и дошкольного возрастов.

Профессора и доценты нашей кафедры были носителями и просветителями идей, традиций, ценностей великих отечественных и санкт-петербургских психологов и педагогов. Это чувствовалось с первых дней учебы в институте. С особой трепетностью относились к идеям санкт-петербургской научной школы: В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна, В.Н. Мясищева, А.Ф. Лазурского, Б.Ф. Ломова и др. Профессора кафедры подчеркивали естественно-научную составляющую содержания психолого-педагогического образования, проявляли глубокий интерес к философским проблемам теории и методологии научного познания. В материалах лекций педагогов всегда отслеживалась неразрывная связь психолого-педагогического анализа с нравственными исканиями человека, наблюдалась обусловленность педагогических и психологических знаний достижениями естественных наук.

Такой особенный характер отношения к преподаваемым дисциплинам заложил уважение к научным знаниям как самодостаточной ценности утверждения в избранной профессии.

Одним из самых почитаемых нами педагогов был и остается доктор биологических наук, профессор М.А. Панкратов. Его научные поиски посвящены изучению физиологии центральной нервной системы и высшей нервной деятельности [8]. Лекции профессора отличались фундаментализмом изложения проблем анатомо-физиологических особенностей развития детей дошкольного возраста. Михаил Алексеевич с особой увлеченностью рассказывал о современных вопросах физиологии высшей нервной деятельности, пренатальном и постнатальном онтогенезе, о чувствительности развивающегося организма к внешним и внутренним повреждающим факторам и т.д. В своих суждениях об анатомо-физиологическом и психофизиологическом развитии ребенка профессор всегда опирался на достижения физиологии, в т.ч. центральной нервной деятельности. Михаил Алексеевич, чтобы дать нам

отдохнуть от писанины, часто рассказывал всякие интересные случаи из самых разных областей физиологии, дополняя их курьёзами из экспериментов с животными. Профессор всегда требовал логичности суждений, эстетичности и этичности в выражении себя как педагога.

Профессор, доктор филологических наук Евгения Оскаровна Путилова – любимая и почитаемая всеми поколениями студентов Учитель «от бога». Все, о чем бы ни говорила профессор Путилова, было обращено равно и к уму, и к сердцу студентов. Евгения Оскаровна – личность, объединившая в одном лице ценности учителя, исследователя, критика, текстолога, публикатора и просветителя [9]. Она как личность, «тонко чувствующая душой» поэзию, особо была близка юным студенткам. Для нас, якутских студентов, Евгения Оскаровна была известна ещё как супруга «самого» Бориса Николаевича Путилова, одного из известных исследователей героического эпоса, в т.ч. олонхо народа саха. Е.О. Путилова на занятиях с упоением говорила о новых открытиях в мире детской литературы. С ее лекций мы стали проявлять интерес к трудам литературных критиков, открыли для себя «пушкиниану» как феномен русской культуры, узнали «новые имена» забытых прозаиков и поэтов, «выброшенных диктатом пролетарской идеологии из истории детской литературы» (авт.). Евгения Оскаровна заражала нас умением уловить в любом произведении тонкие нити человеческих отношений. Потому проводимые профессором занятия были для нас уроками нравственности, совместных открытий и радости. Рассказывая о биографии и творчестве К. Чуковского, С. Маршака, А. Пантелеева, Н. Заболоцкого, А. Погорельского и др., Евгения Оскаровна говорила как о близких людях, родных для ее семьи, для детей и для любого слушателя. Блестящее чувство языка, чуткость к остротам художественного слова, особый её дар – манить слушателя войти в чарующий мир литературных произведений, фольклора, поэзии, – всё это заставляло нас мыслить, вглядываться в многообразие смыслов, отношений и делать свои открытия в жизни. Мы были очарованы и покорены её высокой интеллигентностью, увлечённостью и широтой научных интересов и исследований. Безусловно, занятия литературного образования профессора Е.О. Путиловой заложили в нас основу академической свободы, нравственности и мировоззренческого творчества.

Доктор педагогических наук, профессор Анна Михайловна Леушина – ученик и продолжатель идей и традиций научной школы С.Л. Рубинштейна, талантливейший педагог, психолог, организатор дошкольного воспитания и образования, заведующая кафедрой, автор множества научных трудов по психологии, развитию речи, интеллектуальных способностей детей.

В совместном научном творчестве А.М. Леушиной и С.Л. Рубинштейна «впервые понятие связной речи раскрывается во взаимосвязи с мышлением ребенка, связывается с развитием психических функций. Данное сотрудничество психолога и педагога, направленное на изучение связной речи детей дошкольного возраста в условиях педагогического воздействия, позволило раскрыть генезис связной речи в целом, а также подлинные возможности речевого развития ребенка, показать педагогические условия этого развития» [2].

А.М. Леушина является основателем теории и методики формирования математических представлений у детей дошкольного возраста как самостоятельной научной области. На занятиях А.М. Леушиной мы осваивали теоретические и практические основы математического развития детей дошкольного возраста. А.М. Леушина заложила основы дидактической системы формирования математических представлений, создав программу, содержание, методы и приемы работы с детьми от 3 до 6 лет [1, с. 319]. Как точно она понимала, что, освоив теоретические закономерности психологии и педагогики, мы поднимемся на несколько ступеней выше в деле обучения и развития личности ребенка. Каждая лекция Анны Михайловны была одним из циклов научных бесед со студентами, в котором звучало её царское видение проблемы, торжествовала её неподражаемая научная мысль и её дирижерская воля исследователя. Стиль её лекций – это приглашение к рассуждению, анализу, размышлению над идеями и точкой зрения разного времени и поколения ученых. Лекции А.М. Леушиной были не только насыщены знаниями для будущих педагогов-психологов, но и были богаты интересными информациями из генетики, физиологии, материалами из научных исследований по интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста, описанием новейших методов обучения детей, которых «вы будете применять в дальнейшей деятельности с детьми» (авт.). Анна Михайловна – человек величайшего научного оптимизма и заражала им всех своих учеников и коллег.

Вера Иосифовна Логинова – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета, впоследствии заведовала кафедрой дошкольной педагогики, «выдающийся теоретик дошкольной педагогики, ученый-методолог, талантливый исследователь, руководитель уникальной научно-педагогической школы [7].

В первые годы учебы с нашим «убогим школьным багажом» трудно было уследить за её научными мыслями. Записывали всё, боясь пропустить слово из изложенного материала. Лекции Веры Иосифовны – это воплощение и реализация открытого самим ученым интегрального метода и представляли собой единство исторического и психолого-дидактического, системно-структурного и логического подходов к анализу, оценку и построение программ системных знаний детей о мире.

Научное наследие В.И. Логиновой как ученого и педагога «включает целый комплекс изученных проблем: от истории становления методики развития речи детей дошкольного возраста до конкретных методических вопросов и перспективных направлений ее развития» [2]. Изучая теорию и историю сенсорного воспитания детей дошкольного возраста, В.И. Логинова обращается к изучению закономерностей познавательной деятельности ребенка, ее иерархическому строению и функционированию.

Вера Иосифовна впоследствии открыла в области теории дошкольного образования новое фундаментальное направление, «определив исходные методологические позиции разработки принципов отбора и построения системных знаний как научной основы создания образовательных программ нового поколения для детского сада». В результате исследователь приходит к выводу о развивающей роли системных знаний в структуре сознания ребенка и предположению о возможности их освоения дошкольниками при создании необходимых педагогических условий. По утверждению ученого, освоение системных знаний о явлениях социальной действительности обеспечивает качественные сдвиги в развитии личности ребенка: формируются основы социальной направленности личности дошкольника, его «мировоззренческие чувства» (С.Л. Рубинштейн) [5, с. 362].

Сегодня активными продолжателями идей ученого являются её ученики – известные в дошкольном образовании педагоги А.Г. Гогоберидзе, Т.И. Бабаева, О.Н. Сомкова, О.В. Акулова и мн. др.

Безусловно, преподаватели – ключевые субъекты высшей школы педагогики. От их компетентности, интеллигентности, истинной преданности профессии и науке во многом зависело наше профессиональное становление и мотивация служения педагогической науке.

Сегодня память о наших педагогах не должна ограничиваться только изучением их трудов и развитием выдвинутых ими идей. Образцом для нас всегда были их педагогическая и научно-педагогическая деятельность, т.е. каждодневный труд ради нашего развития и подготовки нас как профессионалов своего дела.

В рамках небольшой статьи, безусловно, невозможно было «объять необъятное», поэтому мы остановились лишь на ключевых моментах, позволяющих дать общую характеристику «герценовского образования» глазами выпускника, прошедшего достаточно длительную и содержательную практику в области воспитания, образования детей, начиная с раннего и дошкольного возрастов, заканчивая работой по подготовке высокопрофессиональных специалистов в стенах высшего учебного заведения.

Литература

1. Гогоберидзе, А.Г. Дошкольная педагогика с основами методик воспитания и обучения : учебник для бакалавров по направлению 050100 «Педагогика» / А.Г. Гогоберидзе, О.В. Солнцева. – Санкт-Петербург : Питер, 2013. – 464 с.
2. Голубь, М.С. Анализ наследия педагогов-исследователей в теорию развития речи дошкольников / М.С. Голубь // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 10. – С. 66–70. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56821.htm>.
3. Ждан, А.Н. Становление традиций отечественной психологии: петербургские (ленинградские) и московские научные школы / Ждан А.Н. // Вестник СПбГУ. Сер. 16. – 2015. Вып. 1. Общая психология, психология личности, история психологии. – С.74-84.
4. Леушина, А.М. Формирование элементарных математических представлений у детей дошкольного возраста / А.М. Леушина. – Москва : Просвещение, 1974. – 368 с.
5. Логинова, В.И. Формирование системности знаний у детей дошкольного возраста : дис ... д.п.н. / В.И. Логинова. – Ленинград, 1984. – 444 с.
6. Люблинская, А.А. Детская психология : учебное пособие для студентов пед.ин-тов / А.А. Люблинская. – Москва : Просвещение, 1971. – 415 с.

7. Научно-педагогическая школа В.И. Логиновой /www.kdp-spb.ru/nauchno-isled/napravlenie-4.html. Сайт кафедры дошкольной педагогики РГПУ им. А.И. Герцена.

8. Панкратов, М.А. Современные вопросы физиологии высшей нервной деятельности : лекция для студентов-заочников / М.А. Панкратов. – Ленинград, 1962. – 43 с.

9. Путилова, Е.О. Детское чтение-для сердца и разума: очерки по истории детской литературы / Ред. С.А. Гончаров. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 402 с.

* * *

А.А.ПЕТРОВ – ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ УЧЕНЫЙ, КРУПНЫЙ ОРГАНИЗАТОР И НЕУТОМИМЫЙ ТРУЖЕНИК

A.A.PETROV – A WONDERFUL SCIENTIST, A LARGE ORGANIZER AND A UNKNOWN TRAINER

Роговер Ефим Соломонович,

Действительный член Академии
русской словесности и изящных искусств,
Почетный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации

Аннотация. Автор повествует о жизни и деятельности доктора филологических наук, профессора Александра Александровича Петрова. Отмечает его роль как ученого, организатора и подвижника в деле развития североведческой науки, подготовки кадров высшей квалификации из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Ключевые слова: профессор Александр Александрович Петров, североведение, подготовка кадров, коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

Abstract. The author narrates about the life and work of the Doctor of Philology, Professor Alexander Alexandrovich Petrov. He notes his role as a scientist, organizer and devotee in the development of northern science, training highly qualified personnel from among indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation.

Keywords: professor Alexander Aleksandrovich Petrov, northern studies, personnel training, indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation.

Счастливейшей удачей своей жизни я считаю встречу с Александром Александровичем Петровым, которая состоялась в середине 90-х годов прошлого столетия. В ту пору А.А. Петров был заместителем декана по учебной работе на факультете народов Крайнего Севера, куда я пришел оформляться по приглашению заведующего кафедрой литературы и методики ее преподавания. Вскоре, в 1998 году, Александр Александрович становится деканом названного факультета и все учебные вопросы, а также организационные проблемы предстояло решать непосредственно с ним.

Александр Александрович сразу же проявил недюжинные организаторские способности. Он добился четкой работы на всех семи кафедрах факультета, наладил ритмичное функционирование совета, содействовал содержательной деятельности библиотеки и музея, хозяйственной службы и охраны факультета. А.А. Петров вникал во все звенья большого факультета, уделяя особое внимание учебной части, продуманному и бесперебойному расписанию занятий. При содействии декана на факультете был создан специализированный совет по защитам кандидатских и докторских диссертаций, совет, в котором выделялись три специальности: языки народов РФ (10.02.02), литература народов РФ (10.02.06), этнография, этнология и антропология (07.00.07). Кроме того, были налажены педагогические чтения «Реальность этноса» на базе кафедры этнокультурологии.

В итоге всей этой разносторонней организаторской деятельности А.А. Петрова факультет народов Севера получил почетное право именоваться Институтом народов Севера (ИНС) и функционировать в пределах РГПУ им. А.И. Герцена. Это было значительное достижение, осуществленное стараниями декана, который с 2001 г. стал директором Института народов Севера.

Широкая организаторская деятельность А.А. Петрова, однако, не исчерпывалась масштабами института. Большую общественную работу он проводит как член секретариата Санкт-Петербургского отделения Академии “Северного форума”, ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, культурного общества “Саха-Нева”, как руководитель Лиги молодых ученых Севера. Проявляя редкостную организованность, завидное трудолюбие и неутомимую работоспособность, Александр Александрович всегда успевал и успевает ныне участвовать в общественной и культурной жизни региона и страны в целом. А.А. Петров – участник культурной программы “Олимпиады-80”, XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1985). В составе ансамбля “Северное сияние” он неоднократно выезжал за рубеж в Норвегию (1979), Францию (1990), Италию (1996), Финляндию (1999), где представлял культуру и искусство коренных народов Севера России.

Общаясь с А.А. Петровым, я был очарован его ясным умом и поразительной талантливостью. В присутствии руководства университета он делал отчеты о проделанной работе, об итогах деятельности института за определенный период, и эти его выступления всегда отличались продуманной четкостью, композиционной стройностью, логикой, последовательностью изложения фактов и убедительностью выводов. А в повседневном общении с коллегами и сотрудниками института он неизменно проявлял доброжелательность, чуткость и сердечность, те качества, которые меня особенно подкупали. В его подходе к людям никогда не обнаруживались высокомерие, какое-либо повышение голоса, равнодушие. Я всегда поражался естественностью его поведения и редкой интеллигентностью, свидетельствующей о красоте и масштабе его личности.

Однако самое замечательное в Александре Александровиче – его стремительный рост как ученого.

Родившись 20 декабря 1957 года в далеком и глухом Амгинском улусе Якутской АССР (ныне Республике Саха (Якутия)), он после завершения среднего образования переехал в Ленинград, где в 1980 году окончил Педагогический институт им. А.И. Герцена, получив специальность “Учитель русского языка и литературы, эвенского языка и литературы”,

служил с 1980 по 1982 годы в Советской армии, где проявил себя как отличник боевой и политической подготовки, затем обучался в аспирантуре по кафедре языков, фольклора и литературы народов Крайнего Севера ЛГПИ им. А.И. Герцена. В 1988 году А.А. Петров уже защитил кандидатскую диссертацию на тему “Лексика духовной культуры эвенов (народное искусство и обряды)”, а ровно через десять лет, в 1998 году, защитил в Москве в Институте языкознания РАН докторскую диссертацию на тему “Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов” в форме научного доклада по совокупности опубликованных работ.

С этой поры А.А. Петров работает в должности профессора и заведующего кафедрой алтайских языков и методики их преподавания РГПУ им. А.И. Герцена. В 2000 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

Заведуя кафедрой, Александр Александрович преподавал эвенский и долганский языки и читал курс по этнолингвистике. При этом он тесно сплотил кафедральный коллектив для выполнения значимых научных задач. А.А. Петров стал автором программ, учебных пособий, научно-методических и научно-популярных статей по языкам, культуре этнографии и фольклору тунгусо-маньчжурских народов.

А.А. Петров – автор около 200 научных и научно-методических работ, в том числе монографий по тунгусо-маньчжурским языкам (“Лексика духовной культуры тунгусов (эвенки, эвены, негидальцы, солонны)”, “Язык и духовная культура тунгусоязычных народов (этнолингвистические проблемы)”, учебных пособий и учебников по языкам народов Севера (“Долганский язык в таблицах”, “Долганы: язык, история, фольклор, культура” и др.). Он принимает активное участие во многих международных, российских и региональных научных конференциях в Квебеке (1988), в Йеллоунайфе (1990), Якутске (1993), Киото-Саппоро-Токио (1996).

Александр Александрович являлся Председателем Санкт-Петербургского филиала Федерального экспертного совета МО РФ по рецензированию учебно-методических комплексов для дошкольных образовательных учреждений, школ и вузов Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

Огромна редакторская работа, которую А.А. Петров ведет в составе редколлегии научных сборников “Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока”, “Фольклор и этнография народов Севера”; он является ответственным редактором сборников “Лингвистические вопросы североведения” (1997), “Ученые-североведы” (2001), “Литература народов Севера” (2000-2005), “Североведческие исследования” (2006, 2008, 2014) и др. А.А. Петров – член главной редакции серии “Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока” и участвует в подготовке и публикации томов данной серии в издательстве “Наука”. Он является членом редколлегии научного журнала “Вопросы истории и культуры северных стран и территорий” (г. Сыктывкар), информационно-научного журнала ФГАО ВПО “Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова – “Арктика XXI век” (г. Якутск), членом редакционного совета журнала ИГиИПМНС СО РАН “Северо-Восточный гуманитарный вестник” (г. Якутск). С научными командировками А.А. Петров неоднократно выезжал в Магаданскую область, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республику Саха (Якутия), Хабаровский край, а также за рубеж (Канада, Германия, Япония). Он является также членом Санкт-Петербургской Арктической академии наук.

За всю эту постине безграничную научную, организационную, редакторскую, культурную деятельность А.А. Петров награжден медалью “За трудовую доблесть”, Почетными грамотами РГПУ им. А.И. Герцена, Министерства образования РФ, именными часами Президента Республики Саха (Якутия). Он награжден знаком “Отличник образования Республики Саха (Якутия)”, медалью “В память 300-летия Санкт-Петербурга”, знаком отличия “Якутия – Россия 370 лет вместе”, медалью Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ “Академик В.А. Роббек”. Александр Александрович Петров удостоен звания “Почетный гражданин Амгинского улуса” (2003), Знаком отличия “Гражданская доблесть” (2005), звания “Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации”.

Александр Александрович – преданный друг, человек редкой убежденности, отличный семьянин, личность исключительной порядочности и красоты. Я горжусь, что мне довелось много лет работать рядом с А.А. Петровым.

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – ЯКУТИЯ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ
О ВЫПУСКЕ В 2016 Г. ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА «АВРОРА»,
ПОСВЯЩЕННОГО ЯКУТСКОЙ ПРОЗЕ И ПОЭЗИИ**

Корякина Татьяна Никоновна,

Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова,
Институт языков и культуры народов
Северо-Востока РФ

Аннотация. Статья повествует о выпуске литературно-художественного и общественно-политического журнала «Аврора» (Санкт-Петербург) в 2016 г., посвященного поэзии и прозе современных якутских писателей. Выпуск журнала стал образцом сотрудничества якутских литераторов и переводчиков Санкт-Петербурга и развивающихся культурных связей двух северных столиц. В статье рассматривается история журнала «Аврора», жанры литературы и имена поэтов и прозаиков, чьи произведения вошли в выпуск известного литературного журнала.

Ключевые слова: Санкт-петербургские литературные связи, якутская литература, Алампа, перевод, журнал «Аврора».

Abstract. Author considers the “Aurora” Arts magazine (Saint-Petersburg) issue of 2016 devoted to poetry and prose of modern Yakut writers. The issue of the magazine became an example of cooperation of the Yakut writers and translators of St. Petersburg and the shape of arts relationship of two northern capitals. In article the history of the «Aurora» magazine, genres of literature and names of poets and prose writers whose works were included into issue of the famous literary magazine is considered.

Keywords: St. Petersburg literary communications, Yakut literature, Alampa, translation, Avrora magazine.

Санкт-Петербург, признанная литературная столица, известная историческими литературными местами, центр литературной жизни России, определяет лицо современной российской литературы. В Санкт-

Петербурге издается 24 литературных журнала и альманаха. Самые известные из них – журнал «Знамя», издающийся с 1931 года, журнал «Нева», который выходит с 1955 года и литературный журнал «Аврора».

В ноябре 2016 года в Санкт-Петербурге был издан номер журнала «Аврора», большая часть которого была посвящена современной якутской литературе.

Об истории создания в 1969 году в Ленинграде журнала «Аврора» в своих воспоминаниях поделилась журналист и писатель Людмила Региня, которая работала в журнале с момента его основания: «В ЦК Комсомола родилась идея – создать комсомольский и в то же время литературно-художественный журнал. Редактором была назначена оргсекретарь Ленинградского Союза писателей Нина Сергеевна Косарева»¹.

Известно, что с первых публикаций в 1970-е годы «Аврора» вызывала общественный резонанс, известны также и цензурные преследования. Что не могло не сказаться на творческом составе редакции. Естественно, что первоначальный состав редакции стал меняться с 1982 г.² В годы перестройки «Аврора» стала одним из самых читаемых журналов, с высоким тиражом до одного миллиона двухсот тысяч экземпляров³.

В 90-2000-х, как и у многих литературных журналов, у «Авроры» стали снижаться тиражи. Журнал выходил с большими перерывами. Государственная издательская система терпела крах, и многие журналы начинали заниматься поиском других, созданием своих форм издательской деятельности.

«В 2003 году новым издателем журнала становится Санкт-Петербургская общественная организация культуры «Аврора», которую учреждает тогдашний актив редколлегии: Эдуард Шевелев, Вильям Козлов и Николай Чумаков»⁴.

В 2006 году предприниматель Валерий Новичков возобновляет регулярный выпуск журнала. С 2014 года главным редактором является писатель Кира Грозная.

¹ Людмила Региня: «Мы любили друг друга и доверяли друг другу». Записала Марина Скалдина. <http://projects.spbsj.ru/novosti/materialy/7540-lyudmila-reginya.html>.

² Там же.

³ Илья Бояшов. А нужен ли вообще этот журнал? О мытарствах «Авроры». <http://svpressa.ru/culture/article/117520/>.

⁴ Аврора (журнал, Санкт-Петербург) [https://ru.wikipedia.org/wiki/Аврора_\(журнал,_Санкт-Петербург\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Аврора_(журнал,_Санкт-Петербург))

Началом сотрудничества журнала «Аврора» стали публикации в Санкт-петербургских литературных журналах переводов якутской поэзии, которые осуществлял поэт Евгений Каминский. Он давно был знаком с якутской литературой и потому этот выпуск «Авроры» стал возможен «благодаря влюбленному в якутскую литературу переводчику и поэту Евгению Каминскому, сумевшему привлечь в союзники председателя Ассоциации «Писатели Якутии» Олега Сидорова и главного редактора «Авроры» Киру Грозную»¹.

В издании были опубликованы произведения классика якутской литературы, поэта Анемподиста Софронова-Алампа, народного писателя Якутии Егора Неймохова и народного поэта Якутии Ивана Мигалкина.

Этот выпуск был предворен статьей литературоведа П. Сивцевой-Максимовой о якутской литературе, в которой она подчеркнула значение творческого наследия А.Е. Кулаковского-Ексеюлях (1877-1926) в истории якутской художественной литературы. Еще о других легендарных именах в культуре Якутии, которые являются ее символами – П. Ойунском и А. Софронове-Алампа – об их драматических судьбах, смогут познакомиться читатели этого выпуска «Авроры». Народная память и передающиеся из уст в уста свидетельства о ярких личностях, необоснованно репрессированных или арестованных, возвращение имен дали толчок развитию различных форм биографического жанра. Публикация фрагментов из книг писателей Егора Неймохова «Алампа» и Олега Сидорова (Амгина) «Платон Ойунский» в серии ЖЗЛ, литературоведа Валентины Семенович «Алампа. Личность писателя в истории народа» знакомит читателей с этим активно развивающимся жанром литературы Якутии.

В этом номере «Авроры» впервые опубликован перевод поэмы «Разговор священных гор», ранее не переводившейся на русский язык, но, по мнению Евгения Каминского, «очень значительной для творчества Анемподиста Софронова»². Она была написана поэтом в 1921 году и только в этом выпуске «Авроры» в переводе на русский язык, стала доступна широкому читателю.

¹ Якутские писатели на страницах «Авроры». <http://yakutia.info/article/178673>.

² Каминский, Е. Якутская литература глазами переводчика. – «Аврора». – 2016. – №4. – С. 43.

В этом выпуске Евгений Каминский, поэт, прозаик и переводчик, много лет занимающийся переводами с якутского языка, в своей статье «Якутская литература глазами переводчика» делится своими размышлениями об истории и особенностях литературного перевода. Он упоминает о первом своем переводе на русский язык одного из самых проникновенных произведений А.И. Софронова-Алампа поэмы «Письмо отцу», которая была создана Алампа в ссылке в 1928-1929 гг. и долгое время находилась в СССР под запретом. Этот перевод стал творческим успехом Евгения Каминского, как переводчика. Главы из этой поэмы, вышедшей в журнале «Звезда» в 2012 г., были опубликованы и в других литературных изданиях.

Современная поэзия Якутии представлена стихами Айсена Дойду, поэта, сценариста, который успешно пишет на двух языках – якутском и русском. Творчество прозаика и драматурга, заместителя редактора литературного журнала «Полярная звезда» Ивана Иннокентьева представлено его рассказами «Палица», «Рождество для Чочура», «Молодой шаман, батюшка и мастер». «Повесть о вечной любви» – таково название в переводе Валерия Попова рассказа известного в Якутии прозаика и драматурга Харысхала (Василия Васильева).

Стихи Байагантая (Егора Старостина) в переводах Евгения Каминского и Киры Грозной – еще один значительный аккорд в полифонии поэзии и прозы, представленной в этом выпуске «Авроры».

Рассказы Николая Курилова, самобытного художника и писателя, «Оленья тропа», «Гнезда», «Чучуна», «А вы говорите...» написаны на родном юкагирском языке писателя. Перевод на русский язык был осуществлен Инессой Бурковой.

Творчество Сиэна Екера (Семена Ермолаева) представляют редкий в Якутии жанр драматургии, его пьесы «Апокалипсис», «Забытый театр вызывания душ», «Над водой смерти» дают представление о художественных тенденциях в современной якутской драматургии. Поэма «Победа» и рассказ «Лотерея» представляют творчество Сайа (Натальи Михалевой), одной из известных поэтесс Якутии.

Стихи Саргы Куо (Саргыланы Гольдеровой) в переводе Евгения Каминского дают нечастую возможность познакомиться с философской лирикой этого интересного поэта.

Стихи Гаврила Андросова в переводе Киры Грозной, Яны Байгожаевой в переводе Виктории Черножуковой, Владислава Левочкина и Саргыланы Сандар, проза Сарданы Ордаховой, Лены Седар и прозаические зарисовки в рубрике «дебют» Майи Уран отражают процессы якутской литературы, о которых Е. Каминский в своей статье писал: «Сегодня литература Якутии отличается поисками своего самобытного стиля и попыткой возродить фольклорные жанры как новые литературные формы»¹.

Журнал о якутской прозе и поэзии вышел далеко за пределами Якутии и первыми на него обратили внимание якутяне, живущие в Санкт-Петербурге. Впервые этот выпуск журнала «Аврора» был представлен в Санкт-Петербурге в 2016 году в арт-кафе «Бродячая Собака» Олегом Сидоровым (Амгиным). Это историческое кафе знакомо многим петербуржцам как кабаре «Бродячая собака», история которого связана с Серебряным веком в культуре России, с именами Ахматовой, Гумилева, Маяковского и Северянина, Мейерхольда и Толстого. И «явление» этого выпуска журнала «Аврора» в этом месте сосредоточия истории и культуры было хорошим знаком.

Затем последовали презентации в постоянном представительстве Республики Саха (Якутия) в Санкт-Петербурге в ноябре 2016 года и в декабре на площадках сети книжных магазинов «Буквоед». На презентации, собравшей петербургских ценителей литературы, выступили поэты, прозаики, публицисты и переводчики, участвовавшие в создании номера: Евгений Каминский, Кира Грозная, Виктория Черножукова.

Выступая на встрече, Евгений Каминский отметил, что «переводы якутской литературы делались и в 70-е годы, но не всегда качественно. Якутская литература сама по себе есть и в нас не нуждается, но для того, чтобы о ней узнали в мире, нужен перевод на русский»². Е. Каминский высказал пожелание о возможности работ по переводу эпоса олонхо.

Отвечая на вопросы о работе, главный редактор журнала Кира Грозная призналась: «Проект был сложный. Я давно не читала таких произ-

¹ Каминский Е. Якутская литература глазами переводчика. – Аврора. – 2016. – №4. – С. 42.

² Журнал «Аврора» о якутской литературе: Это литература самого высокого ранга. Далее: https://weekend.rambler.ru/items/35657449/?utm_content=rweekend&utm_medium=read_more&utm_source=copylink <https://weekend.rambler.ru/items/35657449-zhurnal-avrora-o-yakutskoy-literature-eto-literatura-samogo-vysokogo-ranga/>

ведений, и нам было интересно. Мы с Викторией Черножуковой переводили стихи. Председатель Союза писателей Санкт-Петербурга Валерий Попов, делая перевод повести Харысхала, сказал, что в Петербурге нет таких писателей, потому что это живая литература. Литература должна быть о жизни и в общем то современная наша питерская литература становится такой мертвой и безжизненной, а тут якутские авторы пишут о человеческих ценностях, самая высшая ценность – это, конечно, любовь»¹.

Журнал «Аврора», посвященный якутской литературе, интересен не только тем, что он представил литературу Якутии, как части современного художественного процесса этой крупнейшей на северо-востоке России республики, в то же время стал интересным образцом сотрудничества творчества якутских литераторов и петербургских переводчиков.

Литература

1. «Аврора», СПб ООК «Аврора», №4, 2016.
2. Аврора, Буквоед и Олонхо. Электронный ресурс: [<http://sakhallitera.ru/novosti-literaturyi-v-saxa-yakutii/avrora-bukvoed-i-olonxo>]. Дата обращения – 03. 03. 2018.
3. Людмила Региня: «Мы любили друг друга и доверяли друг другу». Записала Марина Скалдина. Электронный ресурс: [<http://projects.spbsj.ru/novosti/materialy/7540-lyudmila-reginya.html>]./ Дата обращения: 25. 12.2017.
4. Якутские писатели на страницах «Авроры». Электронный ресурс: [<http://yakutia.info/article/178673>]. Дата обращения: 10.03.2018.
5. Журнал «Аврора» о якутской литературе: Это литература самого высокого ранга. Электронный ресурс: [https://weekend.rambler.ru/items/35657449/utm_content=rweekend&utm_medium=read_more&utm_source=copylink]. <https://weekend.rambler.ru/items/35657449-zhurnal-avrora-o-yakutskoy-literature-eto-literatura-samogo-vysokogo-ranga/>. Дата обращения: 27.02. 2017.

* * *

¹ Журнал «Аврора» о якутской литературе: Это литература самого высокого ранга. Электронный ресурс: [<https://weekend.rambler.ru/items/3565744/>] Дата обращения 3.03.2018.

ОРГАНИЗАТОР, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ПЕДАГОГ
(К 60-ЛЕТИЮ А.А. ПЕТРОВА)

Мызников Сергей Алексеевич,

Словарный отдел ИЛИ РАН,

член-корреспондент РАН

Аннотация. В статье освещаются основные этапы жизни и творчества доктора филологических наук, профессора Александра Александровича Петрова. Особо отмечены заслуги юбиляра в области гуманитарного североведения, этнолингвистики, педагогики, этнографии, фольклора и литературы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

Ключевые слова: профессор Александр Александрович Петров, биография, североведение, педагогика, подготовка кадров, этнолингвистика.

Abstract. The article highlights the main stages of the life and work of the Doctor of Philology, Professor Alexander Aleksandrovich Petrov. The merits of the jubilee in the field of humanitarian northern studies, ethnolinguistics, pedagogy, ethnography, folklore and literature of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation were especially noted.

Keywords: Professor Aleksandr Petrov, biography, northern studies, pedagogy, training of personnel, ethnolinguistics.

В 2017 году А.А. Петрову исполняется 60 лет, он встречает свой юбилей в расцвете творческих сил, в коллективе коллег, друзей и единомышленников, полный творческих планов.

А.А. Петров родился 20 декабря 1957 г. в Амгинском районе Якутской АССР (ныне Амгинский улус Республики Саха (Якутия)).

В 1980 окончил Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт им. А.И. Герцена (ныне РГПУ им. А.И. Герцена) по специальности «Учитель русского языка и литературы, эвенского языка и литературы народов Севера, Сибири и Дальнего Востока средней школы». В 2003 г. окончил Северо-Западную Академию государственной службы при Президенте РФ по специальности «Социальная работа».

С 1980 по 1982 г. служил в Советской Армии в Карелии. Как отличник боевой и политической подготовки и за успехи в несении боевого дежурства на командном пункте дивизии награждался Грамотами командования военного округа. До службы в Вооруженных силах СССР работал преподавателем-стажером кафедры языков, фольклора и литературы народов Крайнего Севера Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института им. А.И. Герцена. На факультете народов Крайнего Севера он преподавал эвенский язык и был педагогом-репетитором народного коллектива – ансамбля “Северное сияние”.

В 1984 году в журнале “Полярная звезда” (г. Якутск) он опубликовал свою первую статью по итогам экспедиционной поездки к эвенкам Момского района Якутской АССР – “Момский вариант запева хээдьэ”.

С 1982 по 1985 г. обучался в аспирантуре по кафедре языков фольклора и литературы народов Крайнего Севера ЛГПИ им. А.И. Герцена. Научным руководителем молодого исследователя была известный ученый тунгусовед к.филол.н., доцент Нина Ивановна Гладкова.

В 1988 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук (по специальности 10.02.02 – Языки народов СССР) на тему “Лексика духовной культуры эвенов (народное искусство и обряды)” в Ленинградском отделении Института языкознания СССР. В 1998 г. в Москве в Институте языкознания РАН защитил докторскую диссертацию (специальности 10.02.02 – языки народов РФ, 10.02.06 – тюркские языки) на тему “Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов” в форме научного доклада по совокупности опубликованных трудов.

С 1980 г. работал преподавателем-стажером, ассистентом кафедры языков, фольклора и литературы народов Крайнего Севера ЛГПИ им. А.И. Герцена. В должности доцента кафедры алтайских языков и методики их преподавания ФНКС с 1989 г., с 1995 по 2003 г. в должности профессора, зав. кафедрой алтайских языков и методики их преподавания РГПУ им. А.И. Герцена. В 1990 г. ему присвоено ученое звание – доцент, в 2000 г. – профессор.

В 1990 – 1994 гг. работал заместителем декана по учебной работе; с 1998 по 2001 г. – деканом факультета народов Крайнего Севера; с 2001 г.

по 2009 г. – директор Института народов Севера (ИНС) РГПУ им. А.И. Герцена. Председатель совета ИНС, член Ученого совета РГПУ им. А.И. Герцена.

Заведая кафедрой, А.А. Петров преподавал эвенский и долганский языки, читает курс по этнолингвистике. Он также автор программ, учебных пособий, научно-методических и научно-популярных статей по культуре, этнографии и фольклору тунгусо-маньчжурских народов.

А.А. Петров являлся Председателем Санкт-Петербургского филиала Федерального экспертного совета МО РФ по рецензированию учебно-методических комплексов для дошкольных образовательных учреждений, школ, ССУЗов и вузов Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

А.А. Петров – автор около 200 научных и научно-методических работ, в том числе монографий по тунгусо-маньчжурским языкам, учебных пособий и учебников по языкам народов Севера (эвенскому, долганскому языкам). Он принимает участие во многих международных, российских и региональных научных конференциях: 1-й Международный коллоквиум “Квебек-Россия” (1988, Квебек), Международная циркумполярная конференция по проблемам грамотности (1990, Йеллоунайф), Международная конференция “Языки, культура и будущее народов Арктики” (1993, Якутск), научный симпозиум по проблемам тюркских и тунгусо-маньчжурских языков (1996, Киото-Саппоро-Токио), международный семинар «Образование как фактор развития языков и культур этнических меньшинств» (СПб., 1998; Якутск, 1999), Международной конференции «Ребенок в современном мире» (1998, 1999), Международная научно-практическая конференция «Реальность этноса» (1999-2016 гг.), Международный форум «Устойчивое развитие стран Арктики и северных регионов Российской Федерации в контексте образования, науки и культуры» (Якутск, 2006), «Проблемы сохранения и развития языков и культур малочисленных народов Севера» (Якутск, 2009, 2011) и др.

А.А. Петров работал председателем специализированного совета Д 212.199.09 по защитах докторских диссертаций по трем специальностям: «Языки народов РФ» (10.02.02), «Литература народов РФ» (10.02.06), «Этнография, этнология и антропология» (07.00.07), последняя специальность была лицензирована ВАК РФ с 2000-2007 г. при РГПУ им. А.И. Герцена. Был членом докторского диссертационного совета Института лингвистических исследований РАН по специальности «Языки народов РФ».

А.А. Петров выступает в качестве официального оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций, он много пишет отзывов на диссертации и авторефераты. Руководит работой аспирантов и соискателей, принимает в составе экзаменационной комиссии экзамены кандидатского минимума. В составе оргкомитета участвовал в подготовке и проведении пяти научно-практических конференций «Молодые ученые Якутии в стратегии устойчивого развития Российской Федерации» (СПб.: 2000, 2001, 2002, 2004, 2014).

Он ведет большую редакторскую работу в составе редколлегии научных сборников «Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», «Фольклор и этнография народов Севера», является ответственным редактором сборников «Лингвистические вопросы североведения» (1997), «Ученые-североведы» (2001), «Североведение в вузе: вопросы изучения и преподавания» (2001), «Актуальные проблемы подготовки специалистов для Севера, Сибири и Дальнего Востока» (2001), «Литература народов Севера» (2000-2005), «Североведческие исследования» (2006, 2008, 2014) и др.

За успехи в научно-исследовательской и учебно-методической работе и большой вклад в североведческую науку А.А. Петров избран членом Академии «Северного Форума», Санкт-Петербургской арктической общественной академии наук, является членом ее Ревизионной комиссии (с 2003 г). С 2015 года является членом Русского географического общества по секции лингвогеографии (руководитель член-корреспондент РАН С.А. Мызников). А.А. Петров – член Научно-образовательного культурологического общества (Санкт-Петербург).

Будучи деканом и директором Института народов Севера, А.А. Петров организовал постоянное и активное сотрудничество ученых Института народов Севера со многими регионами Севера России (Республика Саха, Республика Бурятия, Ямало-Ненецкий а/о, Ханты-Мансийский а/о, Магаданская область, Хабаровский край и др.). При его непосредственном участии координировалась работа по набору абитуриентов с Департаментом по прогнозированию, подготовке и расстановке кадров Республики Саха (Якутия) (ныне Министерство профессионального образования, подготовки и расстановки кадров), установлены научные контакты с Институтом проблем малочисленных народов Севера

СО РАН, Институтом гуманитарных исследований АН РС(Я) (с 2008 г. - ИГИ и ПМНС СО РАН), Якутским государственным университетом им. М.К. Аммосова (ныне Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова) и др.

А.А. Петров проводил большую общественную работу как член секретариата Санкт-Петербургского отделения Академии «Северного форума», Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, культурного общества «Саха-Нева», руководитель Лиги молодых ученых Севера.

А.А. Петров – участник культурной программы “Олимпиады-80”, XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1985). В составе ансамбля “Северное сияние” неоднократно выезжал за рубеж: Норвегия (1979), Франция (1990), Италия (1996), Финляндия (1999), где представлял культуру и искусство коренных народов Севера России. С научными командировками неоднократно выезжал в регионы России (Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Чукотский а/округ, Ямало-Ненецкий а/о и др.), а также за рубеж (Канада, Германия, Япония).

В диссертационном совете Д 212.199.09, руководимом А.А. Петровым с 2000 г., успешно защитили кандидатские диссертации по самскому языку ханты С.Н. Терешкин, по нанайскому языку нанайка Л.Ж. Заксор, по хантыйскому языку ханты В.Я. Ядобчева-Дресвянина, З.С. Рябчикова, по корякскому языку корячки В.Р. Дедык, О.Л. Болотаева, по эскимосскому языку Т.П. Головацкая, по эвенкийской литературе эвенкийка Э.В. Иванова и многие другие.

При его непосредственном участии для Республики Саха (Якутия) подготовлено не одно поколение специалистов высшей квалификации, успешно работающих в различных отраслях народного хозяйства республики. А.А. Петров в разные годы способствовал и помогал становлению таких известных ученых Республики Саха (Якутия) как заслуженные деятели науки РФ доктора наук этнограф А.И. Гоголев, лингвист В.А. Роббек, искусствовед Ю.И. Шейкин, психолог и социолог У.А. Винокурова, этнохореограф А.Г. Лукина, филолог юкагировед Г.Н. Курилов, исследователь якутского языка, диалектолог С.А. Иванов и многим другим. В диссертационном совете, возглавляемом А.А. Петровым, успешно за-

щитили диссертации соискатели из Республики Саха (Якутия): докторскую по долганскому языку Н.М. Артемьев, кандидатские по этнографии народов Севера и якутов В.С.Акимова, С.А.Алексеева, Е.И.Корнилова, по проблемам якутско-русского билингвизма Т.С.Федорова, по эвенскому языку эвены Е.В. Нестерова, Р.П. Кузьмина, Г.В. Роббек, С.Н. Саввинова, И.И. Садовникова, по юкагирскому языку юкагирки С.Н. Курилова, М.П. Лукина, по эвенской литературе эвенка А.А. Винокурова и др. Целой плеяде молодых ученых-якутян он дал путевку в жизнь, оказав реальную помощь и поддержку в качестве рецензента, официального оппонента или редактора (доктору социологических наук У.С. Борисовой, кандидату исторических наук Н.К. Харламповой, кандидату социологических наук А.В. Кривошапкину, кандидатам педагогических наук Р.С. Никитиной, М.В. Мучину, М.П. Алексеевой, Р.П. Софронову, И.Н. Санниковой, кандидату культурологии Н.С. Попову, кандидатам филологических наук В.Г. Белолобской, С.И. Шариной и многим другим).

А.А. Петров, как член главной редакции серии «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (совместно с сотрудниками Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН, автор идеи проекта серии – директор, заслуженный деятель науки РФ и РС(Я) д.ф.н. В.А. Роббек) участвует в подготовке и публикации томов данной серии в издательстве «Наука» г. Новосибирска.

А.А.Петров – член редколлегии научного журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» с 2009 г. (г. Сыктывкар), информационно-научного издания ФГАОУ ВПО “Северо-Восточный федеральный университет им.М.К.Аммосова” – “Арктика XXI век. Гуманитарные науки” с 2013 г. (г. Якутск).

Является членом редакционного совета журнала ИГИ ИПМНС СО РАН “Северо-Восточный гуманитарный вестник” (г.Якутск) с 2016 г.

А.А. Петров был членом национального оргкомитета РФ по проведению Второго международного десятилетия коренных народов мира, работает по плану оргкомитета в области науки, образования и культуры народов Севера России.

За свои заслуги А.А. Петров награжден медалью “За трудовую доблесть” (1986), Почетной грамотой РГПУ им. А.И. Герцена (1997), Грамотой и именными часами Президента Республики Саха (1997) и благодарностями за хорошую работу. Награжден Почетными грамотами университета и Министерства образования РФ.

В 2002 г. награжден знаком «Отличник образования Республики Саха (Якутия)». Указом Президента РФ от 19 февраля 2003 г. награжден медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Знак отличия «Якутия и Россия – 370 лет вместе» (2002); Почетный гражданин Амгинского улуса (2003); Знак отличия «Гражданская доблесть» (2005). В 2007 г. награжден юбилейным знаком Республики Саха (Якутия) «375 лет Якутия с Россией». В 2010 г. в связи с 80-летием Института народов Севера награжден Грамотой Президента Республики Саха (Якутия) и памятными золотыми часами. В 2012 г. награжден Грамотой Правительства Республики Саха (Якутия) и памятными золотыми часами; юбилейными знаками “Якутия и Россия – 380 лет вместе”, “380 лет г. Якутску”. Награжден медалями Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ “Академик В.А. Роббек” (2014), “За верность Северу” (2016).

С 2005 г. имеет звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Александр Александрович Петров успевает делать очень много благодаря своей необыкновенной организованности, работоспособности, глубоким знаниям, трудолюбию. Он очень доброжелателен к людям и объективен. Пользуется заслуженным уважением коллектива Института народов Севера и РГПУ им. А.И. Герцена.

Именно в бытность А.А. Петрова на посту директора Института народов Севера было введено на кафедре уральских языков преподавание вепского языка.

Более тридцати лет своей жизни А.А. Петров посвятил подготовке педагогических кадров высшей квалификации в стенах родного факультета, ныне Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена. Им подготовлено не одно поколение специалистов сегодня успешно работающих в различных регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Все перечисленное дает лишь самое общее представление о результатах и масштабах научной деятельности А.А. Петрова, целеустремленного и неутомимого исследователя, педагога, автора многих научных трудов. Научные и человеческие качества юбиляра обеспечили ему большой авторитет в отечественных и в зарубежных научных и педагогических кругах.

Хочется пожелать Александру Александровичу Петрову в год его шестидесятилетия успешного продолжения плодотворной работы в научной и педагогической деятельности и осуществления всех намеченных им планов.

* * *

УДК 001.891:81:39(=1.571-17)(092)

**ПРОФЕССОР А.А. ПЕТРОВ – ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ И АВТОР
НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СЕВЕРНЫХ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ»**

**PROFESSOR A.A. PETROV IS A MEMBER
OF THE EDITORIAL BOARD AND THE AUTHOR
OF A SCIENTIFIC JOURNAL «HISTORICAL
AND CULTURAL PROBLEMS OF NORTHERN COUNTRIES
AND REGIONS»**

Мацук Михаил Александрович,
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения
Российской академии наук,
главный редактор научного журнала
«Вопросы истории и культуры северных
стран и территорий»

Matsuk Mikhail Aleksandrovich,
Chief Researcher of Institute of Language,
Literature and History of Komi Science
Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-Chief of the scientific journal
“Historical and cultural problems
of northern countries and regions”.
(Syktyvkar, Russian Federation)

Аннотация. Статья посвящена показу научной и организационной деятельности профессора А.А. Петрова в качестве члена редакционной коллегии научного журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» и автора статей, опубликованных в этом журнале.

Ключевые слова: профессор А.А. Петров, научный журнал «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий», редакционная коллегия, научные статьи.

Abstract. The article is devoted to the demonstration of scientific and organizational activities of Professor A.A. Petrov as a member of the editorial board of the scientific journal “Historical and cultural problems of northern countries and regions” and author of articles published in this journal.

Keywords: professor A.A. Petrov, scientific journal “Historical and cultural problems of northern countries and regions”, editorial board, scientific articles.

Научный журнал «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» издается с 2008 года в Сыктывкаре. Это журнал, выходящий по частной инициативе. Учредитель и главный редактор журнала доктор исторических наук М.А. Мацук. Журнал не коммерческий. Некоторые номера журнала были выпущены на средства спонсоров, но большая часть издается на средства издателей и бесплатно распространяется по библиотекам и среди членов научного сообщества.

Журнал является площадкой для публикации научных статей по истории, этнографии, археологии, фольклористике, культурологическим аспектам лингвистики народов, населяющих Циркумполярный регион мира и прилегающие к этому региону северные территории. Журнал также публикует статьи, рассказывающие о жизни и творчестве разных ученых и о научных учреждениях, изучавших и изучающих разные аспекты указанных научных дисциплин.

Редакционная коллегия состоит из ученых России (Апатиты, Архангельск, Вологда, Киров, Москва, Пермь, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Сыктывкар, Якутск), Белоруссии, Канады, Финляндии, Эстонии.

Основная часть опубликованных статей относится к северным российским регионам – от Мурманской области до Чукотки. В активе журнала также статьи по истории и культуре Гренландии, Норвегии, США, Финляндии.

За 10 лет существования уже выпущено 40 номеров журнала. В них опубликовано более 230 научных статей, а также около 100 статей-персоналий, рецензий, статей о научной жизни северных регионов России, других материалов.

Профессор Александр Александрович Петров был включен в состав редакционной коллегии научного журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» по рекомендации профессора Василия Афанасьевича Роббека. Это произошло во время проведения научного симпозиума «Культура коренных народов Циркумполярного региона: поиск ответов на современные вызовы». Симпозиум, организованный редакцией нашего журнала в творческом содружестве с Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Сыктывкар), Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск), Институтом народов Севера Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, был проведен в Санкт-Петербурге 29 и 30 июня 2009 года. Александр Александрович, несмотря на его колоссальную загруженность научными, педагогическими и общественными делами, любезно согласился войти в состав редколлегии журнала. И с того времени началась наша совместная работа над журналом.

За более чем 8 лет работы в редакционной коллегии Александр Александрович Петров проявил себя как активный, творческий и принципиальный член редколлегии. Он, как и В.А. Роббек, стал связующим звеном между большой массой североведов, как российских, так и зарубежных, и нашим журналом. После смерти Василия Афанасьевича Роббека Александр Александрович Петров один упорно и терпеливо продолжает нести эту достаточно тяжелую ношу. Благодаря усилиям Александра Александровича авторами научного журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» стали ученые из Бурятии, Якутии, других регионов Российской Федерации, Финляндии, Франции, Японии. Авторы научных статей, рекомендованных профессором А.А. Петровым к публикации, рассказали читателям журнала о богатой куль-

туре народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, вне зависимости от численности таких народов. Всего в нашем журнале по рекомендации Александра Александровича Петрова было опубликовано 35 научных статей разных авторов в 10 номерах журнала. Причем, в двух номерах (№№ 10 и 40), посвященных, соответственно, 80-летию Института народов Севера и 60-летию Александра Александровича, такие статьи составляли 100% научного объема. В целом, научная общественность хорошо приняла опубликованные работы, отметив новизну в постановке и решении исследуемых вопросов, квалифицированный анализ и достоверные выводы, содержащиеся в данных публикациях. Думаю, что в этом велика роль самого Александра Александровича, как научного редактора опубликованных статей.

Александр Александрович Петров показал себя в качестве активного автора нашего научного журнала. Он блестяще использовал площадку журнала для пропаганды достижений науки в деле изучения тунгусо-маньчжурских языков. А.А. Петров опубликовал в журнале «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» 4 статьи по истории их изучения (№ 15, 16, 18, 40). Другой важной темой при публикации статей в нашем журнале для Александра Александровича был его родной Институт народов Севера. Пропагандируя достижения этого института, А.А. Петров опубликовал три статьи (журналы: № 7, 10, 32). Показательным в отношении публикаций А.А. Петрова по данной теме является первая статья, названная автором «Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена – особо ценный объект культурного достояния народов России».

Александр Александрович публиковал в журнале «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» статьи и по другим важным вопросам. Так, в № 24 он издал статью «Православие и коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: история и современность в этнолингвистическом аспекте». В № 29 – «Якутяне в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны». В № 33 – «О деятельности Комитета по издательской деятельности Комиссии по изучению Якутской АССР». В № 35 – «Кузница кадров высшей квалификации на Северо-Востоке Азии» – о кафедре северной филологии Института язы-

ков и культур народов Северо-Востока Российской Федерации Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

Еще одно направление публикаций А.А. Петрова – статьи об ученых. В № 15 он издал статью о Н.И. Гладковой, и в № 26 – некролог о Ч.М. Таксами, по уровню равный научной статье о творческом и жизненном пути известного исследователя.

Не забывает Александр Александрович информировать научное общество о прошедших научных конференциях и новых книгах своих коллег. Он опубликовал рецензии о научных книгах в № 26 и 34, а также информационные статьи о проведенных конференциях в № 15 и 17.

Всего Александр Александрович Петров опубликовал в научном журнале «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» 17 научных статей, рецензий, других материалов.

Итак, Александр Александрович Петров проводит весьма активную работу в качестве члена редакционной коллегии и автора научного журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий». От имени всех сотрудников редакционной коллегии сердечно поздравляя дорогого Александра Александровича с юбилеем, выражаю надежду на продолжение плодотворного сотрудничества уважаемого ученого и педагога с нашим журналом и впредь.

* * *

**НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ГРАНИЦА СОВРЕМЕННЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ НА ПРИМЕРЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА А.А. ПЕТРОВА**

**SCIENTIFICAL DIPLOMACY: BOARD OF CONTEMPORARY
HUMANITARIAN AFFAIRS ON THE EXAMPLE
OF PROFESSIONAL AND SOCIAL ACTIVITY
OF THE PROFESSOR A.A. PETROV**

Харлампьева Надежда Климовна,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
кафедра мировой политики

Kharlampieva Nadezhda Klimovna,
Saint-Petersburg State University,
Department of World Politics Study

Аннотация. В настоящей статье приведены истоки современных гуманитарных связей Республики Саха (Якутия) и Санкт-Петербурга, а также обозначены границы гуманитарных связей на евро-азиатской Арктике и в Арктической зоне Российской Федерации на примере вклада представителя российской школы североведения – профессора А.А. Петрова.
Ключевые слова: научная дипломатия, межрегиональные гуманитарные связи, российская североведческая школа, евро-азиатская Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, профессор А.А. Петров.

Abstract. Facts of starting of contemporary humanitarian affairs between Republic of Sakha (Yakutia) and Saint-Petersburg, also mapping of board of humanitarian environment of the Euro-Asian Arctic and the Arctic zone of Russian Federation are subscribed on the example of scientists investment from representative of Russian Scientifical School of “severovedenie” (Study of northerners and North) –the Professor A.A. Petrov.

Keywords: a science diplomacy, interregional humanitarian affairs, the Russian Science School of “severovedeniye” (Study of the northerners and North), Euro-Asian Arctic, the Arctic zone of Russian Federation, scientist investment, Professor A.A. Petrov.

Вклад видного ученого в налаживании общественных и государственных отношений в истории межрегиональных и межгосударственных отношений становится актуальной темой современных исследователей общественных наук (истории, политологии, международных отношений). В условиях формирования гражданского общества в Российской Федерации история межрегиональных отношений – новое явление и предмет изучения на стыке общественно-естественных наук. Географический фактор в исследованиях всех направлений современных отношений в Арктике – основа выявления особенностей и описания характеристик взаимодействия государств с общественностью, с представителями хозяйствующих субъектов. Общественность, представленная в лице ученых и их деятельность – живое свидетельство исторических фактов в межрегиональных связях современной России еще не совсем достаточно изучена. Вместе с тем в современной истории, когда роль Арктики становится приоритетным направлением внутренней и внешней политики Российской Федерации, место ученых в них с каждым годом укрепляется. Роль научной дипломатии как универсальный способ поиска новых форм взаимоотношений в сложных политических условиях с каждым годом возрастает.

В Арктике деятельность ученых-филологов трудно оценить, особенно, российскую школу североведения, достойным представителем которой является профессор Александр Александрович Петров – уроженец Якутии. Гуманитарные связи (культурные, научно-исследовательские и образовательные) между Санкт-Петербургом и Республикой Саха (Якутия) тесно связаны с его профессиональной и общественной деятельностью.

Возьму на себя смелость на примере деятельности профессора А.А. Петрова обозначить и фиксировать дату современных отношений между Республикой Саха (Якутия) и Санкт-Петербургом, а также указать лишь сферу профессиональной деятельности профессора в российской школе североведения в географических пределах академического пространства (научно-исследовательского, образовательного и культурного) в северо-азиатской Арктике и в Арктической зоне Российской Федерации.

Истоки межрегиональных связей в сфере культуры, науки и образования между Республикой Саха (Якутия) и Санкт-Петербургом датиру-

ются 1994 годом: «С 4 по 9 мая 1994 года в Санкт-Петербурге прошли дни молодежи Республики Саха (Якутия), организованные Якутским культурным обществом г. Санкт-Петербурга, Министерством по делам молодежи, туризма, физической культуры и спорта Республики Саха (Якутия), Центром по подготовке кадров при Правительстве Республики Саха (Якутия), АО «Наследие» г. Санкт-Петербурга» – пишет профессор А.А. Петров в небольшой брошюрке «Республика Саха (Якутия) – Санкт-Петербург» [1, с. 11]. Учреждение в августе 1995 года Постоянного Представительства Республики Саха (Якутия) [2], подписание Договора и Соглашения о принципах торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества в ноябре 1997 года между Санкт-Петербургом и Республикой Саха (Якутия), проходящие в Санкт-Петербурге – официальная составляющая межрегиональной политики Первого Президента Республики Саха (Якутия) Михаила Ефимовича Николаева и вместе с тем начало активной профессиональной и общественной деятельности Александра Александровича Петрова в научно-исследовательской и образовательной среде г. Санкт-Петербурга, в Российском государственном педагогическом университете имени А.И. Герцена и в Институте народов Севера.

В качестве примера можно привести один из ярчайших событий, которое стало всеохватывающим общественным движением среди студенческой и научной молодежи Якутии, обучавшихся в те годы за пределами своей родины.

Это – научно-практические конференции аспирантов и молодых ученых Якутии «Молодые ученые Якутии в стратегии устойчивого развития Российской Федерации», проходившие в Санкт-Петербурге на базе РГПУ им. А.И. Герцена 31 мая 2000 г., 19 апреля 2001 г., 31 мая 2002 г. В Санкт-Петербург съезжались аспиранты, молодые ученые и студенты из Москвы, Екатеринбурга, Новосибирска и Якутска для того, чтобы поделиться с результатами научных трудов, заодно почувствовать дух культурной столицы. Участие видных ученых Якутии, Санкт-Петербурга в данной конференции не имело себе равных по своему размаху, о чем мог бы мечтать любой молодой ученый, попавший в академическую атмосферу Санкт-Петербурга.

Кроме того, участие Александра Александровича в увековечивание памяти создателя якутской письменности С.А. Новгородова, поддержка ее дочери Е.С. Новгородовой, но это и другие примеры – отдельная тема духовно богатого человека, получившего все лучшее от своих учителей североведческой российской научной школы.

Что касается охвата научно-исследовательского, образовательно-го и культурного пространства в условиях развития информационной коммуникации, где научные труды ученых распространяются не зная границ, охватывая все большую среду общения и обмена знаниями – роль ученого как эксперта своего направления в современной системе процесса принятия решения во всех направлениях возрастает с каждым годом и становится востребованным в самых неожиданных сферах общественной и государственной жизни.

Потому обозначу лишь ту невидимую часть охвата мыслей профессора А.А. Петрова, которая останется в академической среде на все века. Это – языки. Выявление эволюции языковой системы – одна из основ изучения многих неизведанных фактов человеческой жизни, составляющей истоки истории многих народов.

Ключ к этим знаниям в исследованиях профессора А.А. Петрова можно увидеть в названиях научных специальностей: языки народов Российской Федерации, в частности, тюркских, алтайских (эвенкийских, долганских и др.) и тунгусско-маньчжурских языков, этнолингвистики, фольклора и литературы народов Крайнего Севера, методики их преподавания. Научно-исследовательский интерес профессора Петрова в изучении этих народов трудно оценить! Вклад филологов в антропологии/этнологии, общественных науках – отдельная тема научных изысканий многих дисциплин. Потому именно научная профессиональная деятельность стала частью якутских республиканских научно-исследовательских и образовательных проектов и программ, общения с деятелями культуры и искусства, науки и образования – стали составной частью видного ученого А.А. Петрова в Санкт-Петербурге и за ее пределами.

Таким образом, в заключении хотелось бы отметить:

во-первых, началом общественных и межрегиональных отношений якутян в Санкт-Петербурге в истории современной истории Якутии можно обозначить Дни молодежи Республики Саха (Якутия), проходившие в 1994 году при участии Якутского культурного общества, созданного в Санкт-Петербурге;

во-вторых, роль и место профессиональной и общественной деятельности профессора Александра Александровича Петрова, представителя российской научной школы североведения – единственного в мире примера в филологической практике народов Арктики – в современных межгосударственных, межрегиональных общественно-государственных отношениях, в научной дипломатии, в закреплении границ научно-исследовательского, образовательного и культурного пространства в евро-азиатской части Арктики и в Арктической зоне Российской Федерации посредством охвата предметов научного интереса в филологической науке и ее дисциплин.

Литература

1. Республика Саха (Якутия) – Санкт-Петербург (Информационный материал о связях и сотрудничестве Республики Саха (Якутия) и Санкт-Петербурга, посвященный 370-летию воссоединения Якутии с Россией). – Санкт-Петербург, 1997. – С. 11.
2. Об образовании Постоянного Представительства Республики Саха (Якутия) в г. Санкт-Петербурге. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) № 396 от 31 августа 1995 г.

* * *

КУЛЬТУРА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 811.512.21:397.7(571.56-17)''192''

**К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРА:
ХАТАНГО-АНАБАРСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТРЯД
1928-1929 гг.**

**RESEARCH HISTORY OF NORTHERN NOMADS' LANGUAGES:
THE KHATANGO-ANABAR ETHNOGRAPHIC EXPEDITION
in 1928-1929s.**

Винокурова Лилия Иннокентьевна,

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Аннотация. В статье, написанной в рамках проекта РГНФ № 17-11-14003, освещены малоизвестные аспекты работы Хатанго-Анабарского отряда Якутской комплексной экспедиции АН СССР. Обозначен потенциал собранного в 1928-1929 гг. материала по языку и культуре кочевников Крайнего Севера.

Ключевые слова: коренные народы Севера, кочевники Арктики, научные исследования, Север, Якутия

Abstract. The article written in the framework of RGNF project No. 17-11-14003 covers the little-known aspects of the work of the Khatango-Anabar detachment of the Yakut complex expedition of the USSR Academy of Sciences. The potential of materials on the language and culture of the nomads of the Far North, collected in 1928-1929, is indicated.

Keywords: indigenous peoples of the North, nomads of the Arctic, scientific researches, the North, Yakutia.

Языки коренных народов Севера и Арктики в настоящее время привлекают внимание исследователей из самых разных сфер научного знания. Любой живой язык, меняющийся и развивающийся, или язык уходящий, несет в себе бесценную историческую и культурную информацию. В каждом языке сосредоточено духовное наследие и ценности его творцов и носителей. Язык – не только средство общения и самовыражения для человека, но и «одна из первейших предпосылок существования любого народа как исторического субъекта. Каждый человек, тем более народ, самоценен. Каждый народ, большой или малый, жаждет быть вечным и это его неотъемлемое естественное право» [3]. Прошедший XX век наряду с бесспорным прогрессом нанес существенный урон культурным устоям и языкам коренных народов российского Севера и Арктики. Но на рубеже тысячелетий, во многом благодаря подвижничеству ученых и патриотов Севера, обозначились новые горизонты в функционировании и перспективах языков коренных народов.

В Республике Саха (Якутия) представители коренных малочисленных народов, национальная интеллигенция не рассматривают ситуацию с языками как фатальную. Сформирован культурный тезис, что независимо от количественных показателей, при обеспечении определенных условий можно ревитализировать любой язык, если есть желающие изучать, сохранить и говорить на нем. Показательно, что создание при Президенте Республики Саха (Якутия) Совета по языковой политике было оценено как понимание роли языка в жизни многоязычного общества.

Внимание к языкам аборигенных меньшинств Севера остается непрерывным компонентом федеральной и региональной политики. Отметим, что данный факт опирается на прочную традицию изучения культуры коренных северян. Как справедливо подчеркивают специалисты, научная работа по сбору и анализу материалов по языку аборигенов Якутии уходит в глубину веков: еще в конце XVII в. голландский путешественник Н. Витсен зафиксировал несколько десятков юкагирских, эвенкийских (тунгусских) и эвенских (ламутских) слов. Небольшие сведения удалось записать Д.Г. Мессершмидту; эмпирическая база по языкам коренных народов Севера пополнилась за счет материалов Я.И. Линденау, а в конце XVIII в. П.С. Палласом в знаменитом «Сравнительном словаре

всех языков» было собрано почти 300 эвенских и эвенкийских терминов. В результате такой аккумуляции уже к XIX в. были обобщены данные о грамматике и фонетике аборигенов Якутии [4, с.157]. Отдельная заслуга принадлежит В. И. Иохельсону, на рубеже XIX-XX вв. впервые предпринявшему анализ языка юкагиров Якутии и составившему первые русско-юкагирский и юкагирско-русский словари.

Советский период истории для северян был ознаменован такими процессами как ликвидация неграмотности и создание письменности. Культурная революция предполагала системное изучение и развитие существующих языков аборигенных меньшинств в первые десятилетия XX века. В 1930-е годы северное языкознание обогатилось ставшими классикой трудами Г.М. Василевич, В.Г. Богораза, В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес. Был совершен научный прорыв в изучении северных языков, в первую очередь, эвенкийского и эвенского. В этом свете интересен вопрос изучения чукотского и долганского языков в первые десятилетия XX века, и если чукотский язык функционировал преимущественно на землях Чукотского автономного округа, то долганский – входил в административные пределы Якутской республики.

Именно поэтому в программах деятельности Якутской комплексной экспедиции АН СССР 1925-1930 гг. фигурировал отдельный Хатанго-Анабарский отряд. Правительство Якутской АССР с целью исследования собственных природно-хозяйственных и культурных ресурсов поставило перед экспедицией АН СССР масштабные как по глубине, так и по широте охвата задачи. Понятно, что региональная власть была заинтересована в приоритетном и детальном обследовании районов, имеющих стратегическое и первоочередное хозяйственное значение. Но с первых шагов академической экспедиции было обозначено отдельное гуманитарное направление. Заслуживает уважения, что это происходило в исторической ситуации глубокого социально-экономического кризиса, в условиях дефицита средств и сил в стране, только что пережившей мировую и гражданскую войны.

Так, на совещании в Академии наук с участием представителя Якутии М.К. Аммосова от 4 июля 1924 года на повестке дня было четыре пункта, вторым из которых стоял вопрос о программах будущей работы. Профессор П.В. Виттенбург сделал доклад о предстоящей реализации

следующих программ: биологической, геолого-минералогической, гидрологической и секции «Человек». Докладчик подробно охарактеризовал все виды работ и предполагаемую их смету. Секция «Человек» была представлена медико-санитарной группой и специалистами по составлению словарей языков коренных народов республики. Предполагалось уделить внимание тунгусскому и якутскому языкам [1, с. 11].

Такое внимание к «человеческому фактору» развития республики соответствовало духу и букве советской государственной политики по отношению к коренным народам Севера России. При всей обоснованности критического подхода к истории данного периода, нельзя не согласиться с мнением исследователей о наличии искреннего желания, «как со стороны центрального государственного управления, так и конкретных руководителей, реализовывавших политические решения, по возможности приобщить северные народы к современной цивилизации, к ее достижениям, которые ассоциировались на том историческом этапе с распространением элементарных социокультурных навыков, приобщением к грамоте и образованию...» [5, с. 8].

История организации и работы Якутской комплексной экспедиции подробно освещена в монографии Ермолаевой Ю.Н. [2]. Ею систематизирована и проанализирована деятельность отрядов Якутской экспедиции по всем приоритетным направлениям, обозначенным Правительством Якутской АССР. В период 1925-1930 гг. учеными Академии наук СССР при поддержке Правительства республики была проведена огромная работа по изучению Якутского, Вилуйского, Олекминского, Верхоянского, Булунского, Колымского и Алданского округов Якутской АССР.

Территория бассейна рек Анабар и Хатанга в состав Якутской АССР вошла еще в 1922 г., в 1924 г. оформилась административная единица под названием Хатанго-Анабарский район. Молодая республика одновременно решала политические, административные и культурные задачи. Требовались усилия по пропаганде Советской власти среди населения отдаленных окраин, живущего традиционным кочевым укладом. Проводилась работа по изучению этнического расселения для районирования территорий проживания малочисленных народов Севера [6, 7], шла советизация системы управления. Именно задача «инструктирова-

ния и советизации» в далеком Хатанго-Анабарском крае была поставлена уполномоченным Комитета содействия народностям северных окраин, т.н. КСНСО. Зимой конца 1927 г. на Крайний Север командировался опытный человек, работавший с 1925 г. заместителем, председателем КСНСО – П.В. Слепцов. Территория его полномочий была расширена еще и Оленекским районом.

Руководство Якутской комплексной экспедиции немедленно оценило кандидатуру уполномоченного, направляемого в малоизученный и отдаленный край. Свободно говорящий и пишущий на якутском и русском языках, владеющий тунгусским разговорным, П.В. Слепцов был назначен начальником Хатанго-Анабарского этнографического отряда. В 1928-1929 гг. Слепцов проработал в Хатанго-Анабарском районе почти 16 месяцев, выполнив большой объем административно-организационной и исследовательской работы. Был выявлен и проанализирован этнический состав обширного края и образовано три национальных наслега: якутский, долганский и хатангский. В составе населения Хатанго-Анабарского района якуты составляли 808 чел., долганы – 539 чел. Остальные из 1444 чел. были затундренные крестьяне, тунгусы и юраки. Этнографический отряд провел первое в истории края комплексное обследование населения, языка и культуры коренных обитателей. Наряду со статистическими данными по кочевому хозяйству, его структуре, были собраны ценные материалы по быту и повседневной жизни.

Отметим, что о кочевниках Хатанго-Анабарского края научные сведения в основном черпались из описаний Сибири XIX века. Еще М.А. Кастрен и А.Ф. Миддендорф писали об интересных этнокультурных и языковых характеристиках населения возле рек Хатанга и Анабар. Ими были отмечены результаты межэтнических контактов и смешения в сообществах Хатанги и Анабара. П.В. Слепцов также отметил в своих записях, что в местном говоре долган сильно выражен якутский компонент. В фрагментах его «анабарского портфеля», хранящихся в фонде номер 5 Рукописного отдела Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, присутствует целый блок наблюдений по языку и местным говорам, включая язык долган и якутов, где он отмечает даже особенности произношения.

Исследователем оставлены рукописи, представляющие интерес для филологов, и не только. Для изысканий по истории кочевых культур Севера Якутии могут быть полезными не только этнографические рисунки и фотографии 1928-1929 гг., но и лингвистический материал. Именно на материалах Хатанго-Анабарского края была составлена опись топонимов, тетрадь с надписью «О ламутах» на якутском языке. До сих пор не расшифрованы полностью личные дневники, в которых должны содержаться черновики его русско-тунгусского и тунгусско-якутского разговорников, записи по языку коренных жителей Оленька и Анабара.

Язык любого этноса живет в людях, его невозможно сохранить без преемственности. Поэтому обучение детей на родном языке – одно из условий для сохранения языков. Начальник Хатанго-Анабарского отряда П.В. Слепцов детально ознакомился с ситуацией школьного просвещения в районе. Вернее, с его отсутствием – более 300 детей школьного возраста никогда нигде по состоянию на 1928 год не обучались. В единственной в крае Хатангской школе учились всего 3 школьника. Уполномоченный КСНСО поставил перед республиканским правительством вопрос об открытии школ в отдаленном районе, предложив, одним из первых, идею кочевой школы, обучающей детей на родном языке. Таким образом, Хатанго-Анабарский этнографический отряд на рубеже 1920-1930-х гг. внес свой вклад в дело научного изучения и организации сохранения родных языков коренных народов Севера Якутии.

Литература

1. Виттенбург, Е.П. Комиссия академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925-1930 гг.): организация и методика работы : ист. очерк / Е.П. Виттенбург. – Якутск : Бичик, 2008. – 200 с.
2. Ермолаева, Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925-1930 гг.: Развитие науки в Якутии / Ю.Н. Ермолаева. – Новосибирск : Наука, 2001. – 166 с.
3. Роббек, В.А. Наша цель – сохранение и возрождение языков народов Севера Республики Саха (Якутия). Доклад на Круглом столе «Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения». Институт этнологии и антропологии РАН Москва, 27-28 октября 2005. – [Электронный ресурс]. URL: http://lingsib.iea.ras.ru/ru/round_table/papers/robbek.shtml (Дата обращения: 02.12.2017).

4. Сулейманов А.А. Научное изучение языков коренных малочисленных народов Севера Якутии в 50-е гг. XX в. / А.А. Сулейманов // Вестник угроведения. – 2016. – №2(25). – С 156-166.
5. Тимошенко А.И. Российская региональная политика в Арктике в XX – XXI вв.: проблемы стратегической преимущества / А.И. Тимошенко // Актуальные проблемы российской государственной политики в Арктике (XX – в начале XXI вв.): сб. науч. тр. – Новосибирск : Сибирское научное издательство, 2011. – С.4 – 17.
6. Филиппова, В.В. ГИС-технологии в исследовании истории Якутии (по материалам Приполярной переписи 1926 – 1927 гг. и Всесоюзной переписи 1939 г.) / В.В. Филиппова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – №1. – С.43-46.
7. Филиппова В.В. Расселение и динамика численности эвенского населения Якутской Колымы в XX веке / В.В. Филиппова // Научный диалог. – 2016. – № 4 (52). – С. 271-284.

* * *

**АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ПЕСЕННОГО
И ТАНЦЕВАЛЬНО-ПЛАСТИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ СЕВЕРНЫХ ЭТНОСОВ
(НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА А.А. ПЕТРОВА)**

**ASPECTS OF STUDYING THE MUSICAL-SONG
AND DANCE-PLASTIC FOLKLORE OF INDIGENOUS SMALL
NORTHERN ETHNIC GROUPS
(ON THE EXAMPLE OF RESEARCH ACTIVITIES
PROFESSOR A.A. PETROVA)**

Чернышова Светлана Леонидовна,

Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена,
Институт народов Севера,
кафедра этнокультурологии

Chernyshova S.L.,

candidate of cultural studies,
Associate Professor of the Department
of Ethnology
Russian State Pedagogical University
University of A.I. Herzen,
Institute of the Peoples of the North,
Department of Ethnology

Аннотация. В статье дается описание основных направлений научно-исследовательской и преподавательской деятельности ведущего ученого-североведа, этнолингвиста и фольклориста, доктора филологических наук, профессора института народов Севера Герценовского университета Александра Александровича Петрова, прежде всего, касающиеся междисциплинарных исследований музыкально-песенного и танцевально-пластического фольклора коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

Ключевые слова: музыкально-песенный фольклор, танцевально-пластический фольклор, этнолингвистика, североведение, художественное творчество.

Annotation. The article describes the main directions of research and teaching activities of the leading scientist-northeastist, ethnolinguist and folklorist, Doctor of Philology, Professor of the Institute of the Peoples of the North of the Herzen University Alexander Aleksandrovich Petrov, primarily concerning interdisciplinary research musical-song and dance-plastic folklore of the indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia. **Keywords:** musical-song folklore, dance-plastic folklore, ethnolinguistics, northern studies, artistic creativity.

Развитие российской науки о фольклоре наталкивает современных исследователей на необходимость переосмысления накопленного богатого фонда фольклористического наследия. Переосмысление, сбор, анализ и систематизация современных образцов традиционного фольклора связано, прежде всего, с выявлением основных средств и методов его сохранения и актуализации, описанием механизмов его существования в реальных культурных практиках. Все это является актуальной проблемой современных научно-теоретических исследований в области фольклористики.

Теоретические аспекты развития танцевального и музыкально-песенного искусства получили освещение в работах специалистов, непосредственно обращавшихся к аутентичному музыкально-песенному и танцевальному фольклору коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – А.М. Айзенштадта, Е.А. Александровой, А.А. Алексеева, А.Ф. Анисимова, Л.Е. Банакановой, Т.Д. Булгаковой, Г.М. Василевич, И.С. Давыдовой, О.Э. Добжанской, М.Я. Жорницкой, У.В. Канюковой, С.Ф. Карабановой, Н.С. Каплина, В.Т. Кравченко, А.И. Крушанова, Г.И. Кэптуке, П.А. Ламутского (Степанова), Ж.К. Лебедевой, А.Г. Лукиной, В.А. Лыткина, Р. Маака, Т.А. Малданова, Н.А. Мамчевой, А.И. Мельник, А.Ф. Миддендорфа, С.И. Николаева, В.Н. Нилова, Т.В. Павловой, Т.Ф. Петровой-Бытовой, У.П. Поповой, Е.А. Рутьгын-ут, Л.В. Сивцевой, Г.Е. Солдатовой, И.В. Соловьева, Н.А. Стручковой, Н.А. Соломоновой, З.В. Тагриной, Л.Е. Тимашевой, В.А. Туголукова, Ф.И. Челебиева, С.Л. Чернышовой, Ю.И. Шейкина и многих других. В их работах раскрывается специфика традиционной музыкальной, песенной и танцевально-пластической культуры коренных малочис-

ленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, особенности их эволюции и этнорегиональные черты. Уникальность и ценность данных исследований, на мой взгляд, заключается в применении в них междисциплинарного подхода, направленного на эффективное использование знаний фольклористики, музыкознания, этнологии, этнографии, культурологии, филологии и других наук.

Особое место в выстраивании междисциплинарного исследования традиционной культуры коренных малочисленных северных этносов занимают исследования ведущего ученого-североведа, этнолингвиста и фольклориста, доктора филологических наук, профессора института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена Александра Александровича Петрова.

А.А. Петровым написано свыше 50 научно-исследовательских работ, освещающих фольклорное творчество северных этносов. Александр Александрович – автор программ, учебно-методических пособий, научно-методических и научно-популярных статей по культуре, этнографии и фольклору тунгусо-маньчжурских народов [1, с. 137]. Результатом научно-теоретических исследований А.А. Петрова явились публикации, монографии, диссертационные исследования. Его публикации охватывают основные тематические пласты и проблемные поля научного творчества исследователя: лексику языка, фольклор, народное искусство (песенно-танцевальное творчество, музыкальные инструменты), духовную культуру (обряды жизненного цикла, свадебные, погребальные, охотничьи обряды, связанные с культом животных, религиозные воззрения), народные знания и др.

Своеобразие данной статьи состоит в ее ориентации на круг научных изысканий А.А. Петрова в области музыкально-песенного и танцевально-пластического фольклора коренных малочисленных северных этносов, суть которых заключается в изучении лингвистических, фольклорных и этнографических материалов. Традиционную художественную культуру коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которая и на сегодняшний день ярко представлена аутентичными фольклорными образцами, А.А. Петров изучает с точки зрения лингвистического анализа. Этнолингвистика представлена им как часть современного североведения. Он полагает что, специфика словарного состава языка

обусловлена национальным своеобразием народного искусства, «...возникшего и развивающегося в условиях, продиктованных особенностями жизни и быта оленеводов-кочевников, охотников и рыболовов, территориально разобщенных, а также сложным и противоречивым характером религиозных форм общественного сознания, на основе которых возникли и функционируют обряд и обрядовая лексика...» [9, с. 174].

Итак, с точки зрения этнолингвистики, значительный интерес представляют комплексные многоаспектные исследования А.А. Петрова, связанные с выявлением и описанием лексики языка тунгусо-маньчжурских народов, отражающие их танцевальное и песенное творчество. Исследователь рассматривает язык в качестве важного духовного компонента человеческой деятельности коренных малочисленных народов Севера и Арктики. Основная цель этнолингвистических изысканий А.А. Петрова, как утверждает сам автор, заключается в комплексном описании лексики, отражающей духовную культуру, на материале слов, связанных с народным искусством, обрядовой практикой, религией, народными знаниями... [6, с. 54]. В процессе выявления проблем соотношения языка и духовной культуры, отмечает А.А. Петров, «объектом этнолингвистики выступает язык духовной культуры (как широкое явление семиотической системы, включающее язык хореографии, жестов, музыкальных символов (прежде всего вербального)» [4, с. 27]. Фундаментальные основы, определяющие язык в качестве средства трансляции культуры и формирования культурных кодов, заложены в его многочисленных лингвокультурологических трудах.

Уникальны исследования А.А. Петрова, касающиеся изучения танцевально-пластической и песенной культуры тунгусо-маньчжурских этносов. Данные сведения подробно описаны в монографиях «Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов (эвенки, эвены, негидальцы, солонь)» и «Этнолингвистика тунгусов (эвенки, эвены, негидальцы, солонь)». Эти монографии, на мой взгляд, направлены на решение вопросов соотношения этнолингвистики и этнохореографии. В них приведена классификация языка на основе тематических и лексико-семантических групп слов, которые, по мнению А.А. Петрова, обозначают:

- глаголы, связанные с танцами и песнями, а также с особенностями танцевальной пластики, танцевальным и песенным процессом;

- общие и конкретные названия танцев (хоровод, подражательные танцы-пантомимы, парные танцы и пляски) и песен (название, разновидность, специфика мотивов, мелодий);

- время и место исполнения танцев и плясок;

- непосредственных исполнителей танцев и песен (ведущих, организаторов хороводных танцев, напарников, танцующих, запевал и т.д.);

- основных этапов хороводных танцев (зачин, основной ход, быстрая часть, завершение);

- запевных слов хороводных танцев;

- музыкальные инструменты [5].

Среди разновидностей жанровой классификации танцевального фольклора коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, интересна классификация танцев, предложенная А.А. Петровым, которая заключается в том, что северный танец необходимо различать с учетом следующих критериев:

- по составу участников (сольный, парный, групповой);

- по гендерному принципу (женский, мужской);

- по возрастному принципу (детский);

- по социальной функции танца (ритуальный, бытовой, праздничный) и т.п. [3, с. 276].

Особенное внимание уделяется А.А. Петровым исследованию формирования традиций и инноваций в танцевально-пластической культуре, рассмотрению жанров, этнорегиональной специфике стилевых черт танцевальной традиции коренных малочисленных северных этносов, развитию форм и способов их танцевальной культуры. Осмысливая важность сохранения уникальных образцов танцевального фольклора северных этносов и дальнейшего развития народного художественного творчества, в том числе, в условиях художественной самостоятельности, Петров А.А., подготовил программу курса «Организация художественной самостоятельности в школах народностей Крайнего Севера», которая предусматривала формирование необходимого объема знаний по самостоятельному художественному творчеству северных народов, его специфике, региональным особенностям и общим чертам, а также способам актуализации в условиях современной действительности [8]. Данная программа содержит лекционную часть, состоящую из теорети-

ческих аспектов художественной самодеятельности, а именно истории ее зарождения и развития в том или ином северном регионе, основ и содержания репертуара, характеристики основных видов народного художественного творчества. Практическая часть программы предусматривала развитие навыков записи музыкальных и песенных произведений фольклора коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, разработку сценариев проведения народных праздников и др. на основе внедрения различных приемов и методов, связанных с фиксацией песенных и музыкальных текстов, танцевальных движений, обработкой фольклорного материала и т.п.

Позднее А.А. Петров совместно с выдающимся этнохореографом и создателем ансамбля «Северное сияние» Татьяной Федоровной Петровой-Бытовой, занялся разработкой методики организации постановочной работы для участников художественной самодеятельности [2]. Обоснованием создания данного методического пособия для ее авторов послужила необходимость создания новых хореографических элементов, адекватно отражающих специфику традиционной танцевальной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые, с одной стороны, отвечали бы всем законам современной сцены (времени, пространства и специфики), с другой, могли бы транслироваться без включения элементов эстрадизации, которые по мнению авторов, создаются постановщиками, «...лишь поверхностно знакомыми с жизнью, бытом, искусством народов Севера. Составляются они из отдельных и псевдосеверных движений» [2, с. 4].

Большой научный и практический интерес представляет исследование А.А. Петровым музыкального фольклора коренных малочисленных народов Севера и Арктики. Он одним из первых дал описание народных музыкальных инструментов эвенов на основе обобщения лингвистических данных эвенского языка. Петровым А.А. были выявлены разнообразные духовые, ударные (мембранных) и самозвучащие (варган, деревянные ложки) музыкальные инструменты эвенов [7, с. 33 – 36].

Важно отметить, что сфера научных интересов Петрова А.А., посвященных музыкально-песенному и танцевально-пластическому фольклору коренных малочисленных северных этносов, основана на:

- материалах фольклорно-этнографических (полевых) экспедиций, осуществленных им в период с 1980 по 2011 г. в разных районах Республики Саха (Якутия), Магаданской области и Чукотского автономного округа;

- анализе и систематизации фольклорно-этнографических, этнолингво-культурологических материалов в крупнейших региональных и государственных архивных фондах;

- подробном сопоставительно-типологическом анализе лингвистических двуязычных словарей, глоссариев, монографий;

- работе с многочисленными информантами, представителями из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Актуальность и уникальность научной деятельности А.А. Петрова выражается не только в новизне полученных им результатов, но и в выборе и оригинальности путей, способов и средств получения этих результатов, выборе методологических подходов к проведению научных исследований. Научные результаты исследования музыкально-песенного и танцевально-пластического фольклора коренных малочисленных северных этносов А.А. Петрова имеют большое научное и практическое значение для языковедов, этнологов, фольклористов, искусствоведов, религиоведов, культурологов, руководителей и участников фольклорных коллективов, обучающихся в средне-специальных и высших заведениях образования, искусства и культуры.

Литература

1. Гашилов, А.И. Институт народов Севера. История в лицах. Выпуск 1 : учебное пособие – справочник / А.И. Гашилов, Л.Б. Гашилова, З.С. Рябчикова. – Санкт-Петербург : Алмаз-Граф, 2017. – 233 с.

2. Петрова-Бытова, Т.Ф. Методика учебно-творческой и воспитательной работы в самодеятельном хореографическом коллективе школ народностей Крайнего Севера (в помощь руководителю школьных кружков) / Т.Ф. Петрова-Бытова, А.А. Петров. – Якутск, 1990. – 72 с.

3. Петров, А.А. Духовная культура и лексика (К вопросу о соотношении этнолингвистики и этнохореографии) / Искусство устной традиции. Историческая морфология: к 60-летию И.И. Земцовского : сб. статей. – Санкт-Петербург, 2002. – 350 с. : нот.

4. Петров, А.А. Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов (эвенки, эвены, негидальцы, солоны) / А.А. Петров. – Новосибирск : Наука, 2013. – 216 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
5. Петров, А.А. Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов (эвенки, эвены, негидальцы, солоны) / А.А. Петров. – Новосибирск : Наука, 2013. – 216 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 30); Петров А.А. Этнолингвистика тунгусов (эвенки, эвены, негидальцы, солоны): монография. – Санкт-Петербург : ООО «Пиф. Сот», 2010. – 219 с.
6. Петров, А.А. Лексика языка и духовная культура / А.А. Петров // Оленья тропа : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Традиционные и инновационные формы сохранения и развития языков коренных малочисленных народов Севера» (Санкт-Петербург, 24 апреля 2015 г.) / Под ред. М.Д. Люблинской, В.С. Ивановой. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – 99 с.; ил.
7. Петров А.А. Названия народных музыкальных инструментов у эвенов / А.А. Петров // История и культура эвенов : сб. статей / Магадан. обл. ин-т повышения квалификации пед. кадров и др. – Магадан : Кн. изд-во, 1992. – 39 с.
8. Петров, А.А. Программа курса «Организация художественной самодеятельности в школах народностей Крайнего Севера» / А.А. Петров. – Ленинград, 1989. – 16 с.
9. Петров А.А. Этнолингвистика тунгусов (эвенки, эвены, негидальцы, солоны). Монография / А.А. Петров. – Санкт-Петербург : ООО «Пиф. Сот», 2010. – 219 с. – С. 174

* * *

**ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РФ
В МИРОВОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**LANGUAGES AND CULTURE OF INDIGENOUS PEOPLES
OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST OF RUSSIA
IN THE WORLD INFORMATION SPACE**

*Жожиков Анатолий Васильевич,
Жожикова Светлана Ивановна,*
Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова,
кафедра ЮНЕСКО «Адаптация человека
и общества в арктических регионах
в условиях изменения климата
и глобализации»

*Zhozhikov Anatoly,
Zhozhikova Svetlana,*
North-Eastern Federal University (NEFU)
name after M.K. Ammosov,
UNESCO Chair «Social and human
adaptation of the Arctic regions
to climate change and globalization»

Аннотация. В статье раскрыта роль цифровых технологий и глобальной сети Интернет в сохранении и развитии языков и культур коренных малочисленных народов Севера, а также вопросы создания поликультурной среды в мировом информационном пространстве. Представлены проекты, реализуемые в этом направлении Северо-Восточным федеральным университетом имени М.К. Аммосова.

Ключевые слова: информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), Интернет, коренные малочисленные народы Севера, языковое и культурное разнообразие в киберпространстве, поликультурная среда.

Abstract. The article reveals the role of digital technologies and the global Internet in the preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples of the North, as well as the issues of creating a multicultural environment in the global information space. Presented projects in this direction, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

Keywords: ICT, Internet, indigenous peoples of the North, linguistic and cultural diversity in cyberspace, multicultural environment.

Мы живем в едином поликультурном мире, где каждая культура создает свои табу и ценности, поощряемые и запрещенные нормы поведения, модели взаимоотношений и где культурно запрограммированный мозг человека игнорирует то, что противоречит данной культуре. Это является определенным препятствием на пути взаимодействия представителей различных культур.

Условием эффективности общения между представителями различных культур является понимание иных культурных ценностей, ощущений и представлений. Первый шаг к пониманию и признанию существующих культурных различий заключается в том, чтобы развивать культурную терпимость и осознать такое сложное явление, как культура и ее составляющие, поскольку она наделяет людей ощущением идентичности, особенно в плане осознания человеческого поведения и признанных ценностей. Знание культуры позволяет взглянуть на ее представителей изнутри и применять определенный набор правил и этикета в соответствии с национальными или местными традициями, нормами, привычками. Способность изучать и проявлять уважение по отношению к другим важная часть успешного общения в любой стране [1].

В свете нынешних тенденций глобализации и интеграции России в мировое экономическое, политическое, культурное и информационное пространство, идеи поликультурности не только могут, но и должны найти свое применение.

Немецкий ученый В. Миттер в своих исследованиях утверждает, что «поликультурное образование может рассматриваться как межличностные отношения, то есть как сеть образовательных процессов (включая их организацию и результаты), характеризуется сосуществованием детей (и взрослых), происходящих из различного поколения и среды» [2]. Идеи немецкого коллеги поддерживает российский ученый Л.Л. Супрунова [3], отмечая, что «цель поликультурного образования... состоит в формировании человека, способного к эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умения жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас, верований».

Анализ педагогической литературы (И.С. Бессарабова, А.Н. Джуринский, Г.Д. Дмитриев, В.В. Макаев, З.А. Малькова, В.В. Макаев,

З.А. Малькова, Г.В. Палаткина, Л.Л. Супрунова, и др.) позволил выявить, что поликультурный подход способствует созданию поликультурной среды, которая призвана за счет диалогового общения, познания, созидания и приобщения к национальной и общечеловеческой культуре воспитывать профессионализм в его культурной идентификации.

Опираясь на источники научной литературы, можно выявить некоторые *задачи поликультурного подхода*, такие как:

- 1) актуализация диалога и взаимодействия культур;
- 2) контрастивное овладение содержанием иноязычного образования;
- 3) творческая целесообразность, сохранение и создание новых профессиональных и языковых ценностей;
- 4) воспитание уважения к истории и культуре других народов;
- 5) создание поликультурной среды образования как основы взаимодействия личности с элементами других культур.

Представляется, что поликультурный аспект современной цивилизации может стать мощной гуманистической парадигмой поликультурного диалога на основе идей педагогики толерантности.

С точки зрения поликультурности и толерантности в философском аспекте на современном этапе В.Е. Кемеровой, М.Б. Хомяковым [4] сформулированы следующие *принципы толерантности*:

- толерантность есть одна из основных универсальных ценностей современного общества;
- универсальность толерантности связана с усилением глобализационных тенденций с одной стороны, и стремлением к сохранению национальной идентичности с другой;
- толерантность приобрела статус глобальной социокультурной проблемы;
- необходимость принятия плюрализма современного поликультурного мира, что требует развития плюрализма парадигм толерантности.

Бурное развитие Интернет и мобильных средств связи, стали основой рождения новой среды поликультурного общения и образования в мировом информационном пространстве. Виртуальная среда становится основой диалога и взаимодействия цивилизаций, культур, религий, и которая будет определять мировоззрение поколений нового века и их устойчивое развитие в XXI веке.

Сегодня, в условиях формирования информационного общества, необходимо обратить особое внимание на возникающие противоречия между глобальными процессами формирования информационного общества и сохранения национальной идентичности любого, даже самого малочисленного народа. Одним из таких противоречий, как отмечается в работе [5], является столкновение глобализации и национальной идентичности. Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), особенно глобальная сеть Интернет, с одной стороны, способствуют развитию процессов глобализации и стиранию культурного и языкового разнообразия, но, с другой стороны, выполняют интегрирующую роль в выстраивании нового мироустройства, открывают новые возможности для представления в мировом информационном пространстве всех народов, способствуют сохранению языков и культур всех народов, населяющих нашу планету.

Каждый язык является уникальным хранилищем информации о говорящем на нем этносе и его культуре, о своей собственной эволюции, а также о природе человека как биологического вида. На протяжении всей истории человечества происходило рождение одних языков и отмирание других. В целом, в мире за три последних поколения жизни человечества исчезло около 200 языков – таково свидетельство нового «Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», изданного ЮНЕСКО. Новый номер «Курьера ЮНЕСКО», подготовленного к Международному дню родного языка (21 февраля 2009 года), посвящен явлению, вызывающему тревогу: исчезающие языки уносят с собой не только слова, но и системы мировоззрения, общения, ценные знания, целые миры различных способов мышления [6].

Коренные малочисленные народы Севера (КМНС) являются создателями и хранителями уникальной человеческой культуры и составляют важную часть современной мировой цивилизации. Они являются и остаются носителями адаптационных систем жизнеобеспечения в суровых условиях Арктики и Крайнего Севера, уникальных самобытных традиций и своеобразных духовных ценностей. Обитатели Севера на протяжении многих веков осваивали арктические ландшафты, адаптировались к экстремальным природно-климатическим условиям в условиях вечной мерзлоты, развивали свою самобытную культуру и жили в гар-

монии с природой, не нарушая и сохраняя экологию ранимой северной природы. Однако коренные малочисленные народы Севера как никто испытывают на себе вызовы современного общества: углубляющиеся процессы глобализации, техногенные процессы, активное промышленное освоение их исконной среды обитания оказывают разрушительное воздействие на традиционный образ жизни. Бурные процессы глобализации и промышленного освоения Севера привели к тому, что эти народы оказались на пороге этнического кризиса, который грозит потерей единства этнических признаков (язык, культура, уклад жизни, традиционные формы хозяйствования: оленеводство, охота, рыболовство). Все это значительно ускоряет темпы вымирания языков и катастрофическое уменьшение количества носителей языков КМНС и постепенную утрату их самобытного культурного наследия. Для устранения этих тенденций необходимо принимать неотложные меры для сохранения и развития языков и культуры коренных малочисленных народов Севера.

Учитывая такое положение дел, в Северо-Восточном федеральном университете имени М.К. Аммосова с 2011 года начаты работы по интеграции языков и культуры КМНС в мировое информационное пространство. Реализация данного проекта начата по Программе развития Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова под названием «Программа сохранения и развития языков и культур коренных малочисленных народов Севера на цифровых носителях и в киберпространстве» [7].

Были организованы экспедиции по записи на цифровые носители КМНС: по Республике Саха (Якутия) (эвены, эвенки, чукчи, юкагиры и долганы), на Чукотку (чукчи, эскимосы), Камчатку (коряки, ительмены) и Хабаровский край (нанайцы, негитальцы и удэгейцы). К сожалению, пока не удалось охватить все народы, но в ближайших планах намечается представление на портале всех коренных малочисленных народов Дальнего Востока, а в далекой перспективе всех КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока. В рамках экспедиций сделаны записи уже почти исчезающих носителей языка и культуры, собраны имеющиеся на местах материалы. Вся эта информация постепенно размещается на едином портале КМНС www.arctic-megapedia.ru. Кроме этого, на базе Арктического портала создана группа КМНС на Facebook, где также формируется среда для обмена информацией и общения КМНС.

Основная и долгосрочная цель данного проекта заключается в создании поликультурной среды коренных малочисленных народов, интегрированной в единое мировое информационное пространство человечества.

В целом, в мировом информационном пространстве (в сети Интернет) должна появиться поликультурная среда XXI века, позволяющая вести диалог цивилизаций и межкультурное сотрудничество.

От успешной реализации этих задач может зависеть будущее России: продолжится ли процесс погружения в пучину бескультурия, исчезновение малочисленных языков, игнорирование процессов интеграции в мировое пространство на принципах равноправия, или у страны есть шансы стать нацией высококультурных людей, способных влиться в мировое информационное пространство с поликультурной средой общения во всех сферах деятельности: политической, экономической, культурной и духовной жизни общества.

Литература

1. Звягинцева, Е.П. Феномен поликультурности, его идеи и принципы в образовательном пространстве современной России / Е.П. Звягинцева, Л.В. Валиахметова. <http://jurnal.org/articles/2014/ped2.html>
2. Миттер, В. Многокультурное образование и междисциплинарный подход / В. Миттер // Перспективы, 1993. – №1. – С. 37-48.
3. Супрунова, Л.Л. Приоритетные направления поликультурного образования в современной российской школе / Л.Л. Супрунова // Педагогика. – 2011. – №4. – С.16-28.
4. Хомяков, М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность / М.Б. Хомяков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – № 4. – С. 98-113.
5. Сиганатулин, И.М. Роль и место народной педагогики в формировании этнической идентичности / И.М. Сиганатулин // Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург : Астерион, 2006. – С. 341-344.
6. Языковое разнообразие и Киберпространство: российский и зарубежный опыт. Сборник аналитических материалов / сост. Е.И.Кузьмин, Е.В. Плыс. – Москва : МЦБС, 2008. – С.111- 129.

7. Жожиков, А.В. Языковое и культурное разнообразие коренных малочисленных народов Севера в век цифровых технологий / А.В. Жожиков, С.И. Жожикова // Науки и культуры в перспективе «digital humanities»: Материалы Международной конференции 3-5 октября 2013г., Санкт-Петербург / Под ред. Л.В. Никифоровой, Н.В. Никифоровой. – Астерион, 2013. – С.438-441.

* * *

УДК 397(=512.2)

ОРНАМЕНТАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЭВЕНОВ И ЭВЕНКОВ: СЛОВАРЬ ЗНАКОВ-СИМВОЛОВ (СЕМАНТИКА И ГЕОЛАНДШАФТНЫЙ ОБРАЗ)

Варавина Галина Николаевна,

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов

Севера СО РАН

Аннотация. В статье на основе этнографических и полевых материалов в контексте семиотического подхода и геопространственной теории анализируется орнаментальная культура северных тунгусов – эвенов и эвенков. Показано, что через визуально-образное восприятие (искусство, орнамент) репрезентируются этнолокальные модели северного ландшафта. Орнамент считается как символический «язык», связанный с широким кругом «текстов» – верований и ритуалов. Он выступает как особый род «языка» мировоззрения, ментальной картины мира и культуры этноса. Орнаментальный язык эвенов и эвенков выступает в качестве знакового образования, где функционируют символика Природы, Матери-Земли, плодородия, символика родового дерева («единство рода»), воды, огня, символ цикличности жизни, а также пространственный код.

Ключевые слова: Якутия, эвены, эвенки, северные кочевники, мировоззрение, орнаментальная культура, геопространственные образы, знак-символ, семантика орнамента, ментальная картина мира, культурное наследие.

Орнамент для северных народов – своеобразная знаковая система, отчасти заменявшая письменность и сопровождавшая каждого человека на всем его жизненном пути от рождения до смерти. Образный «язык» орнамента богат и многогранен, вобравший в себя опыт взаимодействия человека с природой. Тунгусский орнамент – одно из явлений национальной культуры эвенков и эвенков, отразившее ее своеобразие и специфические черты. Специфика тунгусского орнамента заключается в том, что он является выражением их кочевой культуры, традиционного образа жизни и своеобразной картины мира. Он отличается художественно-стилистическими особенностями и сакрально-семантическим содержанием. Орнаментальные мотивы эвенков и эвенков считались сакральными, они были призваны выполнять функции оберега. В целом их традиционный орнамент во многом очень близок друг к другу как по материалу, так и по мотивам. Им украшаются различные предметы быта, одежда, сумочки, кисеты, коврики, колыбели, оленья упряжь, предметы из бересты, кости, дерева и металла. Орнаментальные мотивы отличаются строго геометрическим характером. Особой любовью пользуется бордюр. По мнению С.В. Иванова, «изображения каких-либо животных как составные части узоров не встречаются» [1, с. 251].

Преобладающими орнаментальными мотивами эвенков и эвенков являются полосы (орнаментальные мотивы в виде полос и линий), разнообразный круговой орнамент (простые и концентрические круги, полукруги, кружки с точкой), прямоугольники, квадраты, треугольники, ромбы и др.

Полосы, линии – это простейшие виды геометрического орнамента, получившие у тунгусов значительное развитие. В целом этот вид орнамента был широко распространен, также как и сейчас, у всех групп эвенков и эвенков Якутии. Весьма распространенным являлся и является орнамент, состоящий из зонально расположенных полос, которые могли быть до тридцати. Он исполняется различным способом: вышивается оленьим волосом и цветными нитками, выкладывается из цветного бисера, а также наносится краской по ровдуге. Узкие полоски могут комбинироваться с широкими. Весьма богато этим орнаментом украшался и украшается одежда, особенно женский нагрудник [ПМА, 2010; 2013].

Полосы и линии в различном варианте и сочетании, безусловно, относятся к очень древнему общему фонду геометрических мотивов. С.В. Иванов относил этот орнамент «к северо-восточному и отчасти северо-азиатскому типу», который представлен различного вида геометрическими мотивами простейших очертаний (прямые линии, полосы и др.). Все эти мотивы входят в состав бордюров. По мнению С.В. Иванова, «узоры орнамента этого типа очень древние», как и различный круговой орнамент. «Они имеют много аналогий в искусстве народов Крайнего Северо-Востока, с одной стороны, и в орнаменте прибайкальского неолита – с другой» [1, с. 312].

Отдельного внимания заслуживают названия узоров и мотивов различного орнамента в виде полос и линий у эвенов Якутии. Например, *иннатач хэрэчэ* – широкая полоска, состоящая из двух рядов белой и красной шерсти из гривы весеннего лося, часть орнамента фартука. Интересно отметить, что «этот узор изображает след лося, дикого оленя, горного барана и свидетельствует о том, что мужчины в этой семье удачливые охотники (шерсть гривы лося красят в красный цвет травой *улык*, которая растет на берегу моря)» [3, с. 19]. *Кукуй* – мотив бисерного орнамента – черная полоска камуса, окрашенная самодельной краской темноватого цвета, которую получают смешивая черный пепел от сожженного тальника с клеем, сваренным из черных копыт оленя. *Кярика* – мотив бисерного орнамента, «показывающий, что человек с малых лет работает с оленями и любит их» [3, с. 161]. *Нильгича* – мотив орнамента в виде белой полоски из специально обработанной замши, очищенной от шерсти путем специального увлажнения (*сорологон*). Интересно отметить, что «этот узор обозначает дорогу жизни в детстве». *Нулэнэдэтин* – деталь орнамента в виде полоски из красного сукна, «обозначает радуго жизни» [4, с. 213]. На наш взгляд, это название произошло от слова *нулэне*: алый, розовый, румяный; алая, розовая окраска; румянец. *Хамча* – бисерные линии, состоящие из чередующихся черных и белых бисерин на краю или середине вышивки. Интересно отметить, что эти линии «обозначают хорошие и плохие периоды жизни». *Хиньчача* – мотив орнамента на черной коже с прорезями пропускают белую полосу кожи. *Чурилан* – орнамент из 2 синих, 1 красного, 3 белых рядов бисера, снова 2 синих, 1 красный, затем пять *мэндэлэн* на фоне *дэвэчэ* [4, с. 322].

336]. *Эвдэч* – орнамент из 2-3 рядов голубого, синего или зеленого бисера. Интересно отметить, что «ряды из голубого и синего бисера означают, что человек вел кочевой образ жизни. Над ним всегда было голубое небо» [3, с. 23].

Важно отметить, что полосы, линии – символизировали дорогу, движение, жизненный путь человека («путь», дорога, тропа). Прямая линия – значения: «прямой путь», «прямой след». В качестве одного из базовых семантических компонентов архаической картины мира эвенов и эвенков является мифологема «*дорога*». Дорога соотносится с жизненным путем, «путем» души человека в загробный мир и семантически выделяется в переходных ритуалах. Большое значение имел выбор дороги в свадебных обрядах, а также при совершении похоронного ритуала (дорога на кладбище и обратно соотносилась с загробной жизнью умершего).

Столь же распространенным является орнамент из различных кругов (разнообразные вышитые и бисерные кружки), занимающий в традиционном искусстве эвенов и эвенков весьма заметное место. **Круговой орнамент**, элементы круга (простые и концентрические круги, полукруги, кружки с точкой) известны с глубокой древности почти всем коренным народам Сибири и Севера. Эти узоры осмысливались ими как знаки солнца, а также в них видели изображения и других небесных светил. Важно отметить, что круги (а также полосы), концентрические кружки и кружки с точкой в центре «служат как бы основным этническим разграничителем тунгусской художественной культуры» [2, с. 71].

Круговой орнамент, в целом группа узоров, куда входят точки, кружки с точкой, концентрические круги и полукруги, по мнению ученых «могли возникнуть в конце неолитической эпохи, а развились и оформились в эпоху металла» [1, с. 274]. С.В. Иванов относил этот орнамент «к североазиатскому типу». Он писал, что имеются достаточные основания видеть в этом типе «древнюю группу мотивов, частично существовавшую уже в неолитическое время в Прибайкалье» [1, с. 312].

У эвенов и эвенков различными круговыми орнаментами, образующих пояски, украшались и украшаются борта и полы одежды, олени наголовники, сумочки, кисеты и др. В виде бордюра украшалась меховая одежда, нагрудники и обувь, а также в виде отдельных крупных кру-

гов украшались перчатки, мешочки и головные уборы. Бисерные круги бывали чаще всего белого, черного и синего цветов, могли встречаться и красные. Круг на эвенском языке называется *мэрэты*: 1) круг; 2) круглый); *мэрэты калтакан*, *мэрэты гадан* – полукруг [5, с. 131]. Орнамент, узор, состоящий из кружочков называется *мэрэтикэгчэ* (вышивается из бисера) [4, с. 182]. *Огэтэ* (или *огэлтэкэгчэ*) – орнамент, очень похожий на *мэрэтикэгчэ* (кружки). Кружки при этом соединяются в восьмерку. Этим орнаментом украшается любая часть костюма.

По сведениям нашего информатора, у тюгясирских эвенов круговой орнамент распространен очень широко. «Один из них называется *ти-лэрэгчэл* и обозначает солнце или озеро». По ее словам, этот орнамент также может означать «глаза рыбы» и является оберегом от злых духов [ПМА, 2016].

Круг занимал важное место в мифоритуальной картине мира северных кочевников, в том числе эвенов и эвенков и являлся одним из доминирующих в традиционном искусстве данных народов. Как известно, символика круга имеет сложную семантику. Круг – универсальный символ, содержащий первоначальное совершенство, священность, бесконечность, вечность. Он символизирует динамизм, бесконечное движение, а также возвращение, возвратное движение. Круг означает целостность, единство, непрерывность и цикличность жизни человека. Он связан с жизненным кругом и душой человека. Также круг означает знак солнца и других небесных светил. Круг как изображение солнца в орнаменте северных тунгусов олицетворяет благополучие, богатство и силу. Интересно отметить, что у эвенов Якутии были обереги для новорожденного, которые символизировали душу человека. К ним относилось изображение солнца в виде магического кружочка, пришитого к задней части спинки люльки. Это изображение символизировало саму душу ребенка. Оно выполнялось разноцветным бисером – белым, голубым и синим. Этот оберег защищал душу ребенка, помогал ей «окрепнуть», «вжиться» в тело новорожденного, а также стать полноценным человеком, полноправным членом рода [ПМА, 2010; 2013]. В целом круговой орнамент в одежде, особенно в обрядовой, олицетворял жизненную силу человека и выполнял функции оберега. Важно отметить, что круговой орнамент часто наносился на грудной части одежды.

А также в основном на грудной части одежды пришивали круглые металлические диски как мотив «солнца», которые несли в себе комплекс оберегательных и родовых знаков, служивших амулетами-оберегами. Интересно отметить, что у якутов серебряный круг «*туоһахта*» на головном уборе невесты являлся оберегом от влияния злых духов и олицетворял жизненную силу девушки.

В целом ряды круглых металлических дисков, штампованных серебряных бляшек, расположенных на обрядовой одежде, являлись одним из элементов орнаментики (мотив «солнца») и считались символами плодородия, процветания будущих поколений. Важно отметить, что вышитые в несколько рядов круглые бляшки и бисер по представлениям северных тунгусов и якутов, образовывали как бы «ограду», «ограждение», «изгородь» («*төгүрүччү харысхаллаах*»). Эта «изгородь» «защищала» как непробиваемый щит душу человека от влияния злых духов и т.д.

Также у эвенов и эвенков Якутии распространенным орнаментом является группа мотивов в виде прямоугольников, квадратов и ромбов, образующие вертикальные и горизонтальные пояски. Простые и сложные дугообразные узоры (дуги с ромбами, крестами) и треугольники также принадлежат к числу распространенных орнаментальных мотивов. По материалам С.В. Иванова, северо-восточный и отчасти североазиатский тип орнаментов представлен различного вида геометрическими мотивами таких как: ромбы, квадраты и прямоугольники, а также зигзаг, уголки, треугольники, шевроны, шпоры и др. Эти орнаменты, как и многие простейшие узоры, имели широкую географию распространения. Все эти мотивы входят в состав бордюров. По мнению С.В. Иванова, узоры орнамента этого типа очень древние. «Они имеют много аналогий в искусстве народов Крайнего Северо-Востока, с одной стороны, и в орнаменте прибайкальского неолита – с другой» [1, с. 313].

Треугольник – универсальная геометрическая фигура. С.В. Иванов относил треугольник «к северо-восточному и отчасти североазиатскому типу» орнаментов [1]. Символика этой фигуры у многих народов теснейшим образом связана с человеком. В культурах многих народов, в том числе Сибири и Севера, треугольник был символом плодородия, женской плодовитости, т.к. он символизировал женскую утробу, жен-

ское начало. Важно отметить, что многие древние орнаменты далеко не редко включают в себя треугольники как символ гор. Значимую роль в этом играет сложившаяся геометрическая символика Космоса, в которой все круглые формы соотносятся с небом, квадрат – с землей, а треугольник (огонь, камень на вершине) – выступает символом устремления к горному пространству и связи земного и небесного миров.

По сведениям наших информаторов, ламунхинских (Кобяйский район) и тюгясирских (Эвено-Бытантайский район) эвенов, узоры в виде треугольника (а также дугообразный орнамент) в орнаментике означает горы, символ гор [ПМА, 2013; 2015]. У тюгясирских эвенов символом горы является орнамент в виде дуги. «Орнаментальный мотив в виде треугольника и дуги выступает символом гор, восхождения, устремления к горному пространству и связи земного и небесного миров» [Там же]. Как известно, мифологические функции горы многообразны. Гора выступает в качестве наиболее распространенного варианта трансформации Мирового древа. Гора часто воспринимается как образ мира, модель Вселенной. Гора – это центр мира, это ориентир. У эвенов Якутии существовало почитание священных гор. По их представлениям, там обитали духи-покровители, в целом божественные персонажи были связаны с вершиной горы. Важно отметить, что гора, тайга и река являются для северных кочевников основными символами их священной географии. Так, у горно-таежных эвенов (ламунхинская и тюгясирская группы эвенов) распространенным орнаментом является группа мотивов в виде простых и сложных дугообразных узоров и треугольников, которые являются собой символику горы. Распространенный волнистый узор у эвенов и эвенков Якутии символизирует реку, движения воды.

По сведениям нашего информатора, у тюгясирских эвенов орнамент в виде треугольника называется *дюкагча* и обозначает горы, а также *илуму*, то есть дом, жилище. По ее словам, этот орнамент несет символику горы, а также этот знак, благословляющий процветание рода. «Этот орнамент является визиткой, свидетельствующей о происхождении из северного рода». Также орнамент в виде треугольника с кружочками наверху обозначает горы и солнце и распространен в основном у горно-таежных эвенов [ПМА, 2016]. *Утэкэгчэ* («домики») – орнамент, похожий на треугольную форму, от эвенского *утэн*: землянка, хижина,

хибара, лачуга, жилище [5, с. 207]. *Утэкэгчэ* – мотив бисерного орнамента формы полуромбиков, снаружи только с одной полоской белых бисерин, внутри – синие полуромбики чередуются с черными бисеринами [Там же, с. 274]. Этим орнаментом в основном украшают нижнюю часть одежды – передников, а также торбаса и полы кафтанов. Цветовая гамма – темная линия на светлом фоне (например, черная на голубом) или светлая на темном фоне (белая на черном фоне), иногда черная и белая линии располагаются рядом.

У эвенов Якутии орнамент, похожий на треугольную форму, называется *кокчаликагча* (*кокчаликача*) и является одним из самых распространенных декоративных мотивов. *Кокчаликагча* – орнамент из белого и черного бисера, образующий ломаную линию, внутри которой треугольник из голубого или синего бисера *чуктин*. Интересно отметить, что «этот орнамент обозначает, что у человека было много родственников, детей, внуков» [3, с. 20]. *Кокчаликагча* – мотив бисерного орнамента – узор, состоящий из остrokонечных вершинок. Он вышивается бисером – черный между двух белых, между ними голубые или синие бисерины [4, с. 144]. Этим орнаментом в основном украшают торбаса, передники, используют в отделке кафтанов. Орнаментальный знак *чуктин* – треугольник из синего бисера между узорами, изображающими голову и плечи лисы [3, с. 23].

У эвенов Якутии орнамент в виде **ромба, квадрата и прямоугольника** распространен очень широко: *нильгича хиньчача* – чередующиеся черно-белые прямоугольники, такая полоска получается из широкой белой полоски, через длинные вертикальные прорезы которой пропускают полоску из черной ровдуги шириной, равной прорезам [4, с. 193]. *Томина* – чередующиеся белые и черные прямоугольники из камуса летнего оленя. Интересно отметить, что этот орнамент обозначает, «что в начале жизни у человека было много оленей» [Там же, с. 251]. *Токриндэ* – широкая полоска разной величины прямоугольников из черного и белого камуса, которые перемежаются коричневыми квадратами из *дэвэгчэ*. В основном чередование 4 белых, 3 черных полосок и квадрата из *дэвэгчэ*. Интересно отметить, что «этот орнамент означает жизненную дорогу человека, удачливого охотника, имевшего всю жизнь много оленей» [3, с. 22]. На наш взгляд, это название могло произойти от эвенского

слова «*токи*» – лось, сохатый. *Хиньчача* – полоска чередующихся через прорези прямоугольников из черной и белой ровдуги (шахматки) [Там же, с. 23]. По сведениям нашего информатора, орнамент в виде шахматной доски широко распространен у тюгясирских и ламунхинских эвенов и обозначает непрерывное течение жизни, смену дня и ночи. А также может «означать пасущихся белых и черных оленей и показывает статус богатого человека» [ПМА, 2016]. *Конкэчэ* – мотив орнамента унтов из меховых ромбиков темных и светлых, чередующихся в шахматном порядке. *Конкэчэчэ* – узор в виде ромбиков, вышивается бисером [4, с. 182]. Интересно отметить, что ромб, как универсальный символ плодородия, связан с представлениями о Матери-Прародительнице, которая мыслилась в целом как Мать-Природа. Орнамент в виде ромба может являться оберегом и символом счастливого потомства [ПМА, 2013; 2015].

Итак, орнаментальная культура эвенов и эвенков Якутии богата и многогранна, в ней сохраняется самобытный характер. Орнамент, как неотъемлемая часть предметного мира, включался в символическое поле культуры. Он исполнял связующую роль между миром материальным и духовным и придавал предмету статус, а также различные функции (например, охранную). Защитную роль в орнаменте эвенов и эвенков играла и символика цвета. Орнамент можно считать, как символический «язык», связанный с широким кругом «текстов» – верований и ритуалов. Он выступает как особый род «языка» мировоззрения, традиционной культуры народа. Таким образом, через визуально-образное восприятие (искусство, орнамент) репрезентируются этнолокальные модели северного ландшафта. Орнаментальный язык выступает в качестве знакового образования, где функционируют символика Природы, Матери-Земли, плодородия, символика родового дерева («единство рода»), воды, огня, символ цикличности жизни, а также пространственный код.

Литература

1. Иванов, С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока / С.В. Иванов. – Москва; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 442 с.

2. Кочешков, Н.В. Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры. Проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XIX-XX вв. / Н.В. Кочешков. – Санкт-Петербург : Наука, 1997. – 176 с.
3. Краски северного сияния в узорах мастериц: (Прикладное искусство эвенов Березовки) / Авт.-сост. М.Е. Роббек. – Новосибирск : Наука, 2004. – 88 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 4).
4. Роббек, В.А. Эвенско-русский словарь / В.А. Роббек, М.Е. Роббек. – Новосибирск : Наука, 2004. – 356 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 6).
5. Цинциус, В.И. Эвенско-русский словарь / В.И. Цинциус, Л.Д. Ршес. – Ленинград : Учпедгиз, 1957. – 276 с.
6. ПМА, 2010 (Полевые материалы автора, собранные в Аллаиховском районе Якутии в 2010 г.).
7. ПМА, 2013 (Полевые материалы автора, собранные в Кобяйском районе Якутии в 2013 г.).
8. ПМА, 2015 (Полевые материалы автора, собранные в Верхоянском районе Якутии в 2015 г.).
9. ПМА, 2016 (Интервью с Никулиной Зинаидой Платоновной, эвенка из Эвено-Бытантайского района Якутии).

* * *

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В СОЗДАНИИ
ТУРИСТСКИХ МАРШРУТОВ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)**

**USE OF THE CULTURAL HERITAGE OF INDIGENOUS
MINORITIES OF THE NORTH IN THE CREATION
OF TOURIST ROUTES IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)**

Петухова Александра Афанасьевна,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
Институт языков и культуры народов
Северо-Востока РФ,
кафедра социально-культурного сервиса
и туризма

Petukhova Alexandra Afanassievna,
North-Eastern Federal university,
Institute of language and culture
of the North-Eastern peoples
of Russian Federation,
Department of the social-culture service
and tourism

Аннотация. Данная статья посвящена изучению одного из способов использования культурного наследия коренных малочисленных народов Севера. Вовлечение культурного наследия в туристскую деятельность может способствовать сохранению и возрождению национальной культуры и обычаев народов.

Ключевые слова: культурное наследие, коренные малочисленные народы Севера, туризм, туристский продукт, туристский маршрут.

Abstract. This article focuses in the study of one of the ways of using the cultural heritage of indigenous minorities of the North. Involvement of the cultural heritage in tourism activities can contribute to the preservation and revival of the national culture and customs of peoples.

Keywords: cultural heritage, indigenous minorities of the North, tourism, tourist product, tourist route.

Сохранение и развитие самобытного культурного наследия, возрождение традиций и обычаев, повышение качества жизни малочисленных народов является важной проблемой современного мира в условиях

глобализации. В законодательный перечень коренных малочисленных народов, проживающих в Республике Саха (Якутия), включены эвены, эвенки, долганы, юкагиры, чукчи, общей численностью 39 936 человек [4]. Согласно итогам последней Всероссийской переписи населения РФ 2010 г. их доля в общем количестве населения региона составляет 4,1 %, в том числе эвенков – 21 008 (2,2%), эвенов – 15 071 (1,6%), долган – 1 906 (0,2 %), юкагиров – 1 281 (0,1 %), чукчей – 670 (0,1%) [8].

Адаптация к современным, постоянно изменяющимся социально-экономическим условиям жизни у коренных малочисленных народов Севера происходит с трудом. Для защиты прав коренных малочисленных народов и сохранения их традиционного образа жизни в 2009 году Правительством РФ принята Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Одной из задач, поставленных документом в целях развития и модернизации традиционной хозяйственной деятельности, является развитие этнотуризма и экологического туризма с участием представителей малочисленных народов Севера в местах их традиционного проживания и хозяйственной деятельности [5]. Учитывая сущность туризма как сложного многоаспектного феномена современности, оказывающего влияние на социально-экономическую среду региона, можно говорить о том, что туризм может способствовать решению и таких задач рассматриваемой концепции как:

- развитие традиционных промыслов и ремесел, включая изготовление сувенирной продукции, а также содействие продвижению на внутреннем и внешнем рынках;
- повышение качества жизни;
- сохранение культурного наследия.

В данной статье туризм рассматривается как один из способов использования культурного наследия коренных малочисленных народов Севера для его сохранения. Под культурным наследием народов Российской Федерации понимаются «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности РФ и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию» [2]. ЮНЕСКО относит к нематериальному культурному наследию устные традиции и

формы выражения (язык), исполнительские искусства, обычаи, обряды, празднества, знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [1].

Туризм как инструмент сохранения культурного наследия является объектом изучения многих современных исследователей, таких, как Путьрик Ю.С., Соколова М.В., Федорова С.Н., Чимитов З.Б. и др. При этом понятие туризма до сих пор не имеет единого, принятого везде и всеми, универсального определения. Это объясняется феноменом туризма как сложного, многогранного явления современности. В российской туристской науке в основном используется понимание туризма как «временного перемещения людей с места своего постоянного проживания в другую страну или на другую территорию в пределах своей страны в свободное время в целях отдыха, оздоровительных, гостевых, познавательных или профессионально-деловых целях, но без занятия оплачиваемой работой в посещаемом месте» [7, 17]. Если кратко рассмотреть определения основных понятий туризма, то российским законодательством предлагаются следующие: туристская деятельность – это туроператорская и турагентская деятельность, а также иная деятельность по организации путешествий; туристский продукт (тур) – комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену по договору о реализации туристского продукта; туристский маршрут – путь следования туристов (экскурсантов), включающий в себя посещение и (или) использование туристских ресурсов [3].

Среди функций туризма Королев Д.С. выделяет функцию культурного обмена, который «может усиливать у народа чувство патриотизма, национальной гордости, укреплять взаимопонимание народов, дружеские связи, способствовать сохранению и развитию национальной культуры, поддерживать социальное процветание и стабильность» [6, с. 51]. Поэтому является целесообразным вовлечение культурного наследия народов региона, особенно малочисленных и исчезающих, в туристскую деятельность. Культурное наследие может входить в состав турпродукта, а также способствовать его продвижению, выступает объектом экскурсионного показа и рассказа при разработке туристских маршрутов.

Благодаря своим уникальным природно-климатическим и многонациональным культурно-историческим ресурсам Республика Саха

(Якутия) является регионом, обладающим значительным потенциалом развития въездного и внутреннего туризма и имеющим положительный опыт вовлечения культурного наследия народов в туристскую деятельность. Так, национальный летний праздник якутов «Ысыах», проводящийся ежегодно в конце июня уже на протяжении нескольких последних лет является объектом событийного туризма. Масштаб и уровень организации событийного мероприятия растет с каждым годом. Праздник «Ысыах Туймаады» занял первое место в номинации «Лучшее событие по популяризации народных традиций и промыслов» на Всероссийском финале Национальной премии в области событийного туризма «Russian Event Awards-2015». Культурное наследие коренных народов Якутии также вызывает туристский интерес.

Знакомство с культурой, традициями и обычаями эвенков и эвенков входит в экскурсионные программы популярных туров по Республике Саха (Якутия), например, одного из самых известных турпродуктов Якутии – событийного тура «Фестиваль Полюс Холода». Фестиваль организуется при поддержке Министерства инвестиционного развития и предпринимательства Республики Саха (Якутия) и Администрация муниципального района «Оймяконский улус (район)» и проходит ежегодно в конце марта в п. Томтор и Ючюгей Оймяконского улуса, являющиеся местностями (территориями) компактного проживания эвенков.

Во время фестиваля организуется Праздник оленеводов, где туристам предлагается знакомство с традициями коренного народа Севера: катание и гонки на оленьих упряжках, подледная рыбалка, выставка национальной одежды, предметов декоративно-прикладного искусства, песни и танцы, блюда эвенковской кухни. Посещение эвенков Оймяконского улуса входит в состав и других турпродуктов якутских туроператоров: «Экспедиция на Полюс Холода (декабрь-март, туроператор «Сатал-Тур»», «На оленьих упряжках по Оймяконью» (январь-март, туроператор «Нордстрим»), «Экстрим экспедиция «Охотники за холодом»» (декабрь-февраль, туроператор «ТС-Центр»), автотур «Якутск-Оймякон-Магадан» (июнь-октябрь, туроператор «Сибирь Дискавери»).

Прикоснуться к культуре коренных малочисленных народов Севера туристы могут во время двухнедельного тура на комфортабельном теплоходе класса «река-море» по р. Лене «Арктический круиз «Якутск-

Тикси-Якутск»», организуемого туроператором «Ленатурфлот». Туристский маршрут пролегает через места компактного проживания эвенков – п. Жиганск (Муниципальное образование «Жиганский национальный эвенкийский район») и п. Кюсюр (сельское поселение Булунский эвенкийский национальный наслег муниципального образования «Булунский улус»). В программу тура входят: п. Жиганск – эвенкийский ритуал приветствия, фольклорный концерт, продажа сувениров, посещение местного краеведческого музея; п. Кюсюр – посещение Дома культуры, концерт местной самодеятельности, выставка-продажа сувениров, в местности Степановка – знакомство с жизнью и бытом коренного населения, дегустация национальных блюд из северных пород рыбы.

Рассмотренные нами туры относятся к числу дальних и потому дорогостоящих, востребованы в основном у туристов из-за пределов Якутии и России и тем самым обеспечивают развитие въездного туризма в регионе. Стоимость туров: в Оймяконский улус – от 82 тыс. руб. на человека до 145 тыс. руб.; арктического круиза «Якутск-Тикси-Якутск» – от 162 тыс. руб. на человека до 395 тыс. руб. Но для того, чтобы познакомиться с культурным наследием эвенов и эвенков, необязательно выезжать далеко от столицы Республики Саха (Якутия) г. Якутска.

На рынке въездного и внутреннего туризма могли бы быть востребованы недорогие экскурсионные туры на республиканский национальный праздник эвенков «Бакалдын», ежегодно проводимом в местности у реки Кэнкэмэ в 45 км от г. Якутска в начале июня. Слово «бакалдын» означает «встреча всех родов», которая проходит у эвенских кочевых семей в самом начале лета и знаменует начало нового года. Сегодня «Бакалдын» – это не только праздник встречи друзей, родных и земляков, но и способ сохранения и возрождения культуры, обычаев и ритуалов эвенков. Организаторами ежегодного мероприятия в г. Якутске выступают общественные организации Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) и Ассоциация эвенков Республики Саха (Якутия). Программа празднования «Бакалдына» всегда бывает насыщенной и интересной.

Проводится множество эвенкийских обрядов: накануне праздника – испрашивание у духов местности позволения на проведение праздника, поклонение духам реки, благословение на устройство стойбища,

– взаимоотдаривание гостей праздника – «Нимат», ночью – «Проводы Старого года», рано утром – «Встреча солнца и Омакта анңани – Нового года», очищения «Чичипкавун», подвешивания ритуальной гирлянды – салама – «Сулгани», кормления духа огня «Имты», защиты огня, добычи охотничьей удачи «Синкэлэвун», благословение богини Синкэн, обрядовый танец «Дэвэйдэ» и др.

Культурно-массовые мероприятия программы «Бакалдына» включают: концерт «Дуннэдув», конкурс национальной одежды «Аяврив звезды тэткэв», конкурс красоты «Мисс Бакалдын – Гудей хунат», конкурс запевал хороводов «Аямат, эвенкил» и др. Спортивная часть включает: состязания среди мужчин «Бэркэчэн» и борьба «норчан», у женщин – бросание маута, детско-юношеские соревнования – «бег стреноженных оленят», «бег на копытах» «ловля хариуса», борьба «норчан», стрельба из ружья, а также общий эвенкийский футбол. Вечером третьего дня праздника подводятся общий итог, награждение победителей и торжественное закрытие «Бакалдына». Обязательная часть программы также – уборка территории [9].

Год от года количество участников и зрителей праздника растет, что является одним из показателей совершенствования содержания, инфраструктуры и организации мероприятия. Однако, о существовании такого мероприятия в культурной жизни города большинство жителей узнают постфактум из новостей. Продвижение и реклама праздника практически не проводится. Между тем, это событие имеет большой потенциал для развития экскурсионно-познавательного культурного туризма. Приглашение на праздник «Бакалдын» туристов может способствовать повышению статуса мероприятия, привлечению внимания с одной стороны, к культуре и культурному наследию, с другой стороны, также к проблемам коренных малочисленных народов Севера, продвижению услуг, расширению клиентской базы и рынка сбыта товаров и услуг национальных общин и предприятий, созданию новых туристских предприятий и т.д.

Таким образом, разработка туристских маршрутов с посещением республиканского эвенкийского национального летнего праздника «Бакалдына» может стать для Республики Саха (Якутия) перспективным направлением развития въездного и внутреннего туризма в регионе, а для

коренных малочисленных народов Севера – не только средством возрождения и сохранения культуры, обычаев и традиций, но и повышения уровня и улучшения качества жизни.

Литература

1. Об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] : Конвенция ЮНЕСКО : принята Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры 17 окт. 2003 г. // <https://ich.unesco.org/en/convention> – (Дата обращения: 18.12.2017).
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре [Электронный ресурс] : утв. ВС РФ 09 окт.1992 г. № 3612-1 // СПС «Консультант Плюс». – (Дата обращения: 20.12.2017).
3. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 24 ноя. 1996 № 132-ФЗ : принят Гос. Думой 4 окт.1996 г. : одобрен Советом Федерации 14 ноя. 1996 г. // СПС «Консультант Плюс». – (Дата обращения: 15.12.2017).
4. О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей (территорий) их компактного проживания в Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс] : закон Республики Саха (Якутия) от 10 июл. 2003 г. 59-3 № 121-III // СПС «Гарант». – (Дата обращения: 15.12.2017).
5. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. расп. Правительства РФ от 4 фев. 2009 г. №132-р // СПС «Консультант Плюс». – (Дата обращения: 20.12.2017).
6. Королев, Д.С. Понятия, сущность и культурологические функции туризма / Д.С. Королев // Аналитика культурологии. – 2012. – №22. – С.51-54.
7. Основы туризма: учебник / под ред. Е.Л. Писаревского. – Москва : Федеральное агентство по туризму, 2014. – 384 с.
8. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – режим доступа <http://www.gks.ru/> (Дата обращения: 11.12.2017).
9. Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – режим доступа <http://yakutiakmns.org/archives/6941> (Дата обращения: 12.12.2017).

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЯКУТСКИХ ХУДОЖНИКОВ**

**THE NATIONAL COSTUME OF THE INDIGENOUS
NORTHERN PEOPLES OF THE NORTH IN THE WORKS
OF YAKUTSK ARTISTS**

Шапошникова Екатерина Ефимовна,

Северо-Восточный федеральный университет,
имени М.К. Аммосова,

Институт языков и культуры народов

Северо-Востока Российской Федерации,

кафедра социально-культурного сервиса и туризма

Аннотация. История костюма приобрела свои контуры, располагая не только предметами материальной жизни других эпох, но прежде всего образцами художественной культуры, созданными человечеством на протяжении многих веков. Скульптуры, картины, случайные изображения людей, книжные иллюстрации с различными сюжетами, росписи храмов и жилищ, фигурки, описания, зарисовки и прочие артефакты – все они являются уникальными свидетельствами деятельности человечества в сфере создания одежды, национального костюма или модных тенденций.

Ключевые слова: Крайний Север, Заполярье, искусство Якутии, репрезентация культуры в искусстве, традиционная одежда, промысловые материалы, орнамент.

Abstract: The history of the costume acquired its contours, having not only objects of material life of other epochs, but first of all examples of artistic culture created by mankind during centuries. Sculptures, paintings, random images of people, book illustrations with various subjects, murals of temples and dwellings, figurines, descriptions, sketches and other artifacts are all unique evidence of the activities of mankind in the creation of clothing, national costume or fashion trends.

Keywords: Far North, the Arctic, the art of Yakutia, representation of culture in art, traditional clothes, trade materials, ornament.

Вопросам традиционного костюма коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Республике Саха (Якутия), как объектам материальной и духовной культуры уделялось достаточно много внимания в трудах известных ученых и авторов. Поиск иконографических источников в деле изучения национального костюма в произведениях художников Республики Саха (Якутия) представляется так же немаловажным с точки зрения репрезентации культуры народов Севера в современном искусстве.

В творениях якутских художников за неким собирательным образом человека Севера в неизменной кухлянке, больших мягких торбазах, в шапке-кухлянке просматриваются подлинные детали внешнего вида, которые характерны для того или иного коренного представителя Заполярья.

К примеру, в графической серии «Саккырырская сюита» 1961 г. известный якутский график Е. Шапошников довольно подробно передает материальность одежд и обихода из жизни эвенов [1]. На эстампах «На каникулы», «Оленьи скачки», «Бой» изображены мужчины в высоких полосатых торбазах (тяжах) из оленьих камусов и в меховом кафтане глухого покроя. Применение чередования темных и светлых меховых полосок в обуви и головных уборах было излюбленным декоративным приемом. Во-первых, эта техника экономит материал, не нужно делать строгий цветовой подбор меха при стыках шкурок, во-вторых, тема чередования символизировала игру света и тьмы, и в-третьих, эти одежды выглядят очень оригинально. Эвенские женщины и дети изображены в характерных меховых кафтанах (тэты), украшенных красивой меховой мозаикой. Традиционные треугольники по подолам дошек символизируют по одной из версий оленьи копытца, в другой интерпретации тордох (чум) либо горы. Интересным моментом является повтор геометрического орнамента в подворотничковой части. С точки зрения технологии кроя это может быть оправдано, так как радиальная форма воротника легче выкраивать из клиньев, нежели из цельного куска меха оленя. Факт наличия отложного воротника на меховом кафтане говорит

о современном тренде, модном веянии в женской одежде второй половины XX в., что и передал в своей линогравюре внимательный взгляд художника.

Конструкция и покрой одежды эвенов на протяжении столетий оставались практически неизменными. Большое внимание мастерицы обращали на цветовое соотношение самого материала изделия и его отделки, используя мех различных животных и различных оттенков, сукно, бисер, ровдугу [2]. По одежде северяне без труда различали людей по территориальной, родовой, этнической, религиозной и социальной принадлежности. Семь листов станковой графики, посвященные будням северян, были созданы из личных наблюдений художника во время длительного путешествия по Верхоянскому хребту со своим другом и композитором Т.Стручковым. Рассматривая эти работы, становится понятно, что уже в 1960-е годы оленеводы одевались в традиционную одежду только в зимний период, так как только она могла противостоять суровым условиям во время кочевья. Но в теплое время многие коренные народы Севера носили готовую фабричную одежду: рубашки, штаны, сапоги, телогрейки, которую поставляли в советское время по разнарядке.

Экзотическую в то время тему Заполярья затронул в своей ранней графической серии «Мой Север» 1965 г. [2] известный якутский график А. Мунхалов. Эстамп «О, солнце!» репрезентирует важное событие – встречу солнца после долгой полярной ночи. Мужчина в традиционной меховой парке (глухой одежде), сшитой из цельных оленьих шкур наружу или вовнутрь, подпоясанной ремнем с накатом для удобства движения, а головной убор снят. Перед нами типичный внешний облик северного жителя. Ребенок изображен в шубейке из нежного меха «пыжика», который ощущается по коротким неровным штихельным штрихам с треугольным рисунком по подолу, который стал впоследствии цитатой для многих изображений северной одежды. На ребенке капор (авун) – головной убор определенной формы. Форма этого эвенкийского капора наиболее четко прочитывается на голове матери ребенка, и особенно хорошо изображен традиционный национальный эвенкийский женский кафтан. Этот кафтан является более поздним типом традиционной плечевой одежды. Особенностью кроя таких кафтанов является наличие двух трапециевидных клиньев со спины, расширяющих подол

и придающих кафтану приталенный силуэт. Обычно над клиньями на спине имеется прямоугольная или трапециевидная вставка. Богато декорируются борта, подол и клинья, а швы акцентируются жгутом из подшейного волоса оленя линиями пунктирного или сплошного бисера, русская шаль, которая вошла в обиход с XIX в. стала законным атрибутом праздничного наряда.

В другой работе этой же серии под названием «Тихий разговор» изображены три пожилые женщины в эвенкийских кафтанах с такими же клиньями сзади, которые сидят перед очагом за выделкой шкур животных. Мужчины-охотники могли добыть любого зверя, от горного барана, лося, медведя, до соболя, белок и других пушных зверей. Поэтому привычным занятием женщин в долгие зимние вечера была выделка шкур для пошива торбазов, шапок, кафтанов и этот самый момент запечатлен в великолепном творении Народного художника России и Якутии А. Мунхалова.

В произведениях художников Якутии Север предстает овеванным дыханием суровых ветров бескрайним простором. Высокое небо и низкий горизонт, гряды гор вдали – это наиболее частый пейзаж, наблюдаемый северянами с детства. Зимой черное небо украшено мириадами звезд, а земля, покрытая снегами, запоминается чистыми локальными оттенками холодных тонов – от белого до глубоко-фиолетового цвета. Сезон короткого лета и осени характерен буйным цветением тундры и яркими красками желтых, фиолетовых, розовых, белых, синих цветов (камнеломки, полярные маки, багульник, пушица и др.) трав, кустарников.

Творчество Е. Крылова, Н. Курилова, М. Лукина, А. Осипова, М. Старостина, Ю. Спиридонова, и других художников не было бы совершенным, если бы они не раскрыли бы в своих работах тему Крайнего Севера. Колорит живописных полотен всегда очень ясный, контуры гор и снежных барханов не размытые, четкие. Такое цветовое построение совершенно не случайно. Зимой на поверхности снежной пустыни могут играть только локальные чистые оттенки в силу того, что отсутствуют натуральные серые и коричневые краски природы. Для изображения зимних пейзажей на холсте типична игра спектральных красок: голубые и розовые золотистые тени от следов диких птиц и животных, саней или табунов оленей создают красивый ритм, который не может

не вдохновить. Но на живописных полотнах темы тяжелых климатических условий жизни отступают и навстречу зрителю выходят очень выпуклые и значимые фигуры коренных жителей.

Народный художник СССР, РФ и Якутии, А. Осипов создал целую портретную галерею, посвященную жителям Севера: триптих «В краю родном», «Оленевод», «Старуха-эвенка», «У очага», «Кино в яранге», «Эвенка в красном фартуке», «Северная мать», «Заячье одеяло», «М. Голиков», «Андрюша», «Портрет Корякиной», «Погожий вечер» и многие другие его работы восхищают своей невидуманной историей, характерностью героев, полных достоинства и мудрости. В 2000 году художнику позировала Е.Е. Слепцова-Долгунча, знаменитая эвенская охотница, кавалер орденов Трудового Красного знамени, Знак почета, лауреат Государственной премии. Женщина на портрете предстает в праздничном летнем кафтане из ровдуги, вышитой по краям полочкам стана и подолу узором в виде рогов горного барана. Узор традиционно выполнялся по черному суконному полю, что очень характерно для эвенского костюма. Голубые и желтые бусины обобщены художником в линии, красная окантовка из ткани придает праздничность, вносит сакральный смысл, который встречается вообще то в традиционных одеждах многих народностей. По самому краю кафтана пришита опушка из светлого меха, между распахнутыми полочками верхней одежды виден праздничный нагрудник, богато украшенный орнаментом и бахромой, которая не видна на картине.

Подобный кафтан хранится в Краевом государственном бюджетном научном учреждении культуры «Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова» под номером ХКМ КП 9820, выполненной мастерицей Сургучевой Л.И., на нем узоры представляют х-образно расположенные завитки.

В портретной галерее А. Осипова есть и другие представители северного края – чукчи, они написаны в повседневных глухих теплых одеждах. «Костя и Степа», мужских портретах «Пастух чукча», «Оленевод Колесов». Зимние повседневные одежды у чукчей более объемные, за счет того, что используется зимний мех животных, он пушистее и тем самым теплее, длина такой одежды достигает до середины икр, если не подпоясана ремнем. Глухие кухлянки из оленьего меха имеют

V-образный ворот. Все края костюма оторачиваются пушистым мехом других животных (песца, росوماхи, волка), а если кухлянка сделана мехом вовнутрь, то гладкая кожа обязательно бывает выкрашена в теплые оттенки от бежевого до темно-бордового цвета. Тонировка ровдуги (кожи) выполнялась при помощи отваров из коры ольхи или других натуральных средств [3].

Из творчества другого Народного художника Якутии Ю. Спиридонова нужно выделить картину «Хозяин Момских гор», которая стала духовным камертоном его творчества [4]. На полотне изображен мужчина в преклонном возрасте, сидящий на меховом коврикe (кумалане) в типичной позе северянина, в красивых высоких торбосах (хэвэри) с ромбовидными орнаментами, сшитыми в технике меховой мозаики. Распашной кафтан из светлой не прокрашенной ровдуги придает герою особую торжественность. Одежда сидит очень ладно, каждая деталь выверена. Скромная темная отделка по краям бортов выгодно оттеняет нагрудник (нэл, нэлэкэн) с богатым узором со сложной ритмической композицией. Меховые рукавицы и круглая шапочка (авун) с оторочкой заканчивают образ хозяина Момских гор. Взгляд старца устремлен вправо, навстречу весенним лучам солнца. Перед нами эвен полный мудрости, величия и абсолютного спокойствия как сами горы.

В более поздней работе 2013 г. вновь предстает другой хозяин момских хребтов Улахан Чистай – Иннокентий Слепцов. Примечательно то, что в этой местности находится самая высокая горная точка Момского района – пик Победа высотой 3147 м. Крупный план фиксирует лицо пожилого мужчины, на нем эвенская шапочка с ушками. Известно, что в ранний архаический период капоры изготавливались из цельной шкурки с головы оленя или других животных, вот почему на современных головных уборах имеются имитации небольших меховых ушек или рожек, размещенных в двух конструктивных линиях, идущих от лобной стороны до затылка трехчастного капора [5]. На портрете традиционный головной убор по передней части украшен геометрическим шахматным узором, который выполнен методом переплетения либо продевания светлых полосок ровдуги в темное поле. Такой рисунок имитирует стилизованный ритм оленьих следов на снегу, часто подобным орнаментом украшали кафтаны из ровдуги и нагрудника. Небольшие

круглые шапочки коренные жители Севера носили в более теплый период, в зимнюю стужу и злые ветра сверху капора одевали меховую шапку побольше с интересной опционной функцией. Сужающийся раструб с густой оторочкой из пушистого меха вокруг лица образовывал своеобразный «туннель», который не давал холодному воздуху сразу проникнуть к лицу, а успевал прогреться дыханием тундровика, кроме этого для тепла использовали меховые наподбородники, налобники и шарфы из тканых или меховых материалов. В теплое время боковые части шапки-малахая поднимались к затылку и связывались тесемками. Как раз в таких шапках чаще всего изображены персонажи картин о Севере многих якутских художников (М. Лукин – «Рыбаки Индигирки», «В долине Колымы», «Ожидание», «Собачья упряжка», «Встреча в пути», Н. Курилов «Солнечный день» и др.).

У людей, живущих по законам природы, наиболее сильно развито чувство единения с окружающим миром. Эстетические и цветовые предпочтения в создании национальной одежды образовались не только вследствие промысловости материалов, но еще и потому, что сама среда влияла на гармонию форм, линий и декора. В декоративной отделке чаще всего использовались контрастные сочетания светлых и темных цветов, которые придавали особый графический ритм. Орнаменты никогда не были хаотичными, всегда имели свое сакральное значение, а симметричное расположение всех элементов, придавало одежде особую значимость, вступая в пропорциональные соотношения оформления, к общему виду костюма.

Произведения якутских художников стали дидактическим материалом не только с точки зрения искусства, но они создали огромный культурологический пласт для изучения быта, образа жизни, одежд, создали неповторимый образ постепенно ускользающей красоты арктического бытия.

Литература

1. Акимова В.С. Традиционная одежда народов Севера Якутии: проблемы сохранения и развития / В.С. Акимова. – Якутск : Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2001. – С. 45.

2. Василевич, Г.М. Эвенки / Г.М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1969. – С. 130.
3. Декоративно-прикладное искусство народов Крайнего Севера: альбом. – Ленинград : Аврора, 1974.
4. Дмитренко, А. Юрий Спиридонов / А. Дмитренко, Г. Неустроева. – Москва : Сканрус, 2012. – С. 97.
5. Иванова-Унарова, З.И. Ефим Шапошников : альбом / З.И. Иванова-Унарова. – Москва : РИЦ “Классика”, 2013. – С. 58.
6. Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея : альбом. – Москва ; Санкт-Петербург : Паспорт Интернешл, 1995.
7. Луценко, Ю.В. Евграф Крылов : альбом / Ю.В. Луценко. – Москва : ИП Семенова Н.В, 2016.
8. Петрова, А.Г. Art of Arktik 2016: каталог / А.Г. Петрова. – Якутск : АГИКИ, 2016.
9. Потапов И. Афанасий Мунхалов : альбом / И. Потапов, Г. Неустроева. – Якутск : Бичик, 2015.[2]
10. Российский этнографический музей 1902-2002 гг. : альбом. – Санкт-Петербург : АО «Славия», 2001.
11. Союзу художников Якутии 70 лет : альбом. – Якутск : 2011.
12. Тимофеева, В.В. Картинная галерея академика А. Осипова : альбом / В.В. Тимофеева. – Якутск : Бичик.2011. – С. 36-42.

* * *

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВА
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ
В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ ЭТНОСОВ
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)**

**ETHNOCULTURAL TRADITIONS AS A BASIS OF SPIRITUAL
AND MORAL DEVELOPMENT OF THE INDIVIDUAL
IN NATIONAL PEDAGOGY OF THE ETHNIC GROUPS
OF SAKHA (YAKUTIA)**

Николаева Лариса Васильевна,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
Педагогический институт,
кафедра дошкольного образования

Nikolaeva L.V.,
North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosov,
Pedagogical Institute,
Department of preschool education

Аннотация. Статья посвящена роли этнокультурных традиций в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения. Раскрыты философско-педагогические основы народной педагогики, проанализировано состояние изучения языков и культур малочисленных народов Севера в современных условиях.

Ключевые слова: этнокультурные традиции, духовно-нравственное воспитание, народная педагогика, ценности, духовность.

Abstract. The Article is devoted to the role of ethnocultural traditions in the spiritual and moral upbringing of the younger generation. Disclosed the philosophical and pedagogical bases of national pedagogics, the state of the study of languages and cultures of the Northern indigenous minorities in the modern world.

Keywords: ethno-cultural traditions, spiritual and moral education, national education, values, spirituality.

Духовно-нравственное развитие личности обусловлено этнокультурными условиями проживания, традициями, обычаями, народной культурой.

Этнокультурные традиции – это культурная и историческая память народа, «язык» духа народа, посредством которых осознается собственная уникальность и общность с другими этносами. Любая национальная культура – это, прежде всего, культура рода, семьи, в которой вырос ребенок. С молоком матери он впитывает в себя мировоззрение и мировидение той этнической и социокультурной среды, в которой родился. Самые яркие воспоминания детства у каждого человека связаны с милыми сердцу колыбельными песнями матери, детскими народными песнями, играми, сказками, народными праздниками [3, с. 8].

Национальная культура раскрывается, прежде всего, через духовность народа. Духовность связана с этнической культурой, традициями, отраженными в сознании народа. По утверждению А.Б.Панькина, система традиций любого народа – это результат его воспитательных усилий в течение многих веков. Через эту систему народ воспроизводит себя, свою духовную культуру, свой национальный характер и психологию сменяющих друг друга поколений [5, с. 47].

Содержательный анализ понятий «дух», «духовность» на основе теоретического обобщения представлен в трудах М.М. Бахтина, Н.А. Бердяева, Л.П. Бугевой, Ю.П. Вяземского, М.П. Ершова, И.А. Ильина и др. Н.В. Марьясова считает, что духовность – это система отношений человека к миру и себя в мире, т.е. определенная программа поведения, являющаяся составной частью целостной самоактуализирующейся личности, проявляющаяся в виде определенного мироотношения и определяющая приоритет высших духовных ценностей над витальными [2, с. 8].

Философско-педагогические основы духовно-нравственного воспитания личности обосновал И.С. Портнягин в концепции учения айыы и школы «кут-сюр». Свои жизненные знания и опыт, зависимость от сил природы в суровых климатических условиях выработали у северных народов свои определенные взгляды на окружающий мир, которые передавались из поколения в поколение. Свои мифологические воззрения народ отразил в героическом эпосе, в устном народном творчестве, традициях и обычаях.

Сущность учения айыы опирается на представления народа о Вселенной. Древние якуты считали, что существует три мира: верхний, где живут божества, средний, где живут люди, и нижний, где обитают темные силы, злые духи. Природа является единым, живым, мыслящим существом. Аан Дархан Хотун – душа Вселенной. Человек, являясь частью природы, приобщен к мировому Разуму. Вселенная состоит из трех миров, которые Аал Кудук Мас соединяет в единое целое. Душа человека (Кут-Сюр) состоит из Буор-Кут, Салгын-кут, Ийэ-кут и Сюр. Буор-Кут управляет телом, Салгын-Кут – эмоциями, Ийэ-Кут – разумом и высшими духовными чувствами. Сюр обеспечивает цельность человеческой личности [6, с. 19].

В результате теоретического воплощения в реальной действительности основных воззрений Айыы возникло учение айыы, из его педагогического осмысления – школа «кут-сюр» с народным кодексом нравственных заповедей.

Народная педагогика разных народов имеет много сходного, что их объединяет. «Национальное может быть понято как самобытное только в сравнении с другим национальным и описать национальное – это выявить уникальное», – писал Гачев. Вместо научного термина «национальный менталитет» он использует идеи-термины «Космос», «Психея», «Логос», более соответствующие, по его мнению, русскому стилю бытия и мышления. Символами у русских являются Путь-дорога, Даль, Русь-Тройка. Гачев вышел к понятию «Национальный Космос». Подобно тому, как каждое существо есть троичное существо: тело, душа, дух – так и всякая национальная целостность есть единство местной природы (Космос), характера народа (Психея) и склада мышления (Логос). Когда речь идет о русском менталитете, то это: русский Космос – это Мать Сыра-Земля; Психея – русский социум, народ; Логос – это «Слово России». Это Пушкин, Лермонтов, Толстой [3, с. 30].

Учение о Кут-Сюр близко учению Аристотеля о наличии у человека растительной, животной и разумной душ. Растительная душа проявляется в питании и размножении; животная – в ощущениях и желаниях; разумная – в мышлении. Этим трем видам души по Аристотелю, соответствуют три стороны воспитания – физическое, нравственное и умственное, которые неразрывны связаны между собой.

О трех сторонах воспитания писал в XIX веке и Ф.В. Дистервег. Он выдвинул три принципа разумно организованного воспитания: природосообразность, культуросообразность, самодеятельность. Обучение рассматривалось им как средство всестороннего развития человека и его нравственного воспитания [3, с. 29].

Таким образом, нравственные ценности народов и цели воспитания направлены в одном едином направлении – воспитании духовно-нравственного человека.

Якутия является многонациональной республикой в составе Российской Федерации. По данным переписи 2010 г. в Якутии проживают 958129 человек, из них 129 человек разных национальностей: саха – 466492 (48,7%), русские – 353649 (37,0%), эвенки – 21008 (2,2%), эвены – 15071 (1,6%), долганы – 1906 (0,2%), юкагиры – 1281 (0,13%), чукчи – 970 (0,07%) и др.

В 1996 -1997 учебном году обучение в школах РС (Я) проводилось на 6 языках: русском, якутском, эвенкийском, эвенском, юкагирском и чукотском. Показатели тех лет были таковы: эвенов, изучающих родной язык, – 1099 человек (47,7% от всех детей эвенов), эвенков 907 (27,1%), юкагиров 96 (58,5%), чукчей 95 (78, 5%). В 2008 г. эвенкий язык как родной изучали 2275 детей, эвенкийский 3283, юкагирский 168, чукотский 145, долганский – 252. И с каждым годом использующих свое право на изучение родного языка становится все больше.

В настоящее время изучаются следующие предметы и модульные курсы для реализации основной образовательной программы с учетом региональных и этнокультурных особенностей РС (Я) [7, с. 10].

«Эвенкий язык и литературное чтение». Эвенкий язык относится к северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков. Начало создания эвенкийской письменности относится к 1931-1932 гг.

В образовательных учреждениях РС (Я) эвенкий язык начали преподавать с 30-х годов XX века. В настоящее время он изучается в Березовской СОШ им. В.А.Роббека Среднеколымского, Себян-Кюельской СОШ им. П.А. Степанова – Ламутского Кобяйского, Андрюшкинской СОШ Нижнеколымского, Тополинской СОШ Томпонского, Саккырырской СОШ им. Р.И. Шадрина Эвено-Быгантайского, Улахан-Чистайской СОШ им. Н.С. Тарабукина, Силяннихской СОШ им. П.Н. Нико-

лаева Усть-Янского, Майорской СОШ Абыйского, Оленегорской СОШ Аллаиховского, Верхнеколымской СОШ Верхнеколымского улусов, экспериментальной школе-интернат «Арктика» с углубленным изучением предметов гуманитарно-культурологического профиля в Нерюнгринском районе и в кочевых общеобразовательных учреждениях.

«Эвенкийский язык и литературное чтение». Эвенкийский язык относится к северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков. Письменность языка была создана в 1931 г. В образовательных учреждениях РС (Я) его изучают в Золотинской СОШ им. Г.М. Василевич Нерюнгринского, Тяньской СОШ им. И.Н. Кульбертинова, кочевой школе «Черода» Олекминского, Хатыстырской СОШ, Угоянской СОШ, Кутанинской СОШ, кочевых школах «Угут», «Амма» Алданского, Харьялахской СОШ, кочевой школе «Куэнэлэкээн» Оленекского эвенкийского национального улусов, экспериментальной школе-интернат «Арктика» в Нерюнгринском районе.

«Юкагирский язык и литературное чтение». Юкагирский язык относится к палеоазиатской семье языков. Письменность существует с 1969 г. С 1990 г. юкагирский язык изучают в Нелемнинской СОШ им. Н.С. Тэки Одулока Верхнеколымского улуса, Андриюшкинской СОШ Нижнеколымского улуса.

«Чукотский язык и литературное чтение». Чукотский язык относится к палеоазиатской семье языков, в которую входят чукотско-камчатские, алеуто-эскимосские языки, а также изолированные языки – нивхский и юкагирский. В 1931 г. под руководством В.Г. Богораза был создан алфавит чукотского языка. Чукотский язык преподается в школах Чукотского автономного округа, в Колымской СОШ, кочевой школе «Нутендли».

«Долганский язык и литературное чтение». Долганский язык относится к якутской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркской языковой общности алтайской семьи языков. Письменность языка была создана в конце 70-х годов XX века. Преподается в Юрюнг-Хаинской СОШ, в кочевой школе Анабарского национального (Долгано-эвенкийского) улуса в форме факультативных занятий.

В структуре дошкольных учреждений по языкам обучения также происходят изменения, связанные с образовательными потребностями населения.

Таблица 1

**Распределение дошкольных образовательных учреждений
по языкам обучения и воспитания [4]**

	1990	2000	2005	2007	2009	2010	2011	2012	2013	2014
ДОУ	1036	725	690	739	720	712	707	712	712	729
Число детей	97888	52060	52274	53372	53015	52662	53929	56233	58332	61997
По языку воспитания										
На русском языке	556	290	270	295	289	280	283	280	277	274
Число детей	68929	28496	29883	30958	30919	31214	31764	28579	33196	34684
На якутском языке	504	464	450	486	476	470	462	471	476	501
Число детей	28713	23223	22172	22261	21837	21179	21922	23147	24589	27011
На эвенском языке	5	9	6	5	7	7	6	7	6	6
Число детей	196	314	191	118	217	208	182	245	271	150
На эвенкийском языке	1	-	-	-	1	1	1	1		
Число детей	50				20	24	37	89		
На чукотском языке					2	2	1	1		
Число детей					22	22	14	11		
На других языках									6	4
Число детей								276	152	

В детских садах Абыйского, Аллаиховского, Среднеколымского и др. улусов были внедрены «Программа по обучению детей эвенскому языку» и «Методические рекомендации к программе и хрестоматии по развитию речи для эвенских дошкольных учреждений и для родителей, ведущих кочевой образ жизни» (Х.И. Дуткин). Появились методические

пособия по эвенкийскому языку в детском саду (А.А. Кудря), «Юкагирский язык для дошкольников» (П.Е. Прокопьева), проводится экспериментальная работа по теме «Воспитание дошкольников на эвенкийских традициях» детского сада «Туллукчаан» Оленек Оленекского улуса.

Таким образом, модернизация этнокультурного образования в Республике Саха (Якутия) осуществляется в соответствии с принципами государственной национальной политики на территории Республики Саха (Якутия) и направлена на:

- 1) укрепление общероссийской гражданской идентичности;
- 2) обеспечение равенства прав и свобод человека независимо от его расы, национальности, языка, принадлежности к религии, социальным группам и объединениям;
- 3) защиту прав, исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера;
- 4) содействие развитию национальных культур и языков народов России и иных этнических общностей, проживающих на территории республики;

«Все народы велики и гениальны. Коллектив народов, объединенных общностью целей, поднимается на еще более высокий уровень величия и гениальности... Общечеловеческие представления о нравственности, красоте, уме складываются из суммы представлений многих поколений, многих народов» [1]. Эти слова подчеркивают феноменальность и общечеловеческую значимость педагогики отдельных народов как части общемировой цивилизации.

Большой вклад в исследование этнокультурного наследия народов Сибири и Дальнего Востока внес А.А.Петров, наш земляк, один из первых ученых североведов из Якутии. В своих трудах он раскрыл малоизвестные страницы творчества писателей, поэтов и ученых Севера и Восточной Сибири. Его уникальные труды вошли в сокровищницу педагогического наследия Института народов Севера в РГПУ им. А.И.Герцена.

Таким образом, этнокультурные традиции являются неиссякаемым источником духовно-нравственной культуры народов и продолжают развиваться.

Литература:

1. Волков, Г.Н. Этнопедагогика / Г.Н. Волков. – Москва : Академия, 1999. – 168 с.
2. Марьясова, Н.В. Духовность в контексте психологического анализа: личный аспект: автореф. дисс. канд.псих.наук / Н.В. Марьясова. – Хабаровск, 2004.
3. Николаева, Л.В. Формирование этнопедагогической компетентности педагогов дошкольного образования в вузе : монография / Л.В. Николаева. – Якутск : Изд. Якутского госуниверситета, 2009. – 142 с.
4. Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия), 2013. – Якутск, 2013. – С. 213
5. Панькин, А.Б. Формирование этнокультурной личности: учебное пособие / А.Б. Панькин. – Москва : Изд. Моск. Псих.-социального института ; Воронеж : Изд.НПО «МОДЭК», 2006. – 280 с.
6. Портнягин, И.С. Этнопедагогика «кут-сюр» / И.С. Портнягин. – Москва : Academia, 1998. – 184 с.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт в якутской школе / Составители Н.В. Ситникова, С.С.Семенова, Н.Н. Васильева и др. – Якутск : Бичик, 2011. – Ч.1. – 84 с.

* * *

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ПРОЦЕССЕ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С НАРОДНЫМ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНЫМ ИСКУССТВОМ ЯКУТИИ

PATRIOTIC EDUCATION OF PRESCHOOL CHILDREN WITH FOLK ARTS AND CRAFTS OF YAKUTIA

Яковлева Саргылана Степановна,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
Педагогический институт,
кафедра дошкольного образования

Yakovleva Sargylana Stepanovana,
Preschool Education Department
of Pedagogical Institute of M.K. Ammosov
North-Eastern Federal University

Аннотация. Народное декоративно-прикладное искусство является эффективным средством воспитания патриотизма у детей. Приобщая детей к культурному наследию, педагоги формируют знаниевый, отношенческий компоненты патриотизма. В свою очередь, это определяет отношение детей к Отечеству: чувство гордости за свою Родину, готовность к защите ее интересов, уважение к культуре, языкам, традициям и обычаям народов, проживающих в Российской Федерации. В статье рассматриваются формы работы с детьми по ознакомлению детей старшего дошкольного возраста с народным декоративно-прикладным искусством как частью воспитания патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, Родина, малая родина, родной край, народная культура, традиции, народное декоративно-прикладное искусство.

Abstract. Folk arts and crafts is an effective means of instilling patriotism in children. By inviting children to the cultural heritage, teachers form knowledge, attitudinal components of patriotism. In turn, this determines the relation of children to the country: a sense of pride for their country, willingness to defend its interests, respect for the culture, language, traditions and customs of

the peoples living in the Russian Federation. The article discusses the forms of work with children-awareness of children of senior preschool age with the folk arts and crafts as part of the education of patriotism.

Keywords: patriotism, Patriotic education, homeland, small homeland, my native land, folk culture, traditions, folk arts and crafts.

В современной России воспитание патриотизма должно начинаться именно с дошкольного возраста, с воспитания в семье, в детском саду. Недостаточное, не правильное понимание важнейшей роли патриотического воспитания может привести к таким страшным результатам в дальнейшей жизни, как проведение националистических акций, «русских маршей», и других проявлений превосходства одного народа над другим.

Патриотизм не имеет ничего общего с замыканием человека в узких национальных интересах. Истинный патриотизм по своей природе гуманистичен и включает в себя уважение к другим народам и странам, к их национальным обычаям и традициям, к их самостоятельности и независимости и неразрывно связан с культурой межнациональных отношений. Если эти отношения сформированы, они имеют большое значение в моральном развитии личности и способствуют поддержанию благожелательных и дружеских связей между различными народами и странами [4, с. 25].

Проблема патриотического воспитания является предметом значительного числа исследований зарубежных и отечественных ученых (Сократ, Демокрит, Я.А. Коменский, А.Н. Радищев, А.П. Куницын, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, К.Д. Ушинский и др.). История российского патриотизма является основной проблемой исследований Н.М. Карамзина, В.С. Соловьева, А.Н. Боханова, Б.Д. Грекова, Б.А. Рыбакова.

Произведение народного декоративно-прикладного искусства является простым и доступным, отличается жизнерадостностью, играет важную роль в развитии изобразительных способностей детей дошкольного возраста.

Ознакомление детей с произведениями народных мастеров включает: отражение воспринятых декоративных образов; различение разных

видов декоративно-прикладного искусства; ознакомление с бытом и творчеством народов России; различение разнообразных выразительных средств.

Народное декоративно-прикладное искусство определяется как вид искусства, направленный на создание художественных изделий, имеющих практическое назначение в общественном и частном быту, художественную обработку утилитарных предметов (утвари, мебели, ткани, одежды, игрушек и т.д.). В отличие от всех других видов искусства оно имеет самое прямое отношение к традициям народной культуры. В нем содержится «живая традиция», дух народа. Изделия должны быть не только красивыми, но и приносить пользу [2, с. 96].

Республика Саха (Якутия) – крупнейший субъект Российской Федерации. Входит в состав Дальневосточного федерального округа. Население республики составляет 954,8 тыс. чел. Конечно же, регион является многонациональным, поликультурным. Так, на территории республики проживают следующие народы: якуты (саха), русские, эвенки, украинцы, эвены, татары, буряты, киргизы, армяне, узбеки, долганы, юкагиры, долганы, чукчи и другие национальности.

Важную роль в воспитании детей дошкольного возраста играет народное декоративно-прикладное искусство. Известные педагоги А.П. Усова, Н.П. Сакулина, Е.А. Флёрина, Н.С. Карпинская, В.М. Федяевская неоднократно отмечали, что ознакомление с произведениями народного творчества пробуждает в детях первые яркие образные представления о Родине, о её культуре, способствует воспитанию патриотических и интернациональных чувств, приобщает к миру прекрасного.

В качестве форм ознакомительной работы воспитателями в МБДОУ № 43 в г. Якутске Республики Саха (Якутия) используются виртуальные экскурсии, занятия-беседы с использованием изображений произведений народного декоративно-прикладного искусства. Детей знакомят с традиционными уже хохломской росписью, гжелью, дымковской, каргопольской, городецкой, жостовской росписями, якутской национальной посудой, долганскими, эвенкийскими, юкагирскими узорами.

Приведем пример, занятия по ознакомлению с юкагирским орнаментом.

В занятии используется слайд-презентация «Юкагирские сумочки», кукла в национальном костюме, краски, бумага, палитра, кисточки и тряпочки.

К детям «приходит» кукла – юкагирская девочка по имени Мархиль. Воспитатель проводит беседу о юкагирах. Говорит, о том, что юкагиры – северный народ, другое название юкагиров – «одулы», что означает сильные и могучие. Основным занятием юкагиров являются охота и рыболовство, а также они занимались собаководством, оленеводством. Показывает фотографии юкагиров и их жилища. Зимой юкагиры жили в деревянных домах, которые назывались чандал. Летом юкагиры жили в легких жилищах – чумах. Далее педагог показывает изображение одежды юкагиров – распашной кафтан, нагрудник, штаны, головной убор, перчатки. Одежду шили из ровдуги, зимнюю – из меха оленя. Детям объясняют значение слова ровдуга. Затем знакомят с другими особенностями быта юкагиров. Мархиль показывает сумочку, украшенную юкагирскими узорами. Сумки – необходимый предмет для юкагиров. Их называют «индирги». Существуют мужские и женские сумочки. Мужчинам сумочка служит для хранения патронов и в виде кисета, а женщины в своих сумочках хранят рукодельные принадлежности и носят как украшение.

Орнамент юкагиров геометрический: используют углы, треугольники, четырехугольники, кружки, полукруги. Любимые узоры одулов – йэльоодьо «солнце», оожии нодо нойл – «утиные ножки».

Для украшения сумочек одулы используют любимый красный цвет. Это может быть окрашенные нитки, мех, ткань, ленты и бисер. Сумочки бывают разные: у них разный размер, форма и материал. Украшены они также разным материалом: мехом, бисером, тесьмой, даже рыбными косточками (показывает картинки). Далее воспитатель предлагает украсить сумочки юкагирским орнаментом. Раздает подготовленные заготовки, инструменты. Для разминки предлагает поиграть в игру, показывает движения похожие на выделку шкуры оленя, знакомит детей с юкагирским счетом до трех: «мархунь, кюень, ялонь». В процессе украшения детьми сумок звучит юкагирская музыка.

На другом занятии воспитатель знакомит детей с эвенкийскими узорами. Для этого использует готовые формы торбасов из вафельной ткани, образцы эвенкийских узоров на каждом столе, гуашевые краски, палки спичек.

К детям приходит девочка – гостья эвенкийка, по имени Эвенкия. Обращают внимание на узоры ее торбасов (обуви). Рассказывает о том, что у эвенкийского народа много красивых узоров. Узоры вышивают на одежде бисером, а также пришивают олений мех. Больше используются красный, синий, голубой, зеленый, коричневый и черные цвета. Они используют такие холодные цвета потому, что у них на родине холодно. Такие цвета олицетворяют их строгую и долгую зиму. На занятии дети украшают готовые формы торбасов эвенкийскими узорами.

Воздействие высоких художественных достоинств на детей во многом будет зависеть от педагога, как сумеет он раскрыть перед ними образную, красочную и поэтическую выразительность произведений народного искусства, как сумеет пробудить у детей интерес к декоративно-прикладному творчеству.

Литература:

1. Колдина Д.Н. Рисование с детьми 6-7 лет. Сценарии занятий / Д.Н. Колдина. – Москва : Мозаика-Синтез, 2016. – 128 с.
2. Погодина, С.В. Теория и методика развития детского изобразительного творчества: учебное пособие / С.В. Погодина. – Москва : академия, 2014. – 352 с.
3. Российское дошкольное образование. Полный сборник нормативных документов. – Москва : Национальное образование, 2016. – 696 с.
4. Ядрихинская, Л.С. Педагогика межнационального общения / Л.С. Ядрихинская. – Якутск, 2003. – 70 с.

* * *

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ В АРКТИКУ ЧЕРЕЗ АБОРИГЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ

SILK ROAD TO ARCTIC ACROSS INDIGENOUS TERRITORIES

Таксами Наталия Чунеровна,
Университет Восточной Финляндии,
«VERA» центр,
директор программы «Евразия»

Taksami Natalia Chunerovna,
University of Eastern Finland,
“VERA” center,
Head of “Eurasian Studies”

Аннотация. Новые геополитические условия, связанные с введением санкций, влияют на дальнейшую разработку глобальных проектов Китая по строительству транспортных коридоров в Арктику через страны Скандинавии. Проект железной дороги с ведущей долей китайских инвестиций «Арктический коридор» от финского города Рованиemi до норвежского Киркенеса будет проходить по аборигенным территориям саамов, территориям выпаса оленей. Особый подход к проблеме сохранения аборигенных территорий природопользования – дело специалистов и достаточной освещенности проблемы в медиа.

Ключевые слова: Евразия, Шелковый путь, транспортные коридоры, геополитика Арктики, социальная оценка проектов.

Abstract. New geopolitical conditions, invented by sanctions, influence further development of China’s global projects on transport corridors to Arctic via Scandinavian states. “Arctic Corridor” railway project, based on dominant share of China’s investments, will go from Finnish Rovaniemi through Norwegian Kirkenes across Saami indigenous territories of reindeer herding. Special evaluation of the problem of preservation of traditional land use is an issue for professional studies and media information.

Keywords: Eurasia, Silk Road, transport corridors, Arctic geopolitics, Social Impact Assessment.

Положение малочисленных народов во многих регионах мира по-прежнему вызывает тревогу, особенно когда жизнь аборигенных групп протекает на территории, запланированной под индустриальный проект,

продвигающий модернизацию всей страны. И интересы государства в области развития транспорта и других перспективных отраслей экономики сталкиваются с интересами, а скорее, нуждами и необходимыми условиями существования этнических групп.

Политика санкций не только изменила экономические отношения между странами, но и повлияла на ускоренное продвижение новых крупных геополитических проектов, которые послужат нуждам транспортных и инвестиционных потоков. Одним из крупнейших подобных проектов является заявленное в 2013 году Китаем строительство Шелкового пути («One Belt One Road»), необходимым условием которого является получение транспортным коридором выхода в Арктику, как открытие доступа китайского экспорта на мировой рынок [7]. Проект предполагает привлечение к транспортному коридору «компонентов огромной инфраструктуры, что порождает жаркие дискуссии об их потенциале трансформировать всю геополитическую картину» [4].

Финляндия приветствует инициативу Китая по строительству экономического потока Шелковый Путь (Silk Road Economic Belt) и морского Шелкового пути (Maritime Silk Road), «поддерживает продвижение Китая и Евросоюза во взаимосвязанном и взаимовыгодном подходе, включая предложение тесного сотрудничества по связи между Европой и Азией взаимоподходящим образом, совместное строительство Азиатско-Европейского рынка и возрастающего потока людей, бизнеса, капитала, технологий, информации и коммуникации между двумя странами, поддерживая требования глобализации» [5]. Действительно, этот глобальный проект напрямую связан с будущим Финляндии: именно через ее территорию Китай получит доступ в Арктику посредством предложенной новой железной дороги «Арктический коридор» Рованиemi – Киркенес. При этом «половина 500 км железной дороги пройдет через часть Лапландии, которая согласно финскому законодательству является традиционно саамской территорией» [8].

Целью данной статьи является рассмотрение возможности применения концепции «Оценка социального влияния (Social Impact Assessment)» к процессу планирования проекта транспортного коридора через территорию традиционного оленеводства саамов в Лапландии и обоснование необходимости вовлечения аборигенного населения в сам процесс посредством открытых дискуссий и освещения в медиа.

Finland appreciates China's initiative to build the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road and supports China and the EU in exploration via an integrated and mutually beneficial approach, including promoting the cooperation on connectivity between Europe and Asia in a compatible way, jointly building the Asia-Europe grand market and increasing flows of people, business, capital, technology, information, and communication between the two countries, promoting the challenges of globalization [5].

«Тема 'жажды' в отношении энергии, минералов, древесины, земли, рабочей силы и потребителей этих ресурсов ранее относилась к сфере интересов экономистов (особенно в супердержавках) до того, как стали движущей силой теорий ресурсного управления в социальной географии. Именно этот подход выстроил теорию вокруг нового 'игрока', неизвестного прежде в сфере экономики – аборигенного населения» [6, с. 26]. Именно этот теоретический подход заявил, что кроме чисто технических вопросов ресурсный менеджмент должен учитывать моральные, этические и политические аспекты. Что ситуация, когда «аборигенное население продолжает оставаться «неизвестной величиной» для ресурсных менеджеров, а конфликты, возникающие между индустриальными проектами и местным населением считаются чужими проблемами, должна быть в корне изменена [6, с. 26]. И пересмотр всей системы управления ресурсами должен быть комплексным, начиная с местного уровня.

Без сомнения, оценка социального влияния любого промышленного проекта на судьбы аборигенного населения варьирует от страны к стране. В качестве отправного пункта концепция Ховитта (2001) предполагает, что однажды установив связь между системой принятия решений и комплексом социальных, экономических, и природных факторов (т.е. окружающей средой), необходимость пересмотра методов ресурсного управления сразу станет очевидной. Такой пересмотр Ховиттом теоретического подхода к ресурсному управлению стал известен как Оценка Социального Влияния (Social Impact Assessment). Вклад Ховитта в развитие такого теоретического подхода к управлению ресурсами огромен, тем не менее, изначально Оценка Культурного Влияния (Cultural Impact Assessment) был предложен Бергером (Т. Berger) при оценке влияния

промышленного проекта по строительству трубопровода через долину Маккензи на судьбы аборигенов Аляски в опубликованном им «Докладе комиссии по оценке трубопровода через долину Маккензи» (“Report of the Mackenzie valley Pipeline Inquiry”). Доклад явился первым опубликованным документом этого рода для северных народов, в котором отдельный проект оценивался с точки зрения безопасности для окружающей среды.

Бергер указал, на особую необходимость таких оценок для арктических территорий, которые содержат весь спектр природоохранных проблем [3, с. 12]. И сегодня во многих странах эта оценка применяется к различным промышленным проектам в отношении аборигенных территорий и интересов общин на начальной стадии планирования промышленного вмешательства. Тем не менее, на практике получается, что возможности местного населения участвовать в обсуждении проектов по-прежнему очень ограничены.

Оценка социального влияния (SIA) осуществляется на трех уровнях: техника или метод, методология и парадигма в теории. Основатели этой парадигмы в современной теории социальной географии Ховитт и Ванклей (F.Vanclay) «ставили своей задачей изменить мир... понять процессы социальных изменений, предсказать, как они будут себя вести в реальных условиях, управлять процессами и соответствовать задачам и последствиям изменений, направляя процессы к определенной цели» [12, с. 78]. Оценка должна быть применима к любому масштабу исследования от местной деревушки до целого региона, на который проект окажет потенциальное воздействие. Теоретический подход подразумевает схему понимания взаимодействия социальных институтов в определенном контексте – власти, культуры, места, участия или общества. На практике оценка социального влияния включает такие процедуры как подписание договоров по оказываемому влиянию и получаемой выгоде между промышленными проектами и местными общинами или «видение будущего для сообщества» [12, с. 6].

На государственном уровне для Финляндии проект строительства железной дороги «Арктический коридор» на базе китайских инвестиций является архиважным «не только как связующее звено с Центральной Европой, но также и с богатой минеральными и рудными ресурсами се-

верной частью Финляндии» [10]. Действительно, на сегодняшний день Лапландия является наименее заселенной частью страны, конечным северным пунктом железнодорожного сообщения с другими регионами Финляндии является Рованиemi. Несмотря на увеличивающийся лавинообразно с каждым годом поток туристов из Азии за счет новооткрываемых чартерных рейсов, север страны остается достаточно свободным от предприятий и крупных центров. «Арктическая железная дорога ускорит развитие региона и послужит его росту и трудовой занятости населения», кроме того, «проект улучшит нашу подготовку к изменению климата» [11]. «Дорога принесет больше рабочих мест и людей... Послужит росту туризма...» [9].

Все эти плюсы для развития региона, экономики страны и глобализации в целом ставятся местным аборигенным населением в противовес собственным условиям нормального существования. «Саамы, тем не менее, беспокоятся о том, что такая железная дорога пойдет по их земле без соблюдения их прав» [8]. Тревога местных жителей за будущее традиционного оленеводства и за использование их земли под другие нужды строительства – должна быть услышана и учтена на стадии планирования всех новых инфраструктур. Последнее слово относительно самого проекта остается за Лапландией, т.к. «ни одно государство, даже если оно меньше, чем регион Лапландии, не может единолично решать: пойдет ли железная дорога до Тромсе или до Киркенеса. Решение должно отвечать интересам всех заинтересованных сторон самым наилучшим образом» [10].

Одним из основных моментов, вызывающих недоверие местных жителей к этому мега-проекту является безопасность оленеводства. «Смертельные столкновения оленей с поездами являются основной проблемой в южной части региона Финляндии, где население содержит стада оленей» [2]. Но железнодорожная компания VR отмечает, что она не обязана нести ответственность за состояние дорог, это, по ее словам, приоритет Транспортного Агентства Финляндии (FTA) [2]. В то же время представитель Агентства Теему Поуссу рассказал финскому новостному каналу YLE на саамском языке, что FTA не строит заграждений вдоль железнодорожных путей с 1980-х и не отвечает за ремонт старых» [2].

Кроме того, «если трасса пройдет через земли оленеводческого кооператива, они должны быть отгорожены. При этом, естественно снизится естественное перемещение оленей и размер самой территории выпаса» [9]. То есть «владельцы оленей, чьи земли будут разделены железной дорогой станут теми, кто несправедливо больше всего будет страдать от потери животных» [2].

Влияние, которое проект потенциально может оказать на факторы, из которых складывается благополучие и стабильность в Арктическом регионе должно быть оценено и прописано в оценочных документах наряду с обязательной в Финляндии оценкой влияния на окружающую среду (Environmental Impact assessment). Оценка этого влияния должна следовать установочным документам Арктического Совета, гласящим, что «экономический потенциал региона должен использоваться так, чтобы приносить благосостояние и гарантировать средства к существованию и социальный прогресс жителей Арктики и их общин [1]. Эти условия особенно актуальны в нынешнем положении, которое занимает Финляндия. «Железная дорога к Баренцеву морю – это та тема, которая должна быть изучена, пока страна председательствует в Арктическом Совете» [8]. Сами местные жители, безусловно, заинтересованы в развитии своего региона, в привнесении в него новых продвинутых инфраструктур, в создании новых рабочих мест. Тем не менее, саамы говорят, что при подготовке проекта «должно быть сделано очень много, прежде чем саамы смогут поддержать строительство дороги» [8].

References

1. Arctic Council Rules of Procedure. (2013). Kiruna, Arctic Council Secretariat. Available at: http://www.sdwg.org/wp-content/uploads/2015/11/2015-09-01_Rules_of_Procedure_website_version.pdf
2. Author unknown. Up to 500 reindeer killed annually by trains – no fences planned. *YLE News*. 05.05.2015. Available at: https://yle.fi/uutiset/osasto/news/up_to_500_reindeer_killed_annually_by_trains_no_fences_planned/7971310 (Accessed 17.10.2017).
3. Berger, T. *The report of the Mackenzie valley pipeline inquiry. Northern frontier, Northern homeland*. Vancouver & Toronto, Douglas & McIntyre, 1988.

4. Blanchard, J. & Flint, C. (2017). The Geopolitics of China's Maritime Silk Road Initiative. *Geopolitics*, 22:2, 223-245. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/14650045.2017.1291503>. (Accessed 10.10.2017).
5. Joint Declaration between the Republic of Finland and the Peoples's Republic of China on Establishing and Promoting the future-oriented new-type cooperative partnership. (2017). Helsinki, The President of the Republic of Finland. Available at: <http://www.tpk.fi/public/default.aspx?contentid=360378&culture=en-US> (Accessed 02.10.2017).
6. Howitt, R. *Rethinking Resource Management. Justice, sustainability and indigenous peoples*. London & New York, Routledge, 2001.
7. Kaczmarek, M. Russia, China, and a new Eurasian Regional order? *Aleksanteri Insight*. Issue 2. Helsinki, Aleksanteri Institute. Available at: www.helsinki.fi/aleksanteri/english/insight (Accessed 17.10.2017).
8. Nilsen, T. Sami concerned about Arctic railway plans. *The Independent Barents Observer*. 20.06.2017. Available at: <https://thebarentsobserver.com/en/life-and-public/2017/06/sami-concerned-about-arctic-railway-plans> (Accessed 17.10.2017).
9. Peiponen, P. Jäämeren rata tuo porojen tuhon ja Kiinan tulevaisuuden? Valokuvatarina pelätyn ja toivotun radan varrelta. *YLE uutiset*. 07.08.2017. Available at: <https://yle.fi/uutiset/3-9753427> (Accessed 17.10.2017).
10. Staalesen, A. Will new Finnish railway bridge gap between Arctic and Central Europe? *Eye on the Arctic*. 11.09.2016. Available at: <http://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2016/11/09/will-a-new-finnish-railway-bridge-norway-gap-between-arctic-and-central-europe/> (Accessed 17.10.2017).
11. Staalesen, A. Finland commissions study on new Arctic railway. *The Independent Barents Observer*. 04.07.2017. Available at: <https://thebarentsobserver.com/en/arctic/2017/07/finland-commissions-study-new-arctic-railway> (Accessed 17.10.2017).
12. Vanclay, F. & Esteves, M. (Eds.). *New directions in social impact assessment. Conceptual and methodological advances*. Cheltenham & Northampton, Edward Elgar, 2011.

* * *

ЗВУКОВАЯ МАСКА КАК МИМЕТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ ШАМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Булгакова Татьяна Диомидовна,

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
Институт народов Севера,
кафедра этнокультурологии

Аннотация. Звуковой мимезис используется у коренных народов Севера для имитации криков и движений животных, для подражания звучанию человеческой речи, звукам шаманского камлания или характерным особенностям пения того или иного человека. Звуковой маской мимезис становится в контексте шаманской практики. Звуковая маска основывается на интонации, подчеркнута маскирующей естественный тембр и природную манеру пения исполнителя, и одновременно являющейся средством коммуникации с духовным миром. Не являющиеся звуковой маской акустические имитации отличаются тем, что они не адресованы духам или они используются в магических целях, но не предназначенные при этом для создания ложной духовной идентичности исполнителя. Именно смена идентичности исполнителя является основной особенностью звуковой маски. Подобно надеваемой на лицо маске, звуковая маска служит шаману либо для сознательной демонстрации своей ложной идентичности, обеспечивающей его контакт с духом, либо она проявляется непроизвольно при случающейся во время обряда невольной утраты подлинной идентичности, то есть, одержимости.

Ключевые слова: звуковой мимезис, коренные народы Севера, имитация криков и движений животных, шаманское камлание, смена идентичности исполнителя, обряд.

Abstract. The indigenous peoples of the North use audio mimesis to imitate voices and movement of animals, to copy sound of human speech, sound of shamanic ceremony or singing characteristics of different singers. But only

in shamanic praxis mimesis becomes a sound mask. Sound mask is based on intonation, which emphasize hides natural timbre and normal way of performer's singing and at the same time is a means of communication with the spiritual world. Those audio imitations, which could not be named as sound masks, either are not addressed to spirits or they are used with magical goals, but do not suppose making any false performer's identity. It is change of performer's personality that is the main peculiarity of sound mask. Like mask that is put on face, sound mask either serves shaman helping him or her to intentionally demonstrate a false identity, which promotes contact with spirit, or it involuntarily appears in case if a performer unwittingly loses his or her real identity (or becomes possessed), which can happen during ceremony.

Keywords: The indigenous peoples of the North, audio mimesis, imitate voices and movement of animals, shamanic ritual, change of the identity of the performer, rite.

Популярный у коренных народов Севера звуковой мимезис используется для имитации криков и движений животных, для подражания звучанию человеческой речи, звукам шаманского камлания или характерным особенностям пения того или иного человека. Мимезис может быть эстетическим, являющимся средством художественного воссоздания звуковых или пластических явлений действительности или утилитарным, направленным на достижение какой-либо практической цели (например, на охоте). Звуковой маской мимезис становится только в контексте шаманской практики. Звуковая маска основывается на интонации, подчеркнуто маскирующей естественный тембр и природную манеру пения исполнителя, и одновременно являющейся средством коммуникации с духовным миром (иногда путем подражания шаманом звукам случающихся у него слуховых галлюцинаций). Подобно надеваемой на лицо маске, звуковая маска служит шаману либо для сознательной демонстрации своей ложной идентичности, обеспечивающей его контакт с духом, либо она проявляется произвольно при случающейся во время обряда невольной утраты подлинной идентичности, то есть, одержимости. Смена идентичности (временное превращение шамана в «духочеловека») является основной особенностью звуковой маски.

В эмной терминологии звукоподражание и пользование звуковой маской отчетливо различаются. Например, нанайский термин *дилгани амдаори* означает имитирование голосов, звуков, то есть, собственно звукоподражание (букв. 'подражать голосу'), а пение голосами духов, которое я определяю как звуковую маску, называется *сэвэн мораори*, что указывает на становящийся слышимым через шамана голос самого духа (букв. 'кричать духом-сэвэном'). Не являющиеся звуковой маской акустические имитации отличаются тем, что они не применяются в процессе коммуникации с духами. Так, исполняющиеся с движениями песни изображают, например, неловкого, хромого и т.п., чем-то отличающегося от других в своих движениях человека, но при этом не включают какой-либо духовной составляющей. Миметические песни, не относящиеся к звуковым маскам, рассказывают словом и одновременно ритмом и интонацией изображают, как человек на рыбалку идет, какие движения при этом делает, как он колет дрова, ставит сеть, как машет удочкой. Не являются звуковой маской и программные инструментальные наигрыши, представляющие собой рассказ о каком-либо событии, например, об охоте, и исполняющиеся в сопровождении словесных комментариев: «Вот охотник идет на лыжах, вот бегут собаки в упряжке и легко тянут за собой пустые нарты, вот бежит лось, вот это выстрел, вот собаки тащат нарты, нагруженные мясом, и т.п.». Звуковой маской не являются также маскирующие звуковой облик охотника охотничьи и игровые манковые звукоподражания, которые ограничены утилитарными или эстетическими функциями и не имеют духовной составляющей.

С другой стороны, также не могут быть названы звуковой маской явления интонационного мимезиса, использующегося в магических целях, но не предназначенные при этом для создания ложной духовной идентичности исполнителя. Например, изображение интонацией какого-либо движения, точнее интонационное дублирование движения применяется для усиления магического воздействия. В нанайском обряде, направленном на изменение погоды, стараясь разогнать тучи, желающий предотвратить или остановить дождь человек плавно машет руками, словно бы раздвигая тучи в разные стороны, и одновременно, в лад с движением нараспев тянет асемантическое слово-дуновение «луэе». Каждое движение четко совпадает при этом с плавно глиссандирующей

вниз интонацией произносимого слова. Интонация сопровождает и имитирует движения рук, но не создает при этом звукового образа, направленного на сокрытие или изменение идентичности исполнителя. Также следует отметить, что далеко не все из того, что поет шаман во время камлания, может читаться звуковой маской. Если он в своем пении от своего лица обращается к духам или к присутствующим на камлании людям, его пение звуковой маской не становится.

Считается, что прямое обращение к духам возможно в случае использования необыденных форм интонирования. Например, это может быть плач или крик, которые, как считалось, привлекают внимание духов сами по себе. С этим связаны столь известные в нанайской традиции запреты на плач и представления о необыкновенной сдержанности женщин, представительниц коренных народов Сибири. Между тем, сами по себе плач и крик звуковой маской также не являются. Широко используемыми в шаманской и другой обрядовой практике становятся не плач и крик как таковые, а искусственное подражание им, в результате чего и возникает собственно звуковая маска. Это, например, стилизованное подражание естественному плачу на поминках и похоронах. Звуковой маской является также использование среди тунгусо-маньчжурских народов струнных музыкальных инструментов и варгана, которые, согласно легенде, были когда-то сделаны для того, чтобы игрой на них заменять естественный плач.

Как и обычная, надеваемая на лицо маска, звуковая маска использовалась шаманом для привлечения духов. Духи призывались точно так же, как промысловые и непромысловые животные и птицы. Как говорит один из информантов, «когда подражали кукушкам, они слетались и даже на шапку садились». Используя звуковую маску (то есть, свое представление о том, каковы 'голоса' у духов), шаман пел, кричал так же, как, по его представлениям, пели бы и кричали бы они сами, и таким способом заставлял их слетаться к себе. По словам одного информанта, у разных духов разные голоса. Их призывают, имитируя их собственные 'голоса', подражая тем движениям, с которыми, как кажется исполнителям, они ходят и пляшут. Отождествляя себя с духами, шаман использует звуковую маску. Если степень погружения в транс (то есть интенсивность контакта с духом) достаточно велика, такое отождествление

становится более глубоким, и звуковая маска словно бы «прирастает» к шаману, становясь каналом, при помощи которого духи, как представляют это носители традиции, становятся слышимыми. По словам, В. Г. Богоразы, призванные чукотским шаманом духи «могут появиться только сквозь тело самого шамана в неясных звуках и истерических выкриках». И тогда «шаманы подражают голосам различных зверей и птиц, неистово бьют ногами об пол и прыгают с пеной на губах, ломая все предметы, попадающиеся под руку» [1, с. 125-126].

В шаманском фольклоре есть целый класс асемантических слов, то есть, слов, не имеющих вербального значения и служащих лишь тому, чтобы облечь ритмы – движения исполнителя – в некое подобие словесной одежды (например, нанайские шаманские *хогого*, *гиз*; *хэрэ* и т.п.). В обряде такие слова-попевки – это звуковая маска, инструмент реализации шаманом своего желания вступить в контакт с бесплотными ‘бессловесными’ существами¹.

Пользование звуковой маской может быть в шаманской культуре, согласно эмным представлениям, не только намеренным, но и непроизвольным: оно либо сознательно используется с целью привлечь к себе изображаемого маской духа и одновременно скрыть свою истинную идентичность, либо овладевает шаманом, когда какой-либо дух охватывает его помимо его воли.

Как обычную, так и звуковую маску шаман может применять произвольно. Но в некоторых случаях, как утверждают шаманисты, духи настолько цепко держатся при помощи этой маски за пользующегося ею шамана, что маска к нему ‘приклеивается’. Известны многочисленные рассказы о том, как какое-то время после совершения обряда шаман ни сам, ни с чьей-то помощью не мог снять с себя надетую и словно приросшую к его лицу маску. Вошедший сквозь маску по его приглашению дух завладевал не только маской, но и телом шамана. Также и звуковая маска в случае глубокого контакта с духом словно бы срастается с шаманом. Звуки, которые он испускает, становятся уже не преднамеренными, а непроизвольными. Если это случается, то «шаман, в тело которого вошел *кель* (по-чукотски, дух – Т.Б.), теряет способность человеческой

¹ Судя по тем восклицаниям, которые произносят шаманы от лица вошедших с ними в контакт духами, духи эти произносят не слова собственно, но подобные выкрикам животных ритмичные возгласы.

речи и может выражать свои желания только жестами или невнятными бессвязными звуками. Когда в шамана входит «дух» какого-либо зверя, он подражает движениям этого зверя: ползает на четвереньках, хрюкает и скрипит зубами» [1, с. 125-126]. Такое явление и позволяет утверждать, что звуковая маска временно превращает шамана в «духочеловека».

Носители шаманской традиции полагают, что во время камлания издает звуки не шаман, и не само животное, голосом которого кричит шаман, но дух, который прежде в данное животное вселялся и потому приобрел его свойства. Данный дух прежде действовал в теле животного, одушевленного им, точно так же, как действует теперь в теле человека, которым он овладел. [3, с. 164]. В ставших популярными в последнее время высказываниях, настаивающих на том, что основа шаманизма – единение с природой¹, не учитывается наличие опосредующих связь между шаманом духами и животными звуковых масок. Звуковые маски не отождествляют шамана и животное, голосу которого он подражает, но служат инструментом для контакта человека с духами, способными завладевать не только людьми, но и животными.

Литература

1. Богораз В.Г. Чукчи II. Религия / В.Г. Богораз. – Ленинград, 1939.
2. Роббек, В.А. Культурное наследие народов Севера / В.А. Роббек // Духовная культура народов Севера и Арктики в начале третьего тысячелетия : тезисы докладов / РАН. Сиб. отд-ние. – Якутск, 2002.
3. Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus. – Berlin : Reinhold Schletzer, 1999.

* * *

¹ Имеются в виду, такие, например, высказывания: «Настало время понимать и воспринимать истину об особой духовной связи народов Севера с окружающей их природой, животным и растительным миром и землей, где они проживают. По представлению наших народов существует неразрывная духовная связь, которая соединяет человека с зверями, птицами, рыбами и со всеми живыми существами окружающего мира, а также духами, «хозяевами» гор, лесов, тундры, морей, рек, озер. Все они связаны неразрывными узлами взаимного уважения и почтения» (2: 3).

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE VALUE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN HIGHER EDUCATION

Винокурова Марфа Александровна,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
Институт языков и культуры народов
Северо-Востока РФ

Vinokourova Martha Alexandrovna,
North-Eastern Federal University
named after M. K. Ammosov,
Institute of languages and culture of peoples
of the North-East of the Russian Federation

Аннотация. В данной работе раскрывается значимость межкультурной коммуникации в системе высшего образования. Данный тип коммуникации выступает как один из аспектов успешного адаптационного процесса иностранных и студентов из числа коренных малочисленных этносов. Проведен опрос среди иностранных студентов и студентов из числа представителей коренных малочисленных народов Севера младших курсов в системе обучения в университете. Межкультурное взаимодействие помогает студентам чувствовать себя ближе друг к другу и позволяет регулировать процесс адаптации в течение долгого времени, способствует развитию нюансов различной культурной идентичности.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, принимающая среда, интеграция культур, адаптация студентов, поликультурный мир.

Abstract. This work reveals the importance of intercultural communication in higher education. This type of communication stands as one of the successful aspects of the adaptation process of foreign and indigenous students. A survey among foreign students and the number of representatives of indigenous minority peoples of the North Junior courses to the learning system at the University. Intercultural communication helps students to feel closer to each other and to adjust an adaptation process for a long time, contributes to the development of the nuances of different cultural identity.

Keywords: intercultural communication, host environment, integration of cultures, adaptation of students, multicultural world.

Термин «межкультурная коммуникация» означает общение между представителями различных человеческих культур (личные контакты между людьми, реже – опосредованные формы коммуникации (такие, как письмо) и массовая коммуникация) [5, с. 18].

Межкультурная коммуникация рассматривается как совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам [2, с. 66].

В зарубежных странах развивается такое научное направление, как «наука об общении» (коммуникации). Данное научное направление исследует разные виды и формы коммуникации с точки зрения лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, риторики, лингвокультурологии.

Исходя из вышеперечисленных понятий, можно сделать вывод, что межкультурная коммуникация способствует формированию и развитию культуры и общества. Межкультурная коммуникация выступает в роли звена между участниками коммуникации разных культур, выполняет важную функцию, которые участвуют в коммуникации с людьми из разных стран. Процесс межкультурного взаимодействия, профессиональное владение межкультурной коммуникацией приобретает глобальное значение. Этот процесс связан с межличностным и организационным общением. Коммуникация между культурами, став новой реальностью, соединяет и разрушает национальные традиции, создавая традицию «интеркультуры» [4, с. 62].

Процесс взаимодействия культур имеет две стороны. С одной стороны в процессе взаимодействия культур могут разрушаться национальные традиции, с другой стороны соединяются национальные традиции разных культур, при этом образуется новая традиция: «интеркультура».

Владение межкультурным общением позволяет взаимодействовать с другой культурой, освоить тонкости другой страны, ее менталитет, ценности, язык и другие особенности [1, с. 40].

На современном этапе развития интеграции культур государство ориентирует российские университеты не только на профессиональную подготовку специалистов, но и на развитие культуры личности, готовой

к самостоятельной деятельности в новой социокультурной среде, к активному взаимодействию с представителями других культур на основе толерантного взаимоотношения.

На сегодняшний день Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова приобретает интернациональный характер, интегрирующий в международные контакты. Из этого вытекает интерес к процессу взаимодействия и взаимовлияния, к изучению специфики межкультурного взаимодействия. Межкультурная коммуникация представляет собой процесс взаимодействия представителей различных человеческих культур.

В Республике Саха (Якутия) проживают более 32 тысяч представителей из числа малочисленных коренных народов Севера. Выпускники кочевых, малокомплектных школ, которые привыкли к условиям традиционного образа жизни, неизбежно сталкиваются с трудностями в процессе учебы после поступления в университет. Можно подчеркнуть два важных атрибута межкультурного взаимодействия в принимающей среде: размер и пропорции принимающих связей и прочности вмещающих связей. Во-первых, сила и объём принимающих связей со временем увеличивается. Проводя всё больше времени в другом культурном пространстве, студенты постепенно увеличивают количество и качество общения с людьми в принимающей среде, иногда даже заменяя этим свои этнические связи.

Наблюдение на базе СВФУ им. М.К. Аммосова подтверждает тот факт, который выявлен на основе исследования: во-первых, студенты старших курсов бакалавриата чаще участвуют в разнообразных мероприятиях, связанных с внеучебной деятельностью, и больше общаются со своими одногруппниками, нежели студенты младших курсов бакалавриата. Во-вторых, качество общения действительно имеет огромное значение для процесса адаптации в иной лингвокультурной среде. Мы считаем, что появление контакта или взаимодействия даже не самое главное; вместо этого мы предполагаем, что исследования должны обращать больше внимания на то, что на самом деле происходит во время этих контактов. В-третьих, важно подчеркнуть существенную роль взаимодействия в зависимости от продолжительности времени, проведенного в новой культуре. Студенты имеют мало друзей в принимающей стране. По анализу опроса выявили, что больше 55% студентов на первых порах своей

адаптации не поддерживают тесных контактов ни с соотечественниками, ни с другими студентами; 35% студентов пожаловались, что им было трудно понять ход мыслей и поведения местных студентов, и сообщили о разочаровании от общения, так как, по мнению представителей обеих этнических групп каждая из них имеет более интересные и значимые вопросы для обсуждения. В процессе взаимодействия каждый человек одновременно решает две важные проблемы: стремится сохранить свою культурную идентичность и включается в чужую культуру. Можно выявить несколько основных вариантов решения проблем взаимодействия в зависимости от продолжительности времени, проведенного в новой культуре. Одним из вариантов будет отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей культурой.

СВФУ им. М.К. Аммосова представляет собой полинациональный вуз, именно поэтому так важно создать в нем условия, способствующие успешной адаптации студентов в процессе получения знаний, проживания в общежитии, организации свободного времяпрепровождения, профессионального становления будущих специалистов.

Любой студент кроме учебной деятельности оказывается вовлеченным в другие формы контактов, что должно обеспечивать более интенсивное погружение в другую культуру и результатом должен послужить факт снижения барьеров, быстрой адаптации в новой социокультурной среде. Адаптация студентов – представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также иностранных представителей в СВФУ им. М.К. Аммосова предполагает, что, во-первых, приобретение новых знаний, умений и навыков, компетентности и мастерства и, во-вторых, изменение психического состояния человека – когнитивные и личностные процессы.

Таким образом, можно сделать вывод, что национальная дружба обеспечивает студентам: знакомую структуру в новом поликультурном мире, взаимное уважение и одобрение, освобождение от стрессов адаптации. Такие материальные, информационные, эмоциональные, образовательные и развлекательные услуги облегчают адаптацию студентов на начальном этапе. Из-за чувства неуверенности и ощущения своей культурной самобытности студенты склонны строить дружбу с одним из национальных студентов, искать и поддерживать свою национальную и культурную идентичность.

Литература:

1. Богданова, С. Коммуникационные технологии в туризме / С. Богданова // Туризм: практика, проблемы, перспективы. – 2005. – №11. – С. 40-41.
2. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Ван Дейк. – Москва, 1989.
3. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Понков, А.П. Садохин ; под ред. А.П. Садохина. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
4. Милославская, С.К. К эволюции концепции культуры в лингводидактике : материалы IV Симпозиума МАПРЯЛ по лингвострановедению / С.К. Милославская. – Москва, 1994. – 62 с.
5. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2008. – 262 с.

* * *

УДК 37.1174

ТРАДИЦИИ СТАРИННОЙ СЕВЕРО-РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В АРКТИЧЕСКОМ СЕЛЕ РУССКОЕ УСТЬЕ

TRADITIONS OF THE ANCIENT NORTH-RUSSIAN CULTURE IN THE ARCTIC VILLAGE RUSSKOE USTYE

*Николаева Лариса Васильевна,
Портнягина Галина Дмитриевна,*
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
Педагогический институт,
кафедра дошкольного образования

*Nikolaeva L.V.,
Portnyagina G.D.,*
North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosov,
Pedagogical Institute,
Department of preschool education

Аннотация. В статье описываются традиции старинной северо-русской культуры, сохранившейся в заполярном селе Русское Устье. Интеграция русской и северной культуры в едином формате представляет собой уникальный сплав русских традиций в условиях Арктики.

Ключевые слова: традиции, северо-русская культура, Арктика, казачий уклад жизни, заповедник, устное народное творчество.

Abstract. The article describes the traditions of the ancient North-Russian culture preserved in the Arctic region by the Russian Ustye. Integration of Russian and northern culture in a single format is a unique fusion of Russian traditions in the Arctic.

Keywords: traditions, North-Russian culture, Arctic, Cossack way of life, nature reserve, oral folk art.

Россия – многонациональное государство. В ее состав входят 88 регионов субъектов Федерации. Из них 32 региона являются национально-административными образованиями с полиэтническим составом населения. Разнообразие этносов, проживающих в Российской Федерации, сложные процессы самоидентификации народов оказали влияние и на систему образования.

Республика Саха (Якутия) является самым крупным регионом Российской Федерации. Отличительными особенностями региона являются огромная территория, составляющая 3 083 523 км², отдаленность друг от друга населенных пунктов, суровые климатические условия, зимние морозы, полярные ночи на Севере, резко-континентальный климат, зависимость человека от природы и др. Все эти факторы обусловили особенности уклада жизни народа, отраженных в этнокультурных традициях и культуре народа.

Якутия входит в состав Дальневосточного федерального округа и является одним из исторически сложившихся поликультурных регионов России, где веками вместе живут и трудятся представители свыше 129 народов. Исконными представителями населения республики являются коренные северные народности – якуты, эвены, эвенки, юкагиры, чукчи, долганы. По данным I республиканского съезда учителей якутского языка, литературы и культуры (2017 г.) в Якутии проживают по состоянию переписи 2010 г. 958129 человек, из них 129 человек разных национальностей: саха – 466492 (48,7%), русские – 353649 (37,0%), эвенки – 21008 (2,2%), эвены – 15071 (1,6%), долганы – 1906 (0,2%), юкагиры – 1281 (0,13%), чукчи – 970 (0,07%) и др.

Среди малочисленных народов Севера Якутии выделяется старинная северо-русская культура, сохраненная в своем первоизданном виде в заполярном селе Русское Устье.

Село Русское Устье – уникальное поселение Аллаиховского района, расположенное на пересечении 71 параллели и 149 меридиана. Оно имеет свою историю, свое прошлое и настоящее. Согласно историческим источникам, более 400 лет назад здесь оказались русские переселенцы, вынужденные бежать из Новгорода от опричнины времен Ивана Грозного. Исследователи, побывавшие в Русском Устье в 1930 году, пришли к единодушному мнению, что жители Русского Устья – это потомки землепроходцев XVII века, в течение трех столетий сохраняющие казачий уклад жизни, язык, религию и культуру XVII века. Ученые записали говоры, составили словарь, обследовали обычаи русско-устыинцев (русь-устыинцев), весьма схожие с русскими обычаями XVII века.

Село основано в 1638 году, некоторые историки склонны относить дату основания села к XVI веку. В 1942-1988 гг. село именовалось Полярным.

Несмотря на тесное соседство с коренным местным населением, беженцы сохранили русский язык и традиции. Русское Устье – своеобразный заповедник старинной северо-русской культуры. Здесь вдали от торговых путей законсервировался северно-великорусский язык XVI века.

По климатическим условиям Русское Устье – самый экстремальный населенный пункт. Чаще всего здесь господствует ветреная погода.

Национальный состав населения Русского Устья представляют русские, якуты, эвены, юкагиры, табасаранцы. Основные занятия сельчан – рыболовство, пушной промысел, отстрел дикого оленя. Раньше основную часть производственной деятельности занимал пушной промысел, в последнее десятилетие из-за низкого спроса на шкурки белого песца большую часть производства составляет рыбодобыча. В селе трудятся мастера своего дела Чикачев И. А., Рожин М.В., Черемкин П.А., Солдатов И.И., Черемкин К.А., Чикачев В. И., Киселев Е.В., Киселев А.К., Чикачев Р. П., Моржов А.К., Черемкин П.В., Портнягин П.П.

В старину не было игрушек, взрослые старались своим детям делать сами. Традиционными играми, особенно в зимние вечера, когда холод и пурга не давали выйти на улицу, детей развлекали такими народны-

ми играми, как бирюльки, крючки, камушки, устраивали соревнования. Эти игры детям давали радость, у них вырабатывались внимание, усидчивость, развивалась зрительная память, наблюдательность, воображение. Также детей учили счёту, сравнивать у кого больше или меньше палочек.

Девочки садились поближе к своим мамам, бабушкам и просили мастерить куклы. Туловища крутили из бумаги, из ниток делали волосы, наряжали куклы из лоскутков. Мальчики вырезали из картона или со спичечных коробков целую упряжку собачек. Из головы налима и щёк выходили всадники на коне. Летом любили играть в подвижные игры, такие, как лапта чехарда, сохранившиеся от предков. На вечерках играли в «Узелки» и «Третий лишний».

Жили раньше русскоустыинцы небольшими заимками, но всегда держали связь семьями и друг с другом, приходя на помощь в любое время, в горести и радости. Жители села считались заядлыми охотниками, меткими стрелками – «ружейниками», неприхотливыми, выносливыми и очень сдержанными в проявлении своих чувств людьми. Делились пойманной рыбой, добытой дичью. Мальчишки помогали отцам: кормление собак, встреча отца с охоты, выпряжение собачьей упряжки. Мужчины часто бывали в отъезде и мальчикам приходилось колоть дрова, носить воду, собирать плавники (приносимой водой дрова), тянуть тяжёлую лямку бережника и при неводьбе. С семи лет мальчика сажали в лодку, привязывали, чтобы не вывалился ненароком. С каждым годом взросления на плечи ребят ложился большой круг забот и ответственности. Девочки помогали матери с раннего детства, их учили вязать сети, нянчить младших. Когда подрастали, помогали родителям ловить рыбу.

Главными моральными ценностями считались справедливость и честность. Воспитание детей в русскоустыинской семье построено на добрых традициях, семья для каждого ребёнка является главным звеном. Положительную роль в нравственном воспитании ребёнка играет личное поведение родителей, их отношение к окружающей среде. Учили детей беречь природу. От строения к строению вели тропки, а кругом нетронутые цветы и травы. Дети любили ходить в поход, любили наблюдать, как насиживают птицы в тундре свои гнёзда, как подрастают птенчики, как они становятся большими птицами, а осенью улетают в

тёплые края. Несмотря на суровость климата, трудности жизни, русско-устыинцы сохранили ласковость в обращении, избегали брани, сквернословия, почитали старину.

На базе МОУ «Русско-Устьинская основная общеобразовательная школа с д/с» существует школьный краеведческий музей, который обладает огромным образовательно-воспитательным потенциалом, так как он сохраняет и экспонирует подлинные исторические документы. Музей дает возможность эффективного использования этого потенциала для воспитания дошкольников в духе патриотизма, гражданского самосознания, высокой нравственности. Центральной идеей использования музея является идея гуманизма и сопричастности к прошлому, настоящему и будущему своего Отечества, родного края.

Фольклор Русского Устья изучался и изучается до сих пор участниками разных экспедиций и отдельными собирателями из разных уголков России. Фольклор средневековой Руси отражен ими в большей степени, чем материалами из других мест. Есть немало произведений, нигде более не записанных. Часть текстов отражает своеобразный быт русских охотников и рыбаков Крайнего Севера. Записи передают выразительный и красочный народный язык, сохранивший исконные черты северно-русских говоров, впоследствии утраченные населением первоначальной родины переселенцев.

Богато, разнообразно и познавательно устное народное творчество. Особый интерес вызывают пословицы и поговорки – кладезень народной мудрости. Трудно сказать, с каких пор в народе начали ходить пословицы и поговорки. Родились они в глубокой древности и отражают все стороны жизни людей. Пословицы и поговорки сопровождали жизнь народа на всем протяжении его истории.

Ниже приведены образцы русскоустыинских пословиц и поговорок.

- Хлеб-соль на столе – руки свои (о гостеприимстве).
- Не спасет вас цветно платье – спасут добрые дела (о труде).
- Что в печи – то и на стол мечи (о гостеприимстве).
- Не хвались, а лучше Богу молись, чем похвалишься, тем и подавишься (о скромности).
- Кому больно, тому и памятно (об обиде).
- Кто-то кончается, а кто-то венчается (при соблюдении траура нельзя играть свадьбу).

- Не забудь – развязным и товарищным будь.
- Спит как птица, не успеваешь даже сон присниться.
- Не расколупаешь дерево – не узнаешь.
- При хуе – худо, а без худа – тоже туго.
- Сверх зла надо делать добро.
- Утх, как петух.

Музей с большим интересом посещают иностранные гости, туристы, специалисты из Канады, США, Японии, Швеции, Финляндии и других стран. В книге отзывов много восторженных отзывов. Их авторы – археологи, полярные исследователи, ученые, краеведы, авиаторы, геологи, почетные гости, ветераны и т.д.

Население района гордится талантливыми мелодистами и исполнителями: Д.З. Слепцовым, Д.Е. Едукиным, А.П. Трайзе, Л.В. Дуткиным, И.В. Павловым, Е.Н. Боковой, местными авторами-поэтами И.А. Лебедевым, В.И. Лебедевым, А.А. Рожиным-Чабылыс, С.И. Климовским, Н.Н. Гороховым, исполнителями народных песен – Т.А. Омукчановой, А.И. Солдатовой и Е.Х. Сильной.

Известен в республике народный ансамбль «Русское Устье» улусного Дома культуры. Одной из старейших участниц ансамбля Аграфене Петровне Чикачевой присвоено звание «Заслуженный работник культуры». Более 10 лет в улусе выступает этот вокальный ансамбль. Детей знакомят с его творчеством, приобщают их через это знакомство к фольклорным песенным традициям Русского Устья.

В целях возрождения традиций и обычаев малочисленных народов стало проведение праздников «Встречи солнца» и «Цветение тундры». Аллаиховский район постоянно славился своими природными богатствами, прекрасной экологической пищей – мясом, рыбой, грибами, ягодами. Как и у всех народов Севера самым традиционным и любимым блюдом является строганина. Хорошо сохранились национальные костюмы, которые также оригинальны и несут отпечаток северной русской культуры.

Русскоустынцы принимают активное участие в деятельности Ассамблеи малочисленных народов Севера, активно пропагандируют свою культуру в мероприятиях Ассамблеи, ысыахе.

Таким образом, в традиционной культуре малочисленных народов Севера представлена также старинная северо-русская культура, сохранившая старинные традиции, обычаи, старорусский говор и уникальный фольклор, бережно сохраняемый народом.

Литература

1. Габышева, Ф.В. Формирование гражданской и этнокультурной идентичности в системе общего образования / Ф.В. Габышева // Этнокультурное образование в Дальневосточном федеральном округе Российской Федерации. – Якутск : Медиа-холдинг «Якутия», 2015. – 416 с.

Русские старожилы в Якутии. Коренные народы мира в современном мире. Etnic.ru/ – <http://etnic.ru/wow/ruskiye-starozhily-yakutii>

* * *

ЛИТЕРАТУРА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

УДК 39(=554)

НАЙДУТСЯ ЛИ ПУТИ ВЫЖИВАНИЯ ЛИТЕРАТУР И НАРОДОВ

Огорокова Варвара Борисовна,

Северо-Восточный федеральный

университет им. М.К. Аммосова

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы истории и современного состояния литератур коренных малочисленных народов Севера России. На обширном фактическом материале автор статьи ставит актуальные проблемы выживания литератур и народов Севера.

Ключевые слова: литература народов Севера, современное состояние и перспективы, чукотская литература, юкагирская литература.

Abstract. In the article questions of a history and a modern condition of literatures of the radical small people of the North of Russia are considered. On the extensive factual material the author of the article puts actual problems of the survival of literatures and peoples of the North.

Keywords: literature of the peoples of the North, current state and prospects, Chukchi literature, Yukagir literature.

Сегодня все сетуют на то, что нет читателей, ни взрослых, ни юных. На то есть много объективных причин нашей современной действительности. Есть, несомненно, и собственно литературные проблемы. И как выживать в таких условиях литературам, особенно литературам малочисленных народов? Но национальное своеобразие и колоритность всегда были основными достижениями литератур народов Севера и остаются главным критерием их самобытности и художественности.

Например, одним из первых пронзительных произведений Ч. Айтматова явилась его повесть «Джамиля», ставшая затем всемирно из-

вестной – переводилась на языки многих народов. Но сам писатель не был от нее в восторге. В конце повести мальчик как бы благославляет любовь Данияра и своей невестки, что противоречит законам рода и семьи народа. Но писатель больше так и не возвратился к этой теме. Ю. Рытхэу в одном из своих первых романов «Иней на пороге» противопоставляет цивилизации законы родового общества. Американец Джон отрекается от своего мира и становится членом родового общества чукчей. В таком повороте событий, с одной стороны, можно увидеть некоторую запальчивость автора, защищающего самобытность родного народа, и искусственность сюжета, но с другой – это был ответ на многие вопросы современности, ищущей ответы на вопросы экологических проблем мира. Ю. Рытхэу также больше не возвратился к своей теме.

Литература сильна, когда она на глобальные, мировые проблемы отвечает изображением собственной национальной жизни. Литература народов Севера на сегодняшний день выигрывает в этом плане более всех.

В чем колоритность произведений писателей народов Севера? Прежде всего в том, что народы, которые совсем недавно «каждое утро перешагивали через тысячелетия» (Ю. Рытхэу), могут преподать уроки выживания. Исследователь Тан-Богораз в своем фундаментальном труде «Чукчи» отмечал, что в общественном строе чукчей можно найти все черты общественного развития от родового до развитого капитализма. Ощущать в себе два и более миров – это таинственное состояние, присущее только народам Севера. Например, «спрессованность истории» С. Курилов показал в характерах своего знаменитого романа.

Но не стоит искать экзотику в произведениях писателей Севера. Это, прежде всего – рассказ о жизни народа, и такой «суровый реализм» Тэки Одулока продолжился в произведениях С. Курилова, А. Кривошапкина, Г. Кэптукэ, Н. Курилова и др.

В произведениях литератур народов Севера закономерно разглядели, прежде всего, душу народа. В повести Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего» героем становится, несмотря и даже вопреки обстоятельствам, оленевод Имтеургин, как мужественный и сильный человек. Но как бы он ни защищал свой род, на сцену выступают уже другие силы, зарождаются классовые отношения. Он, вступив в неравную схватку, остается побежденным и идет в батраки к богачу. Но не зря он назван

Имтеургином-старшим, младший будет уже сражаться за новую жизнь на Севере. Эта повесть впечатлила самого М. Горького, который перед I съездом писателей СССР (1934) сказал: «Всю ночь не спал, зачитался, хорошая книжка «Жизнь Имтеургина-старшего», а в своем докладе на съезде сказал: «Талант народа не зависит от его численности». С. Курилова на съезде писателей (1972) хвалил председатель СП СССР Г. Марков: «Гений. Талант горьковского размаха». Так, писателей-северян ставили в пример еще в те далекие времена.

А в XXI в. известный литературовед, специалист по национальной самобытности литератур народов Г. Гачев призывает писателей т.н. больших литератур к тому, что они должны учиться у «маленькой эвенкини» Г. Кэптукэ. В ее повести «Джелтула река, имеющая свое имя» героиня – маленькая девочка понимает, что нужно защищать свой мир, и, отправляясь в большой мир и отрываясь от своих сородичей, берет свой берег. В нем хранится весь ее мир, которому она никогда не изменит. Таким образом, Г. Гачев утверждает о том, что на современном этапе вопрос выживания стоит перед всеми народами и является глобальной проблемой всего человечества.

Чтоб продолжились замечательные традиции и чтоб литература народов Севера продолжала привлекать читателей мира, предстоит дальнейшая работа с талантливой творческой молодежью.

* * *

РИТМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЭЗИИ В.Д. ЛЕБЕДЕВА

Винокурова Антонина Афанасьевна,

Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова

Аннотация. Статья посвящена ритмической структуре поэзии В. Лебедева и дается статистический анализ.

Ключевые слова: эвенская поэзия, ритмика, слоговая структура стиха, соизмерность, стихосложение, Омчэни, строки.

Б.В. Томашевский отмечает, что «исторически два фактора определяют метр: литературная традиция и формы языка. В силу литературной традиции в определенных исторических условиях метрические формы, занесенные извне, могут и не соответствовать свойствам языка. Но, как правило, стихотворная система основывается на свойствах родного языка. В разных языках бывает разное противопоставление слогов, разные формы акцента. В языках Дальнего Востока наблюдается мелодический акцент: там можно изменить значение слова, произнося его с повышением тона. Возможно противопоставление долгого слога краткому» [6; 57].

В якутской поэзии исследователи стиха выделяют слоговые группы. И всевозможные ритмические структуры создаются варьированием сочетания разносложных слов. В книге Н.Н. Тобурокова «Проблемы сравнительного стиховедения» дается понятие о ритме в тюркоязычной поэзии: «ритм создается целым комплексом ритмического оформления стиха: сочетание разносложных ритмических структур, количество слогов в стихе в сочетании с рифмой, внутрстиховые повторы звуков» [5; 88].

Во всей истории своего развития, особенно на ее первых этапах, и якутская, и эвенская литературы были неразрывно связаны с фольклорной поэтикой, с ее эстетическими традициями, системой художественно-выразительных средств и стилистических приемов.

Структура обрядовой поэзии повлияла на художественную структуру мифа, который у некоторых тунгусоязычных народов когда-то пел-

ся, а также внесла свои структурные элементы в сложение эпического стиха, в компоненты которого так же, как и в обрядовой поэзии, входят запевные слова» [3;121-123].

Силлабическое стихосложение. Основная единица соизмерности стихов во всех языках – слог. Основные фонетические характеристики слога (слогового гласного) – высота, долгота и сила. Упорядочиваться может как общее количество слогов (силлабическое стихотсложение), так и количество слогов определенной высоты (мелодическое стихосложение), долготы (квантитативное) [4;1035].

В эвенской поэзии наблюдается общепринятое в поэзии других народов членение речи на соизмеримые по длительности отрезки речи при помощи пауз, величина которых зависит от синтаксического строения строфы и индивидуальных особенностей трактовки поэтического произведения.

Прежде всего, остановимся на количестве слогов в словах основного лексического фонда поэзии В.Д. Лебедева. В целом, в первом сборнике «Өмчэни» [1] преобладают трех-, четырехсложные слова, например:

Бадикар нэлтэн эңэни,	(3-2-3)
Тирулэву набганни.	(3-3)
Гарпуңанди итыву даласнан	(4-3-3)
Тадук хөррэн, хирунни.	(2-2-3)
Хэпкэсчими нёңчири,	(4-3)
Нюрмасчими дэрисни,	(4-3)
Такунарив бэкэччөн	(4-3)
Боддатникан бивэтти...	(4-3)
Нямалрала кукатаңчин	(4-4)
Хонңачан тогаттан	(3-3)
Эньми хатлан бунтаңакан	(2-2-4)
Гудеенэ хуклэддэн.	(4-3).

Приводя эти данные, мы отнюдь не игнорируем смысловую сторону поэтической речи, а выделяем языковую основу ее ритма. Как показал анализ, у Лебедева в стихах в основном преобладают шести-, семи-, восьмисложные ритмические структуры и их сочетания. Но поскольку шестисложные могут состоять из 3-3 сложных, 2-4, 1-2-3, 3-2-1, 2-1-3, 2-2-2

слов, а семисложные из 4-3, 2-2-3, 3-1-3, 4-1-2, 3-1-1-1-2, 1-3-3; восьмисложные строки состоят из вариантов сочетаний 4-4, 2-2-2-2, 4-2-2, 2-3-3, 5-3, 3-2-3 сложных слов. Равносложные стихотворные строки могут иметь значительное количество ритмических вариантов, например:

Мявму хину бакран,	(2-2-2)	шестисложная строка
Миндулэ нэлкэни	(3-3)	шестисложная строка
Инэни мэринни.	(3-3)	шестисложная строка
Набутти мэргэму	(3-3)	шестисложная строка
Танмучан бэриптэн.	(3-3)	шестисложная строка

Хэрэчэлкэн, нисалкан	(4-3)	семисложная строка
Осал унтав тэттиды,	(2-2-3)	семисложная строка
Эгден город улицалин	(2-2-4)	восьмисложная строка
Чергутичэн бөдэлди...	(4-3)	семисложная строка

Налу дукли, дукли налу	(2-2-2-2)	восьмисложная строка
Иманралкан би бугу,	(4-1-2)	семисложная строка
Нёбатили бумагали	(4-4)	восьмисложная строка
Хэрэчэгчин өняли.	(4-3)	семисложная строка

У В.Лебедева, как мы выяснили, преобладает 6, 7, 8-сложная структура стиха. Но в некоторых произведениях встречаются и 9, 10, 11, 12, 15-сложные стихи, например:

Эньму, хину би илранам.	(2-2-1-3)	восьмисложная строка
Хагданча бисэнри. Муланам.	(3-3-3)	девятисложная строка
Нөчэгин нөсэгчэн биддыди,	(3-3-3)	девятисложная строка
Өмними хи бадас качунни.	(3-3-3)	девятисложная строка

Нөсөгчэн уямкан кадарли маңрирам,	(4-3-3-3)	12-сложная строка
Нянин чулбаняв ясалди чимчарам.	(2-3-3-3)	11-сложная строка
Маңрираку төр-тэкэн дерэлнэн,	(4-3-3)	10-сложная строка
Көөдукув нелтэн тоган титкаттан.	(4-2-2-3)	11-сложная строка

Би харам амаски хөрэннэв удьлаву	(1-2-3-3-3)	12-сложная строка
Аяврив асаткан тэгэртэн – мин гяву.	(3-3-3-1-2)	12-сложная строка
Эсэм хар мэргэнни минтэки хоруттан, эсни-гу?	(2-1-3-3-3-3)	15-сложная
Тарак-тит бисиклэн тартаки мин мявму гусэкрэн.	(3-3-3-1-2-3)	15-сложная

15-сложная

Мы при этом придерживаемся понятия ритмической структуры как единицы, которая состоит из вариантов сочетаний разнотактных слов в группы, а не является группой одного ударного и нескольких безударных слогов, как в русском стихосложении.

Рассмотрим, ритмическую структуру поэзии В. Лебедева в сборнике стихотворений «Дялбу төрэнэтэн» (*В краю сородичей*) [2], созданном в более поздний период. Ритмическая характеристика поэзии Василия Лебедева многообразна. Размеры стихотворных строк в его поэзии колеблются от трехсложных до тринадцатисложных строк. Всего в этом сборнике выявлено 1087 строк.

В данном сборнике мы выявили 2 стихотворения, состоящие из четырехсложных строк – это стихотворение «Бадикар» (Утро), «Урэкчэндук биракчан» (Ручеек). А всего строк четырехсложника в данном сборнике – 49.

В стихе «Бадикар» (Утро) четырехсложные строки, имеют только два варианта: 2-2; 4.

Хечэ нелтэн (2-2)

Төрү авран, (2-2)

Дёлбэр эдэн (2-2)

Хяту бэлрэн (2-2)

Урэкчэсэг (4)

Хоралридюр(4)

Ханянцагчин (4)

Хумбэлэддэ.(4)

В данном произведении мы видим стройность стиха, как в оригинале, так и в переводе. Пятисложник Лебедева имеет такие ритмические структуры как: 2-3, 5, 4-1. В данном сборнике Лебедева пятисложных строк выделено 14, что составляет 1,3%. Отдельно стихотворений, состоящих только из пятисложника, в данном сборнике нет.

В. Лебедевым создано 8 вариантов шестисложника, сочетание двух трехсложных лексических единиц 3-3 составляет 71,6%, остальные 28,4% приходятся на 7 вариантов: 2-1-3, 3-1-2, 1-2-3, 2-1-2-1, 2-1-1-2, 1-1-1-3, 2-3-1. Всего шестисложные строки составляют 262 строк.

Трехсложная лексическая единица является основной ритмической единицей силлабического стиха Лебедева, а шестисложник, состоящий из двух таких ритмических единиц – основной стиховой формой его лирической поэзии:

Дэтлэлкэн инэңил, 3-3
 Курэргэн елтэңчис. 3-3
 Нянину төлдэлин 3-3
 Хэридюр бэрибэс. 3-3
 Дэтлэснэн давсанни-3-3
 Урэкчэн талаян, 3-3
 Несэлкэм хотарам 3-3
 Нюнэттин мокиннан 3-3
 Дэтлэснэн каилнин- 3-3
 Тэңкэну икэлни. 3-3.

Семисложник также является основной стиховой формой поэзии Василия Лебедева. Общее количество строк, созданных этим размером, достигает в этом сборнике – 269, что составляет 26,4%. Распространенные варианты данной ритмической структуры: 2-2-3, 4-3.

Семисложные строки в поэзии Лебедева сочетаются с 6-сложными, 8-сложными и 9-сложными структурными образованиями. Например, в стихотворении «Иңэнь төрлэ» (На Севере) из 16 строк семисложные составляют 8 строк, а остальные состоят из семи, девятисложных структур.

Халан төрлэ билэн бяглан	2-2-2-2	восьмисложная строка
Нөчэ чурит хевэтгэн.	2-2-3	семисложная строка
Иңэнь төрлэ тарак ачча,	2-2-2-2	восьмисложная строка
Толкундулат-та ачча.	5-2	семисложная строка
Билэн бяглан муттулэ	2-2-3	семисложная строка
Хуги тикрэн, хуннэ чиңэн.	2-2-2-2	восьмисложная строка
Иңэньсиду осэлридюр	4-4	восьмисложная строка
Нелтэнкэнур алаттап.	4-3	семисложная строка
Иңэнь бидэн, идя худэн	2-2-2-2	восьмисложная строка
Иңэнь төрлэ дэгэддэм:	2-2-3	семисложная строка
Тала дялбу этуддэ,	2-2-3	семисложная строка
Эмэддыву алатта.	4-3	семисложная строка
Ням-да бидэн, ай-да бидэн	3-2-2-2...	девятисложная строка
Этэм хоррэ нямси торлэ,	2-2-2-2	восьмисложная строка
Балданнан бугтукуи	3-4	семисложная строка
Этэм хуэе илэ-дэ.	3-3-3	восьмисложная строка

Такого рода ритмические комбинации, где встречаются семисложные структуры, в данном сборнике мы выявили 14 стихотворений и 3 поэмы, в которых имеются данные ритмические структуры. У В. Лебедева, кроме выше указанных вариантов, строение семисложника разнообразно, и они имеют такие сочетания: 3-4, 4-1-2, 5-2, 3-1-2-1, 3-1-3, 2-2-2-1, 2-2-1-2, 1-3-3.

В поэзии Лебедева доля употребления восьмисложных строк составляют 19,8%, девятисложные составляют 18% по степени распространенности уступая только шестисложнику. Восьмисложные стихи составляют 197 строк в 12 вариантах, наиболее распространенными являются 2-2-2-2, 4-4, 2-2-4, остальные 2-3-2-1, 2-1-1-2-2, 4-2-2, 5-3, 3-2-3, 2-3-3, 2-1-1-4, 3-1-2-2, 4-1-3.

Девятисложные строки составляют 17%. Характерно то, что девятисложные строки написаны в сочетании семисложными, десятисложными, одиннадцатисложными, двенадцатисложными комбинациями ритмических структур. Варианты данной структуры таковы: наиболее употребительными в сборнике являются варианты 3-3-3, из 179 строк. Остальные 11 вариантов, кроме вышеуказанной строки: 3-1-2-3, 2-1-3-3, 2-1-2-1-2-1, 2-3-2-2, 3-2-4, 1-2-3-3, 1-2-2-1-3, 3-2-1-3, 3-3-2-1, 3-1-2-1-2, 2-4-3.

Десятисложные, одиннадцатисложные, двенадцатисложные и тринадцатисложные строки по степени распространенности занимают последнее место. Из этих ритмических структур наибольшее количество двенадцатисложник составляет 44 строки, десятисложных выявлено 15 строк, одиннадцатисложных – 10, тринадцатисложных всего 4 строки. В данном сборнике было одно равносложное стихотворение из двенадцатисложных, состоящее из 8 строк:

Иманра, небати бадалкан биникэн 3-3-3-3 двенадцатисложная строка
 Делгэнкэ нэндэнцон хотарман нипкэнри. 3-3-3-3 двенадцатисложная строка
 Тек илэ хөрдэнцон ханикан бокандим, 1-2-3-3-3 двенадцатисложная строка

Ядаи даянри, небати иманра? 3-3-3-3 двенадцатисложная строка
 Нэлкэнив алаччим, нелтэтки мэтудим, 3-3-3-3 двенадцатисложная строка
 Таракам нэлкэни нелтэнду умкэндим, 3-3-3-3 двенадцатисложная строка
 Небати бадалкан иманра, таракам 3-3-3-3 двенадцатисложная строка
 Этэнри хумэттэ делгэнкэ нэндэнцон. 3-3-3-3 двенадцатисложная строка

Таким образом, в результате статистического анализа ритмики в поэзии В. Лебедева в сборнике «Дялбу төрэннэтэн» (В краю сородичей) нами выявлено 65 разных ритмических структур. Самыми распространенными размерами являются: семисложник (269 строк – 10 вариантов), восьмисложник (197 строк – 11 вариантов), девятисложник (179 строк – 11 вариантов) и десятисложник (15 строк – 9 вариантов). Равносложным стихом написано 6 произведений из 41, что составляет 14,6% и 35 произведений написано неравносложным стихом – 83,4%.

Литература

1. Лебедев, В. Өмчэни: Дёнтур / В. Лебедев. – Якутск : Нека төрэнэн книга издательстван, 1963. – 68 с.
2. Лебедев, В. Дялбу төрэннэтэн / В. Лебедев. – Якутск : Нека торэнэн книга издательстван, 1968. – 64 с.
3. Лебедев В.Д. Обрядовая поэзия эвенос / В.Д. Лебедев // Поляр. Звезда. – 1982. – №4. – С.121-123.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под. ред. А.Н. Николюкина; Институт научн. информации по общест. наукам РАН. – Москва : НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.
5. Тобуроков, Н.Н. Проблемы сравнительного стиховедения (на материале советской поэзии тюркоязычных народов Сибири) / Н.Н. Тобуроков; Акад. Наук СССР Сиб. отд, Якут. ин-т языка, лит. и истории. – Москва : Наука, 1991. – 179 с.
6. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / Б.В. Томашевский; вступ. статья Н.Д. Тамарченко; комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тамарченко. – Москва : Аспект Пресс, 2003. – 334 с.

* * *

**ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СЕВЕРА ДО И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ**

**LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE NORTH BEFORE
AND AFTER THE REVOLUTION:
PROBLEMS OF MODERN REFLECTION**

Хазанкович Юлия Геннадьевна,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью критической рефлексии творчества первых писателей-северян в советский и постсоветский периоды. Экскурс в историю подготовки писателей из числа коренных народов Севера, обращение к истокам их творчества, идейно-тематическому содержанию, национальной самобытности художественного слова позволяют представить их как репрезентативные явления своего времени.

Если в советское время при анализе первых произведений северян обращались к проблемам литературным и общественно-политическим, то в постсоветский период наблюдается философское восприятие критикой художественного слова северян, его деидеологизированное прочтение и постмодернистское «декодирование». Для постсоветской критики характерна публицистичность и полемичность в оценке художественно-эстетического феномена, коим является литература малочисленных народов Севера. В статье показано, что «постмодернистский» подход к художественным «текстам» северян, написанных в разные периоды истории, не способствует выявлению национальных особенностей художественного слова северян и жанрово-стилевого своеобразия их произведений. Историко-критическая рецепция заявленной темы позволяет представить особенности функционирования художественного слова народов Севера.

Идеологические каноны, художественная регламентированность национальных литератур в советский период, с одной стороны, укорененность литератур народов Севера на образно-тематическом и ценностном уровнях в фольклоре и национальном языке на всех этапах развития, с другой, – все это определило особенности функционирования художественного слова северян в 1920 – 2000-е годы. В статье выявляются подходы и критерии оценки творчества северян в разные исторические периоды, уточняются методологические принципы изучения литератур. Для достижения поставленной цели применяются сравнительно-исторический и герменевтический подходы.

Ключевые слова: рецепция, малочисленные народы Севера, идеология, советский период, революция, автохтонное слово, критика.

Abstract: The relevance of the topic is due to the need for critical reflection of the creative work of the first Nordic writers in the Soviet and post-Soviet periods. An excursion into the history of the preparation of writers from among the indigenous peoples of the North, an appeal to the sources of their creativity, ideological and thematic content, and the national identity of the artistic word make it possible to present them as representative phenomena of their time.

If during the Soviet period, when analyzing the first works of the northerners, they addressed themselves to literary and socio-political problems, in the post-Soviet period there was a philosophical perception of criticism of the artistic word of the northerners, its de-ideologized reading and postmodern “decoding.” Post-Soviet criticism is characterized by publicism and polemic in assessing the artistic and aesthetic phenomenon, which is the literature of the small peoples of the North. The article shows that the “postmodern” approach to the art “texts” of the northerners “written at different periods of history does not contribute to the identification of national features of the artistic word of the northerners and the genre and style peculiarity of their works. The historico-critical reception of the declared subject allows us to present the features of the functioning of the artistic word of the peoples of the North. The ideological canons, the artistic regulation of national literatures in the Soviet period, on the one hand, the rootedness of the literatures of the peoples of the North on the figurative-thematic and value levels in folklore and the national language at all stages of development, on the other, all determined

the functioning of the artistic word northerners in 1920 2000s. The article identifies approaches and criteria for assessing the creativity of northerners in different historical periods, and clarifies the methodological principles for the study of literatures. To achieve this goal, the comparative-historical and hermeneutic approaches are applied.

Keywords: reception, small peoples of the North, ideology, Soviet period, revolution, autochthonous word, criticism.

Вводная часть. Наше обращение к теме – наказ народного писателя Якутии, эвенского поэта, прозаика и общественного деятеля Андрея Васильевича Кривошапкина. Тема предполагает не только размышление о значении революции 1917 года в зарождении и истории литератур народов Севера в синхроническом и диахроническом аспектах, но и творческую рецепцию завоеваний революции писателями-северянами – от зачинателей до современников, а также критическую рефлексию исследователей национальных литератур.

Методология. «Датовская» тема актуализирует анализ подходов в оценки творчества северян в разные исторические периоды. Для достижения поставленной цели применяются сравнительно-исторический и герменевтический подходы.

Результаты исследования. Цель сопоставления «старого и нового» в работах советского периода была, по мнению французского исследователя Евы Тулуз, «чисто идеологической: иллюстрировать постулат, что прошлое было плохое, а настоящее-будущее – прекрасное» [18].

Отправной точкой нашей рецепции будет высказывание современного критика: «Северные народы оказались крайне плодовиты на литераторов. Их возникновение и рост не были закономерным процессом, там, где нет традиций письменной культуры... Развитие литературы на Севере культивировалось искусственно... Действительно ли нужна письменность архаическому обществу или ее навязывание бессмысленно, а может даже принесло вред?» [6, с. 116]. Прояснить вопрос «нужна ли письменность архаическому обществу?», можно только через обращение к историко-литературным фактам и свидетельствам.

Через два года после свершения революции, в 1919 году, когда страна была в состоянии гражданской войны, при научно-техническом от-

деле ВСНХ была создана Комиссия по делам Севера. В этом же году к проектным работам по Северу была привлечена Российская Академия наук.

Огромное значение в молодой советской стране уделялось образованию. Северяне не были исключением. В начале 1920-х годов появились первые школы для хантов, эвенков и др. В 1925 году на рабфаке Ленинградского университета состоялся первый набор студентов из числа северян с окраин Сибири и Дальнего Востока, затем подобные учебные отделения были открыты в Томске и Иркутске [19, с. 102-103].

Особую роль в просвещении северян сыграли культбазы. В 1925 году Комитет Севера принял решение о создании культурных центров для приобщения северных кочевников к социалистическому образу жизни. Первые агитационные пьесы на родных языках, обличавших шаманов, кулаков, «врагов народа», были написаны и поставлены на сцене учениками культбазовских школ. Некоторые пьесы остались на скрижалях литературной истории малочисленных народов Севера. Так, в разных местах компактного проживания северян появлялись одноименные пьесы «Шаман», авторами которых были эскимос Ктугье, ненец И. Ного, нивх Соет, чукча Енок и др. При отсутствии очевидных художественных достоинств, их ценность – временная, факт письменного автохтонного слова у ранее бесписьменного народа [11].

В советское время было немало исследований, посвященных после-революционному развитию литератур малочисленных народов Севера. О роли Великого Октября в изменении жизни северян и зарождении художественного слова у «инородцев» Севера имеется немало очерков и литературоведческих исследований М. Воскобойникова, Г.И. Ломидзе, М.Н. Пархоменко и др. [9], [13], [15], [24], [8]. Это логично, потому что до революции, в имперскую эпоху, у малочисленных народов Севера практически не было условий для формирования письменного художественного слова – тотальная безграмотность и бедность северян, а также отсутствие заинтересованности у властей, за исключением православных миссий, просвещать инородцев, «масса туземного населения жила в подавляющем большинстве вне культурного влияния». Только во второй половине XIX века делаются попытки обратить внимание на грамотность среди «туземцев края». Исключением были церковно-

приходские и так называемые «министерские школы», которые давали государственное начальное образование. Были они под патронатом Министерства народного просвещения. Но дело народного образования среди туземцев, по словам Г. Попова, «подвигалось туго». Только после 1905 года с ростом общественного сознания начинает среди народа меняться взгляд на образование [14, с. 223-227], [20].

Но художественное слово инородцев Севера в дореволюционный период все-таки прозвучало. И оно связано с именем русскоязычного романиста и драматурга Гамаллила Гантимурова, потомка известного эвенкийского княжеского рода. Самый известный и доступный из наследия первого эвенкийского писателя – роман «Ганя Хмуров» (1904). Это произведение из так называемой «задержанной литературы», его автор был потомком княжеского рода Гантимуровых, сам носил княжеский титул, и в советское время, естественно, не был жалован. Он скончался в Иркутске, в 1921 году, а его имя более чем на полвека было стерто из истории литератур народов Севера. Художественная практика Гантимурова уникальна: он был в переписке с В.Г. Короленко, его стиль формировался в традициях областнической литературы Сибири, впервые в литературах народов Севера были обозначены «экзистенциальные» вопросы ответственности и выбора. Но какой-либо исследовательской рецепции феномен творчества Г. Гантимурова почти не получил [17], [2], [21].

В большинстве своем развитие новописьменных литератур, народы которых «до Октябрьской революции не имели письменности и были загнаны в самые глухие места нашей планеты, вымидали от эпидемий, голода и лишений...», началось в первые годы установления советской власти на местах. Это было поистине «историческим чудом» [24, с. 148]. Утверждение оспаривать не будем, учитывая, что уже в сер. 1920-х годов первые поэты и прозаики-северяне открыли молодой Советской республике свои народы и культуру через начертанное на бумаге Слово. Знаменательно, что через 10 лет после свершения революции, в 1927 году патриарх североведения В. Богораз и его ученик С. Стебницкий издали на русском языке «Букварь для северных народностей». В предисловии, которое звучало как «Обращение к учителю», авторы обозначили задачи: 1) дать ученику материал из северной жизни, знакомой и

привычной ему с раннего детства; 2) научить его при помощи этого материала читать и писать; 3) научить его русскому языку. В 1929 году, благодаря инициативе А. Подгорской, была издана учебная книга «Из нашей жизни». Ее основное содержание – короткие рассказы студентов Северного факультета Ленинградского восточного института, в которых «красной строкой проходит мысль – «до» и «после» Октября. Этот мотив почти на два с лишним десятилетия определил содержание большинства произведений литератур малочисленных народов Севера» [12, с. 4-5]. Авторам первых рассказов-зарисовок больше нравилось «рассказывать сказки на бумаге», нежели описывать бытовые и промысловые сцены из своей жизни. Содержание книги было ориентировано на читателей-северян, плохо владеющих русским языком, и после знакомства с ней высшей похвалой было признание: «Так было интересно, словно домой съездил».

В советской республике с 1928 по 1933 г. на русском языке выходил журнал «Тайга и тундра», в первом номере которого отмечалось, что «это в первый раз северные туземцы, некультурные, бесписьменные, пишут сами о себе» [12, с. 6].

Безусловно, это так, потому что до революции были книги для народов Севера, в том числе и учебные, но они зачастую были созданы священниками-миссионерами, и основное содержание их носило религиозный характер. В первые десятилетия советской власти со студентами-северянами работали активно: северяне были не только информантами, но пробовали работать с родным письменным словом – по предложенному педагогом плану на родном языке записывали историю из собственной жизни, своего рода и делали переводы произведений русской классики, А.С. Пушкина в частности, – сказки А. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» (ненец К. Ненянг), повесть «Станционный смотритель» (хант Н. Терешкин), лирики и др.

Опыты перевода, погружение в традиции русской прозы, творчества М. Горького в частности, драматургию А. Островского, А. Чехова, увлеченность революционной поэзией 1920-х годов, – в этом соединении «мощных поэтических традиций своих народов с высокими достижениями русской и мировой культуры» [24, с. 149] появилась возможность зарождения и становления национальной поэзии – гражданской и ли-

рической, прозы – социально-бытовых рассказов, социально-исторических и лирических повестей, драматургии – одноактных агитационных пьес. Это явление обозначили как «культурный взрыв», «ускоренное» развитие национальных литератур [10].

Сегодня эту «ускоренность» пытаются поставить под сомнение, равно как и сам факт необходимости существования у народов Севера литературы и письменности. Вновь обращаемся к книге «Цветы во льдах» И. Гобзева. Жанровое обозначение книги необычное: «Литература народов Севера и Дальнего Востока: наблюдения философа и критика». Книга состоит из очерков-медальонов о творчестве, произведении конкретного автора. Так, в очерке «В традициях волшебной сказки», посвященном творчеству зачинателя удэгейской литературы Дж.Кимонко, пишет: «Стиль повести полностью соответствует манере письма советской эпохи, и это мешает проникновению в суть текста, почти повсюду преследует навязчивое мнение редактора и ее литературная переработка ... Вполне очевидно, что выросший в дикой тайге на берегу речушки в юрте... едва ли мог мыслить категориями марксизма-ленинизма и легко пользоваться распространенными для литературы того времени оборотами...» [6, с. 135]». Подобное «наблюдение» имеет право быть, особенно у читателя, воспитанного на классических образцах русской и мировой литератур, но далекого от литератур национальных. В этой связи следует обратиться к свидетельству Юлии Шестаковой, переводчика Джанси Кимонко. Она дружила и была вдохновителем Кимонко, жила рядом с писателем в удэгейском поселке Гвасюги. Именно в ее переводе (а он был сделан еще при жизни Кимонко!) и редакторской обработке повесть удэгейца впервые увидела свет: «Первая часть повести уже была опубликована в Ленинграде в журнале «Звезда». Писатели (А. Твардовский, Эм. Казакевич, Л. Сейфуллина и др.) высказали интересные мысли относительно языка, стиля, задавали вопросы, связанные с этнографическими особенностями повести Д. Кимонко, отмечали достоинства перевода [22, с. 74]. Воспоминания Шестаковой – документ, и он, при всей субъективности, объективен. Кимонко мог «мыслить категориями марксизма-ленинизма», потому что за его плечами было несколько курсов Института народов Севера в Ленинграде и потому что он был человеком своего времени, а не только рожденный «в лесной

глуши». Кимонко был близок и понятен Шестаковой – у нее были за плечами не только экспедиции в Сихотэ-Алинь и знания о культуре удэгейцев, но и общий с Кимонко хронотоп эпохи, что позволило русской переводчице очень корректно выразить на русском языке мысль-идею с удэгейской душой своего друга. «Манера письма советской эпохи», столь неприемлемая современным критиком, мешать современному читателю не должна, просто должно быть осознание того, что это только начало становления художественного мышления и художественного слова писателей Севера.

Обсуждение результатов. В книге Ивана Гобзева встречается немало негативных и откровенно оскорбительных высказываний в адрес советской власти, которая, по его мнению, душила культуры автохтонных народов, изменила сознание носителей традиционной культуры и почти уничтожила шаманов, и попытка игнорировать сам факт, что большинство будущих писателей коренных народов Севера свое мастерство обрели в стенах Литературного института в Москве и Института народов Севера в Ленинграде. О столь нетривиальных наблюдениях И. Гобзева высказался профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Ващенко А.В., исследователь фольклора и литератур североамериканских индейцев и народов Севера России: «Дело не столько в демонизме советской власти, которая при таком подходе предстает явлением исключительным, сколько в конфликте традиционной культуры и цивилизации, как он проявился в XX веке» [4, с. 6].

Зачинатели литератур народов Севера – юкагир Тэки Одулок, эвен Николай Тарабукин, удэге Дж. Кимонко и др., не по принуждению, а по велению души, обращались в своих первых писательских опытах к истории и современности своего народа, и обращались через факты своей собственной автобиографии. Подзабытый сегодня советский писатель, автор романа «Последний из удэге», Александр Фадеев заметил: «Дело не в том, где живет писатель..., с темпераментом борца всегда и везде найдет новое в жизни... О чем бы писатель ни говорил, какие бы стороны жизни он не отражал, он во все это должен вложить свою собственную биографию» [22, с. 78].

Отложенные во времени результаты октябрьской революции 1917 года сегодня оценивают неоднозначно и сами писатели-северяне. Оцен-

ка политики национального строительства в ленинское время, на наш взгляд, должна быть объективна: безусловно, она не остановила сокращение численности говорящих на родных языках (эта тенденция обозначилась еще в царское время и была отмечена В. Иохельсоном, исследовавшего юкагиrow), но именно тогда было положено начало работ по организации национальных районов, созданию письменностей для малочисленных народов, изданию книг и учебных пособий на северных языках и др. Позднее работы в этом направлении были заторможены (начиная с 1930-х годов), а затем и свернуты (постперестроечное безвременье). В этом можно убедиться, обратившись к полярным суждениям современных писателей-северян: братьев Куриловых – юкагирского поэта Улуро Адо в книге «Избранное» (2012) и писателя Н. Курилова в фантастических рассказах и его поэтическом сборнике «О вчерашнем вспомню...»), творчеству ненки Анны Неркаги, поздней романистике чукчи Юрия Рытхэу, публицистике ханта Еремея Айпина, к повестям и публицистике эвенков Г. Варламовой-Кэптукэ, Александра Латкина, Варвары Даниловой, автобиографической трилогии эвена А. Кривошапкина «Кочевье длиною в жизнь» и др.

Год 1917 – точка бифуркации не только в истории аграрной России, судьбе русского народа и «инородцев» российского государства. Политика молодого советского государства была направлена на создание благоприятных условий для зарождения и развития литератур, в том числе и литератур малочисленных народов Севера как на русском языке, так и на родном. При ВЦИК существовал специальный отдел национальностей, который занимался вопросами создания письменности и введении преподавания на родном языке для учащихся-националов [1].

Воскобойников М. в очерке «Колыбель новописьменных литератур» отмечал, что «северяне писали свои первые рассказы и повести, создавали стихотворения и поэмы на родном языке. Исключением был юкагир Тэки Одулок, создавший свою повесть на русском языке. В Институте народов Севера родилась письменность для эвенков, эвенов, чукчей, коряков, ненцев, хантов, манси, нивхов и др... С чукчами работал Г.И. Богораз и Г. Мельников, с коряками – С. Стебницкий, с нанайцами – В. Аврорин, эвенками – Г.М. Василевич, эвенами – В.И. Цинциус и др.» [23, с. 207]. На протяжении всего существования история литератур

народов Севера была сопряжена с историей страны, и это нашло отражение в этапности ее становления и формировании образно-тематического ядра, в ее стилистических особенностях [14], [5, С. 44-51].

Безусловно, были перекосы и навязывание национальным литературам соцреалистических канонов, но надо признать, что благодаря достаточно продуманной политике советского государства в области литературы с ее переводческой практикой, системой выездных творческих семинаров для молодых писателей Севера, поддержка литературы на языках, профильных литературных журналов и книжных серий, типа «Дружба народов», был создан фундамент для развития художественной словесности Севера как уникального этноэстетического и социокультурного явления и стилистического феномена. В этом феномене можно обнаружить типологические схождения с другими «младописьменными литературами» России, но вместе с тем, она не утратила укорененности в национальных ценностях и связей с живой эпической традицией.

Заключение. В литературах малочисленных народов Севера на протяжении всего «советского» периода наблюдалось прохождение ценностно-эстетической самоидентификации, поэтапное обретение «самости» художественного слова: что-то воспринималось, заимствовалось и трансформировалось, что-то исключалось как диссонирующее устно-поэтической традиционной культуре. Но никогда в истории литератур малочисленных народов Севера не было «текстов на манер постмодернизма». Об этом писали А.В. Пошатаева и А.В. Ващенко [16], [4], такой точки зрения придерживается исследователь А.С. Жулева, которая отмечает, что одной из задач изучения литератур народов Севера должно быть описание «художественных языков, существующих на разных этапах истории словесного искусства», «распознавание смысла не только текста, но и традиций, обычаев, бытования, истолкованием тайного прошлого и скрытого настоящего в духовной жизни своеобразных северных народов» [7, с. 341].

Следует особо подчеркнуть, что при всей регламентированности советского периода была сохранена укорененность литератур народов Севера на образно-тематическом и ценностном уровнях в фольклоре и национальном языке. Этот запас прочности, видимо, и позволил, в 1990-е, в годы коренного коммуникативно-ценностного излома в нашем со-

циуме, «трибунно» заявить писателям-северянам о бытийной катастрофе – реальной угрозе исчезновения языков, а вместе с тем и самобытных культур народов Севера с их ценностной системой.

Слово, высказанное писателями-северянами в первые годы становления советской власти, не утратило свою мощь в советское время, не потерялось в «идеологемах». Сегодня оно набирает свою силу, оно пассивно, потому что в традиционной культуре аборигенов Севера Слово, слово художественное в том числе, всегда сакрально и им никогда не играют.

Литература

1. Богданова, Г. Хранитель вепсского слова / Вепсская литература / Г. Богданова, И. Винокурова. – Москва : Литературная Россия, 2011. – С. 8-30.
2. Болонев, Ф.Ф. «Не жесточью, а ласкою»: отношение русских властей к эвенкийскому роду Гантимурову в XVII-XIX веках / Ф.Ф. Болонев // Этнокультурное взаимодействие народов Евразии. – Новосибирск : Издательство ИАЭТ СО РАН. – 2002. – 102 с.
3. Ващенко, А.В. Мы – Ваша совесть. Исповедимые пути родства: хантыйская литература в свете литератур «коренных американцев» / А.В. Ващенко // Мир Севера. – 2001. – №3. – С. 68-71.
4. Ващенко, А.В. Сила автохтонного слова / А.В. Ващенко // Гобзев И. Цветы во льдах. – Москва : Литературная Россия, 2013. – С. 3-12.
5. Воскобойников, М. Как все начиналось. Взгляд из 1956 года / Эвенкийская литература / М. Воскобойников. – Москва : 2006. – С. 44-51.
6. Гобзев, И. Цветы во льдах / И. Гобзев. – Москва : Литературная Россия, 2013. – 190 с.
7. Жулева, А.С. Этнологический аспект в изучении литератур народов Севера / А.С. Жулева // Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты. – Москва : ИМЛИ РАН, 2014. – С. 337- 366.
8. Комановский, Б.Л. Самые молодые литературы / Б.Л. Комановский. – Москва : Знание, 1973. – 144 с.
9. Ломидзе, Г.И. Ленинизм и судьбы национальных литератур / Г.И. Ломидзе. – Москва : Современник, 1972. – 252 с.
10. Михайлов, А.К. Ускорение / А.К. Михайлов. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1984. – 111 с.

11. Огрызко, В.В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера / В.В. Огрызко. – в 2 т.– Москва : Литературная Россия, 1998-1999.
12. Огрызко, В. Литература отчаяния и надежды: вместо обзора / Хантыйского литература / В. Огрызко. – Москва : Литературная Россия, 2002. – С. 3-29.
13. Пархоменко, М.Н. Рождение нового эпоса / М.Н. Пархоменко. – Москва : Современник, 1979. – 352 с.
14. Попов, Г.А. Сочинения. История христианского просвещения якутов и других инородцев якутской области. Очерки по истории Якутии. Т. 1. / Г.А. Попов. – Якутск : ИГИ СО РАН, 2005. – 275 с.
14. Пошатаева, А.В. Литература народов Севера / А.В. Пошатаева. – Москва : Наука, 1988. – 162 с.
15. Пошатаева, А.В. Миф и время / Концепция личности в литературе развитого реализма / А.В. Пошатаева. – Ереван, 1980. – С. 336-345.
16. Пошатаева, А.В. Юрий Рытхэу, Владимир Санги. Опыт реконструкции эстетики переходных эпох / А.В. Пошатаева // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Вып.3. – Москва : Наука, 1998. – С. 122-141.
17. Списки Селенгинской и Нерченской архивы. Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (ф. 21, оп.4, д.29, л.15).
18. Тулуз Ева. Между прошлым и будущим. Старое и новое в произведениях первых литераторов уральских народов Севера: идеология социализма и традиционное мировоззрение / Е. Тулуз // Мансийская литература. – Москва : Литературная Россия, 2003. – С. 101-113.
19. Увачан, В.Н. Годы, равные векам: Строительство социализма на Советском Севере / В.Н. Увачан. – Москва, 1984. – С. 102-103.
20. Хазанкович, Ю.Г. Миссионерство и православные мотивы в литературах малочисленных народов Севера / Ю.Г. Хазанкович. – Якутск : Бичик, 2007. – 48 с.
21. Хазанкович, Ю.Г. Китай и Россия: исторические метаморфозы и литературные парадоксы / Ю.Г. Хазанкович // Проблемы Дальнего Востока. 2008. – №5. – С.171-179.
22. Шестакова Ю. Встречи и расставания / Ю. Шестакова. – Хабаровск : Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры, 2003. 125 с.
23. Юкагирская литература. – Москва : Литературная Россия, 2006. – 373 с.
24. Якименко, Л.Г. На дорогах века / Л.Г. Якименко. – Москва : Художественная литература, 1973. – 494 с.

АНДРЕЙ КРИВОШАПКИН «ОХОТНИК ТОРМИТА» СЭНЭНИН СҮРҮН ГЕРОЙУН УОБАРАҢА

Архипова Елена Афанасьевна,

Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова

Аннотация. В статье говорится о характере главного героя повести «Охотник Тормита» эвенского писателя А.В. Кривошапкина.

Ключевые слова: эвен, охотник, патриот, оленевод, рыбак, Север, родина, земля предков, олени, тундра.

Андрей Васильевич Кривошапкин – Саха Өрөспүүбүлүкэтин народнай суруйааччыта, эбээн норуотун патриота, народнай депутат, государственной уонна общественной деятель. Социологической наука кандидата, Хотугу Форум Академиятын академига. Арктика уонна Хотугу абыһах ахсааннаах омуртар проблемаларын туруорсар, быһаарсар норуот тумус туттар кинитэ.

Айар үлэтин 1960-с сыллартан саҕалаабыта, бэйэтин тылынан кэпсээннэри, сэнэннэри, романнары суруйан эбээннэргэ эрэ буолбакка, бүтүн Россия аабааччытыгар киэнник биллэр суруйааччы. Мин А. Кривошапкин үрдүк патриотической тыыннаах поэзиятын мэлдьи сэргии, хайбыы аабабын, бүгүн прозатыттан биир сэнэнигэр тохтуоҕум. Суруйааччы айар үлэтэ киэн хабааннаах уонна поэзията прозатын кытта биир тыыннаабын, ыкса сибээстээбин тоһоҕолоон бэлиэтиир наадалаах. Ол курдук «Өбүгэм сирэ» диэн ааттанан 2006 сыллаахха «Бичиккэ» тахсыбыт хомурунньугун ааҕан [1] Андрей Кривошапкины норуотун туһугар сүрэхинэн-быарынан ыалдьар улахан патриот, төрөөбүт айылҕатын мунура суох таптыыр айылҕа оҕото, добордоһуу диэн тугун билэр, суолтатын өйдүүр дьиннээх добор, нарын, уйан дууһалаах, таптыыр сүрэхтээх лирик киһи быһыытынан ылынабын. Хас биирдии хоһооно дириг ийиилээх, этэр санаалаах. Суруйааччы прозатыгар ити

өйдөбүллэр эмиэ бары бааллар. Манна көстөр кини айар үлэтигэр биир сүрүн тиэмэни илдэ сылдыра: эбээн норуотун олоҕо-дьаһаҕа, сирэ-туома, дьарыга.

«Охотник Тормита» диэн сэхэнин нууччалыытын аахтым, олус биһирээтим, эбээннииттэн тылбааһын В. Хайрюзов онорбут. Сэхэн биллэрэр-көрдөрөр, үөрэтэр-такайар, сэрэтэр өттө күүстээх. Айымны икки эрэ аспегын (өрүтүн) көрдүм:

1) сүрүн герой уобараһа, характер арыллыыта, ааптар ситиһиитэ;

2) Тормита булчут буоларын көрдөрөр малын-салын ойуулааһын (вещи главного героя).

Бастатан туран, Тормитаны уус-уран уобарас үс бэлиэтинэн быһаардахха, кини соҕотох герой, ол аата А. Кривошапкин айбыт уус-уран уобараһа буолар, атын ханнык да айымныыга, литератураҕа ман-нык герой суох, онон кини хатыламат. Иккиһинэн, кини эбээн чулуу булчута, күөгэйэр күнүгэр сылдыар эр бэрдэ, быһа холоон 40-50-чэлээх буолуон сөп, сааһа ханна да ахтыллыбат, тутта-хапта сылдыарыттан көрдөххө, улахан дьиэ кэргэн аҕа баһылыга, дэриэбинэтигэр убааста-нар, биллэр киһи, XX үйэ иккис аңарын киһитэ. Үсүһүнэн, киһи аймахха туох бэлиэ хаачыстыбатынан өйдөнөр, ылыныллар эбитий диир буол-лахха, чизһинэй, көнүлү өрө тутар, мындыр, сатабыллаах уонна дой-дугуар, идэтигэр олус бэриниилээх киһи. Мантан сиэттэрэн Тормита бары хаачыстыбатын сиһилии көрөр буоллахха кини толору мэтириэтэ, характера тахсан кэлэр:

- эдэригэр бэйэтин билинэр, арыый бас-баттах тыллаах киһи, биир санаалаах, биир тыллаах, төрдө-ууһа соччо билибэт, ааптар ону кэп-сээбэт, бу сиргэ хантан эрэ кэлэн хаалбыт киһи диэн этэр («Охотник Тормита», «О том, как женился Тормита»).

- хорсун, куттаҕаһа суох киһи, холку майгылаах, булугас өйдөөх, мындыр, уопуттаах булчут, балыксыт, табаһыт, Кэрэмэс диэн булчут ытыгар ураты истин, доҕордуу сыһыаннаах, барыга бары дьоҕурдаах, сатабыллаах, норуот үгэһин билэр даҕаны, тутуһар даҕаны, эдэрдэр-гэ кэпсиир даҕаны, айылҕалыын, кыыллыын-сүөллүүн биир ситимнэ-эх, мэлдьи кэпсэтэ, көрдөһө-ааттаһа сылдыар дьиннээх айылҕа оҕото, талааннаах диэххэ эмиэ сөп, ол курдук сүргэтэ олус көтөбүлүннэбинэ бэйэтэ айан эбээнни ыллыыр үгэстээх, сымса, бэйэтин олус кыанар,

түргэн-сыыдам туттунуулаах, үтүө санаалаах – ол сыһыан кыылга да көстөр, дьонно даҕаны сыһыаныгар биллэр, булчут бары хаачыстыбата баар – чуор уонна кыраҕы, аһыныгас, сиэрдээх, чиеһинэй, суобастаах, ыраас санаалаах, үтүө быһыылаах. Холобура атын ыт кыыл үрэ тура-рыгар түбэхэр уонна ыты аһынан кыылы өлөрөр, астыыр уонна онно хаалларар, булчукка илдьит ыытар булда ханна сытарын кэлэн ыллын диэн ыйар («Чужая добыча», «Встреча на перевале»), олус сүрэхтээх (сүрүбэ суох киһи хайдах да булчут буолбат), махталлаах (Сир иччитэ, махтал буоллун! диэн тыллаах, Спасибо, Дух земли! Наар сирин аһата сылдьар), принципиальной, сиригэр-уотугар хаһаайынныы сыһыаннаах («Для чего оленю рога?»), эдэрдэргэ – наставник, үөрэтэр-такайар («Голова сохатого»), аламаҕай аҕа, кэргэн («В жаркий день», «Ходячий талисман» оҕолорун кытта сир астаһар, кээбэл туһунан үһүйээн кэпсиир), сири-уоту биэс тарбаҕын курдук билэр уонна харыстыыр дьингнээх патриот. Кинини өссө дрессировщик, рационализатор, пропагандист диэххэ сөп. Сэһэн эдэр булчуттарга пособие да буолуон сөп. Оннук сиһилии араас кыылга тус туһунаннык бултааһын үгэхэ кэпсэнэр.

Теорияҕа «автор и герой», «писатель и персонаж» диэн баар, ааптар геройугар сыһыана. Сэһэннэ Кривошапкин Тормитатыгар хайдах сыһыаннаһарый? Биллэн турар, олус убаастабыллаахтык, хайҕаан, өрө тутан, холобур гынар гына, ону кини быһаччы эппэт. Ааҕааччы бэйэтэ өйдүүр. Ааптар киһитинэн киэн туттар да диэн этиэххэ сөп, эбээн булчута мындырын, бэриниилээҕин көрдөрөр, биир тылынан эттэххэ, суруйааччы чулуу булчут идеальной уобараһын айбыт. Ааптар ситиһиитэ тугуй диэтэххэ, кини геройун олохтон ылбыт, хайдах баарынан ойуулуур, онон реалистическайдык суруйар. Сэһэн композициятын көрөр буоллахха, кылгас кэпсээннэртэн турар, кэпсиир, сэхэргиир истиилэ олус холку, өйдөнөр гына быһааран сэхэргиир, элбэхтик сир-дойду аата ахтыллар: «верховья Калдикчан, гора Кабата, речка Сяргулан, речка Омчоконжа, речка Амкындя, озеро Нэригэлкэн» о.д.а.

Литература теориятыгар «Художественный мир произведения» диэн түһүмэххэ «вещный мир» диэн өйдөбүл баар. Ол аата айымньыга баар, туттуллар маллар, герой мала-сала, туттар сэбэ-сэбиргэлэ. Ааптар сүрүн геройун уобараһын ситэри арыыйарыгар араас мал-сал ахтыллара, ойууланара булчуппут уобараһын итэбэтиилээх онорон биэрэр. Билигин

кылгастык Тормита малын көрүүхпүт, кини булчут быһыытынан туох маллааҕый: «нарты, веревка, маут, седло, лыжи, чайник, котелок, фляга, кружки, ложки, ведро, палатка, печка, спички, свечка, карабин, тозовка, патроны, патронтаж, бинокль, капканы, удочка, сеть, круглая палка, топор, нож, мука, чай, сахар, трубка с мешочком (табак), рюкзак, мыло, зубная паста, щетка, полотенце, картуз, сапоги». Хотугу булчут күннээҕи туттар мала-сала субу курдук эбит».

Ааптар булчут уобараһынан дьиннээх эбээн киһитин көрдөрбүт, бу киһибит олус ыраас толкуйдаах, норуотун муудараһын илдэ сылдьар, олортон биир саамай сүрүн санаата: «Таба баар буолуоҕа – эбээн баар буолуоҕа» диэн (с. 44-45). Уопсайынан, таба уонна эбээн олус сибээстээх өйдөбүллэр. А. Кривошапкин бары айымньытыгар көстөр лейтмотив, сүрүн сүүрэн, күлүүс тыллар.

Хоһоонноругар даҕаны эбээн норуотун ааптар табаҕа холоур. Эбээн эстетикатыгар, олоҕу, кэрэни сыаналыырыгар таба уобараһа күүскэ көстөр, бэл диэтэр, баар буолуу символун курдук ылынар. «Таба баарын тухары эбээн баар» диэн санааны тутуһар, ол иһин табаны харыстыыр, аһынар, таптыыр. Эбээн кутун-сүрүн таба илдэ сылдьарыныны саныыр. А. Кривошапкин хоһоонноругар эбээн уонна таба биир ситимнээхтик өйдөнөллөр.

Холобура, Таба дьылҕатын хатылаан

Норуотум эстибэтэр ханнык... [1, с. 13].

Атын хоһоонно:

Таба баар буоллаҕына – эбээн баар,

Норуот курдук сананья оччоҕо.

Таба сүттэҕинэ – эстиэ турар

Эбээн, арай ынчык хаалыаҕа [1, с. 15].

Ааптар баҕа санаатын аһаҕастык суруйар:

Тунаарар күөх урсунна

Туллуктана көтөр таба

Туман буолан сүппэтэр! [1, с. 80].

Н. Тобуруокап «Андрей Кривошапкин» диэн уочаркатыгар суруйбутуну, эбээн поэта олоҕу «эбээннии» көрөр. Бэйэтин туспа хараһынан, туспа майгытынан. Ол иһин дойдутун, норуотун өрө тутар, инникигэ сирдиир.

Түмүктээн этгэххэ, А. Кривошапкин поэзията, прозата бэйэтин эбээнни, хотугулуу тыынынан күүстээх. Кырдыгы, сөптөөбү этэринэн итэҕэтиилээх. Отгон «Охотник Тормита» сэһэн сүрүн геройа ыччаты үчүгэйгэ эрэ үөрэтэр табыллыбыт биһирэбиллээх герой, бастын киһи бары үтүө хаачыстыбатын ильдэ сылдыар идеальной уобарас.

Литература

1. Кривошапкин, А.В. Өбүгэм сирэ : хоһооннор / А. Кривошапкин (В. Сивцев тылб.). – Дьокуускай : Бичик, 2006. – 88 с.
2. Тобуруоков, Н. Андрей Кривошапкин (очерк жизни и творчества) / Н. Тобуруоков. – Якутск, 1999. – 76 с.
3. Огорокова, В.Б. Северное созвездие / В.Б. Огорокова. – Якутск : Бичик, 2002. – С. 50-55.
4. Кривошапкин, А.В. Избранные произведения. Т. 2 : Охотник Тормита. Ангелы снежных гор : повести и рассказы / А.В. Кривошапкин. – 2015. – 384 с.

* * *

УДК 821.512.142

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАНИХ РАССКАЗОВ Е. АЙПИНА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «КЛЯТВОПРЕСТУПНИК»)

Исакова Снежана Анатольевна,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
Институт зарубежной
филологии и регионоведения

Isakova Snezhana Anatolievna,
senior lecturer of the Chair
of Foreign languages for Humanities
at The Institute of Foreign Philology
and Regional Studies,
M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
58, Belinskogo St., Yakutsk, 677000, Russia

Аннотация. В статье рассматривается национальная специфика творчества хантыйского писателя Е. Айпина. Используя метод сопоставительного анализа, автор изучает ранние рассказы писателя «Медвежье горе»

и «Последний рейс», вошедшие в сборник «Клятвопреступник». Рассматриваемый материал показывает, что основу этнопоэтики писателя составляют элементы устного народного творчества. Прежде всего это определяется присутствием в текстах мифологических сюжетов и мотивов, отражающих особенности мышления народа ханты, сказавшихся в одушевлении предметов и явлений, в сравнениях, взятых из мира природы. Это мышление отразилось в языке рассказов, особенностях синтаксического построения фраз и лексике Айпина-прозаика.

Ключевые слова: фольклор, олицетворение, сравнение, национальная лексика, стиль, рассказ, сопоставительный анализ, хантыйская литература, Е. Айпин.

Abstract. The article considers national specificity of creative work by a Khanty writer E. Aipin. With the help of comparative analysis the author studies the early stories “Bear grief” and “The last sail” in the writer’s collection “Oathbreaker”. The analyzed material shows that the author’s ethnic poetics is based on the oral tradition elements. First of all this is determined with presenting mythological plots and motives reflecting some peculiar features of national Khanty mentality in empathy of various subjects and phenomena, in using comparison with natural forces. This thinking is reflected in the language of the stories, peculiarities of syntactic construction of phrases and vocabulary of a prose writer Aipin

Keywords: folk genres, personification, comparison, national dictionary, story, comparative analysis, Khanty literature, E. Aipin.

Сборник Е.Д. Айпина «Клятвопреступник» был опубликован в середине 1990-х годов. Книга представляет собой цикл, который состоит из четырнадцати текстов – это ранние рассказы Е. Айпина, созданные в 1970-е годы, за исключением двух – «Русский лекарь» (1993) и «Осень в твоём городе» (1993).

Пролог и эпилог к сборнику образуют некий круг, связующим элементом которого становится тема Природы, мир которой у писателя опоэтизирован, физически осязатим.

Все события в рассказах происходят на земле хантов, тем самым образуя циклообразующую функцию. В рассказах «Медвежье горе»

(1972), «Конец рода Лагермов» (1974) события происходят в родной тайге. В «Последнем рейсе» (1972) герои путешествуют по таежной реке Аган, а в «Лебединой песне» (1973) действие происходит в глухой лесной заимке.

Основными героями рассказов цикла являются человек и природа. Взаимодействие человека и природы в рассказах фиксирует модель поведения героя, типичную для представителя традиционной культуры, главная задача которого заключается в следовании природной гармонии.

Отношение к природе Е. Айпиным раскрывается через мироощущение и восприятие его героев. Авторская речь служит для передачи мыслей и чувств персонажей. Например, в рассказе «В урмане»: «Обрадовался Коска: он любил идти навстречу солнцу, и он не заметил, как задремал <...> Любил Коска осенний ледоход: у реки тепло и уютно, весело хрустят льдинки, перегоняя друг друга» [1, с. 34, 35]. Понятие «своего» или «привычного» раскрывается оценочной характеристикой рассказчика – *у реки тепло и уютно*, а так же объективизацией некоторых деталей – *Оно (солнце) пригревало все сильнее, весело хрустят льдинки*, которые остаются в пределах авторского повествования, но ориентированы на конкретное действующее лицо – Коска.

Одушевление природы, при котором понятия «живое» и «неживое» представлены в нерасторжимой связи, обычно находит отражение в пейзажных описаниях. Например: «Солнце стало серым и неподвижным, как обленившийся медведь, который собирается залечь в берлогу» [1, с. 53]; «Тучи облезлыми оленьими шкурами лежали на вершинах кедров, прижав к земле таежных птиц, продрогших и насквозь мокрых» [1, с. 151]. В приведенных примерах сравнительные обороты представлены и базируются на образах, лексическое выражение которых относится к северному ареалу – *как лиса, как ворон, как бурундучок, как обленившийся медведь, оленьими шкурами*.

Традиционный уклад жизни северных народов, их близость к природе способствовали тому, что многие фольклорные анималистические персонажи характеризуются устойчивой экспрессивно-эмоциональной оценкой, которая в художественной литературе писателей-северян находит то или иное отражение.

Ярким примером такого отношения к природе является один из ранних рассказов Е. Айпина «Медвежье горе» (1972). Здесь автор показывает жизнь медведя, как некое чудо, творение природы, во многом схожее с человеком.

Старый охотник вспоминает историю, которая глубоко отпечталась в его памяти. Медведица, увидев пасущихся оленей, прячет своих медвежат под валежником и уходит на охоту. Ловит добычу и возвращается к медвежатам, но находит их мертвыми – «с небольшим шумком, похожим и на бормотание, и на мольбу, она давай их тормошить и обнюхивать». Медведица ревет на весь лес, она стонет и рыдает «как человек-мать», а потом «как полоумная, ломая сучья, полезла на сосну и с диким ревом она грохнулась с этой сосны», «она застонала, вернее, зарыдала, как человек, а потом звезды ее стали медленно гаснуть в страшной тоске. Вскоре она была уже мертва. Видно, сломала себе хребет...» [1, с. 8].

Для введения такого повествования Айпин использует прием «рассказа в рассказе», передавая слово персонажу – бывалому и опытному охотнику, «лучшему медвежатнику рода» деду Ефрему.

В рассказе всегда есть «рассказчик», персонифицированный или неперсонифицированный субъект речи. Присутствие «рассказчика», как отмечает Н.Л. Лейдерман, «мотивирует не только сосредоточенность повествования на отдельном фрагменте жизни, но и столь важное для густоты рассказа сочетание драматического и повествовательного принципов изображения» [4, с. 66]. О.К. Лагунова подчеркивает, что «активная позиция «рассказчика» провоцирует и активность читателя. Атмосфера живого разговора достигается так же и «персонажами – слушателями»» [3, с. 69].

Печальной истории о гибели медведицы и ее медвежат искренне сочувствует, объединившись в сопереживании, все живое на Земле и Небе:
«Молчали люди.

Молчали сосны.

Молчали звезды на небе.

Молчал наш костер» [1, с. 9].

Здесь, как отмечает Е.С. Роговер, впервые автором использован найденный им стилистический прием: повторение глаголов, выстраивание их в ритмически звучащее стихотворение в прозе. Слово «молчали», с

которого начинаются все четыре предложения, объединяет не только действия, но и само настроение слушающих, уравнивает человека, дерево, звезды, огонь. Тем самым, автор подчеркивает единство человека и природы, их неразрывную связь. О.К. Лагунова называет это «встречей «своих», для которых расстояние – не преграда, чтобы услышать, понять, отозваться» [3, с. 70].

Ощущение такого единства отражается и в повествовательной структуре рассказа: события описаны с нескольких точек зрения, что «отсылает к фольклорной традиции, не знающей авторства» [6, с. 230].

Позиция автора кажется нейтральной – автор только передает услышанное, но в то же время обнаруживается в контекстах, которые относятся к пейзажным описаниям.

Сама обстановка – охотничий привал, «*жаркий костер*», «*длинный осенний вечер*», «*говор почтенного человека*» – располагает к рассказыванию былей и потому все живое вокруг захотело услышать эту историю: «*И боровые сосны словно придвинулись к нашему костру, притихли, перестали меж собой шептаться*», охотники «*слушали затаив дыхание*», собаки «*навострили уши*», олени «*прислушивались к говору*». Так некогда внимали певцу Орфею все существа в мире природы. Айпин тоже заставляет всю природу слушать мудрого старца, хранителя традиций своего народа. Здесь мы видим, как пейзажные описания сопутствуют повествованию рассказчика и как в них проявляется индивидуальная манера автора – желание напомнить сородичам о традициях и мировоззрении предков, о народном восприятии природы, потому как именно такое, народное отношение к природе и есть верное, истинное.

В этом случае необходимо рассмотреть прием олицетворения, в котором, как отмечает Н.Г. Михайловская, «существенным оказывается соотнесение понятия человек и природа, которое включает атрибуты внешней среды, растительного и животного мира» [5, с. 139].

Уподобление медведицы человеку прослеживается в использовании вставной реплики в функции несобственно-прямой речи: «Пусть, мол, побарахтаются, пока на охоту схожу...» [1, с. 8]; при употреблении номинант «*мать*», «*детки*», но наиболее четко проявляется в предложении, содержащем сравнение: «Она застонала, вернее зарыдала, как человек-мать, а потом звезды ее стали медленно гаснуть в страшной

тоске» [1, с.8]. Чувства старого охотника выражены не только описанием его ощущений в трагическом финале: «А у меня аж сердце упало. И ноги пропали, будто убежали куда. Словно окаменел я, а шелохнуться не могу. Только глаза мои все видят да ум все это укладывает в память. Моему разуму и телу совсем плохо стало» [1, с. 8], но и тем образно-метафорическим оборотом, который как бы подчеркивает единство и единение мира природы: «Деревья, показалось мне, и то заплакали» [1, с. 8].

Соответствие с устным народным творчеством прослеживается в сопереживании животному, которое выражает старый охотник. Как отмечает Н.В. Лукина, в хантыйской культуре «певец или рассказчик настолько сильно старался войти в образ, что максимально самоидентифицировался с ним» [56, с. 38]. Аналогии присутствуют и в других рассказах писателя, где рассказчик, повествователь или персонаж сопереживает земле («Время дождей»), дереву («В урмане»), реке («Последний рейс»), птице («Лебединая песня»).

Тема «человек и природа» порождает оппозицию «свой» – «чужой», в которой герой познает окружающий его мир в контексте «своя» – «чужая» культура и обычаи, традиционный и современный уклад жизни. К.Я. Лагунов обратил внимание на личный взгляд Е. Айпина на этот вопрос через призму отношений – «родная культура ханты – индустриальная цивилизация». В этой оппозиции, как отмечает исследователь, рождаются сюжеты и события, возникают противоречивые вопросы и проблемы, выбирают свой путь герои.

Наглядно противопоставлены «свой» и «чужой» в рассказе «Последний рейс» (1972). Сюжетной основой рассказа стала одна из главных тем хантыйских героических сказаний – богатырь защищает свое селение от набегов вражеских племен. И как в жанре эпоса, в рассказе разрабатывается один конфликт, в котором герой подвергается физическим и духовным испытаниям. Так, вступая в противоборство с капитаном Буркиным, Костя понимает, что «от того, как он поступит, во многом будет зависеть его дальнейшая жизнь <...> жизнь и реки, и тайги, и всего его маленького народа ханты» [1, с. 15].

Изображению столкновения двух разных цивилизаций в лице хантыйского охотника Кости Казамкина и пришлого капитана Буркина подчинены все изобразительно-выразительные средства рассказа. Ис-

следованию этого конфликта в рассказе способствует фольклорная мотивация сюжета, которая определяет композицию всего произведения.

Обратившись к одной из тем героического сказания, автор строит рассказ на противопоставлении, которое обнаруживается, в первую очередь, в отношении к природе. Так, герои по-разному воспринимают окружающий мир: для Кости река, лес, животные – неперменные составляющие живого природного организма. Буркин видит в них лишь средство удовлетворения малопонятных охотнику желаний.

Противопоставленность показана и в описании внешности героев, их характера, а так же в словах и поступках. В тексте подчеркивается «неподвижное» лицо капитана Буркина, которое «ничего не выражало – ни радости и печали, ни покоя и тревоги. Неподвижные серые глазки стеклянно уставились на желтые разводья на краске, словно неподвижными были и мысли в его голове, что не могли поколебать маску лица <...> когда долго смотришь на его лицо, на душе становится тоскливо – человека охватывает необъяснимое беспокойство» [1, с. 10]. Повторение эпитета «неподвижные» акцентируют некую мертвенность героя, а выбор автором слова «маска» не случаен. Такое описание часто присуще человеку равнодушному, расположенному нести смерть всему живому. Поэтому внезапное оживление Буркина во время последнего рейса вызывает у молодого охотника-ханты чувство тревоги: «Редко оживают его глаза – значит, что-то задумал... » [1, с. 10].

При описании внешности капитана Буркина, автор уделяет внимание его глазам. Например: «Сонные глазки его ожили и теперь беспокойными мышатами метнулись на берег, где уже задымил печными трубами лесоучасток» [1, с. 10]. Здесь автором использован прием сравнения, который, как отмечает Н.Г. Михайловская, «в качестве структурного компонента художественного выражения сам по себе является языковым средством, характеризующим национальную поэтику» [5, с. 113]. Сравнение выражено творительным падежом имени существительного – *мышатами*. В данном примере синтаксическая функция творительного сравнения определяется как функция образа действия, которая устанавливается с соотнесенностью с глаголами, обозначающими стремительные, быстрые движения – *ожили*, *метнулись*, а так же с определением *беспокойными*.

Застылости лица капитана противостоит «зоркий охотничий взгляд» Кости, отсутствию мысли – думы молодого охотника о родной земле: «сколько лесов вырубил на этой некогда щедрой реке Аган, сколько воды ее перемудрили катера, сколько леса ее прочесывали лесорубы с ружьем, а зверь – птица еще не перевелась вся...» [1, с. 9].

Вызывающая тревогу живость капитана Буркина («торопливо натянул», «глазки ожили» и «метнулись на берег», «вскочил», «кричал» и т.д.) оттеняет выдержанность и не суетливость Кости («опять смолчал», «никак не отреагировал», «все молчал», «изрядно помешкав» и т.д.).

Противопоставленность героев подчеркнута и их разным отношением к предмету – ружью. Для Кости оно необходимо для охоты или самозащиты, для Буркина – это развлечение, знак превосходства: «Во какую пушку заграбастал! <...> Шестнадцатый калибр, хромированные стволы – настоящая пушка! <...> всякое зверье предо мной страх чувствует...» [1, с. 11]. В этом случае очень метко замечание Кости, в котором он сравнивает Буркина не с охотником, а с наемником.

Важнейший эпизод с лосем очень ярко проявляет и обнажает оба характера. В фольклоре народов ханты и манси лось, как и медведь, происходит с неба и получает особые формы почитания. В мифических сказаниях лось нередко носит эпитет «сверкающий священный зверь на небе» [2, с. 21]. И потому, спасая лося от рокового выстрела, Костя понимает, что предотвратил не только «лосиную погибель», а защитил свой народ, его веру, на которую, играючи, мог посягнуть всякий «чужой».

Но катастрофа неизбежна. Об этом говорит короткое, но емкое по отношению к жизни всей Земли ханты, слово «пока»: «Пока все не уничтожили, не загадили, иди, протаптывай охотничьи тропы и дороги, распутывай звериные следы, до одурения вдыхай чудный запах свежих снегов и зеленой хвои. Иди, спеши...» [1, с. 18].

Элементы фольклорной поэтики в рассказе становятся тончайшим инструментом, позволяющим проанализировать и раскрыть художественными средствами конфликт человека и природы.

Таким образом, в повествовательной структуре ранних рассказов Е. Айпина прослеживаются характерные для хантыйского эпоса сюжетные линии, образы и мотивы. Стандартная сюжетная схема мифа

о встрече героя-защитника со своим антагонистом в ранних рассказах реализуется в контексте тематики «человек и природа». Е. Айпин следуя эпическим канонам богатырского сказания раскрывает проблему отношений «человек и природа» в контексте оппозиции «своя» – «чужая» культура и обычаи, традиционный и современный уклад жизни. В героях сборника «Клятвопреступник» присутствует этническая обусловленность. Они чувствуют изменения в природе, соотносят их со своим внутренним миром. Герой тяжело переживает изменения, произошедшие по вине цивилизации, чувствует целостное единство природы и человека.

Для рассказов раннего периода характерны приемы олицетворения и сравнения, которые определяются общей ориентацией на понятия и реалии окружающей природы и животного мира, а так же использование лексики хантыйского языка при описании предметов домашнего обихода и быта, одежды, построек, некоторых социальных и фольклорно-мифологических понятий, а так же понятий и реалий, связанных с оленеводством и охотой. Тем самым автор передает неповторимый характер мышления своего народа, сказавшийся в одушевлении предметов и явлений, взятых из мира природы.

Литература

1. Айпин, Е.Д. Клятвопреступник. Избранное : роман и рассказы / Е.Д. Айпин. – Москва : Русло, 1993. – 423 с.
2. Карьялайнен, К.Ф. Религия югорских народов. Т. 3 / К.Ф. Карьялайнен. – В 3 т. – Томск, 1996. – 264 с.
3. Лагунова, О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю.Вэлла, А. Неркаги) : монография / О.К. Лагунова. – Тюмень : Изд-во Тюмен. ун-та, 2007. – 260 с.
4. Лейдерман, Н.Л. Движение времени и законы жанра / Н.Л. Лейдерман. – Свердловск, 1982. – 256 с.
5. Михайловская, Н.Г. Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока / Н.Г. Михайловская. – Москва : Наука, 1984. – 160 с.
6. Путилов, Б.Н. Фольклор и народная культура / Б.Н. Путилов. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 237 с.

«ЧОЛБОН» СУРУНААЛГА ФОЛЬКЛОР АЙЫМНЬЫТЫН ТЫЛБААҢА

TRANSLATION OF FOLKLORE WORKS IN THE MAGAZINE “CHOLBON”

Олесова Мария Аркадьевна,

М.К. Аммосов аатынан Хотугулуу-Илинни
бэдэрээлинэй үнүбэрсит,
Хотугулуу-Илинни норуоттар тылларын
уонна култуураларын үнүстүүтэ

Olesova Mariya Arkadevna,

North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosov,
Institute of Languages and Cultures
of the Peoples of the North-East

Аннотация. Ыстатыйаҕа “Чолбон” сурунаалга бэчээттэммит остуоруйа тылбааһын туһунан сырдатылынна. Тылбаасчыт сыалын-соругун ситиһээри ханнык ньыманы туһаммытын көрдүбүт. “Чолбон” сурунаалга остуоруйа арааһын, эгэлгэтин көрдүбүт.

Ключевые слова: тылбаас, “Чолбон” сурунаал, жанр, остуоруйа, ньыма.

Abstract. The article shows translations of fairy tales in the magazine “Cholbon”. We found out what methods the translator used to achieve the goal. And we also read the stories printed in the magazine.

Keywords: Translate, magazine “Cholbon”, genre, fairy tales, method.

Тылбаас атын норуот устуоруйатын, олоҕун-дьаһаҕын билэрбитигэр наада. Тылбаас баар буолан, улуу айымньылары ааҕабыт, холобур оностобут, үөрэнэбит. Тылбаас – урамны. Өскөтүн тылбаасчыт тылын ситэ билбэт, кэрэ дорҕоонугар абылаппат буоллаҕына, атын норуот айымньытын уратытын толору тылбаастаабат, дьонно тириэрдибэт. Тылбаас тыл нуорматын сайдытынын олоҕо буолар. Комиссаров В.Н. тылбаас туһунан маннык эппитэ: “Тылбаас диэн уустук, үгүс өрүттээх үлэ буолар. Тылбаас биир тылы атын тылынан уларытыы буолбатах. Манна араас култуура, дьон, өй-санаа, литэрэтиирэ, көлүөнэ, сайдыы таһыма, үгэс күөн көрсүһэр”¹.

¹ Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение : учебное пособие. – Москва : ЭТС. – 2004. – 424 с.

Саха сириҥ тылбааһын эйгэтигэр “Чолбон” диэн саха норуотун ба-стакы интеллигеннэрэ, патриоттара онорбут литэрэтиирэли сурунаал сүдү кылааты киллэрбитэ. Сурунаал сүрүн сыала – саха норуотун өйүн-санаатын саналы сайыннары буолар. “Чолбон” сурунаал саха литэрэ-тиирэтин чулуу айымньыларын Арассыһа таһымыгар таһаарар бэли-итикэтин олоххо киллэрситэ. “Норуоттар доҕордоһуулар – литера-туралар доҕордоһуулар” диэн рубриканы тиһигин быспакка үлэлэтэн ааҕааччыга литэрэтиирэли Арассыһа ситиһиилэрин биллэрбитэ-көрдөрбүтэ.

Жанр уус-уран айымньы эстетикатын туоһута буолар. Жанрга аан дойду өрүттэрин көрүүлэрэ уонна өйдөрө-санаалара үйэ тухары мун-һуулар¹.

“Чолбон” литэрэтиирэли сурунаал жанрын эгэлгэтэ баайынан ааҕааччыны сөхтөрөр, умсугутар, үөрдэр. 1926-2016 сс. уопсайа 1385 тылбаас айымньы бэчээттэммит. 8 остуоруйа тылбааһа бэчээттэммит. Ол курдук, Андрей Пассар “Нанай остуоруйалар” (тылбаасчыт М. Не-устроева), С. Михалков “Остуоруйалар” (тылбаасчыт Макаар Хара), Леся Украинка “Буулаҕа бухатыр туһунан” (тылбаасчыт Макаар Хара), Дже-мил Кикбаев “Эһэ кутуруга тоҕо суоҕуй” (тылбаасчыт И. Слепцов), Александр Михалков “Үсүдүр” (тылбаасчыт С. Руфов), Тимаша Киш-лакка (Узбекистан) “В.И. Ленин туһунан остуоруйалар” (тылбаасчыт М. Захаров), М. Горький “Табаарыс! (бэлиитикэли остуоруйа)” (тыл-баасчыт Д. Васильев), А.С. Пушкин “Балыксыт уонна балык туһунан олонхо” (тылбаасчыт Чиряев). Кыра эрдэхтэн бары остуоруйа апта-ах алыбын инэрэн кэлбиппит. Остуоруйа фантастикалы хабааннаах, кыра оҕо ананар буолан, тулалыыр эйгэ барыта киһилии кэпсэтэр, хамсанар, имнэнэр буолар. Араас норуот остуоруйаларын кытта билсэ-бит. Сүрүннээн тылбаасчыттар дьүөрэ солбугу туһаналлар эбит. Тоҕо диэтэр, оннук тылбаас айымньыны уустаан-ураннаан биэрэр. Саха но-руотун ааҕааччыта тутта өйдүүрүн курдук гына тылбаасчыт өбүгэлэр үгэстэрин киллэрэр. Кыра сылдьан бары аахпыт остуоруйабытын “Ба-лыксыт уонна балык туһунан олонхо” быһа тардытын тылбааһын кыт-та билсиэхпит.

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – Москва, 1986.

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.

Көбүөхтүүр долгуннаах
Күөх муора кытылыгар,
Бур-бур буруолуур
Буор балаҕанна,
Офонньордоох эмээхсин
Отут ордуга үс сыл
Олорбуттара үһү.

Көрөрбүт курдук, строфалар кээмэйдэрэ атын. Оригинал 4 устуруокалаах, тылбаас 7. Тылбаасчыт эбии ньыматын туһаммыт. Муора уобараһын олонхо тэтиминии ойуулаабыт. Ааҕааччы айымньыны тута өйдүүрүн, дорҕоонноохтук, уус-ураннык ааҕылларын ситиһээри аллитерацияны туһаммыт. Остуоруйа халыыбын тутуһан “бур-бур” диэн ханыыласпыт тылы киллэрбит. «Ветхая землянка» – «буор балаҕан» дьүөрэ тылбаас буолар.

Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод –
Пришел невод с одною тинной.
Он в другой раз закинул невод –
Пришел невод с травой морскою.

Муораҕа киирэн, офонньор
Мунхатынан бултуура;
Эмээхсин танас хатан
Эрэйин боруостуура.
Муораҕа киирэн биирдэ
Мунхалаан холбуйбута,
Уу сэбэрэтэ кэлэн биердэ
Офонньор хомойбута.
Онуоха туран, офонньор
Иккиһин тардыбыта.
Маныха, эмиэ, арай
Муора ото тахсыбыта.

Тылбаасчыт эбии ньыматын туһаммытын уһун кээмэйдээх строфа туоһулуур. Оригинал 6 устуруокалаах, тылбаас 12. Ааптар биир устуруокатын тылбаасчыт икки устуруоканан солбуйар. Офонньордоох эмээхсин күннээҕи түбүктэрин эбэн суруйар. Бу ньымаҕа ааҕааччы буола турар быһыыны хараҕар ойуулуур. Тэннээх тылбаас: невод – мунха, трава морская – муора ото. Дьүөрэ тылбаас: закинул невод – мунхалаан холбуйбута, пряла пряжу – танас хатар, тина – уу сэбэрэтэ.

В третий раз закинул невод –
Пришел невод с одною рыбкой,

Үсүһүн мунхатыгар
Биир балык тийэн кэлбитэ,

С не простою рыбкой – золотою.	Көннөрү балык буолбатах.
Как взломится золотая рыбка!	Кыһыл көмүс балык этэ,
Голосом молвит человечьим:	Күөрэйэн тахсаат,
“Отпусти ты, старче, меня в море!	Көмүс балык
Дорогой за себя дам откуп:	Киһилии тыл эппитэ:
Откуплюсь чем только пожелаешь”.	“Ыт, миигин кырдыаҕас,
	Ыт миигин муораҕа,
	Баҕарбыккын манньалыам,
	Көрдөөбүккүн баар гыныам”.

Оригинал 8, тылбаас 11 устуруокалаах. Бастакы устуруокаҕа тылбаасчыт тылы көбүрээтии ньыматын туһаммыт. Строфаны байытар, олонхо киэбигэр киллэрэр туһуттан тылбаасчыт рифманы сатабыллаахтык туһанар. Биир балык тийэн кэлбитэ, кыһыл көмүс балык этэ, киһилии тыл эппитэ, баҕарбыккын манньалыам, көрдөөбүккүн баар гыныам. Мунхаҕа иннибит көмүс балык аймалҕаннаах кэлиитин ааптар күүһүрдүү бэлиэнэн көрдөрбүт, тылбаасчыт рифманы тутуһаары күүһүрдүү бэлиэни сүтэрбит. Анафораны туһаммыта айымньыны олус байытар. **Ыт** миигин кырдыаҕас, **ыт** миигин муораҕа.

Удивился старик, испугался:	Оҕонньор эрэйдээх
Он рыбачил тридцать лет и три года	Улаханнык соһуйда,
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.	Отут ордуга үс сылы быһа
Отпустил он рыбку золотую	Ууга түһэн хаала сыһа,
И сказал ей ласковое слово:	Муоратыгар күн аайы
“Бог с тобою, золотая рыбка!	Мунхатынан бултуура да,
Твоего мне откупа не надо;	Саллар сааһын тухары
Ступай себе в синее море,	Санарар балык баар диэн
Гуляй там себе на просторе”.	Санаатыгар да суоҕа;
	Игэйэр иэччэхтээх,
	Икки атахтаах
	Истибэтэх суола.
	Күөх муораҕа төттөрү
	Көмүс балыгы оҕонньор,
	Аламаҕай соҕустук
	Алҕаан атаарбыт:
	“Көмүс балыгыам,

Танара көмөтүнэн,
Күөх далай устун
Күүлэйдээ көнүлгүнэн;
Төлөбүр эрэйбэппин,
Төннөөхтөө муорабар”.

Оригинал 9, тылбаас 22 устуруокалаах. Офонньор соһуйбутун, уолуйбутун тириэрдэр сыалтан тылбаасчыт офонньор көлөһүннээх үлэтин ойуулуур. Олонхоҕо туттуллар икки атахтаах диэн сомоҕо домоҕу килэрбит. Тылбаасчыт сахалар үгэстэрин көрдөрөргө дьулуһар. Ол курдук, оригиналга көннөрү “ласковое слово” диэн тыл ситимин тылбаасчыт “аламаҕай соҕустук алҕаан атаарбыт” диэн сахалыы тыыннаабыт. Офонньор аһыныгас майгытын ааҕааччыга толору тириэрдит.

Онон, бу остуоруйа чаҕылхайдык тылбаастаммыт дии саныбын. Остуоруйа, бастатан туран, кыра оҕоҕо ананар. Тылбаасчыт ону учуоттаан туран оҕо-аймах ыарыҕаппакка ааҕарын курдук тылбаастаабыт. Оҕо тылын-өһүн байытар сыалтан остуоруйаны олонхолуу халыптаабыт.

Литэрэтиирэ

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва, 1986.
2. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение : учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – Москва : ЭТС. – 2004. – 424 с.

* * *

**ПРИРОДНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ПОВЕСТИ ГАЛИНЫ КЭПТУКЭ
«ИМЕЮЩАЯ СВОЕ ИМЯ, ДЖЕЛТУЛА-РЕКА»**

**NATURAL CONCEPTS IN THE G. KEPTUKE NOVEL
“GELTULA-RIVER WITH A NAME OF IT IS OWN”**

Габышева Туйара Тимофеевна,
магистрант 2 курса филологического
факультета Северо-Восточного
федерального университета
им. М.К. Аммосова

Gabysheva Tuyara Timofeevna,
Student of the Ammosov North-Eastern
Federal University

Аннотация. В данной статье рассматриваются природные концепты «река» и «тайга» на материале повести «Имеющая свое имя, Джелтула-река» эвенкийской писательницы Галины Кэптукэ. В статье выявлена семантика концептов и обосновывается гипотеза, что смыслообраз «река» и «тайга» коррелирует с концептом «дом», который является архетипическим в культурах большинства народов.

Ключевые слова: Галина Кэптукэ, эвенки, эвенкийская литература, повесть, концепт, природа, река, тайга

Abstract. In this article, natural concepts “river” and “taiga” are scrutinized on the material of the novel “Geltula-river with a Name of it is Own” by the Evenki writer Galina Kaptuke. Authors identify the presence of these concepts in the novel and substantiate the idea that both concepts is analogous to the concept “house”, widespread in many cultures.

Keywords: Galina Keptuke, Evenki, Evenk literature, novel, concept, nature, river, taiga

Понятие «концепт» в лингвистике является одновременно и старым, и новым термином. Введенный в оборот еще в начале XX-го века, данный термин обрел популярность и стал предметом научных изысканий намного позже. Несмотря на то, концепты в разных аспектах науки активно изучаются, ученые до сих пор не пришли к единому мнению о

значении данного термина. Но есть одно общее, что выделяется всеми исследователями – это то, что только при вмешательстве национального компонента – этноязыкового мышления объекты становятся концептом.

Д.С. Лихачев в своей статье «Концептосфера русского языка», исходя из исследований С.А. Аскольдова-Алексеева, который ввел данный термин в литературный оборот, и трудов Ю.С. Степанова, определившего слово «концепт» в своем «Словаре русской культуры», формирует теорию применения концепта, развивая уже имеющиеся материалы. Главное отличие его трудов, это то, что он предлагает применять концепт во всех словарных словах, которые, так или иначе, имеют несколько значений, одно из которых может замещаться концептом [3, с. 31]. Также Д.С. Лихачев подчеркивает, что значения концептов существуют в некоей человеческой «кидосфере» и различаются от знаний, культурного опыта и национального менталитета того или иного человека. Потенции, открывающиеся от этих знаний отдельного человека, определяют термином «концептосфера», вводимого самим Д.С. Лихачевым, часто применяемого по отношению к национальной культуре и выявлении национальных концептов.

В.А. Маслова в своей работе «Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой», опираясь на труды З.И. Кирнозе выделяет структуру концепта: ядро (когнитивно-пропозициональная структура важного концепта), приядерная зона (иные лексические репрезентации важного концепта, его синонимы и т.д.) и периферия (ассоциативно-образные репрезентации). Притом ядро и приядерная зона – универсальные и общенациональные знания, а периферия – индивидуальные. Исходя из данной теории, В.А. Маслова формирует пошаговую инструкцию в выделении концептов художественного текста, важным аспектом которого является установление места концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации [4, с. 30].

Исходя из приведенных исследований, можно привести одно рабочее определение, которое мы будем подразумевать при использовании данного термина: «концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Но в то же время это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности» [4, с. 28].

Точное количество национальных концептов в культуре нельзя установить. Если при ранних исследованиях приводились кое-какие цифры или же разветвление на первичные и индивидуальные концепты, а некоторые исследователи утверждали существование лишь нескольких общепринятых концептов, то в данное время количество установленных концептов превышает несколько сот, а, может, и тысяч. Как утверждает Д.С. Лихачев, многие концепты повторяются во многих культурах, но, также в зависимости от сиюминутного опыта, национальных и индивидуальных знаний, их значение может заметно отличаться. Он также подчеркивает важность выделения концептов и концептосферы, аргументируя тем, что они являются системным каталогом («*catalogue raisonné*») всего умственного богатства нации [3, с. 37].

Галина Ивановна Варламова-Кэптукэ является исследователем эвенкийского фольклора и известным писателем. В ее прозе утверждаются непреходящие человеческие ценности, победа добра над злом, неразрывная связь человека и природы. Именно проблема «человек и природа» является наиболее актуальной и присутствует во многих ее произведениях. В повести «Имеющая свое имя, Джелтула-река» эта проблема раскрывается «многопланово и своеобразно» [6, с. 238].

Как отмечает Ю.Г. Хазанкович, в произведении присутствуют национальные фольклорные жанры «одё» и «иты» – заповеди, которые формировали отношение эвенка к природе, к животным и птицам, к человеку (родным и чужим)... Эти запреты передавались от поколения к поколению, сохранились до наших дней и вобрала в себя всю народную мудрость и национальное мировоззрение эвенков [6, с. 240]. В повести они являются сюжетообразующим мотивом. Также исследователем Ивановой Э.В. отмечается использование в произведении обрядовых жанров «алга», «хира» (благопожелания) и «дяричин» (шаманское предназначение), с целью подчеркивания тесной связи с Природой-матушкой [1]. Таким образом, авторами доказывается наличие фольклоризма в повести «Имеющая свое имя, Джелтула-река». Фольклоризм повести выводит произведение на новый уровень, в котором размываются границы реального и ирреального (мифологического). То, что происходит в воображении героев и имеет сакральный смысл показывается как действительность (будь то камлание шамана Чэриктэ, сон Гунилгэн,

который она видит в беспамятстве, когда заболевает и т.д.). Как и пространственно-временной континуум, который изменяется с введением фольклорных жанров в произведение, меняется и отношение к природе как рассказчиком, так и самим читателем. Природа здесь одушевляется, носит сакральный характер.

Ю.Г. Хазанкович отмечает, что образ природы в повести «очеловечен», как и во всем фольклоре эвенков, и имеет непосредственную связь с главной героиней, является прямым отражением душевных переживаний главной героини – девочки Гунилгэн. Особое отношение к природе, как к живому (богам, духам) показано через те же заповеди-запреты и уважительное обращение [5, с. 239]. Исходя из данного утверждения и вышеизложенного рассуждения Д.С. Лихачева об обязательной национальной составляющей в выделении концептосферы, в повести «Имеющая свое имя, Желтула-река» можно выделить два более устойчивых природных концепта – «река» и «тайга».

Концепт «река», да и образ реки в целом, является главным, а в некоторых местах сюжетообразующим началом. Река упомянута и в названии повести. Это связано с обрядовым жанром «алга» – благопожеланием, которое является общепринятой уважительной формой обращения к божествам-духам. Данное формульное обращение часто встречается в произведении. Наиболее ярким примером служит алга-обращение матери Гунилгэн, когда она просит у реки удачной переправы для семьи и каравана оленей: «Великая река! Имеющая священную силу-мусун, река! / Большая река! Имеющая свое имя, Желтула-река! / Благополучно переправь, / На свою противоположную сторону перебрось» [2, с. 104]. Когда нога оленя, ведущего караван наступает в воду она повторяет свою просьбу и после переправы она в такой же уважительной форме благодарит реку.

А.В. Ващенко в статье «Имеющая свое имя Кэптукэ-река, или маленькая Америка в беспредельной России» образ реки приравнивает к понятиями «человеческая жизнь», «родина» [6, с. 227]. В реке как концепте художественного текста, также можно выделить данные свойства. Концепт «река – человеческая жизнь» проходит красной нитью через всю повесть. Галина Кэптукэ, как автор произведения и как та самая девочка-рассказчица – Гунилгэн (исследователями А.В. Ващенко и

Ю.Г. Хазанкович подчеркивается автобиографизм повести), порой неявно, проводит параллель между жизнями героев повести и течением реки – то спокойным, то бурным. Родители главной героини, дедушка Пэскэнэ, шаман Чэриктэ, шаман Содорчан, тетка Маре, Мая-Гивчэн, Васетка и судьбы других героев показаны в нелегкие для них и страны времена. Гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война, социальное неравенство и бытовые проблемы, борьба добра и зла, народа и власти, всякие испытания выпадают на долю героям повести и каждый справляется с ним по-разному. Да и река не остается без изменений, она то наполняется водами, то убывает, становится объектом золотодобычи. Как и на судьбы людей, на судьбу самой реки-Джелтулы влияет смена власти и установление новых жизненных ориентиров. Нюкогда спокойное течение мутнеет от работы домика-драги, которая без остановки копает ее дно в поисках золота. Как и люди, она переживает не самые лучшие времена, но ее течение, как и дух реки остается сильным, способным защитить своих детей.

Концепт «река – родина» также является одним из главных выделяемых нами концептов в повествовании. Общепринятый концепт «родина» в повести находит отражение именно в реке. Другие обозначения локальностей таких, как названия поселков, городов, Эвенкии или же самой России редко приводятся. Наиболее часто встречаемая нами локальность – река Джелтула. Рассказчики определяют свое местоположение как «на берегу реки Джелтулы» или «проходя мимо реки». Джелтула, обильная своими рыбами, спасает героев от сильного голода. Рядом с рекой Силе находит заветные колокольца, которые стали предзнаменованием грядущих перемен и началом обряда инициации, после которого отец Гунилгэн стал бы большим шаманом. Таким образом, концепт «родина» находит отражение в концепте «река».

Концепт река не всегда имеет лишь положительные черты. В главке «Тетка Маре и то, что я узнала с ее приездом» река предстает как неподвластная стихия, которая может унести жизнь (ребенка Маре). Но эта река не Джелтула, а Алдан. Данное значение можно связать с проблемой «свой – чужой» в художественных произведениях. Река Алдан уносит жизнь невинного ребенка и таким образом ломает сразу несколько судеб. Также можно вспомнить рассказ Май-Гивчэн в главке «Мая-Ко-

суля», которая в слезах признается Кэтэри в попытке покончить собой в реке Гилюя. Река-Джелтула, наоборот, предстает как родина, мать-кормилица и ни одно слово, брошенное в ее адрес, не имеет отрицательного подтекста. Можно привести слова Гунилгэн, объясняющую этот факт тем, что только у себя на родине, в своих краях, с протоптанными их оленями тропинками можно чувствовать себя в безопасности. Чужой же мир таит в себе множество опасностей.

Концепт «тайга» в данной повести имеет значение близкое к общепринятому концепту «дом». Примечательно, что сам концепт «дом» не имеет распространенного развития в повести. Дома, как такового, у семьи Гунилгэн нет, так как они кочующая семья оленеводов. Деревянное сооружение – дом, который стоит в поселке большую половину года с забитыми досками окнами, судя по рассказу девочки, особого тепла и чувства радости или успокоения не вызывает. Да и в рассказах о кочевье собирание дома-утэна на стоянке называется разложением табора. Получается, что общепринятого концепта дом, который в большинстве своем имеет символическое значение, как место, где человек может укрыться от окружающего хаоса, тут нет. На смену ему приходит концепт «тайга», который для главных героев выполняют ту же защитную функцию. Упоминание о тайге в повести встречается довольно часто. Например, в главке «Смутное время» (дедушкин рассказ)», в которой рассказ ведется от лица дедушки Гунилгэн – Лазарева Андрея Яковлевича, приводятся слова «первое правило в тайге: обогрей продрогшего, накорми голодного, дай отдых уставшему, укажи путь потерявшему тропу» [2, с. 27]. Данное правило перекликается с пословицами и поговорками многих народов о гостеприимстве. В той же главе дедушка рассказывает, что с пришедшими смутными временами, решил он пойти домой – подальше в тайгу, где только и чувствовал безопасность в нелегкие времена. Такого же мнения и отец Гунилгэн, который в молодости с первой женой и детьми пришли работать в колхоз (главка «В гостях у колхозников»), но из-за разногласий с руководством, которые чуть не привели к гибели их сына, после того, как попытались опорочить их доброе имя, отец Гунилгэн решает выйти из колхоза и уходит с семьей в тайгу кочевать, взяв с собой всего лишь троих оленей. Позже на вопросы детей и знакомых о том, почему бы ему не вернуться в поселок, ведь дети выросли и

должны ходить в школу, тем более они очень смысленные с хорошими перспективами на будущее, отвечает, что оленеводу место в тайге. Тайга здесь также переключается с концептом «дом».

Таким образом, анализ повести «Имеющая свое имя, Джелтула-река» Галины Кэптукэ показал наличие двух наиболее часто употребляемых природных концептов – «река» и «тайга». Оба концепта имеют относительно близкие значения родины и дома, т.е. в пределах художественного текста являются сакральным местом. Концепт «река» также можно рассматривать в значении «человеческая жизнь».

Литература

1. Иванова, Э.В. Фольклорные истоки в творчестве эвенкийской писательницы Г. Кэптукэ / Э.В. Иванова // [электронный ресурс]. – режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13050431>
2. Кэптукэ, Г. Имеющая свое имя Джелтула-река: повесть / Г. Кэптукэ. – Якутск : Бичик, 2009. – 256 с.
3. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. – Москва : Academia, 1997. – С. 29-37.
4. Маслова, В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой : учебное пособие. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 256 с.
5. Хазанкович, Ю.Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера : монография / Ю.Г. Хазанкович; отв. ред. Ч.Г. Гусейнов; М-во образования и науки РФ, Федер. Агенство по образованию, Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. – 131 с.
6. Эвенкийская литература : сборник / Сост. Вячеслав Огрызко. – Москва : Литературная Россия, 2006. – 320 с.

* * *

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЙ ОХОТНИЧЬИХ ТРАДИЦИЙ В ПОВЕСТИ А. КРИВОШАПКИНА «ОХОТНИК ТОРМИТА»

Софронеев Прокопий Леонидович,

Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
Институт языков и культуры народов
Северо-Востока РФ

Аннотация. В статье рассматривается повесть народного писателя Якутии Андрея Васильевича Кривошапкина «Охотник Тормита». В частности, включенные в произведение обычаи эвенских охотников.

Ключевые слова: охотник, Тормита, обычаи, Кривошапкин, эвены.

Abstract. In the article the story of the People's writer of Yakutia Andrei Vasilievich Krivoshapkin "Tormita Hunter" is considered. In particular, the customs of the Evenh hunters included in the work.

Keywords: hunter, Tormita, customs, Krivoshapkin, evens.

В повести Андрея Васильевича Кривошапкина «Охотник Тормита» раскрывается жизнь эвенских охотников в лице Тормиты. Автор описывает его как человека пришлого, не совсем похожего на коренного эвена, но в то же время человека сильного, выносливого, который мог объездить любого свирепого оленя, управлявшего лучше всех оленьей упряжкой. А по-эвенски говорил на удивление отменно, свободно и образно. С первых страниц повести на глаза бросается словосочетание «истинный эвен». Так, каким должен быть истинный эвен? Отвечая на этот вопрос, автор пишет, что истинным эвеном может называться тот эвен, который чтит и придерживается традиций и обычаев своего народа. Каких именно обычаев должен придерживаться истинный эвен охотник, мы далее рассмотрим в статье.

Тормита был сильным и выносливым человеком, во всем полагался на свои силы. Но порой, излишняя самоуверенность пугала его близких: «За ним наблюдалась одна привычка – к месту и не к месту он говорил

о медведях неучтиво. Сородичи пытались приструнивать его, говорили, мол, когда-нибудь медведь отомстит тебе. Тормита в ответ лишь отмахивался и смеялся» [1]. В этом отрывке мы видим обычай поклонения медведю, такое отношение к медведю наблюдается у многих народов населяющих нашу землю. «Старики говорят, что медведь знает, кто о нем дерзко болтает и при случае мстит за это». С древних времен люди думали, что медведь понимает человеческую речь, что он очень умен и мстителен. Без особых причин на него не охотились. Причиной могло стать нападение медведя на людей или на домашний скот. А тех, кто охотился за ним ради забавы в конце концов, по рассказам стариков, настигала кара.

«В зависимости оттого, насколько быстро зверьки съедают падаль, он на новом месте заваливает другого сохатого или сожжоя. И вновь оставляет его полакомиться соболям. А зимой ставит на них капканы. Всех старается не брать. Оставляет какое-то поголовье, чтобы потомство не иссякло. Для своей же пользы» [1] – для кого-то покажется, что это не совсем обычай, но если посмотреть на нынешних охотников, то они берут всё, что есть. А на самом деле лесной закон гласит: «Бери только необходимое, не жадничай». Сохранение поголовья дичи на своей территории – долг любого разумного, уважающего себя охотника.

«В каждой палатке есть чайник или котелок, кружка, ложка, немного чая, муки и сахара. Заранее готовил и дрова» [1], – это делается для того, чтобы не попасть в трудную ситуацию. При непредвиденных обстоятельствах охотник может задержаться в тайге, и огромное счастье, если он найдет убежище для ночлега, а если там ещё и есть всё необходимое, то можно сказать, что ему очень повезло. А если какой-нибудь другой охотник, заблудившись находил и ночевал в таких палатках, то он должен был утром собрать дров, убрать за собой, и в придачу оставить кое-какие продукты. Это можно сказать даже не обычай, а неписанный закон тайги.

«<...> он считает своим долгом щедро угостить духа озера. На берегу разводит большой костер и громко поет о красоте и щедрости озера. Затем кормит духа озера кусочками мяса, жира, лепешкой, испеченной на молоке. Спиртное никогда не подносит, считая его дурным питьем иноземных людей» [1] – в этом отрывке мы видим обычай почитания

духов местностей у эвенов. Эвены, как и все народы с языческими вероисповеданиями верят в духов, и стараются никогда их не огорчать, относятся к ним с уважением, угощают самыми вкусными и ценными продуктами. А духи, в свою очередь, отвечают на щедрость щедростью.

Подстрелив уямкана, которого загнала чужая собака, Тормита разделал тушу, подготовил мясо для транспортировки, укрыл так, чтобы дикие звери, вороны, как можно дольше не смогли найти его, а над добычей поставил пугало. «Мне чужого не нужно. Я не капиталист» [1], – это слова настоящего охотника, который чтит законы природы. Взяв «за услугу» кусок мяса, он пошел к себе в палатку, надеясь, что хозяин собаки найдет добычу по следам своей собаки.

В главе «Возвращение Тормиты» мы видим ещё один обычай. Это делиться своей добычей со всеми, не продавать, а именно делиться, безвозмездно отдавать. «Днем над всеми домами из труб валил густой дым. Все варили мясо» [1]. Чем больше делишься, тем больше получаешь. Духи любят щедрых людей. Они видят, что человек не только ради себя старается, а для своего народа.

«Следы есть, правда, старые. Зато других следов не заметил, – сообщил Тормита, вернувшись к вечеру. Под другими следами он имел в виду волчи, но, следуя обычаю эвенов, не назвал в слух волка. Так принято издревле» [1], – находясь в тайге не называют по имени таких грозных зверей, так же в этой повести медведя называют «абага» или «кяга». По поверьям, называя зверя по имени, человек тем самым зовёт его.

«Дело не в моей доброте, Кями. Я просто следую заветам наших старших сородичей. Один из них гласит, чтобы лучшее, что у тебя есть, дарить гостям или спутнику, с которым вместе кочуешь или охотишься. Сегодня я вернулся с охоты с добычей и это мой нимат тебе» [1], – у охотников принято делиться с гостями лучшим, что есть. Объясняя это тем, что им (гостям) нужнее, а они как хозяева, могут добыть ещё. И к тому же, гость есть – гость, как же его отпустить без подарка.

«Тормита строго-настрого запретил стрелять в орла. Это редкая птица, связанная с духом гор» [1], – нельзя убивать орлов. Орел символ власти для многих народов. Некоторые думают, что духи-покровители местностей могут перевоплотиться в орла, а убив его ты раззлишь духов, тем самым навлечешь на себя беду.

«Была у Тормиты одна слабость. Несмотря на свой природный талант охотника, он ни разу в своей жизни не брал гусей на ружейный прицел. По его мнению, это большой грех. Гуси как эвены. Подобно эвенам, они без конца кочуют. Весной, преодолевая большие расстояния и трудности, возвращаются на места своей летовки, точно так же, как эвены торопятся к местам долгожданных летних кочевков.

Тормита ещё в далёком детстве услышал от матери предание о том, как гуси спасли эвенов от голода и полного вымирания» [1], – такое отношение к крупным водоплавающим птицам свойственно кочевым северным народам. Железные фигурки гусей, лебедей можно встретить на одеждах тунгусских шаманов, а это доказательство того, что кочевые народы севера издревле поклонялись этим птицам.

«Неверны байки о том, что медведь при встрече с человеком нападет непременно. Не всегда так случается. Чаще всего медведь уступает дорогу первым и сам уходит. Тут охотник должен проявить свое миролюбие и не стрелять в спину» [1], – верно, здоровый медведь сам не нападет на людей, он избегает встреч с человеком. А еще говорят, что увидеть медведя можно только тогда, когда он сам этого захочет. Зверь умный и в то же время злопамятный, его лучше не трогать, пока он не тронул вас.

Итак, прочитав повесть Андрея Васильевича Кривошапкина «Охотник Тормита», мы познакомились с жизнью эвенских охотников. Более подробно автор описывает их ремесло, быт, культуру, обычаи. На счет культуры, можно отметить то, что в этой повести встречаются схожие, с нашими якутскими, элементы культуры. Например, имя духа охоты «Байанай», имена клички собак «Мойто», «Кэрэмэс», и т.д. Это можно объяснить тем, что наши народы издревле жили бок о бок друг с другом, делили одну территорию, вместе противостояли тяжелым, порой и жестоким испытаниям природы.

Чтить и придерживаться обычаев и традиций своего народа – долг каждого человека, вне зависимости от нации, будь он эвеном, эвенком, якутом или представителем какой-либо другой нации. Человек и природа – две части мира. Человека создала природа, а человек в свою очередь должен заботиться о ней, как заботится о родителях любой разумный человек. Но, к сожалению, в наше время человек начал отворачиваться от природы, разрушая ее. Эту проблему затрагивает и сам автор. Безнрав-

ственное отношение к природе. Но в чем заключается нравственность? Она заключается в уважительном отношении к природе, почитании её, в любви к своим землям, животным, к родным, в заботе о них. Если вам попадет шанс посетить какую-нибудь затерянную в тайге деревушку, приглядитесь, люди здесь очень спокойные, доброжелательные. Это на них так влияет природа, её эстетическое свойство успокаивать и прививать любовь ко всему окружающему. Люди должны понять, что дальнейшее существование в этом мире будет зависеть именно от состояния окружающей среды. Ведь пока мы храним природу – природа хранит нас.

Литература

1. Избранные произведения / Андрей Кривошапкин. – Якутск : Бичик, 2015.

* * *

УДК 821.554.09

С. КУРИЛОВ УОННА Г. ДЬЯЧКОВ АЙЫМНЬЫЛАРЫГАР ТӨРӨӨБҮТ ДОЙДУГА ТАПТАЛ

FEELINGS OF GREAT LOVE AND DEVOTION IN HIS NATIVE LAND IN THE WORKS OF SEMYON KURILOV AND GENNADY DYACHKOV

Кондратьева Сардана Афанасьевна,

Б-ПО-СА-15 ИЯКН СВ РФ

Научная сал.: *Архипова Елена Афанасьевна.*, к.филол.н, доцент

Аннотация. В данной статье мы рассмотрели и проанализировали произведения юкагирских писателей Семена Курилова и Геннадия Дьячкова. Были рассмотрены произведения «Туундараҕа көрсүөхпүт», «Үрүйэ», «Ярхадана туһунан номох», «Лихманы эмтээһин», «Ханидо уонна Халерха», «Чаундаур», «Дьүкээбил уота», «Соботох хаалбыт кыталык»,

«Казбек», «Розовая чайка», «Влһыхах». Пришли к выводу, что проблема патриотизма и тема родного края, родного языка, родной культуры в их произведениях ставятся остро. Прочитав и проанализовав произведения юкагирских писателей, мы еще лучше узнали их культуру, менталитет и традиции.

Ключевые слова: юкагиры, любовь к родине, Геннадий Алексеевич Дьячков, родной язык, Семен Николаевич Курилов, север, юкагирская литература.

Abstract. In this article we reviewed and analyzed the workings of the Yukaghir writers Semen Kurilov and Gennadiy Dyachkov. Were considered such works: «Meet in the tundra», «The creek», «Tale of Yarkhadana», «The treatment of Lihma», «Khanido and Khalerkha», «Chaundaur», «Ysyakh», «Kazbek», «The pink Gull», «Northern Lights». They came to the conclusion that the problem of patriotism and the theme of the native land, the native language, the native culture in their works is acute. After reading and analyzing the works of Yukagir writers, we learned their culture, mentality and traditions even better.

Keywords: yukaghirs, love to motherland, Gennadiy Alekseevich Dyachkov, native language, Semen Nickolaevich Kurilov, the north, yukaghir literature.

Хас биирдии киһи төрөөбүт дойдулаах буолар. Хас биирдии суруйааччы, омугуттан тутулуга суох, төрөөбүт дойдутун хоһоонно хохуйар, сэхэннэ сэхэргиир, кэпсээннэ кэпсиир. Киһи ханнык сиргэ-уокка төрөөбүтүтэн олобун суола эмиэ тутулуктаах. Ол курдук юкагир суруйааччылар Семен Курилов уонна Геннадий Дьячков төрөөбүт дойдularыгар уостубат тапталларын, күүстээх ахтылҕаннарын айымньыларыгар сиһилии суруйбуттара.

Семен Николаевич Курилов – юкагир суруйааччыта, романист, публицист, уруһуйдьут, юкагир норуотун туһунан урут биллибэтэх сонуну, хатыламматы, уһулччу уус-ураннык сырдатааччы. 1935 сыл балаһан ыйын 9 күнүгэр төрөөбүтэ. Төрөөбүт төрүт сирэ-уота – Аллараа Халыма улуунун Өлүөрэ нэһилиэгэ. Юкагир омугун аан дойдуга биллэрбит дьонунан ини-бии Куриловтар буолаллар. Төрөппүттэрэ табаһыт идэлээх Николай Николаевич уонна Анна Васильевна Куриловтар –

норуот фольклорун үчүгэйдик билэр дьон буолан уолаттарын юкагир култууратын чинник уонна киэнник билэр гына иитэн таһаарбыттар. Семен бырааттара Гаврил (Улуро Адо) уонна Николай Куриловтар. Гаврил – лингвист учуонай, суруйааччы, юкагир бастакы букубаарын ааптара. Николай Курилов юкагир омугуттан бастакы идэтийбит худуоһунньук, ону таһынан поэт, прозаик, драматург, суруналыыс, «Геван» радиостанция үлэһитэ. Семен Курилов төрөөбүт норуотун үөһүгэр эттиин-хаанныын, өйдүүн-санаалыын быстыбат ситимнэнэн сылдыбыта. Кини сур-уйуулара норуот муудараһынан тыыналлар, норуот олоһун көрдөрөллөр. Юкагир норуота үйэлэр тухары сүтүө суохтаах өйдөбүл Семен Курилов кэпсээннэригэр, номохторугар, остуоруйаларыгар дыкти күүстээхтик бэриллэр. Кини киэн фантазиялаах, ойуулуур кыабын таһыма норуот муударай өйүн далааһынынан кэмнэнэллэр, олох өлбөт өрөгөйүн бигэргэтии тэтиминэн чинииллэр. Кини айымньыларын сүрүн проблемата төрөөбүт дойдуга таптал. Ол «Туундараба көрсүөхпүт», «Үрүйэ» диэн кэпсээннэригэр күүстээхтик көстөр, оттон исторической хабааннаах номохторугар, холобур «Ярхадана туһунан номохтор», «Лихманы эмтээһин», «Чаундаур», юкагир норуотун култуурата, менталитета, үгэстэрэ аабааччыга олус истинник тиэрдиллэр диэн бэлиэтэ-этим. Семен Курилов айылҕаны кэрэтик да хохуйар эбит: «Дьүкээбил уота», «Соботох хаалбыт кыталык» кэпсээннэригэр дойдутун айылҕата кини кутугар чугаһын, салгынныын атынын туһунан кэпсиир.

Семен Курилов юкагир литературатын төрүттээчилэриттэн биирдэстэрэ, омугун киэн далааһынна таһаарбыт кининэн биллэр. Кини айымньыларын Михаил Дьячковскай, Николай Заболоцкай, Дмитрий Васильев сахалыы, онтон Роман Палехов, Александр Гринес, Н. Гессе уонна М. Сучков нууччалыы тылбаастаабыттара. Семен Курилов айымньыларын киһи долгуйбакка эрэ, көннөрү аахпат дии саныбын.

Геннадий Алексеевич Дьячков – поэт, прозаик, драматург. 1946 сыллаахха Үөһэ Халыма оройуонун Нэлэмэн нэһилиэгэр булчут-юкагир дьиэ кэргэнигэр төрөөбүтэ. Аармыйаба сулууспалаан баран үлэлии барбыт, онтон Максим Горькай аатынан литературнай үнүстүүтү бүтэрбит. 80-с сылларга Геннадий Дьячков айымньылаах өрөспүүбүлүкэ сурунаалларыгар күргүөмнээхтик бэчээттэнэн испиттэрэ, кинини эдэр, талааннаах, инникитин да күүскэ үлэлиэх суруйааччы диэн сыаналыыллара. 1984 сыллаахха Геннадий Дьячков «Казбек» диэн маннайгы кинигэтэ

бэчээттэнэн тахсыбыта. Кини «Розовая чайка» диэн пьесата Платон Ойуунускай аатынан драматической тыйаатырга туруоруллан, дьон биһирэбиллин ылбыта. Геннадий Дьячков литература араас жанрдарыгар үлэлээбитэ, бэйэтин холонон көрбүтэ, ол курдук: драматургияҕа, прозаҕа, поэзияҕа. Ааҕааччыларга сүрүннээн драматург уонна прозаик быһыытынан биллэрэ. Кини хоһоонноро күн баччатыгар диэри дьон-сэргэ ааҕарыныы, бэчээттэнэн тахса иликтэр. Суруйааччы архыыбыгар эрэ бааллара сабаҕаланар. Геннадий Дьячков айымньыларыгар сытыы проблемалары күүскэ туруорбут диэн бэлиэтээтим, ол курдук: төрөөбүт төрүт тылы, култуураны харыстааһын тиэмэтэ «Казбек» сэһэннэ, «Розовая чайка» пьесаҕа, «Ыһыах» , «Калмык» кэпсээннэргэ сытыытык турбут. «Норуот инникитэ – ыччатыгар» диэн этиинэн сиэттэрэн сана олох кирбиитин, юкагир эдэр ыччатын туругун «Ыһыах», «Казбек», «Розовая чайка» айымньыларга бэлиэтээбит.

Оттон бу проблемалары барытын кэриэтэ Семен Курилов көтөхпүтэ. Семен Курилов айар үлэтин, кини литературнай үгэстэрин Геннадий Дьячков салҕаабыт эбит диэн түмүккэ кэлиим. Ол кини айымньыларын тематикатыгар, туруоруллубут сытыы проблемаларыгар, тылыгар-өһүгэр, толкуйугар көстөр. Дьячков айымньыларын ааҕан баран кини норуотун инникитин, олоҕун, дьылҕатын туһугар күүстээхтик кыһаллыбытын биллиим, кини билигин мин сөбүлээн ааҕар суруйааччы буолла. Хотугу дьон Геннадий Алексеевич Дьячков курдук дьиннээх патриот буоллахтарына эрэ норуоттарын туруулаһар дьон буолуохтара диэн санааҕа кэлиим.

Семен Курилов «Ярхадана туһунан номохтор» айымньытын уонна Геннадий Дьячков «Розовая чайка» диэн пьесатын сүрүн геройа Ярхадана – кэрэ, сэмэй, килбик, уһуну-киэни толкуйдуур, чугас дьонун-сэргэтин туһугар кыһаллар, күүстээх-хорсун санаалаах, нарын-намчы кыыс. Ааптардар иккиэн даҕаны сүрүн геройдарын ис сүрэхтэриттэн таптаан хохуйалларын ааҕааччы тутатына өйдүүр. Семен Курилов этэринэн Ярхадана диэн аат быһаччы үчүгэй дьүһүннээх кыыс буолан хаалбыт күндээркэй уулаах хайа үрөбү, оттон Геннадий Дьячков этэринэн, Ярхадана диэн аат юкагир тылыттан «ярха» – муус диэн тылтан үөскээбит, аат уопсайынан тымныы диэн тылбаастанар. Бу айымньылар идеялара, ис хоһоонноро олус маарыннаһаллар, биир толкуйга тизрдэллэр дии санаатым.

Биир ураты бэлиэнэн Геннадий Дьячков “Розовая чайка” пьесатыгар уонна Семен Курилов “Ханидо уонна Халерха” романыгар хопто уобараһынан төрөөбүт тылларын ойуулууллара буолар. Хопто – ийэ тыл курдук күндү, кэрэ, Кыһыл кинигэҕэ киирбит дыккти көтөр. Ааптардар ийэ тылбытын хопто көтөр курдук ытыктыахха уонна харыстыахха диэн аабааччыларын ыңыраллар. Геннадий Дьячков «Розовая чайка» диэн айымньыта дьонно-сэргэҕэ тарҕанан, дьон биһирэбилин ылбыта. Бу пьесатынан ааптар төрөөбүт тылы харыстыырга, уһун үйэлииргэ турунар. Төрөөбүт дойдута кэрэтин, айылҕата дыккитин, ийэ тыла баайын туһунан сээрҕиир.

Семен Николаевич Курилов уонна Геннадий Алексеевич Дьячков юкагир литературата сайдарыгар сүдү кылааты киллэрбит улуу суруйааччылар. Кинилэр омуктарын дьылҕатын хайдах баарынан көрдөрбүттэрэ олус суолталаах. Кинилэр үгүс айымньыларыгар төрөөбүт дойдуларыгар тапталга билиниилэрэ олус кэрэ.

Литература

1. Огорокова, В.Б. Юкагирский роман / В.Б. Огорокова. – Якутск : ЧИФ Ситим, 1994. – С.3-102.
- 2) Дьячков, Г.А. Полет розовой чайки / Г.А. Дьячков. – Якутск : Бичик, 2003. – 112 с.
- 3) Курилов, С.Н. Ярахдана туһунан номох : кэпсээннэр, номохтор / С.Н. Курилов. – Дьокуускай : Бичик, 2005. – 64 с.
- 4) Огрызко, В.В. Юкагирская литература : сборник / В.В. Огрызко. – Москва : Литературная Россия, 2006. – С. 300-340.
- 5) Дьячков, Г.А. Сноп золотых искр : рассказы, повесть / Г.А. Дьячков. – Якутск : Бичик, 2010. – 112 с.

* * *

Научное издание

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВ, ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Редакторы: *К.А. Семенова, О.К. Соловьева*
Компьютерная верстка *М.А. Трифонов*
Оформление обложки *П.И. Антипин*

Дата подписания к использованию 26.12.18. Электронное издание.

Объем 2,5 Мб. Тираж 10 дисков. Заказ № 224.

Минимальные системные требования:

процессор с тактовой частотой 1,3 Гц и выше, оперативная память 128 Мб,
операционные системы: Microsoft Windows XP/Vista/7/8/10,
ОС MAC OS версии 10,8.

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета,
677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5. E-mail: izdat-svfu@mail.ru

Изготовлено в Издательском доме СВФУ